

ВАЛЕНТИН КАТАСОНОВ

ПРАВОСЛАВНОЕ
ПОНИМАНИЕ
ЭКОНОМИКИ

ВАЛЕНТИН КАТАСОНОВ

**ПРАВОСЛАВНОЕ
ПОНИМАНИЕ
ЭКОНОМИКИ**

МОСКВА
Русская цивилизация
2017

УДК: 338.124.4:336.74(082)
ББК: 65.262 + 60.561.26
К 29

Серия «Метафизика истории»

Катасонов В. Ю.

К 29 **Православное понимание экономики / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Русская цивилизация, 2017. — 608 с.**

Книга представляет собой сборник работ профессора, руководителя Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова Валентина Катасонова, написанных им в разные годы. Автор делает попытку отойти от привычных стереотипов объяснения и описания экономики (строящихся на догматах материализма и рационализма, таких их разновидностей, как марксизм и либерализм). На протяжении многих лет автор осмысливал экономику как важнейшую часть жизни человека и общества с позиций христианского (православного) мировоззрения. Результаты этого осмысления и представлены в данной книге.

Перед нами предстает совершенно иной образ экономики – не только и не столько как сферы материальной жизни, сколько как сферы жизни духовной и даже религиозной. В книге собраны работы самых разных жанров: толкования библейских сюжетов, очерки русской экономической мысли дореволюционного времени, публицистические размышления об экономике России и мира нашего времени, комментарии на документы, богословские и философские эссе о духовной природе экономики. Главный принцип автора – «не изобретать велосипед», а максимально точно, в доступной форме донести до читателя мысли святых отцов, русских мыслителей, ответственных дореволюционных предпринимателей по вопросам экономики. Вместе с тем, автор не ограничивается взглядом в прошлое, он помогает читателю понять также реалии современного экономического мира с позиций Православия.

ISBN 978-5-4261-0172-2

© Катасонов В. Ю., 2017
© Русская цивилизация, 2017

ВВЕДЕНИЕ

У меня порой возникает ощущение, что современного человека в России больше всего в жизни интересуют и волнуют вопросы экономики. Во времена Советского Союза такого интереса не было.

Наверное, потому, что советский человек полагал: власть за меня думает о том, как организовать хозяйственную жизнь в стране, а мое дело – трудиться и пользоваться плодами экономики. Была экономическая политика партии и государства, которая разрабатывалась при активном участии десятков научно-исследовательских институтов и которая затем реализовывалась с помощью десятков министерств и ведомств.

Другая причина тогдашнего достаточно прохладного интереса к экономике может быть объяснена тем, что теория экономики была разжевана советскому человеку через преподавание марксистско-ленинской политической экономии. Даже если человека не сильно волновали теоретические вопросы экономической жизни общества, он все равно должен был с ними ознакомиться и засвидетельствовать свои знания положительной оценкой на экзамене. А в этой самой политической экономии (а также других экономических науках, занимающих подчиненное положение по отношению к политэкономии) все было разобрано «по косточкам». Так, чтобы никаких вопросов и сомнений у человека уже не возникало.

И вот четверть века назад мы переживаем распад Советского Союза, за которым следует радикальное из-

менение привычного советскому человеку образа жизни. Курс власти на внедрение либеральной экономической модели в Российской Федерации постепенно привел человека к осознанию того, что никто «наверху» о его социальном, материальном положении заботиться не собирается. Люди вспомнили поговорку: «Спасение утопающего – дело рук самого утопающего». Отсюда и неизбежный интерес к тому, что происходит в бушующем море так называемой рыночной экономики. Чтобы хоть как-то адаптироваться к жизни в этом море.

Часть общества (более молодая) стала проявлять интерес к экономике, рассчитывая в конкурентной борьбе за место под солнцем получить призы в виде богатства и социального престижа. Со стороны этой части общества образовался большой спрос на экономическое образование, которое молодые люди рассматривали (и продолжают рассматривать) как необходимое условие победы в конкурентной гонке на арене так называемой рыночной экономики.

Резко возросший интерес к экономике со стороны общества стал удовлетворяться средствами массовой информации, интеллектуалами (теми, кого в советское время обычно называли интеллигенцией), системой среднего и особенно высшего образования.

Уже в начале 1990-х годов в России появилось множество учебников по экономике, которые чаще всего были переводными. Несколько позднее появились и собственные, которые, однако, при ближайшем ознакомлении оказывались пересказами все тех же западных учебников (часть из них была написана на гранты известного финансового спекулянта и «благотворителя» Джорджа Сороса). При большой пестроте обращавшихся на российском рынке новых учебников по экономике (как переводных, так и собственных, доморощенных), все

они базировались на одном и том же методологическом и идеологическом фундаменте. Его название – «экономический либерализм», «монетаризм», «экономика свободного предпринимательства», «рыночная экономика» и т. п. Названия фундамента разные, но суть одна: свободный рынок – лучшая форма организации экономической жизни (по крайней мере, более совершенная, чем так называемая административно-командная экономика Советского Союза); минимизация участия государства в хозяйственной и даже социальной жизни; обязательная интеграция национального хозяйства в мировую экономику; свободный допуск в национальную экономику транснациональных корпораций; подчинение страны правилам «Вашингтонского консенсуса» (ответственность за внедрение которых в мире возложена на Международный валютный фонд); перестройка поведения человека и подгонка его под стандарты так называемого *homo economicus* и т.д.

Экономика в 90-е годы была объявлена серьезной наукой. Такой же точной, как математика, физика или химия. Для того чтобы в серьезности этой науки ни у кого не оставалось сомнений, ее стали называть *economics* (по аналогии с названиями точных наук – *physics*, *mechanics*). Но для того чтобы экономика действительно могла стать точной наукой, требовалось предположение, что люди в экономике подобны атомам или бильярдным шарам и их (людей) поведение не искажается никакими моральными соображениями и прочими «предрассудками». Иначе говоря, в рыночной экономике должны находиться лишь существа *homo economicus*, поведение которых определяется несколькими рефлексам: страстью к удовольствию и обогащению, а также страхом потери богатства и банкротства. В России, конечно, экономика на первых порах будет далека от совершенства рыноч-

ной модели. Но со временем люди превратятся в homo economicus, а те, кто окажутся неспособными к такой трансформации, просто исчезнут как «неконкурентоспособные» субъекты. И вот тогда Россия станет «цивилизованным» обществом, населенным исключительно существами homo economicus, которые смогут беззаботно потреблять, получать удовольствие и обогащаться. Я очень популярно излагаю суть учебников объемами во много сотен страниц, на обложках которых красовались (и до сих пор продолжают красоваться) названия: «Экономическая теория», «Экономикс», «Макроэкономика», «Микроэкономика» и т. п.

Четверть века жизни нашего человека в условиях экономических «реформ» и строительства «рыночной экономики» создали у него устойчивую аллергию к разным вариациям экономического либерализма. Интуитивно, смутно наш гражданин стал чувствовать, что его ведут куда-то не туда. Заканчивается процесс разрушения мощного здания советской экономики, которое по кирпичикам разбирали, продавали и проедали наши олигархи, прочие «предприниматели» и «креативные» чиновники. А никакого нового здания за эти годы построено не было. Власти постоянно знакомили народ с проектами разных воздушных замков, которые быстро рассеивались в памяти как самих чиновников, так и простых людей. Итак, возник кризис экономического либерализма, со стороны общества пришло понимание того, что Россия должна жить своим умом, иметь свои собственные представления об экономике, начать на основе таких представлений строить здание национальной экономики. Западная экономическая наука воспринимается сегодня с большим подозрением или даже открыто отвергается как несостоятельная. Сегодняшний студент все еще слушает традиционные кур-

сы экономической теории или макроэкономики, но при этом держит фигу в кармане.

Итак, на данный момент существует большой запрос со стороны самых разных слоев российского общества на понимание того, что же такое экономика и какой она должна быть в России. Именно на волне этих настроений и родилась идея подготовить данную книгу. Она по сути представляет собой сборник ранее написанных и опубликованных мною статей. Подбор этих материалов для сборника осуществлен исходя из двух задач.

Первая – показать сущность западных либеральных экономических учений и теорий, вскрыть духовные корни так называемой экономической науки, довести до сознания читателя мысль, что эта наука – по сути идеология и религия, призванная произвести перезагрузку сознания русского человека.

Вторая – дать читателю позитивные знания в области экономики, которые позволили бы ему правильно ориентироваться в современном бушующем океане «рыночной экономики», и дать ориентиры для построения такой модели хозяйственной жизни, которая соответствует цивилизационному коду русского человека.

У нас есть все необходимое и достаточное для формирования правильного, соответствующего нашей культуре и нашему мировоззрению представления об экономике. Под словами «наше мировоззрение» я имею в виду мировоззрение человека русской цивилизации. А ядром русской цивилизации является православие.

РАЗДЕЛ I. ЭКОНОМИКА В СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ

Книга Бытия: об экономике и Каине

Сегодня появилось достаточно много публикаций, в которых вспоминают определение «экономика», данное греческим философом Аристотелем (384–322 годы до Р. Х.). Приписывание авторства Аристотелю не совсем справедливо. Впервые слово «экономика» использовал греческий философ Ксенофонт, живший в IV веке до Р. Х. Заслугой Аристотеля является то, что он более подробно раскрыл смысл термина «экономика», а также показал, что антиподом экономики является «хрематистика» – деятельность, направленная на накопление богатства.

«Экономика» – комбинация двух греческих слов: «дом» и «правило». В результате слово «экономика» можно перевести на русский язык как «правила ведения дома». В несколько упрощенном виде «экономика» в русском языке выражается одним словом «домостроительство», «домострой».

На Руси одной из наиболее популярных была книга «Домострой» – памятник русской литературы XVI века, являющийся сборником правил, советов и наставлений по всем направлениям жизни человека и семьи, включая общественные, семейные, хозяйственные и

религиозные вопросы. Есть несколько вариантов сборника. Наиболее известен вариант в редакции середины XVI века, приписываемой протопопу Сильвестру. До конца XVIII века продолжали пользоваться словами «домострой», «домостроительство». Также в ходу было слово «хозяйство»¹. Лишь в начале XIX века греческое слово «экономика» в России вошло в обиход, в немалой степени благодаря усилиям Императорского вольного экономического общества, созданного в 1765 году. Однако вскоре после введения в России в оборот слова «экономика» (например, в виде учебников) смысл его стал размываться. Часто за словом «экономика» скрывалась «хрематистика», потому что экономику в России «образованные круги» стали изучать по Адаму Смиту и другим «классикам» английской политической экономии.

В истории человечества менялось содержание понятия «дом». Следовательно, происходили изменения и в содержании понятия «экономика». Особенно драматические изменения в содержании понятий «дом» и «экономика» происходили на заре человеческой истории. Лучшим источником для этого является Книга Бытия – первая книга Священного Писания.

Была ли экономика в раю?

Вчитаемся в начальные главы этой книги. Бог в течение шести дней сотворил мир, венцом этого творения стал человек, созданный по образу и подобию Бога. Все, что было создано Богом до человека (весь видимый и невидимый мир), предназначалось для человека в каче-

¹ Слово «хозяйство» происходит от существительного «хозяин», происходящего, в свою очередь, от др.-русск. «хозя» – «господин».

стве его «дома» в самом широком смысле. Фактически это было Божественное домостроительство¹.

«Дом» был создан, но Творец продолжал следить и за «домом», и за его первыми «жильцами». Фактически домостроительство продолжилось. Но не через акт творения, а через вмешательство Бога в жизнь человечества, называемое Промыслом Божиим. Дальнейшее домостроительство стало, если так можно выразиться, *совместным проектом Бога и человека*.

Бог поместил первых людей (Адама и Еву) в рай: «И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке, и поместил там человека, которого создал» (Быт. 2, 8).

Была ли в раю экономика? Думаю, что была. Читаем в Книге Бытия: «И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт. 2, 15). Человек был помещен в рай не для праздного времяпрепровождения, а для труда. Труд этот был, если пользоваться современными грубыми аналогиями, сельскохозяйственный. При этом, как отмечают святые отцы, необременительный, дающий первым людям радость. Это была *экономика благодати* – Бог давал первым людям все необходимые блага. В том числе плоды, которые произрастали на деревьях (сотворены в третий день), свет от светильников на тверди небесной – солнца, луны и звезд (четвертый день), пение райских птиц (пятый день) и т.д.

Были и «правила ведения дома»: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него» (Быт. 2, 16–17).

¹ Одним из лучших толкований на события Книги Бытия о творении мира (глава 1, стихи 1–26), на мой взгляд, являются «Беседы на Шестоднев» святителя Василия Великого.

Все мы знаем, что Адам и Ева нарушили эту заповедь. Но ведь, по сути, это нарушение «правила ведения дома», важнейшего экономического принципа. Первые люди были изгнаны из рая.

Первый кризис в истории человечества: изгнание людей из рая

Фактически Бог совершил суд над первыми обитателями рая. По-гречески суд Божий – «кризис». Об этом в прошлом веке в разгар Великой депрессии 30-х годов вынужден был напомнить своим современникам Николай Сербский (1881–1956), будущий святитель:

«“Кризис” – слово греческое, в переводе оно означает “суд”. В Священном Писании слово “суд” употребляется многократно. Так, мы читаем у псалмопевца: “Сего ради не воскреснут нечестивии на суд” (Пс. 1, 5). Далее опять: “Милость и суд воспою Тебе, Господи” (Пс. 100, 1). Мудрый царь Соломон пишет, что от Господа придет суд всякому (см.: Притч. 29, 26). Сам Спаситель сказал: “Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну” (Ин. 5, 22). Апостол же Петр пишет: “Время начаться суду с дома Божия” (1 Пет. 4, 17). Замени слово “суд” словом “кризис” и читай: “Милость и кризис воспою”, “от Господа придет кризис всякому”, “Отец весь кризис отдал Сыну”, “Время начаться кризису с дома Божия”. Прежде европейцы, если постигало их какое-то несчастье, употребляли слово “суд” вместо слова “кризис”. Сейчас слово “суд” заменили словом “кризис”, понятное слово – менее понятным»¹.

Итак, первый в истории человечества кризис – изгнание наших прародителей из рая за нарушение «правила ведения дома». Человеческая история начинается

¹ Интернет. Режим доступа: <http://www.stranamam.ru/post/8126742/>

как история экономическая. В истории человечества еще будет бесчисленное количество кризисов, и все они могут, во-первых, квалифицироваться как экономические; во-вторых, быть следствием не каких-то технических ошибок и просчетов людей, а исключительно результатом нарушения заповедей Бога. Вчитываясь в начальные главы Книги Бытия, понимаешь: экономика в первоначальном (аристотелевском) определении – ядро человеческой жизни, причем ядро не материальное, а духовно-нравственное. У Аристотеля это называется «правила» («ведения дома»), а у христиан – «заповеди». При любом нарушении заповедей Бог через какие-то материальные стороны жизни человека (обнищание, голод, эпидемии, войны и т. д.) сигнализирует ему об этих нарушениях. Начала экономики – заповеди Бога, а ее концы – болевые сигналы, посылаемые Богом.

Вернемся к истории изгнания человека из рая. Бог следующим образом определил наказание Адаму: «Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3, 17–19).

Из этого отрывка мы видим, что в природе произошли серьезные мутации, земля утратила свое первоначальное плодородие. Соответственно меняется характер труда человека. Если в раю труд был легким и радостным, то в изгнании труд становится для человека тяжким бременем. Впрочем, Бог действует соразмерно силам и возможностям человека. Он выступает одновременно и как справедливый Судья, и как квалифици-

рованный Врач. Природные условия ухудшаются ровно настолько, чтобы человек не умер от холода и голода. Бог не казнит человека, а наставляет на путь покаяния и исправления. Обратим также внимание на то, что Бог заставляет человека трудиться на земле. Об этом еще раз говорится в третьей главе: «И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят» (Быт. 3, 23). О ремеслах и промышленности на данном этапе человеческой истории речи еще не идет.

Второй кризис: убийство Авеля Каином

Следующая катастрофа в истории человечества – убийство Авеля Каином. В главе четвертой мы узнаем, что первые поколения людей за пределами рая действительно занимаются сельским хозяйством. Первый человек, рожденный от Адама и Евы – Каин, – занимается земледелием. Авель (второй сын) занимается животноводством (пасет стада): «И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец» (Быт. 4, 2).

Не буду описывать историю первого в истории человечества убийства. За преступлением последовало наказание Богом Каина: «когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» (Быт. 4, 12). Уже после изгнания человека из рая произошло оскудение природы. Теперь произошло второе оскудение. Возделывание земли стало еще более тяжким трудом. Но вот что удивительно: занятия сельским хозяйством (по крайней мере, земледелие) требуют пребывания человека на одном месте. А Бог определяет Каину быть *изгнанником и скитальцем на земле*. Каин ведь был изначально земледельцем, вряд ли он мог немедлен-

но «переквалифицироваться» в скотовода-кочевника. Возникает вопрос: чем мог заниматься Каин? – Первый приходящий в голову ответ: он стал, выражаясь современным языком, бомжом.

Но вот что мы узнаем из главы четвертой: «И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Едема. И познал Каин жену свою; и она зачала и родила Еноха. И построил он город; и назвал город по имени сына своего: Енох» (Быт. 4, 16–17). Видимо, Бог имел в виду, что Каин не в буквальном смысле станет *изгнанником и скитальцем на земле*. Произойдет отчуждение Каина и его племени от природы (земли) и от других людей (племени Сифа – сына Адама и Евы, который им заменил убитого Авеля). Произошло очень важное событие в истории человечества – имело место зарождение городской цивилизации. Причиной основания города, по мнению святых отцов, был страх Каина перед дикими животными и убийцами. Святитель Филарет Московский замечает, что Каин не захотел давать городу своего имени из-за запятнанной братоубийством репутации. То есть правильнее было бы первый город назвать именем Каина.

У святителя Димитрия Ростовского мы узнаем некоторые подробности о первом городе: «...Каин, чадородствуя в той стране, куда убежал, имел первого сына, именем Еноха, во имя которого потом он создал и город Енохию в Сирии, подле гор Ливанских...»¹ По Димитрию Ростовскому, и первый город, и страна Нод находились на территории Сирии. Примечательно, что сегодня эта страна стала местом скопления самых последовательных каинитов из разных стран, которые под флагом Исламского государства каждый день соверша-

¹ Святитель Димитрий Ростовский. Келейный летописец. – М.: Паломник, 2000. С. 119.

ют массовые убийства. И при этом выставляют свои «подвиги» напоказ.

О «печати Каина»

Вернемся к стиху 12. Мы его привели в переводе по синодальному тексту. Имеются и другие переводы данного стиха, особенно его части: «будешь изгнанником и скитальцем на земле». Варианты: «Стенающим и трясущимся будешь на земле»; «с шатающимся и сетующим будешь на земле». Альтернативные переводы дают более точное представление о физическом и духовно-психологическом состоянии Каина.

Один из лучших современных знатоков и переводчиков Ветхого Завета (особенно Книги Бытия) Евгений Андреевич Авдеенко (1952–2014) полагает, что фраза «будешь изгнанником и скитальцем на земле» характерна для иудейской традиции. Бог не принуждал Каина к скитаниям по земле. Каин при желании мог жить и оседло. Кстати, если бы он был исключительно «скитальцем», как он и его потомки могли основать города? Вот что пишет Авдеенко в своей работе «“Каин” в современном мире»: «Каин – “трясущийся”, шатающийся, шаткий и “сетующий” (с покачиванием головы), “стенающий”. Таков образ Каина по Писанию. Если же Каин – “изгнанник и скиталец”, то перед нами является образ человека (или народа), которого все гонят и обижают, и он поэтому осужден быть перманентным эмигрантом. В псалме 58 (в еврейской Библии это псалом 59) Давид просит Господа о грешниках – до конца грешных:

- “не помилуй всех изменников беззаконных” (ст. 6);
- “не убивай их, чтобы не забывал народ мой, – пошатни их” (ст. 12).

Тех, кто усыновился диаволу, невозможно помиловать; так Каин был проклят. Но Каин не был убит. Народ Божий (народ Церкви) должен “не забывать”, что есть “Каин” как духовный тип личности, и что есть “изменники” в вере, чье изменничество вполне явилось на Голгофе. “Народ” Божий должен помнить о Голгофе, и, чтобы он “не забывал”, оставлены те “изменники” (из народа Израиля и бывших христианских народов), которые идут “путем Каина” (Иуд. 11) и не примут от Христа “милости”.

Таково должно быть самочувствие христианина в мире: он должен ощущать и помнить, что на него разинута пасть диавола и “чад диавола” (1 Ин. 3, 10), чтобы “поглотить” (Пс. 34, 25), как это хотели сделать с Самим Христом. Этого никак нельзя “забывать”, и Господь так устроил, что “забыть” это не дадут “изменники” из народа Церкви Ветхого Завета и из народов, Христа забывших.

В проклятие Каину Господь сказал: “шатающимся (шатким) и сетующим (качающимся) будешь на земле”. Давид просит сообщить “изменникам” в вере узнаваемую черту Каина: “пошатни”, сделай их “шаткими”¹.

Итак, Каин – человек, лишенный внутренней уверенности, испытывающий страх, колеблющийся, непоследовательный. А главное – забывший Бога и надеющийся на мамону (богатство). Это и есть та самая загадочная «печать Каина», которую пытаются «вычислить» некоторые «буквоеды» и схоласты, изучая вдоль и поперек Священное Писание в поисках эзотерического знания. Духовно зрячему человеку эта «печать» видна без особой богословской подготовки.

¹ Авдеенко Е. А. «Каин» в современном мире // Интернет. Режим доступа: http://communitarian.ru/publikacii/tserkovnaya_analitika/ea_avdeenko_kain_v_sovremennom_mire_08092015/

Становление городской «цивилизации»

Перейдем теперь к рассмотрению родословной Каина: «У Еноха родился Ирад [Гаидад]; Ирад родил Мехиаеля [Малелеила]; Мехиаель родил Мафусала; Мафусал родил Ламеха» (Быт. 4, 18). Важной фигурой в родословной стал Ламех, у которого было две жены – Ада и Цилла [Селла].

Е. Авдеенко пишет об этом потомке Каина: «При Ламехе произошел новый (после изобретения городской жизни) подъем цивилизации – цивилизационный взрыв. Каинитяне встали на путь изобретений “новых форм жизни”. Обратное движение каинитян к Богу оказалось или невозможным, или заблокированным через эти изобретения. Каинитяне опять пойдут по пути прогресса. “Ламех” – это фигура, сопоставимая с “Каином”. Ламех – это важнейший рубеж в развитии первой цивилизации: ни проклятие Каина, ни Каинова печать не только не были сняты с потомков Каина, напротив, они в окончательной форме на них запечатлелись... Если о Ламехе еще сказано по-старому: “Мафусал родил Ламеха”, – то о детях Ламеха сказано по-новому: “Ада родила Иавала... имя брату его Иувал” (Быт. 4, 20–21), “Цилла родила Тувалкаина... сестра Тувалкаина – Ноема” (Быт. 4, 22). Четверо детей, кто мать – известно, а кто отец? Отец ли им Ламех? Возможно, дети Ламеха стали уже дети жен Ламеха. Если родство в каинитянах начало передаваться через материнскую кровь, то это объясняет, почему на детях жен Ламеха закончилось родословие каинитян. Родословия по матери Св. Писание не ведет: изменение понятия кровного родства в сторону матриархата есть проявление глубочайшего духовного кризиса в народе»¹.

¹ Авдеенко Е. А. «Каин» в современном мире.

Кстати, Ламех, по преданию, убил Каина. Святитель Димитрий Ростовский пишет, что со временем Ламех стал слепнуть и во время охоты выпустил стрелу в Каина, спутав его со зверем¹.

Далее описывается потомство Ламеха: «Ада родила Иавала: он был отец живущих в шатрах со стадами. Имя брату его Иувал: он был отец всех играющих на гусях и свирели. Цилла также родила Тувалкаина [Фовела], который был ковачом всех орудий из меди и железа. И сестра Тувалкаина Ноема» (Быт. 4, 20–22). В данном отрывке содержится важная информация.

Из четырех детей Ламеха лишь один (Иавал) занимался сельским хозяйством (скотоводством). Остальные три были уже типичными представителями городской цивилизации. Но прежде остановимся на Иавале. Священник Даниил Сысоев пишет о нем: «Он изобрел кочевническое скотоводство (в отличие от пастуха Авеля, ведшего оседлую жизнь). Таким образом, Откровение говорит, что оседлая жизнь древнее кочевнической (в отличие от псевдонаучного мнения о постепенном прогрессе человека и переходе его от кочевания к оседлости). Слово “стада”, упомянутые здесь в буквальном переводе, означает “купленный скот”. Очевидно, он первый усовершенствовал торговую систему, введенную Каином, и создал рынок животных»².

Иувал стал родоначальником такой деятельности, которую мы сегодня называем культурой и искусством. Однако эта деятельность среди потомков Каина, как отмечают святые отцы, была обращена не к Богу и не пи-

¹ Святитель Димитрий Ростовский. Келейный летописец. М.: Паломник, 2000. С. 132.

² Священник Даниил Сысоев. Летопись начала. От сотворения мира до исхода / Издание второе, исправленное, дополненное. М.: Благотворительный фонд «Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева», 2011. С. 187.

талась Богом, а отражала потребности падшего человека и обожествляла падшего человека. Такая «культура» не приближала человека к Богу, а, наоборот, отдаляла. И даже делала человека богоборцем. Каинитская культура – опасный суррогат «духовности».

Тувалкаин дал начало развитию ремесел и промышленности. Бог не заповедал человеку, изгнанному из рая, заниматься ремеслами и промышленностью. Но попустил. Ведь земля, как обещал Бог Каину, перестала быть столь плодородной, какой она была до второго грехопадения. Ремесла и промышленность стали необходимы для того, чтобы производить сельскохозяйственные орудия, которые позволяли хотя бы частично компенсировать снижение плодородия.

К тому же орудия из железа и меди стали нужны человеку для того, чтобы убивать других людей. Началось производство оружия. О том, что убийства стали превращаться в норму жизни, мы отчасти можем судить по следующим словам: «И сказал Ламех женам своим: Ада и Цилла! послушайте голоса моего; жены Ламеховы! внимайте словам моим: я убил мужа в язву мне и отрока в рану мне» (Быт. 4, 23).

Наконец, среди детей Ламеха упоминается имя Ноемы, сестры Тувалкаина. О ней больше ничего не сказано. Но Ноема в переводе означает «удовольствие». Некоторые толкователи полагают, что Ноема была основоположницей «древнейшей профессии»: «Ученые экзегеты высказывают догадку, что Ноема наряду со своими братьями тоже была своего рода изобретательницей, а именно – положила начало известному общественному институту, особенно характерному для развращенных каинитов. Полагают даже, что именно она стояла во главе тех “дочерей человеческих”, которые вовлекали в падение “сынов Божиих” и тем самым на-

садили на земле нечестие»¹. Другие считают Ноему изобретательницей женских нарядов и украшений. В любом случае, ее занятия далеки от того, что заповедовал Бог человеку, изгнанному из рая. Священник Даниил Сысоев обращает внимание на то, что у финикийцев была богиня разврата, которую звали Наама. Он считает, что это слегка измененное имя Ноемы². «Последовательницы» Ноемы в главе VI называются «дочерьями человеческими». Они совращали «сынов Божиих» (потомков Сифа). В конечном счете, это стало важной (но не единственной) причиной третьей всемирной катастрофы – Всемирного потопа.

Дополнительные сведения и размышления о городской «цивилизации» до Потопа

Появление городов и развитие городской экономики сопровождалось углублением общественного разделения труда, а оно, в свою очередь, порождало товарно-денежные отношения. Священник Даниил Сысоев обратил внимание на то, что Иавал создал рынок животных. Следовательно, были уже товарно-денежные отношения.

Кое-какие дополнительные сведения о том, как жили и чем занимались потомки Каина до Потопа, мы узнаем из «Келейного летописца» святителя Димитрия Ростовского: «Научилось племя Каиново и волхвованиям, чародейству и заговорам, а также и общению с бесами. И было сие племя богопротивно и богомерзко, почему впоследствии и подверглось истреблению Потопом»³.

¹ Новая толковая Библия. Том 1. Л.: Искусство, 1990. С. 283.

² Священник Даниил Сысоев. Указ. соч. С. 191.

³ Святитель Димитрий Ростовский. Келейный летописец. М.: Паломник, 2000. С. 122.

На некоторые особенности жизни каинитов, появившиеся еще до Потопа, обращает внимание древний еврейский историк Иосиф Флавий: «Свои владения он увеличивал грабежами и насилием, и, приглашая своих сотоварищей к совершению бесстыдства и разбойничанью, он становился руководителем и наставником их в разных гнусностях. Изобретением весов и мер он изменил ту простоту нравов, в которой дотоле жили между собою люди, так как жизнь их вследствие незнакомства со всем этим была бесхитростна, и ввел вместо прежней прямоты лукавство и хитрость. Он первый поставил на земле разграничительные столбы, построил город и, укрепив его стенами, принудил своих близких жить в одном определенном месте»¹. Комментируя описание жизни Каина в книге Иосифа Флавия, священник Даниил Сысоев пишет: «...Каина можно считать родоначальником паспортной системы, торговли и частного землевладения»².

О разбойном образе потомства Каина пишет также Димитрий Ростовский: «Каков корень, таковы и ветви: каков отец, таковы и чада. Ибо Каин во всем зле для своих детей был пример и начало, и он первый со своим племенем начал определять землю, творить разбои, грабить и собирать богатство не только от труда рук своих, но и от хищения и насилия. И восстали отсюда среди людей войны»³.

Каиниты перестали полагаться на свой труд, стали грабить и жить за чужой счет. Возникла первая, самая примитивная форма эксплуатации человека че-

¹ Иосиф Флавий. Иудейские древности. Книга 1. Глава 2 // Интернет. Режим доступа: http://jhistory.nfurman.com/code/01_001_02.htm

² Священник Даниил Сысоев. Указ. соч. С. 185.

³ Святитель Димитрий Ростовский. Келейный летописец. М.: Паломник, 2000. С. 120–121.

ловеком. Много позднее появится более «усовершенствованная» форма в виде эксплуатации наемного труда капиталом.

О «цивилизации» и «цивилизованном мире»

В потомках Каина, как отмечал наш богослов В. Н. Лосский, возникла «цивилизация, – эта огромная попытка восполнить отсутствие Бога. В цивилизации люди стараются забыть Бога или заменить Его: забыть в ковке металлов, отдав себя в плен земной тяжести и сообщаемому ею непроницаемому могуществу, или же заменить Его праздником искусства, томительным утешением музыки»¹. Авдеенко примерно так же определяет «цивилизацию»: «Цивилизация есть деятельность, изначально несущая в себе установку на созидание целостного рукотворного мира. Начало цивилизации – всегда “город”»².

«Цивилизация» как создание рукотворного мира, свободного от Бога, – это и безумный проект Вавилонской башни, который пытался реализовать один из далеких потомков Каина восточный деспот Нимрод (глава 10 Книги Бытия). Символом такой «цивилизации» является и новый Вавилон, «великая блудница», который должен пасть в последние времена (глава 18 Апокалипсиса).

Интересны замечания Ф. М. Достоевского по поводу «цивилизации»: «Цивилизация вырабатывает в человеке только многосторонность ощущений и решительно ничего более. А через развитие этой многосторонности

¹ Лосский В. Н. Догматическое богословие. Смысл Ветхого Завета // Интернет. Режим доступа: <http://bogoslovie.todn.ru/lossky/17/220/>

² Авдеенко Е. А. «Каин» в современном мире.

человек еще, пожалуй, дойдет до того, что отыщет в крови наслаждение. По крайней мере, от цивилизации человек стал если не более кровожаден, то уж наверное хуже, гаже кровожаден, чем прежде»¹.

Впрочем, есть и другое понимание цивилизации – как определенного культурно-исторического типа, как модели общества с уникальным духовно-религиозным «кодом». Такое определение цивилизации дано в работах Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Л. А. Тихомирова и других отечественных мыслителей. Чтобы различать два понятия, я цивилизацию в вышеприведенном определении В. Лосского и Е. Авдеенко (то есть каинитскую цивилизацию) ставлю в кавычки или называю «цивилизированным миром» (тоже в кавычках).

Неотъемлемым атрибутом современной «цивилизации» является «прогресс». Это ключевое понятие современной каинитской идеологии. Любой прогресс: научный, технический, социальный, экономический, информационный и т.п. Понятие крайне невнятное, фактическим современным каинитам заменяет Бога. Чтобы «обосновать» прогресс, каиниты разрабатывают разного рода либеральные теории и учения². В конце XX – начале XXI века особенно пышным цветом расцвели разные теории экономического либерализма.

В конце XX века, когда в России начались «реформы», нам предлагали стать частью *цивилизованного мира*. Не могли же нам прямо сказать, что за этим туманным термином скрывается каинитская «цивилизация».

¹ Достоевский Ф. М. Записки из подполья. М., 1985. С. 244 (приведенные слова принадлежат человеку «из подполья»).

² Жесткая, бескомпромиссная критика «прогресса» и «либерализма» содержится в трудах русских мыслителей конца XIX – начала XX века К. Леонтьева и Л. Тихомирова (см.: Катасонов В. Ю. Русская социологическая мысль на рубеже XIX – XX веков. М.: Родная страна, 2015).

Капитализм – новое название каинитской «цивилизации»

Итак, уже в главе 4 мы видим зачатки и контуры той «цивилизации», которая сегодня расцвела пышным цветом. Некоторые толкователи и святые отцы называли эту цивилизацию каиновой, или каинитской. Другие определяют ее как «городскую цивилизацию». Для этой цивилизации характерно то, что Каин и его потомки действительно стали *изгнанниками и скитальцами на земле*. По крайней мере, в трех смыслах. Во-первых, они удалились от Бога. Во-вторых, они стали бояться других людей (Сифа и его потомков). В-третьих, они стали ограждать себя от природы. Эта удаленность от Бога, эти фобии Каина и его потомков привели к тому, что каиниты «закрылись» в городах. Заметим, что слово «город» происходит от слов «ограда», «ограждение». Жизнь каинитов стали протекать в рамках городской цивилизации. Отличительными особенностями такой цивилизации стала безбожная культура, развитие ремесел и промышленности, появление извращенных (ложных) потребностей, нечестие и откровенный разврат, убийства и обман. Об этом мы узнаем дополнительные сведения из следующей, пятой главы.

Сегодня бóльшая часть человечества на нашей планете проживает в условиях такого общественного порядка, который принято называть *капитализмом*. Но, кстати, термин «капитализм» вошел в широкий обиход лишь в конце XIX – начале XX века. Некоторые думают, что это произошло в результате появления фундаментального труда Карла Маркса, который назывался «Капитал». Однако удивительно, что «классик» предпочитал вместо терминов «капиталистический» и «капитализм» использовать слова «буржуазный», «бур-

жуазный строй». Они происходят от слова «буржуа», которое в Европе понималось как городской житель. Что из этого следует? – Что современный капитализм – продолжение все той же городской, или каинитской, цивилизации, которая описана в главе четвертой Книги Бытия. Просто все свойства тогдашней цивилизации сегодня приобрели гипертрофированный характер.

Кстати, обращаю внимание читателя на то, что Каин поселился в земле Нод. Толкуя главу четвертую Книги Бытия, Ефрем Сирийский говорит, что земля Нод называлась так из-за сотрясений, которым она подвергалась при пребывании на ней Каина. Мне кажется, что сегодня уже вся планета населена потомками Каина и превратилась в сплошную землю Нод. Это проявляется во всех сферах жизни: политической, военной, финансовой, экономической. В сфере экономики и финансов – постоянные кризисы; колебания валютных курсов; мельтешение индексов, процентных ставок, рейтингов; взлеты и падения биржевых котировок; банкротства одних фирм и учреждение других; мгновенные состояния и не менее быстрые потери капиталов и т.д. и т.п. Все эти колебания и сотрясения в «умных» книжках по экономике называют таинственным словом «волатильность».

О «кризисе окружающей среды»

Сегодня, в XXI веке, принято говорить о «кризисе окружающей среды». А ведь сам термин «окружающая среда» передает настороженное отношение современного человека к окружающей его природе. Это отношение не только настороженное, но даже враждебное и агрессивное. Человек выстраивает свои отношения с природой через ее «покорение». Все это отзвуки той

второй вселенской катастрофы, которую мы связываем с первым убийством человека. Процесс отчуждения человека от природы стал особенно ощутимым при переходе традиционного (основанного на сельском труде и сельской жизни) общества к капитализму, основанному на промышленности, торговле и ростовщичестве. Мир человека стал ограничиваться городской средой, что еще больше увеличило пропасть между Богом и человеком. Он перестал постигать Бога через рассмотрение Его творений¹. Сегодня отчуждение человека от мира, сотворенного Богом, вышло на новый уровень. Если в XIX–XX веках человек погрузился в рукотворный мир, который все-таки был материальным, то сегодня он большую часть своего времени проводит в виртуальном мире, который в значительной мере «амансипировался» от «грубой материи». Человек добровольно запер себя в электронной клетке интернета, компьютерных игр и различных «сетей», стал беззащитной добычей для того, кто в свое время подвиг Каина на убийство Авеля.

Парадокс современной эпохи заключается в том, что погружение человека в виртуальную реальность сочетается с гигантскими масштабами эксплуатации вполне материальных природных ресурсов. Человечество близко к исчерпанию природных богатств планеты. Явно обозначились признаки глобального экологического кризиса. Все это является ярким выражением каинитской «цивилизации» и ее идеологии (фактически религии) экономического роста. Краеугольным камнем каинитской «экономики» (обратите внимание: слово «экономика» в данном случае я тоже беру в кавычки)

¹ Апостол Павел говорит: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны» (Рим. 1, 20).

является ростовщичество. В каинитской (ростовщической) «экономике» все перевернуто с ног на голову: производство товаров и услуг здесь осуществляется не для того, чтобы удовлетворять жизненно необходимые потребности человека. Оно (производство) становится средством получения денежного дохода для обслуживания долга товаропроизводителей перед ростовщиками (банкирами). А поскольку долговые обязательства перед ростовщиками растут по экспоненте, то и необходим так называемый «экономический рост». «Экономический рост» превращается в «дурную бесконечность». Эта «бесконечность» не только «дурная», но и опасная, так как она требует все новых и новых природных ресурсов, приближая человечество к экологической катастрофе.

В конце XVIII – начале XIX века в Европе и в России среди «образованной публики» популярными стали идеи французского писателя и философа Жан-Жака Руссо, которые выразились в коротком лозунге: «Назад к природе». Он лишь номинально оставался в рамках христианства, а фактически уже с ним порвал. Руссо называл себя деистом, то есть он признавал, что мир сотворен Богом, но затем, мол, Творец предоставил миру развиваться самостоятельно, без Его вмешательства. Иначе говоря, Руссо отрицал Промысл Божий. Некоторые исследователи полагают, что Руссо занимал даже враждебную по отношению христианству позицию, внося в него свои «усовершенствования», базировавшиеся на идеях «гуманизма». В России у нас был свой «Руссо» – писатель Лев Толстой, который также пытался «возвращаться к природе», при этом «конструируя» собственное «христианство». Ни Руссо, ни Толстой не могли понять того, что возвращение человека к более совершенной жизни, построенной на гармонии общества и природы, возможно лишь на путях покаяния за те

каиновы грехи, которые человек совершил в прошлом и продолжал совершать в настоящем.

Каинитская «цивилизация» и христианство

Каинитская «цивилизация» никогда не была единственной в истории человечества. Промыслительно Бог ей противопоставил другую цивилизацию (без кавычек), которую можно назвать Авелевой – по имени Авеля, убитого Каином. Или Сифовой – по имени Сифа, родившегося у Адама и Евы уже после убийства Авеля. У святителя Димитрия Ростовского читаем: «Сиф получил и заповедь от отца Адама – оберегать свое потомство, чтобы оно не смешалось с богоненавистным племенем Каиновым. Ибо в те времена в поднебесной было только два племени, произошедших от двух праотцев: от Каина и Сифа. Племя праведного Сифа жило праведно и свято, угождая Богу, а племя Каиново было злое и развращенное, богопрогневающее и человеконенавистное»¹.

Вся человеческая история – борьба духовных потомков этих двух племен. После пришествия две тысячи лет назад к людям Спасителя потомки Сифа стали христианами, образовали христианскую цивилизацию. Борьба истинного (православного) христианства с «цивилизованным миром», выступающим под самыми разными «вывесками», все обостряется. Борьба продлится до последних времен, описанных в Апокалипсисе. Конечно, границы двух цивилизаций не проходят по государственным границам (как некоторые думают). Они проходят через сердца людей. Тем не менее можно смело сказать, что современный Запад – «сгусток»,

¹ Святитель Димитрий Ростовский. Келейный летописец. М.: Паломник, 2000. С. 120.

«концентрат» каинитской «цивилизации». Россия же – главный земной оплот авелевой цивилизации.

Мы начали наш разговор с экономики. Ею же и закончим. Для истинно верующего человека ключевыми являются слова Спасителя из Нагорной проповеди: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33).

К сожалению, у нас сегодня «ищущих Царства Божия» очень мало. Поэтому «остальное» у многих порой не «прикладывается». Люди удивляются, не могут понять причины своих скорбей и нищеты. Начинают даже роптать на Бога. Познание тайн экономики требует отхода от прямолинейного (протестантского, материалистического, рационального) мировосприятия. Сегодня это очень сложно, потому что значительная часть нашего взрослого населения прошла «промывку мозгов» в вузах, где раньше преподавалась политэкономия (марксистская версия каинитской идеологии), а ныне мозги «промываются» американской «economics» – протестантско-иудейской модификацией все той же каинитской идеологии.

В нашей стране ведутся активные дискуссии по поводу того, какая модель экономики нам нужна. Но если мы действительно рассматриваем Священное Писание (и Книгу Бытия) как Откровение Бога, как нравственный и духовный ориентир для христиан, то мы должны признать, что все обсуждаемые варианты модели (даже самые радикальные) все равно находятся в русле каинитской «цивилизации». Идеальной моделью для христиан может и должна быть *экономика благодати*, о которой мы упомянули в самом начале. В чистом виде она существовала в раю и в усеченном виде – за пределами рая, до первого в истории человечества убийства. Как человек свои физические, умственные и духовые силы

получает через благодать Бога, так и экономикa нуждается в благодати. Без благодати Божией вся экономика рассыпается в прах. Как сказал Спаситель, «без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15, 5).

Еще хотел бы обратить внимание на то, что слишком много внимания мы (так называемые православные) уделяем вопросам потребления. Что ж, таков «дух времени», печать «общества потребления». Человек создан по образу и подобию Бога. А коль важнейшее свойство Бога – Творец, то истинно православный человек не может не быть творцом. А экономика – прежде всего не потребление, а создание, творчество, созидание. Православие, дающее наибольшие возможности человеку преобразить себя по образу и подобию Божию, обеспечивает истинно православному обществу несравненные преимущества в деле экономического строительства (домостроительства). Сегодня мы пребываем в экономической разрухе, при этом постоянно «стенаем», подобно потомкам Каина. Это явный признак того, что мы лишь номинально православные.

Наверное, мы не сможем сами себя вытянуть за волосы из болота каинитской «цивилизации». Слишком глубоко увязли. Строить дом (экономикy) на болоте – занятие малопродуктивное. Нам остается лишь надеяться на помощь Бога, а она может прийти лишь через наше покаяние. Покаяние – это сердцевина христианства.

Посмотрел этимологию слова «покаяние» в разных словарях. Вариантов происхождения много. Один из них связан с именем Каина. Человек «окаянный» – тяготеющий к Каину или даже пребывающий в лоне каинитской «цивилизации». «Раскаяться», «покаяться» – признать свою окаянность и бороться с ней, вырваться из каинитской «цивилизации». Я не филолог и не могу сказать, насколько эта версия убедительна и законна.

Но если смотреть на вопрос с точки зрения спасения, то понимание того, что через покаяние ты расторгаешь связи с миром первого убийцы Каина, может очень помочь в этом жизненно важном деле.

Об изгнании Христом торговцев и менял из храма

История изгнания Иисусом Христом торговцев и менял из Иерусалимского храма (история очищения храма) – одна из наиболее ярких и запоминающихся в Новом Завете. Об этой истории мы читаем в Новом Завете четырежды: в Евангелии от Иоанна (2, 13–17), в Евангелии от Матфея (21, 12–13), в Евангелии от Луки (19, 45–46), в Евангелии от Марка (11, стихи 15–17).

О сюжете очищения храма написано и сказано немало отцами Церкви, богословами, писателями, философами и прочими мыслителями за последние две тысячи лет.

В толкованиях на указанные места из Священного Писания подробно говорится: о пагубном влиянии страсти сребролюбия и стяжательства на душу человека; о том, что Христос в этот момент объявил напрямую о Своем Божественном происхождении (когда сказал про храм: «дом Отца Моего» – Ин. 2,16); о том, что изгнание Христом торговцев и менял из храма было той последней каплей, которая привела фарисеев и первосвященников к решению об убийстве Сына Божия; о том, что это был протест Христа против превращения дома молитвы в вертеп разбойников (Мф. 21, 13) и т. д.

Хотелось бы обратить внимание *натри момента*, которые мне показались важными, но исчерпывающих комментариев и объяснений по которым в трудах

св. отцов, богословов, историков и философов найти не удалось.

Момент первый. Как известно, Христос в течение всех трех с половиной лет Своего земного служения не только учил, но часто обличал. Обличал Он прежде всего фарисеев, саддукеев, книжников. Обличал, то есть раскрывал их злые помыслы, давал оценку их злым поступкам, объяснял истинный смысл их лукавых речей. Обличал, то есть воздействовал словом. Обличал, но при этом проявлял смирение и терпение в отношении окружавших Его грешников. Еще в VII веке до Р. Х. пророк Исаия говорил о грядущем Христе: «Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит, будет производить суд по истине» (Ис. 42,3); эти слова пророка в своем Евангелии воспроизвел св. Матфей (Мф. 12,20).

А вот в случае с торговцами и меновщиками Он действовал не только и не столько словом, сколько силой (перевернул скамьи торговцев, столы меновщиков, изгнал их из храма). Вполне вероятно, что этим Он дал понять, что бороться с таким злом, как торгашество и ростовщичество, следует не только словом, но также *силой*.

Если бы Он просто желал бы наказать торговцев и меновщиков, Он мог бы использовать для этого Свое *слово*. Вспомним, что именно словом Христос сделал так, что бесплодная смоковница засохла. Во многих случаях Христос имел возможность использовать и слово, и силу для борьбы с вполне реальным (можно сказать, физическим) злом. Вспомним, например, сцену ареста Христа, преданного Иудой. Люди от первосвященников и старейшин пришли для того, чтобы схватить Христа, а Петр вынул меч и отсек ухо рабу первосвященника. Христос тогда сказал Петру: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или ты

думаешь, что Я не могу умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов ангелов?» (Мф. 26, 52–53).

А в случае с торгашами и меновщиками Он применил не слово, а *силу*, причем не силу бесплотных ангелов, а *Свою собственную физическую силу*, проявив *Свою человеческую природу*. Правда, вместо меча Он взял не меч, а хлыст, сплетенный из веревок. Вероятно, этим поступком Он дал нам понять, что в некоторых случаях со злом надо бороться не только угрозами и обличениями. Очевидно, именно зло торгашества и ростовщичества относится к таким случаям. Я не готов немедленно ответить на вопрос, какую силу и каким образом можно и нужно применять в современных условиях для борьбы с торгашами и ростовщиками. Но уходить от ответа на этот вопрос было бы неправильно.

Момент второй. Если в Евангелии от Иоанна речь идет об изгнании торговцев и меновщиков из храма в начале земного служения (первая Пасха, пришедшаяся на период служения Христа), то в остальных трех Евангелиях описывается изгнание Христом торговцев и меновщиков из того же храма через три года, в конце Его земного служения.

Существует, правда, мнение, что евангелист Иоанн говорило том же событии, что и другие евангелисты. Некоторые богословы обращают внимание, что св. Иоанн в своем повествовании не преследует цели последовательного, хронологического изложения евангельских событий, что, исходя из духовного замысла повествования, святой Иоанн поместил данный сюжет, относящийся к последним дням земной жизни Спасителя, в начало своего повествования. Однако большинство богословов все-таки придерживаются той точки зрения, что было два очищения храма от спекулянтов. Имен-

но так толкуют евангельскую историю, например, св. Феофан Затворник и А. Лопухин («Библейская история Ветхого и Нового Завета»).

Итак, прошло три года. Грозная сцена изгнания из храма стала стираться в памяти меновщиков и торговцев, гневное предупреждение Христа не возымело должного эффекта. Все вернулось на круги своя. Тяга к барышам и процентам оказалась для этой публики сильнее слова Бога. О чем это говорит? Это говорит о том, что вирус торгашества и ростовщичества (а шире – вирус стяжательства) глубоко проник в организм человечества, что этот организм болен и *этот вирус будет сидеть в этом организме до конца земной истории*. У какого-то святого отца доводилось читать, что вирус стяжательства поселился в человеке в момент его грехопадения в раю...

Нынешний финансовый кризис – также яркое свидетельство стойкости вируса торгашества и ростовщичества в человеческом обществе. Осенью 2008 года, когда начали падать многие банковские гиганты на Уолл-стрит, некоторые духовно чуткие люди совершенно справедливо заметили, что это похоже на кару Божию. Целый ряд государственных деятелей и представителей бизнеса стали говорить правильные слова о духовно-нравственных причинах кризиса. Но вот прошло немногим более двух лет, возникла некоторая стабилизация (безусловно, временная, искусственная, обусловленная накачкой мировой финансовой системы дополнительными триллионами долларов; кризис не кончился, а лишь только прошел начальную свою фазу), и испуг мировых торгашей и ростовщиков стал испаряться как утренний туман. Некоторых среди них уже нет (обанкротились), но оставшиеся (а также некоторые новички, пришедшие на смену банкротам) опять

расселись стройными рядами в притворе храма и принялись за прежнее ремесло.

Эффект «хлыста» финансового кризиса оказался очень кратковременным, даже более чем кратковременным, чем после биржевого краха в октябре 1929 года в США, когда в западной экономике произошла определенная перестройка и примерно полвека она функционировала на основе принципов Дж. Кейнса (государственное регулирование экономики и определенные ограничения алчности финансовой олигархии). Это свидетельствует, с одной стороны, о нарастающем бесчувствии и безрассудстве мировой финансовой олигархии; с другой, – о прогрессирующей неспособности общества противостоять алчности этой олигархии.

Уже если Бог не смог вразумить сребролюбивых и стяжательных иудеев, то вряд ли мы, слабые и грешные, сможем избавить человечество от этой болезни. Надо трезво оценивать духовно-нравственное состояние человечества и понимать: мы, немощные духом, можем лишь ослабить эту болезнь. А если мы дерзаем заниматься ее лечением, то надо помнить, что она заразная и что мы с нашим слабым духовным иммунитетом сами можем пополнить число тех, кто страдает этой болезнью стяжания и сребролюбия.

Достаточно вспомнить, как Мартин Лютер и прочие протестанты энергично начали бороться с заразой ростовщичества и стяжания внутри Католической церкви. А кончилось все тем, что в лоне протестантизма эта зараза перестала считаться болезнью и даже стала знаком богоизбранности. Как тут не вспомнить слова из Евангелия насчет того, что можно изгнать одного беса, а его место займут десять еще более злых.

Момент третий. Изгоняя торговцев и менял из храма, Христос замахнулся в первую очередь не на тех

торговцев и меновщиков, которые находились в притворе храма, а на высшую власть в Иудее в лице первосвященников и их ближайшего круга.

К сожалению, не всегда в объяснении данного евангельского сюжета его толкователи акцентируют на этом внимание.

Иногда об этом торжище в притворе Иерусалимского храма пишут как о банальном базаре, который мало чем отличается от других базаров на Востоке. Приведем пример такого толкования: «Таким образом, двор язычников (та часть территории храма, где расположились торговцы и менялы. – В. К.) со временем превратился попросту в базарную площадь с шумом, гамом, толкотней, спорами, обманами – что так неуместно было в стенах зданий, причислявшихся к храму. Вся торговля имела характер личной наживы, торговля необходимыми для жертвоприношений предметами производилась не от храма, а по личной инициативе частных торговцев, которые преследовали исключительно корыстные расчеты»¹. Далее подводится итог, что «этот торговля ничем не отличался от обычного базара»². С таким толкованием согласиться сложно.

Слава Богу, есть толкования, лаконично, но убедительно объясняющие, кто был истинным организатором торжища на территории Иерусалимского храма. Более полутора столетий назад святитель Иннокентий Херсонский (Борисов) в своей прекрасной работе «Последние жизни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа» писал: «Не недостаток другого места был причиною, что часть храма превратили в торжище. Внизу, при подошве горы, на коей стоял храм, и за его оградою довольно

¹ Евангельские беседы на каждый день года по церковным зачалам. М.: Правило веры, 1999. С. 322.

² Там же.

оставалось пустого пространства, где можно было расположиться торжникам. Но там надеялись получить менее выгод и не по столь многой и высокой плате за право торговли старейшинам храма; а в сем последнем и состояло дело. *Корысть была душою беспорядка, который, находясь под покровительством самих начальников, усилился до высочайшей степени»*¹ (курсив мой. – В. К.).

Христос бросал вызов иудейской верхушке, которая фактически организовала под крышей Иерусалимского храма торгово-ростовщический бизнес и баснословно на этом бизнесе богатели. Торговцы и меновщики в притворе храма были лишь небольшой частью той разветвленной финансово-торговой системы, которая выходила за рамки не только храма, но также Иерусалима и всей древней Иудеи.

Вероятно, читателям Евангелия, жившим в первые века после Рождества Христова, многие новозаветные сюжеты, включая рассматриваемый нами сюжет, не надо было объяснять специально. А вот для современного читателя Евангелия сюжет очищения храма от спекулянтов Спасителем требует дополнительных разъяснений. Понимание отдельных деталей евангельских (библейских) повествований очень оживляет восприятие этих повествований. В результате современный человек (который, в отличие от наших предков, привык к конкретно-предметному постижению истин) более остро и живо начинает воспринимать то, что происходило две тысячи лет назад. Он неизбежно начинает проводить определенные параллели с современностью. В конечном счете это помогает ему глубже постигать духовный смысл библейских событий, метафизику мировой истории.

¹ Святитель Иннокентий Херсонский (Борисов). Последние жизни земной жизни Господа нашего, Иисуса Христа, изображенные по сказанию всех четырех евангелистов. Часть II. Одесса, 1857. С. 10.

Две тысячи лет назад простые иудеи соприкасались с необузданным разгулом спекулянтов и торгашей лишь на ограниченном пространстве двора Иерусалимского храма, причем это соприкосновение для простого иудея, как правило, происходило лишь раз в году. Современному человеку приходится каждодневно сталкиваться с разного рода торговцами и меновщиками, при этом они заполнили все наше жизненное пространство и сделали нашу жизнь невыносимой. С учетом этого обозначенные выше три момента евангельской истории могут быть практически важными при ответе на вопрос «Как нам жить?».

Нашим «богатым юношам»: кое-что о бедности

В наше время уже имеется достаточно большое количество книг религиозно-нравственной направленности, в которых с православной точки зрения объясняется, что такое богатство и бедность, как к ним относиться и к чему православному верующему человеку стремиться. Книги написаны нашими батюшками и учеными-богословами. Также имеются сборники высказываний на этот счет отцов Церкви – Иоанна Златоуста, Василия Великого, Симеона Нового Богослова и многих других. Большинство из тех, кто познакомился с этой литературой, прочитанное, как правило, резюмируют примерно такой фразой: «Богатство и бедность сами по себе не являются ни злом, ни добром. Главное – как к ним относиться, как по отношению к ним настроено сердце человека». А далее за этим обычно следует добавление: «Богатство не вредит человеку, если к нему не привязываться сердцем».

Это такое добавление, которое у нас с чьей-то легкой руки стали называть оговоркой по Фрейдю. Но такая оговорка в наш век царства мамоны действительно оказывается не случайной. Поверьте мне: я этот вопрос проговаривал с десятками людей, которые считают, что они – «в теме». Сходность ответов поразительная! Никто не сказал, например: «Бедность не вредит человеку, если к ней не привязываться сердцем». Или: «Бедность для человека более спасительна, чем богатство». Бедности боятся как чумы, и о ней как о духовном идеале никто не заикается (на бедность в наше время принято лишь жаловаться).

Современные люди (я, в первую очередь, имею в виду людей православных и даже воцерковленных) сегодня в духовной литературе находят то, что им хочется найти. Хочется им найти оправдание своему богатству и своей неустанной деятельности по прибавлению богатства, и они ее находят в творениях святых отцов. Вернее, им кажется, что они находят. А ведь там однозначно говорится о духовном вреде богатства для человека (негативные социальные последствия процесса накопления богатства мы вообще оставляем за скобками). И о том, что бедность для человека более спасительна, чем богатство. Впрочем, святые отцы и не могли говорить иначе. В Евангелии ведь постоянно говорится о том, что богатство – почти непреодолимый барьер для спасения человека. Иисус Христос говорил, что легче верблюду пролезть через игольное ушко, чем богатому попасть в Царство Небесное. Также можно вспомнить притчу о богаче и Лазаре и т. п.

Вопрос богатства и бедности – один из ключевых для понимания того, в каком обществе мы сегодня находимся, как нам в нем жить, какое общество могло бы быть для православных людей более приемлемым, чем

нынешнее, как нам менять свои стереотипы мышления и поведения в сфере имущественных (экономических) отношений с другими людьми и т. п. Некоторые наши нетерпеливые соотечественники предлагают проекты создания в России новой социально-экономической системы под разными названиями: «христианский социализм», «третий путь», «общинная экономика» и т.п. Но нам, православным людям, прежде чем замахиваться на такие глобальные проекты, было бы не худо разобраться в том, как мы должны относиться к материальным благам, которые дает (или, наоборот, не дает) нам Бог. Естественно, рассматривая проблему с точки зрения спасения нашей души. Иначе все эти проекты останутся прожектами.

О добровольной бедности

Невозможно на нескольких страничках изложить все мысли святых отцов о бедности и богатстве. По сути, они составляют целостное учение, которое не вместились бы даже в формат толстой книги. Рассмотрим лишь один отрывок из Иоанна Златоуста, который не часто приводят в наших православных публикациях: «Не стыдно ли нам добродетелей отцов наших? Тех трех тысяч, тех пяти тысяч человек, которые имели все общее? (Речь идет о первой апостольской общине, упоминаемой в Деяниях святых апостолов. – В. К.) Что пользы в настоящей жизни, если мы не можем купить ею жизни будущей? Доколе не поработите себе поработившего вас мамону? Доколе будете рабами денег? Доколе не возлюбите свободы и не расторгнете уз сребролюбия? Когда вы находитесь в рабстве, тогда решается на все, лишь только бы кто-нибудь обещал вам свободу. А будучи пленниками сребролюбия, вы и не думаете освободиться от этого горького рабства. То рабство еще

не так тяжело; а это самое несносное иго... Поэтому рассмотрим, отчего эта пагубная страсть сделалась нам любезною. Итак, отчего? Отчего она нам стала любезна? От того, говоришь ты, что она доставляет славу и безопасность. Но, скажи мне, какую безопасность? Конечно, ту, что мы надеемся при деньгах не терпеть ни голода, ни стужи, ни вреда, ни презрения. Итак, если я обещаю тебе такую безопасность – перестанешь ли ты желать богатства? Если богатство только потому тебе любезно, то, когда и без него можно быть безопасным, какая еще тебе в нем нужда? Но как возможно, говоришь ты, без богатства достигнуть этого? Напротив, как это возможно для богатого? В самом деле, он должен по необходимости многим льстить, как начальникам, так и подчиненным, иметь нужду во многом, до низости раболепствовать, бояться, трепетать, предполагать завистников, страшиться клеветников и алчности других корыстолюбцев. А в бедности не бывает подобного, но совершенно тому противное. Это убежище безмятежное и безопасное, тихая пристань, училище любомудрия, образ жизни ангельской. Услышьте это вы, бедные, а еще более вы, желающие быть богатыми! Не бедным быть худо, но худо не хотеть быть бедным...»

Большую часть этого отрывка я предлагаю для ознакомления наших читателей и оставляю без комментариев (по причине ограниченности формата моей публикации). Обращу ваше внимание лишь на следующие слова святого отца: *«худо не хотеть быть бедным»*. Сколько раз я встречал в разных православных книгах простую и уже ставшую достаточно привычной мысль о том, что *бедным быть не худо*. Но в приведенном тексте совершенно другой акцент, другой ракурс: *«худо не хотеть быть бедным»*. То есть речь идет не о той бедности, в которую человек попадает по стечению обстоятельств

(впрочем, православные понимают, что ничего случайного в нашей жизни не происходит), а о бедности, которую он устраивает сам. Здесь *вынужденной бедности* противопоставляется *добровольная бедность*. Первая хорошо известна миллионам граждан современной «демократической» России, вторая – неизвестна, непонятна и даже пугает. Ведь вопрос стоит ребром: если ты по-настоящему христианин, значит ты должен желать добровольной бедности. И наоборот: если ты не желаешь добровольной бедности, значит, ты не христиан, а лишь имитируешь свою принадлежность к христианству, обманывая других, а главное – самого себя.

Кстати, все мы хорошо помним следующее место из Евангелия: «И Он, возведя очи свои на учеников Своих, говорил: “Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие”» (Лк. 6, 20). Примечательно, что в греческом тексте этот фрагмент звучит так: «Блаженны нищие, ибо ваше есть Царствие Божие». То есть в русской версии к слову *нищие* добавлено *духом*. Это дает дополнительное понимание смысла всей фразы. В толкованиях к этому месту говорится, что речь идет не просто о нищих, которые таковыми стали по стечению обстоятельств и тяготятся этим своим положением, а именно о тех, кто сознательно выбирает путь нестяжательства, т.е. *добровольную нищету*. Таким образом, нищие духом – те, кто следует путем нестяжательства, кто руководствуется наказом Спасителя: «блаженнее давать, чем принимать» (Деян. 20, 35). В этих и многих других местах Нового Завета звучат слова Спасителя и апостолов, призывающих к добровольной нищете. Понятие *добровольная нищета* не количественное (такой-то допустимый уровень имущества и/или доходов), а качественное, определяющее настрой души человека и результирующий вектор его взаимоотношений с

окружающими (вектор *давать* превалирует над вектором *принимать*).

Ярчайший пример добровольной нищеты – *Христос*. Он говорил: «...Лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8, 20). Если бы Христос считал идеалом богатство, разве не мог бы Он показать пример богатой жизни? Он – Бог, следовательно, и Творец. Создать что-либо материальное или преобразовать материальное (например, камни в хлеба, как этого добивался дьявол от Него в пустыне) для Иисуса Христа не представляло никакого труда. Он это делал иногда, но не для того, чтобы получить славу или богатство, а лишь тогда, когда в этом действительно нуждались окружающие Его люди. Мы помним, что Он два раза накормил несколькими хлебами по несколько тысяч людей. Мы помним, что Он обратил воду в вино на свадьбе в Капернауме. Мы помним, что после того, как Он сказал Своим ученикам закинуть сети, они поймали 153 большие рыбы. Но Христос никогда не творил таких чудес для того, чтобы накормить или напоить лично Себя.

О добровольной бедности в современной России

Судя по всему, даже во времена Златоуста, когда вера людей была несравненно крепче нашей, приведенная выше постановка вопроса святым отцом о добровольной бедности была крайне острой, а реакция на него со стороны тогдашних христиан была достаточно болезненной (святитель постоянно обличал увлечение богатством среди христиан его времени). Впрочем, даже во времена Христа подобная постановка вопроса Спасителем («удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши,

нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19, 24)) оказалась шокирующей для Его учеников: «Услышав это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись?» (Мф. 19, 25). А ведь Его ученики были не богачи, а бедные рыбаки – правда, их бедность на момент встречи со Спасителем была *вынужденной*. Судя по ряду мест из Евангелия, даже за время пребывания с Учителем ученики из вынужденных бедняков еще не успели полностью превратиться в добровольных (это сугубо духовное преображение произойдет позднее, когда на них снизойдет благодать Духа Святого на Пятидесятницу).

А теперь представьте, что сегодня к каждому из нас напрямую обращается сам Спаситель (как Он две тысячи лет назад обратился к богатому юноше) со словами: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19, 21). Думаю, что реакцией большинства из нас был бы настоящий шок.

Сегодня, в эпоху капитализма, все стремятся, наоборот, накопить имущество, приумножить его. И не важно, сколько у тебя этого имущества на данный момент: на сто миллиардов или на один миллион долларов. Или даже на миллион рублей. Ты можешь не пойти за Ним даже тогда, когда тебе вообще нечего продать и раздать. Даже тогда, когда твои пассивы превышают активы и ты находишься «в минусе» (кстати, многие «крутые» современники только называются богатыми, а реально у них сплошные «минусы»; иллюзию богатства создают некоторые внешние атрибуты – типа «мерседеса», взятого напрокат). Принципиально то, что ты уже привык поклоняться мамоне. Ты уже привык тратить все свои физические, душевные и духовные силы на то, чтобы быть «в плюсе», причем непрерывно растущем. Это и понятно:

двигателем обогащения является гордыня, а эта страсть (как и любая другая) не имеет пределов.

Поэтому многие наши современники, подобно евангельскому юноше, скорее всего, отошли бы от Христа. В Евангелии сказано, что «юноша отошел с печалью» (Мф. 19, 22). Думаю, что они отошли бы от Него не с «печалью», а с недоумением или даже раздражением. А некоторые бы назвали предложение Христа безумным. Увы, таково понимание и состояние христианства в «век победившего капитализма». Капитализм утверждается не только в экономике, но и в душах людей. О предупреждении Христа, что нельзя поклоняться Богу и мамоне, многие начинают забывать. У современного «среднестатистического» христианина в России наблюдается шизофреническое раздвоение личности: в воскресенье он ходит в храм и поклоняется Богу, а все остальные дни недели поклоняется мамоне. Но, справедливости ради, стоит сказать, что на Западе 99% людей поклоняются мамоне семь дней в неделю и 365 дней в году. У нашего соотечественника еще сохраняется шанс на спасение.

Напомним, чем кончается история о богатом юноше. На недоуменный вопрос Своих учеников «так кто же может спастись?» Господь отвечает: «Человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19, 26). Святые отцы говорят, что человек по своей духовной немощи не может в полной мере выполнить ни одной заповеди Бога. В том числе и заповеди оставить свое богатство. Человеку дано лишь ощутить свою греховность и глубину духовного падения, пытаться себя исправить, каяться после каждой неудачной попытки и в конечном счете уповать на милость Божию.

Во времена раннего христианства достаточно часты были случаи оставления богатыми людьми своего

богатства, его раздачи нищим и ухода из шумного и суетного мира соблазнов и искушений (на память приходят в первую очередь святители Василий Великий и Григорий Богослов, блаженный Августин). Чем ближе к сегодняшнему времени, тем таких случаев все меньше. На память приходит лишь Серафим Вырицкий, который еще в начале прошлого века был преуспевающим купцом. Он нашел в себе силы оставить свое богатство и суетный мир, став поистине духоносным старцем, вокруг которого спасались тысячи. Может быть, и сегодня в России есть свои Серафимы Вырицкие, но мне об этом ничего не известно.

О «богатых юношах» в России и принудительной бедности

Но вернемся к словам Спасителя: «Человекам это невозможно, Богу же все возможно». Любящий Господь видит, что слабый и немощный человек не может самостоятельно избавиться от уз мира сего, и помогает этому слабому человеку спастись, посылая ему скорби и испытания. Чаще всего в православной литературе в качестве таких спасительных скорбей и испытаний называются телесные болезни или смерти близких людей.

А вот в случае духовных болезней, которые условно можно назвать «болезнь богатого юноши», Господь посылает другое лекарство: *принудительное освобождение от богатства*. Мы до сих пор не можем до конца понять и пережить события почти столетней давности, когда к власти пришли большевики и лишили русских «богатых юношей» их имущества. А ведь это было попущение Бога. Причем Бога любящего: многие «богатые юноши» в России были людьми, которые еще оставались в лоне Православной Церкви и не окончательно

спалили свою совесть. В отличие от западных «богатых юношей», которые глубоко пропитались духом капитализма и полностью стали поклоняться мамоне, забыв о Боге (придумав в свое оправдание и успокоение религию под названием протестантизм).

Кстати, мы не знаем дальнейшей судьбы евангельского богатого юноши. Но мне кажется, что Господь его не оставил. Почему? Потому что в этой истории есть такие слова: «Иисус, взглянув на него, полюбил его...» (Мк. 10, 21). Мне почему-то кажется, что наш евангельский герой не мог забыть слова Спасителя, они продолжали звучать в его памяти, они дали ему толчок к внутренней духовной работе. Юность (время искушений и соблазнов) могла быстро пролететь и смениться различными скорбями и испытаниями. Так что я не исключаю, что наш герой мог вполне исполнить совет Спасителя, но позднее. Может быть, даже присоединиться к первой христианской коммуне, о которой кратко сказано в Деяниях святых апостолов. Но даже если он и не выбрал путь добровольной бедности, Спаситель мог помочь ему каким-либо способом утратить свое богатство и дать таким образом дополнительный шанс для спасения.

«Богатые юноши» современной России должны понимать: если у них не хватит духовных сил и мужества исполнить заповедь Христа об оставлении своего имущества, то они должны быть готовы к тому, что оно будет у них отобрано принудительно. Конкретных способов для этого много: Бог может попустить пожары, наводнения, экономические и финансовые кризисы, банкротства, войны, восстания и революции, нашествие воров или «рейдеров» и т. д. И вместо добровольной нищеты наступит нищета вынужденная, или принудительная, как это уже было в истории России. Сценарии такой экспро-

приации давно уже нарисованы нашими политологами, социологами и экономистами. Однако духовной подоплеки таких сценариев (с моей точки зрения, вполне реальных) при этом не раскрывается. Атеисты воспримут реализацию любого такого сценария как несправедливость или очередной «беспредел», а маловеры – как излишне жестокое наказание. Но по меркам вечности это будет единственно верным и справедливым выходом из сегодняшних тупиков нашей жизни. Господь прибегнет к сильному, но эффективному лекарству, необходимому для спасения наших «богатых юношей», а вместе с ними – и тех миллионов наших сограждан, которые мечтают попасть в их компанию. Ибо мне кажется, что, несмотря на все их падения и увлечения мамоной, Бог их все еще любит – также, как две тысячи лет назад Он полюбил евангельского юношу.

О динарии кесаря

Сегодня трудно найти взрослого человека, который бы не слышал о евангельской истории, которую коротко называют историей о динарии кесаря. Духовные и богословские смыслы этой истории во всех тонкостях прокомментированы и объяснены святыми отцами, известными богословами. Позволю себя остановиться на некоторых более частных аспектах истории, понимание которых поможет лучше разобраться в текущих экономических и политических проблемах нашей сегодняшней жизни.

Даже в советское атеистическое время любой грамотный человек имел некоторое представление об этой евангельской истории. «Кесарю кесарево, а Богу Божово» – фраза, которая относилась к разряду крылатых и широко использовалась в светской литературе и

в обиходной речи. Тогда понимание фразы было примерно таким: каждому свое – по заслугам. Глубинный смысл фразы тогда понимали очень немногие. Сегодня, слава Богу, издано большое количество книг и статей, относящихся к разряду церковной литературы, в которых подробно изложена и прокомментирована история о динарии кесаря. Эпизод с динарием кесаря описан в трех книгах Евангелия (от Матфея, от Марка, от Луки) и относится к периоду проповеди Иисуса Христа в Иерусалиме. История с динарием кесаря – лишь один из многочисленных эпизодов, когда вожди еврейского народа предпринимали попытки бороться с Христом, используя любые методы, в том числе такие, которые построены на дискредитации и сборе компроматов.

В данной истории фарисеи и примкнувшие к ним иродиане¹ попытались скомпрометировать Христа провокационным вопросом: «И посылают к Нему некоторых из фарисеев и иродиан, чтобы уловить Его в слове. Они же, придя, говорят Ему: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице, но истинно пути Божию учишь. Позволительно ли давать подать кесарю или нет? Давать ли нам или не давать?» (Мк. 12, 13–14).

Ответ «да» дискредитировал бы Христа перед евреями, которым был ненавистен Рим и римский кесарь. Ведь Иудея фактически была зависимой территорией,

¹ Иродиане – упоминаемая в евангелиях партия, враждебно относившаяся к Иисусу Христу (Мк. 3, 6, Мк. 12, 13, Мф. 22, 16; отчасти также Мк. 8, 15). Это приверженцы ненавистного иудеям Иродова дома, сторонники политической зависимости от Рима. В глазах фарисеев и тем более zelотов они выглядели как откровенные коллаборационисты. Иродов дом берет начало с Ирода Великого (ок. 74–73 гг. до н. э. – 4 до н. э.; по другим данным, 1 до н. э.). Ирод Великий – идумеянин, сын Антипатра, римского прокуратора Иудеи. Царь Иудеи (40–4 г. до н. э.), основатель идумейской династии Иродиадов. Христос предостерегал Своих учеников от иродиан наравне с фарисеями и саддукеями.

полуколонией в рамках Римской империи. Ответ «да» означал бы, что Христос на стороне римских оккупантов. Такой ответ привел бы к тому, что народ отшатнулся от Христа, в котором многие видели будущего царя и освободителя. Выражаясь современным языком, Его политический рейтинг упал бы до нуля, Он встал бы в ряд с такими презираемыми в Иудее людьми, как мытари – сборщики налогов, действующие в интересах оккупантов.

А ответ «нет» можно было бы расценить как призыв к мятежу и использовать его для обвинения Христа в подготовке восстания. Как мы знаем, позднее иудейские вожди добивались от римского прокуратора Понтия Пилата казни Христа за то, что Он якобы подстрекал народ к восстанию против власти Рима.

Некоторые исследователи Библии и историки считают, что упоминаемая в данной истории подать – подушный налог, установленный по результатам переписи Квирина, описанной в Евангелии (Лк. 2, 1–5) и вызвавшей большое недовольство среди иудеев. Восстание тогда поднял Иуда Галилеянин¹, оно было подавлено, однако его идеи сохранили значение среди партии zelотов²

¹ Иуда Галилеянин упоминается в Новом Завете: «Во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собою довольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассыпались» (Деян. 5, 37).

² Зелоты (с греч. – букв. ревнитель, приверженец) – социально-политическое и религиозное движение в Иудее, возникшее в эпоху Маккавеев во второй половине I века до н. э. и оформившееся окончательно в середине I века н. э. Основной целью zelотов было упразднение эллинистического влияния и свержение римского владычества, для достижения которой считались пригодными любые средства. К середине I века н. э. zelоты оформились в политическую партию для борьбы с наследием царя Иудеи Ирода Великого. С фасада Иерусалимского храма, отстроенного Иродом, они сбили золотого орла как побуждающего к идолопоклонству и намекающего на римское владычество.

даже несколько десятилетий спустя, в описываемый исторический момент.

Христос прекрасно понимал лукавство вопроса, ту ловушку, в которую Его заманивали фарисеи. Реакция Христа была следующей: «Но Он, зная их лицемерие, сказал им: что искушаете Меня? принесите Мне динарий, чтобы Мне видеть его. Они принесли. Тогда говорит им: чье это изображение и надпись? Они сказали Ему: кесаревы. Иисус сказал им в ответ: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. И дивились Ему» (Мк. 12, 15–17).

В христианской литературе ответ Христа в первую очередь рассматривается как четкая формула, позволяющая определить для христианина правильное соотношение власти духовной и власти политической, власти церковной и власти светской (государственной). Данный (самый главный) аспект истории о динарии кесаря рассматривается в работах очень многих святых отцов и богословов. Я его касаться не буду.

Обращу внимание на более частный аспект. Аспект, имеющий отношение к денежной и финансовой системе Иудеи и Римской империи того времени. Поскольку Иудея стала провинцией Римской империи, то на территории этой провинции использовались римские монеты – *серебряные динарии*. В оригинальном тексте употреблено слово *δηνάριον* (*dēnagion*). Традиционно принято считать, что это был римский динарий с изображением Тиберия, римского императора, правившего в то время. Среди нумизматов тем самым динарием кесаря (**tribute penny**) принято считать монету с изображением Тиберия и надписью «Ti[berivs] Caesar Divi Avg[vsti] F[ilivs] Avgvstvs» (Тиберий Цезарь Август, сын Божественного Августа). На другой стороне моне-

ты было изображение сидящей женщины – возможно, Ливии в образе богини мира Пакс¹.

Впрочем, эти нумизматические тонкости не так важны. Главное – монета была римская. И к тому же монета, содержащая языческую символику и портреты императоров (кесарей). Пользование такой монетой означало фактически проявление идолопоклонства, что входило в резкое противоречие с установками иудаизма, дополнительно усиленными разного рода запретами и предписаниями фарисеев. Иудея была единственной частью обширной Римской империи, где римские монеты воспринимались крайне болезненно. Ведь лишь в этой маленькой провинции существовала монотеистическая религия, которая находилась в непримиримом противоречии с любой модификацией язычества, основанного на многобожии и идолопоклонстве. Спротивление иудеев уплате подушного налога Риму было обусловлено не только и не столько финансовыми соображениями, сколько мотивами политического, нравственного и религиозного характера.

Иудея достаточно активно сопротивлялась различным формам римского язычества. И кое-чего народу Иудеи добиться удалось.

Во-первых, его освободили от формальной процедуры поклонения римскому императору, который в то время уже при жизни имел статус бога. Также освобождались евреи от поклонения и жертвоприношений всему пантеону языческих богов.

¹ Некоторые нумизматы и историки утверждают, что в то время динарии не имели широкого хождения в Иудее, и на самом деле той монетой могла быть тетрадрахма (также с головой Тиберия и Августом на обороте). Еще одна версия – денарий Августа с Гаем и Луцием на обороте; возможно также, что это был денарий Гая Юлия Цезаря, Марка Антония или Германика – так как монеты предыдущих правителей могли оставаться в обороте.

Во-вторых, Рим не возражал против того, чтобы вожди иудаизма организовали сбор храмовой подати и десятины на территории Иудеи и других провинций Римской империи, где проживали иудеи. Храмовая подать – налог, который должен был уплачивать правоверный иудей каждый год. Он шел на содержание Иерусалимского храма – центра духовной жизни еврейского народа¹.

В-третьих, евреи получили право чеканить свою собственную монету – так называемый *священный сикль*. С помощью этой монеты происходила уплата храмовой подати, жертвоприношений в Иерусалимском храме. Мы прекрасно помним историю об изгнании Христом торговцев и менял из Иерусалимского храма. Менялы в храме как раз занимались разменом языческих монет на священные сикли².

Таким образом, слова Христа «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» можно понимать не только в высоком смысле, но и буквально. То есть: налог Риму платите с помощью динария кесаря, а храмовую подать и другие приношения в Иерусалимский храм осуществляйте с помощью священного сикля.

По мнению святителя Василия Кинешемского, окружавший Христа не искушенный в духовных вопросах народ именно буквально и понял слова Спасителя: «Люди толпы, не стремящиеся проникнуть в глубину внутреннего смысла и довольствующиеся простым, поверхностным пониманием, могли видеть здесь простое признание существующей практики сборов»³.

¹ Подробнее см.: Катасонов В. Ю. Иерусалимский храм как финансовый центр. М.: Кислород, 2014. С. 45–48.

² Там же. С. 234–238, 240–248.

³ Святитель Василий, епископ Кинешемский. Беседы на Евангелие от Марка. М.: Отчий дом, 2014. С. 591.

Опытные толкователи истории о динарии кесаря обращают внимание на одну тонкость евангельского текста, которая гораздо отчетливее просматривается в тексте на греческом языке. Вопрос фарисеев и иродиан звучит так: «Позволительно ли давать?» А Христос их поправляет: «возвращайте, отдавайте назад». В греческом языке в вопросе и ответе используются разные глагольные формы. Именно так и поняли искушенные фарисеи ответ Христа. Ответ, который звучал для этих ревнителей чистоты религии и веры укором. Наиболее ярко этот нюанс истории акцентирован Василием Кинешемским. Он пишет: «Таким образом, Своим ответом, внутренний смысл которого несомненно был понят фарисеями, Господь говорил им следующее: “Лицемеры, зачем вы спрашиваете Меня? Ведь эта монета римской чеканки и вышла с императорского монетного двора. И вы принимаете ее? Вы пользуетесь ею как ходячей монетой при своих расчетах? Но вы прекрасно знаете, что принимать монету царя – значит признавать его господство. Следовательно, принимая динарий в качестве ходячей монеты, вы тем самым открыто признаете, что кесарь – ваш повелитель, и что вы – его подданные. Но раз вы признаете себя подданными кесаря, то, ясное дело, вы должны исполнять и все обязанности, вытекающие из этого подданства, в том числе и уплату податей. Таким образом, приняв римский динарий, вы уже сами решили вопрос о податях и согласились, что должны платить их. Для чего же вы еще спрашиваете Меня?”»¹ Святитель Василий, не будучи по образованию экономистом и финансистом, очень точно уловил суть денежной системы: деньги принадлежат тому, кто их выпускает (чеканит, печатает), и рано или поздно эти деньги возвращаются туда, откуда они вышли. Для простых римлян и жителей Иудеи тогдашний

¹ Там же. С. 592.

динарий кесаря был в первую очередь средством обмена, а для кесаря (в тот момент Тиберия) – средством сбора налогов в императорскую казну.

Христос в данной ситуации укоряет фарисеев даже не за то, что они как духовные лидеры еврейского народа допустили хождение римского динария на территории Иудеи, а именно за их лукавую двойственность. С одной стороны, фарисеи демонстрируют показной патриотизм. С другой – они постоянно заигрывают с римскими властями. В Евангелии много фрагментов, демонстрирующих такое заигрывание и двуличие. Даже в истории с динарием кесаря мы видим, что ради своих политических целей они сближаются с местными коллаборационистами – иродианами.

Можно пойти дальше и, отталкиваясь от истории с динарием кесаря, сделать такой вывод: чтобы избавиться от унижительного налогового бремени Рима, еврейскому народу надо было избавиться от римской монеты. Налоги метрополии – вторичны, денежная система Иудеи – первична.

Взялся я писать на тему динария кесаря потому, что она очень созвучна с сегодняшними событиями в России. Вот уже более двух десятилетий Россия находится на положении полуколонии, уплачивающей дань Западу, прежде всего Соединенным Штатам. Да, сегодня в России нет прямых налогов, которые бы непосредственно направлялись в казну Вашингтона. Но есть бесчисленное количество форм скрытой дани. Например, накопленные валютных резервов в виде казначейских облигаций США и ряда других стран. Фактически это скрытый способ беспроцентного кредитования Западу, прежде всего направленного на ликвидацию дефицита государственного бюджета США, а дефицит этот образуется в результате гигантских военных расходов Пентагона.

Сегодня патриоты всех оттенков в России призывают положить конец подобному рода практике скрытого ограбления нашей страны. Но сделать это мы сможем лишь в том случае, если будем последовательны. Мы платим «динарии кесаря» тому, кому они принадлежат, – «кесарю», «императору». Мы возвращаем с большим трудом заработанные на мировом рынке доллары туда, откуда они пришли. То есть в США. Иного быть не может. Только не надо думать, что применительно к Америке «кесарь» – это президент США. Современный кесарь – Федеральная резервная система США, частная корпорация. А если быть более точным, то даже не ФРС, а ее главные акционеры, хозяева денег.

Сегодня в России появляется все больше патриотов разных оттенков, которые призывают положить конец эксплуатации России Западом. Призывы очень благородные. Но, вспоминая евангельскую историю о динарии кесаря, мы должны признать, что сначала нам надо избавиться от власти современного «динария» – доллара ФРС. К сожалению, многие наши патриоты наивно думают, что внутри России имеет хождение не американский «динарий», а свой национальный рубль. Однако это оптический обман. Центробанк России (фактически филиал ФРС США) выпускает рубли под накапливаемые в резервах зеленые фантики (доллары). Так называемый российский рубль – тот же зеленый фантик, перекрашенный в национальные цвета. Такая лукавая денежная система позволяет эксплуатировать жителей полуколонии, но при этом не дразнить их лишним раз напоминанием о том, что система строится на «динарии» Федерального резерва.

Впрочем, пока (несмотря на возмущения наших патриотов) Россия в добровольно-принудительном порядке продолжает платить подати современным западным «кесарям». И будет продолжать это делать до тех

пор (тут не должно быть никаких иллюзий), пока мы будем пользоваться «динарием» ФРС. А как избавиться от этого проклятого «динария»? Я об этом много раз писал. Но писал я лишь о политических и финансово-технических аспектах отвязки от «динария» и возвращения к национальному рублю.

Важнейшим условием успеха в деле возвращения народа к своим национальным деньгам является напоминание Христа о том, что надо платить *Богу Богово*. То есть русский народ должен вернуться в лоно Православной Церкви и жить по заповедям Христа. В том числе помнить и исполнять слова Спасителя: «Не можете служить Богу и мамоне». Пока мы поклоняемся мамоне, мы остаемся заложниками «динария» ФРС. Федеральный резерв США – это и символ мамоны и почти в буквальном смысле храм мамоны. А пока мы заложники «динария», то принуждены платить дань мамоне. Спаситель недаром говорил: «...иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11, 30). Пока наш человек не поймет простой истины, что надо платить *Богу Богово* и что это иго *благо* и *легко*, он обречен на бремя уплаты мамоне «динария кесаря». Бремя тяжелое в финансовом отношении и унижительное – в национальном и нравственном.

РАЗДЕЛ II. РУССКИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ МЫСЛИТЕЛИ ОБ ЭКОНОМИКЕ И «ТУМАНЕ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Василий Кокорев о «тумане» европейской финансовой науки

Скалозуб: «Ученостью меня не обморочишь!»

А.С. Грибоедов. Горе от ума

Никаких самостоятельных экономических законов, никакой экономической необходимости нет и быть не может (выделено мной. – В. К.). Самостоятельный и безусловный закон для человека как такового один – нравственный и необходимость одна – нравственная. Особенность и самостоятельность хозяйственной сферы отношений заключается не в том, что она имеет свои роковые законы, а в том, что она представляет по существу своих отношений особое своеобразное поприще для применения единого нравственного закона, как земля отличается от других планет не тем, что имеет какой-нибудь свой особый источник света (чего у нее в действительности нет), а только тем, что по своему месту в солнечной системе особым, определенным образом воспринимает и отражает единый общий свет солнца.

Владимир Соловьев. Оправдание добра

Таким образом, предмет научной «непредвзятости» и «беспристрастности», которыми так похваляются экономисты, при этом исключая самого человека, его жажду приобретательства и власти, как и его неспособность устоять перед искушением несправедливости, не только не дает положительных результатов, но является контрпродуктивным, умножающим и укрепляющим пороки ростовщичества вместо того, чтобы разоблачать их. Именно то, что придает телескопическую или микроскопическую силу интеллектуальному взгляду ученого, укрепляет и утверждает экономиста в его непонимании, – непонимании, не наказуемом естественными последствиями, как это имеет место в точных и технических науках, а награждаемом престижем и высокими доходами... Коротко можно сказать так: *экономика – лженаука* (выделено мной. – В.К.)¹.

*Айвор Бенсон*²

Важнейшей глубинной причиной всех экономических провалов, по мнению Кокорева, стало то, что Россия перестала жить своим умом, пошла на поводу разных западных теорий и учений. В первую очередь, эти теории и учения захватили умы российской аристократии и петербургской бюрократии. А часть столичной бюрократии, которую Кокорев называл фирмой «Они», активно проводила эти теории и учения в жизнь под видом различных реформ. Справедливости ради следует признать, что проникать эти теории и учения начали

¹ Бенсон А. Фактор сионизма: влияние евреев на историю XX века / Пер. с англ. М.: Русский вестник, 2001. С. 186.

² *Айвор Бенсон (Ivor Benson) (1907–1992)* – журналист шведского происхождения. Работал в «Дейли экспресс», «Дейли телеграф» (Лондон), позднее перебрался в Южную Африку. С 1964 по 1966 – советник Яна Смита, премьер-министра Родезии (Зимбабве), автор книги «Фактор сионизма» (The Zionist Factor).

еще в XVIII веке. Петр I «прорубил окно в Европу», через этого окно они и потекли в Россию. Особенно явно их влияние на сознание российской аристократии стало ощущаться в эпоху Екатерины II, которая не на шутку увлеклась французским Просвещением, вела переписку с рядом «просветителей». Правда, в последние годы одумалась, но, как говорится, «процесс был запущен». То были идеи преимущественно философские, они подготавливали русского аристократа в духе материализма, рационализма, агностицизма, атеизма и прочих «измов» к тому, чтобы позднее он мог воспринять «передовые» финансовые и экономические теории.

В период царствования Александра I в России стали появляться европейские экономические и финансовые теории в виде переводов книг и лекций наиболее «продвинутых» профессоров – как заезжих, так и собственных. Хотя Россия выиграла войну с Наполеоном, она начала проигрывать Европе на невидимом поле боя под названием «сознание человека». Едва Россия пришла в себя от войны с Наполеоном, как Европа опять ополчилась против России, причем оружие было применено совершенно новое, неизвестное простому русскому человеку и даже государственным мужам. Это и неудивительно: к этому времени Европа уже полностью встала на путь капитализма, всем правили короли биржи и банкиры-ростовщики, а у них главным орудием борьбы были не пушки и снаряды, а кредиты и деньги. Кокорев в «Экономических провалах» говорит, что при Николае I против России началась *финансовая война*. Удивительно, что никто в дореволюционной России, кроме Кокорева, не использовал этого термина. Он вошел в наш обиход лишь в годы «холодной войны» против СССР (1946–1991). Получается, что на момент выхода «Экономических провалов» финансовая война велась

уже более полувека. Итоги ее, как отмечает Кокорев в предисловии к «Экономическим провалам», были для России неутешительными:

«Финансовая война против России настойчиво ведется Европою с начала 30-х годов; мы потерпели от европейских злоухищрений и собственного недомыслия полное поражение нашей финансовой силы».

Говоря о *собственном недомыслии*, Кокорев имел в виду прежде всего легкомысленное восприятие государственными деятелями России западных финансовых теорий, предназначенных не для укрепления, а ослабления государственной мощи нашей страны.

В предисловии к «Экономическим провалам» Кокорев продолжает анализ причин наших полувековых поражений в финансовой войне:

«Мы вырастали в военном деле на почве незыблемого сознания своего будущего великого назначения и на силе духа, верующего в народную мощь; но в деле финансов после каждого поражения мы, наоборот, падали духом и наконец до того приубожились, что во всех действиях наших выражалось постоянно одно лишь *рабоподрожательное снятие копий с европейских финансовых систем и порядков* (курсив мой. – В. К.). Продолжая идти этим путем, мы утратили уважение к самим себе и веру в самих себя».

Там же, в предисловии, Кокорев обращает внимание на то, что финансовая наука напичкана разными иностранными словами («девальвации, консолидации, конверсии»), которые призваны произвести гипнотическое и парализующее влияние на русского человека. Кокорев называет это «туманом, напускаемым на нас в виде финансовой науки».

Сделаю небольшое отступление. Мы сегодня живем уже в XXI веке. Все повторяется. Нам навязывается все

та же финансовая наука, которая почти не претерпела никаких изменений с века XIX. Лишь слов иностранных прибавилось: «реструктуризация», «дефолт», «инфляция», «дефляция», «дефлятор», «денежный мультипликатор», «волатильность», «регрессия», «корреляция»... По опыту преподавания экономики могу сказать: молодой человек цепенеет от всей этой финансовой «эзотерики», у него возникает комплекс неполноценности, он готов довериться любому, кто уверенно манипулирует этими непонятными словами. А туману, напускаемого этой так называемой финансовой наукой, прибавилось. Уже ничего не видно на расстоянии метра (точнее – не знаешь, что будет с рублем через месяц).

Описывая *седьмой провал*, Кокорев напоминает, что ложные или неправильно понятые теории могут разрушать самые крепкие государства:

«На это остается сказать одно: Наполеон III, сидя в Гамской тюрьме, написал в своих записках, что вводимые в народную жизнь ложные экономические воззрения действуют сильнее баррикад на разрушение самых гранитных монархий в мире».

Говоря о *девятом провале*, Кокорев подчеркивает, что российские реформаторы имеют крайне туманное представление о жизни простого народа в России, что российские либералы лучше знают Европу, чем Россию. Если бы они действительно понимали устройство русской жизни, то, наверное, не совершили бы столько ошибок:

«Поклонники предвзятых теорий в вопросах экономических не раз засвидетельствовали свою благонамеренность: они искренно желают добра человечеству, но их взгляд основан, к сожалению, на изучении одних лишь иностранных сочинений. Они исследовали Евро-

пу; им, как говорится, и книги в руки; но они не видали скудной кладовой русского крестьянина, не бывали в его пустом хлебном амбаре, не подмечали, как в конце зимы раскрывается соломенная крыша для того, чтобы эту гнилою соломою поддержать существование изнемогающего от голода скота; они не осматривали скотных хлевов в апреле, когда коров, истощенных недостатком корма, поднимают кольями, чтобы поставить на ноги и вытолкать в поле. Если бы кто-нибудь из теоретиков потрудился осмотреть все это, то нет сомнения, при их добросовестности они сказали бы: «Мы изучили прилежно многое, кроме того только, что нам нужно было изучить»... Если при всей благонамеренности и даже при порывах добрых желаний у нас выходит во многом что-то нескладное и неприложимое к жизни, то причина этому лишь та, что корень нашего мышления по вопросам общего благоустройства происходит не из своей родной почвы».

Практическое применение экономической науки в Европе часто оказывается полезным и действенным потому, как считает Кокорев, что там ее рекомендации зиждутся не на кабинетных размышлениях, а на скрупулезном изучении жизни, наука имеет прикладной характер:

«Европейские экономические знахари, прежде чем признать за собою право участия в решении вопросов, касающихся общих интересов жизни, исходили пешком: немцы – свою Германию, англичане – Великобританию, и перед их мышлением всегда во всей своей величине стояла самая суть дела, то есть нужды и потребности местного населения».

В *десятом провале* Кокорев описывает забавный и одновременно печальный случай, доказывающий, что

российская экономическая мысль является лишь бледной тенью европейской экономической науки и в Европе никому не интересна:

«Здесь кстати будет рассказать следующее событие. Чижев и Бабст начали издавать в 60-х годах “Вестник промышленности”¹; имена их были настолько звучны, что редакция журнала “Экономист”, издающегося в Брюсселе, обратилась к ним с просьбой о присылке в Брюссель молодого человека, знающего русский и французский языки, для перевода статей из “Вестника промышленности” в бельгийский экономический журнал, каковая просьба и была удовлетворена. Через год после этого Чижеву пришлось быть в Брюсселе и посетить редакцию “Экономиста”, где обратились к нему, как он мне рассказывал, с просьбой взять от них обратно русского юношу. На вопрос Чижева, почему этот юноша им не нравится, отвечали, что юноша очень хорош, но что экономические статьи “Вестника промышленности” не заслуживают перевода на французский язык, потому что в них нет ничего своего, доказывающего силу русского самовозрождения, и все вертится около давно известных европейских взглядов, во многом уже отживших свой век. Вот какой взгляд выразила западноэкономическая литература на те иностранные воззрения, пред которыми мы раболепно преклонялись».

Хотя в предисловии к «Экономическим провалам» Кокорев и признает скромно, что он не является профессиональным финансистом¹, однако в *десятом провале* он уверенно утверждает, что так называемая финансовая наука совсем не высшая математика, ее может постигнуть любой человек, обладающий здравым

¹ Там Кокорев пишет: «Прежде всего, считаю необходимым предупредить благосклонных читателей, что я вовсе не имею намерения утруждать их вниманием предложением какой-либо финансовой системы, откровенно сознавая в себе полное незнание финансовой техники».

умом. Но вот чиновники, отравленные ядом западной финансовой науки, уже здравые мысли народа воспринимать не могут:

«Напущенный на нас туман под вымыслом науки со всею его запутанностью заставляет многих предполагать, что финансисты уподобляются алхимикам, знающим секрет философского камня, и что поэтому надобно во всем подчиниться их воззрениям, а камень этот, в то время пока мы еще не погрязли в заграничных долгах, был самый простой: приход, расход с устранением всего излишнего и ненужного, а затем остаток или недостаток с покрытием последнего пропорционально на всех раскладкою, сообразно средствам каждого. Хотя эта раскладка далеко не составила бы и половины той суммы, которую теперь надобно платить народонаселению по заграничным займам, но разве можно было такую простую мысль вдолбить в головы финансистов, зараженных каким-то высшим европейским прогрессом! Между этим простым, так сказать, мужицким взглядом и якобы научным воззрением финансистов существует непроходимая пропасть, такая бездна, что с одного берега на другой никогда нельзя докричаться».

В *четырнадцатом провале* Кокорев еще раз обращает внимание на то, что столичные чиновники, которых Василий Александрович иронично называет «попечителями народа», свои знания черпают на Невском проспекте и из «иностранных сочинений». Кроме того, разрабатывая законопроекты, они руководствуются ображениями служебной карьеры:

«Кроме городов есть множество селений, в которых около церквей сделаны каменные ограды с лавками на наружную сторону. Вот эти лавки десятки лет стоят пустыми и безжизненными, подобно памятникам на кладбище, выражая собою горькое воспоминание о минув-

шей жизни, низвергнутой в могилы ложными теориями тех народопопечителей, которые устраивают Россию по иностранным сочинениям и по своим личным сообщениям, не простирающимся далее знания Невского проспекта. Кто не знает, что большинство законопроектов исходит не из потребности жизни, а из желания пишущих лиц создать для себя служебную карьеру?»

В заключительной части «Экономических провалов» Кокорев сравнивает экономику с медициной. Лишь тогда наука политической экономии будет полезной для общества, когда ее рекомендации будут представлять немеханические шаблоны, а учитывать пульс экономического организма:

«Мир медицинский также чужд всяких канцелярий и имеет дело прямо с пульсом человека; но ведь и у экономической жизни есть свой пульс, только, к несчастью, наука о политической экономии не приготовила, подобно медицине, экономических Эйхвальдов, Боткиных, Захарьиных и т. п., для ощупания экономического пульса, дабы по его ударам и отбоям можно было определять состояние общего экономического организма...»

Вопросы влияния экономической и финансовой науки на жизнь России Кокорев затрагивает не только в «Экономических провалах», но также в ряде других своих работ. В одной из ранних своих статей «Взгляд русского на европейскую торговлю» (1858) Василий Александрович пишет:

«Торговля руководится в наше время в своих главных определениях системами и теориями, взятыми из политической экономии; но дело запуталось и отдалилось от своих начал, корыстолюбие все исковеркало и обезобразило. Не лучше ли принять основанием весьма простое и немногосложное определение, а именно: торговля должна быть посредником между производителем

лем и потребителем, – посредником самым благонамеренным, дающим самому себе совестный отчет в своих действиях, следовательно, и не вводящим ненужной роскоши и не возвышающим из спекуляции цены на предметы необходимо нужные? Одним словом, и говоря еще короче, назначение торговли – кормить и одевать людей как можно дешевле, давая ход всем произведениям человека и земли без задержки, происходящей от умысла, или лени, или недогадки».

Фактически в этой статье Кокорев бросает камень в огород западной экономической науки (политической экономии), которая обслуживает интересы капитала, удовлетворяет его корыстолюбие. Настоящая экономическая наука должна удовлетворять жизненно необходимые потребности народа («кормить и одевать людей как можно дешевле»). На тот момент, когда писалась эта статья, такой экономической науки не было. Правда, на базе английской политической экономии уже вызревал «Капитал» Маркса. Однако марксизм преследовал другую цель, политическую, – уничтожить власть капитала, заменив ее властью пролетариата. Но марксистская политэкономия не давала никаких конкретных ответов на вопрос, как «кормить и одевать людей как можно дешевле».

Можно вспомнить также работу «Путь севастопольцев», представляющую собой воспоминания Кокорева о тех разговорах, которые велись в поезде Москва – Петербург (после торжеств по случаю встречи героев Севастополя в Москве в 1856 году). Ряд разговоров прямо или косвенно касался экономической и финансовой науки. Вот один из фрагментов:

«– Да как же это прежде все кричали: Россия – государство земледельческое, ей нужна отправка хлеба и других сырых произведений за море!

– Пойми, дело простое: посылали не от избытка, ошибка была; верили сочинениям, переведенным с чужих языков, и оттого дома терпели нужду во всем; так начитались этих сочинений, что сами, бывало, дома недоедали, голодали, а кричали: избытки, избытки, избытки у нас во всем, вывозить их надо! Все происходило оттого, что сочинения-то затверживали долбежкой, без рассуждений; а теперь, как стали рассуждать-то, и открылось, что прежде всего надо себя удовлетворять, а за море потребно посылать лишь то, что дома не нужно».

Как видно, вопросы влияния экономики на жизнь России волновали даже тех русских людей, которые были далеки от этой самой науки. В данном фрагменте, видимо, речь идет о разрушительном влиянии на русскую жизнь теории сравнительных издержек Давида Рикардо. Вероятно, эта теория стала теоретическим обоснованием известного лозунга министра финансов Вышнеградского: «Недоедим, но вывезем».

Некритическое восприятие западных экономических и финансовых теорий, подражательство, догматизм, непонимание особенностей России и русского народа, отсутствие веры в свой народ и даже презрение к нему, слепое и рабское преклонение перед Европой – вот глубинные причины того, что западная финансовая и экономическая наука начала править русской жизнью. Эта наука сумела свить себе гнездо в столичных университетах, а также в головах столичных чиновников.

Если копать еще глубже, то причиной нашего порабощения западными теориями и учениями стало отступление русского человека (особенно представителей элиты) от Бога. Русский человек в своем отступлении

от Бога отставал от европейца. Европейцы еще со времен Реформации и Просвещения стали создавать свою безбожную науку. К моменту, когда русский человек стал превращаться в материалиста и атеиста, Запад уже успел создать громадное количество разных теорий и наук. Поэтому русские «образованные» люди с жадностью набросились на всю кучу этого накопленного с XVI–XVII веков хлама, который они по своей духовной слепоте приняли за истину. Роясь в куче этого хлама, они нашли разные непонятные теории, касающиеся устройства общественной жизни, экономики, финансов. Не понимая, по крайней мере, двух простых истин.

Во-первых, те теории, которые создавались на Западе, могли оказаться совершенно непригодными для России. Различия были более чем очевидны: разная вера, разная культура, разный климат, разные природные условия и т. д. Недаром мудрые люди в России говорили: «Что русскому человеку хорошо – то немцу смерть». И наоборот.

Во-вторых, те теории, которые приходили к нам с Запада, вообще не имели никакого отношения к науке, потому что они призваны были не объяснять мир, а обосновывать и оправдывать политику тех, кто эти теории заказывал.

Да, да! Эти теории не были результатом свободного творческого поиска истины. Они представляли собой инструмент идеологии определенных групп интересов, которые рвались к власти или уже находились у руля власти. Особенно это касалось общественных наук. Та же самая английская классическая политическая экономия находилась под сильным влиянием Ост-Индской компании. Давид Рикардо, один из представителей английской политэкономии, сам являлся биржевым спеку-

лянтон и был близок к Натану Ротшильду (тому самому, с которого началось возвышение клана Ротшильдов). Да и Карла Маркса трудно назвать независимым ученым – слишком очевидно лукавство его «Капитала», который был на руку банкирам-ростовщикам.

Постепенно «профессиональная наука» стала появляться и в России – в основном на базе университетов. Но это в подавляющем числе случаев было слепое и беспомощное подражание западной науке. Появлялись, конечно, в России самобытные мыслители (прежде всего славянофилы), но они были не в почете. Их голоса были слышны слишком слабо за громким хором официальных профессоров. Голоса таких ученых материализовались в научной литературе, которая расходилась по России миллионными тиражами и пропагандировала западные идеи материализма и либерализма. Конечно, наибольшим эпигонством отличались науки общественные и гуманитарные. Все они базировались на материализме и представлении о человеке как об эгоистическом существе, **homo economicus** (человек экономический), абстрагировались от наличия в человеке души и совести.

В 1802–1806 годах был осуществлен перевод книги Адама Смита «Исследование природы и причин богатства народов». После этого в «Санкт-Петербургском журнале» (официальном органе Министерства внутренних дел) появилось несколько статей, пропагандировавших произведение Смита. С 1815 года либеральные идеи английской политической экономии стал активно пропагандировать еженедельный журнал «Дух журналов». На основе труда А. Смита стали писаться учебники работавших в России профессоров. В основном это были профессора иностранного происхождения, которым идеи англичанина были ближе, чем русскому че-

ловеку. Тогда на слуху у всех были имена Хр. Шлецера¹, Г. Шторха², А. Гакстгаузена³.

Под влиянием заграничных экономических идей оказались писатели и с чисто русскими фамилиями и именами. Например, Николай Тургенев, написавший в 1819 году «Опыт теории налогов», где пропагандировались идеи введения в России либерального таможенного тарифа. Не без влияния Тургенева такой тариф был введен в 1819 году (правда, просуществовал он недолго, будучи заменен в 1822 году на менее либеральный тариф). Полагаю, что увлечение Тургенева западными экономическими либеральными идеями сыграло не последнюю роль в том, что он оказался в рядах декабристов. Кстати, в современных экономических учебниках Тургенева с чьей-то подачи стали величать «основоположником отечественной финансовой науки». Ряд других декабристов, как свидетельствуют их биографии, также были воспитаны на идеях английской политической экономии. Среди них особенно выделяются П. И. Пестель и М. В. Орлов.

Идейным предтечей молодых реформаторов, захвативших бразды правления в Министерстве финансов с конца 1850-х годов, можно назвать также адмирала Николая Мордвинова, известного либерала, англomана

¹ В 1805 году он выпустил книгу «Начальные основания государственного хозяйства» в духе основных идей А. Смита.

² Генрих Фридрих (на русской службе Андрей Карлович) фон Шторх читал лекции по политической экономии будущему императору Николаю I и его младшему брату Михаилу.

³ Справедливости ради следует отметить, что в своих работах Гакстгаузен достаточно далеко отошел от Адама Смита. Этот немец отдавал предпочтение русскому хозяйственному строю перед западноевропейским и ратовал не за свободную торговлю, а за активное использование протекционизма. Гакстгаузен оказал заметное влияние на Е. Ф. Канкрин, который был при Николае I министром финансов и последовательно проводил политику протекционизма.

и масона. Он возглавлял Вольное экономическое общество в период с 1823 по 1840 год. Кстати, указанное общество было создано еще в 1765 году, оно стало тем самым «гнездом», где чуть ли не за столетие до реформ Александра I началось «высиживание птенцов», с середины XIX века начавших занимать кресла в Министерстве финансов и других ключевых государственных ведомствах. Между прочим, некоторые исследователи истории масонства в России считают, что первая российская масонская ложа возникла именно на базе Вольного экономического общества.

Мы уже многократно давали нелицеприятные оценки Кокорева, касавшиеся эпохи реформ, проводившихся в царствование Александра I. Для разнообразия приведем оценку периода реформ, сделанную обер-прокурором Синода К. Победоносцевым. Она звучит жестким, но справедливым приговором:

«А это 25-летие роковое, и человек его роковой – l'home du destin для несчастной России. Бог с ним. Бог рассудит, виноват ли он или нет, только в руках у него рассыпалась и опозорилась власть, врученная ему Богом, и царство его, может быть и не по вине его, было царством лжи и мамоны, а не правды»¹.

В словах Победоносцева «царство лжи и мамоны» заключено основное содержание эпохи Александра II: мамона поработила большую часть верхов, а ученая публика облакала поклонение мамоне в красивые обертки научной лжи.

Финансовые теории, приходившие в России, были весьма туманны. Они были построены не на логике и даже не на рационализме, а на некоей иррациональной, почти религиозной вере в рынок, «невидимая

¹ Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. М., 2001. С. 513.

рука» которого сама все устроит. Об этом тумане в виде финансовой науки, напускаемом на русского человека, Кокорев писал в предисловии к «Экономическим провалам»:

«Прежде всего считаю необходимым предупредить благосклонных читателей, что я вовсе не имею намерения утруждать их внимание предложением какой-либо финансовой системы, откровенно сознавая в себе полное незнание финансовой техники, при совершенном притом недоверии к девальвациям, консолидациям, конверсиям и тому подобному туману, напускаемому на нас в виде финансовой науки».

Слава Богу, Кокорев был не единственным русским человеком, который протестовал против следования чуждой нам и туманной западной науке. На эпигонство так называемой науки, которая буйным цветом расцвела на Русской земле, обращали внимание почти все славянофилы, ряд русских писателей, подвижники Церкви. Взять, к примеру, одного из основоположников славянофильства И. В. Киреевского. Вот что он писал в 1852 году по поводу пришедшей в Россию диковинной науки под названием *политическая экономия*, ориентированной на западного человека, но мало понятной человеку русскому:

«Западный человек искал развитием внешних средств облегчить тяжесть внутренних недостатков. Русский человек стремится внутренним возвышением над внешними потребностями избегнуть тяжести внешних нужд. Если бы наука о политической экономии существовала тогда, то, без всякого сомнения, она не была бы понятна русскому. Он не мог бы согласить с целью своего воззрения на жизнь особой науки о богатстве. Он не мог бы понять, как можно с намерением раздражать чувствительность людей к внешним потреб-

ностям только для того, чтобы умножить их усилия к вещественной производительности. Он знал, что развитие богатства есть одно из второстепенных условий жизни общественной и должно поэтому находиться не только в тесной связи с другими высшими условиями, но и в совершенной им подчиненности»¹.

Выдающийся славянофил обращает внимание на то, что западная политическая экономия всю энергию человека ориентирует на преобразование внешнего мира, в то время как русский человек в первую очередь был ориентирован на внутреннюю работу, борьбу со страстями, духовное совершенствование. У русского человека была своя иерархия ценностей: духовные были выше материальных. В политической экономии оставались лишь материальные, духовные вообще не брались в расчет. Киреевский один из первых среди русских мыслителей обратил внимание на то, что политическая экономия ориентировала человека на то, чтобы «раздражать чувствительность людей к внешним потребностям». В переводе на современный язык это означает стимулирование человека к потреблению.

У молодых финансистов, начавших финансовые реформы с конца 1850-х годов, ни жизненного опыта, ни глубоких знаний еще не было. На вооружение ими были взяты либеральные западные финансовые и экономические теории, согласно которым рынок все сделает сам. Либералы при этом постоянно твердили: «свободной игре рыночных сил» не надо мешать (в переводе на русский язык это означает: не мешать биржевикам и ростовщикам заниматься рыночным разбоем).

¹ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России (письмо к графу Е. Е. Комаровскому) // Киреевский И. В. Разум на пути к истине. М.: Правило веры, 2002. С. 151–213.

Для этого, согласно канонам экономического либерализма, необходимо, чтобы:

- а) государство минимально вмешивалось в экономику;
- б) в экономике не было избытка денег;
- в) на смену бумажным деньгам пришло золото, которое автоматически обеспечит снабжение экономики необходимым количеством денег.

И вот молодые финансисты начали «на научной основе»:

- а) открывать внутренний рынок и разрушать руками иностранных конкурентов отечественное производство;
- б) душить экономику постоянным сокращением денежной массы;
- в) наращивать внешний долг для того, чтобы накапливать золотой запас, необходимый для введения и поддержания золотого рубля.

Кокорев особенно акцентировал внимание на том, что западные финансовые теории загоняли Россию в долговую кабалу западным ростовщикам. Василий Александрович отмечает, что реформаторы «...сговорились с нашими западными завистниками и стали соединенными силами... проводить идею... о невозможности верховной власти разрешать – без потрясения финансов – печатание беспроцентных денежных бумажных знаков на какие бы то ни было производительные и общепольные государственные потребности... Мы могли бы на эти деньги построить дома у себя, все нужные для железнодорожного дела заводы; но мы, неизвестно почему и зачем, не решились отступить от исполнения чужеземного догмата, вовсе не подходящего к образу всероссийского правления, и *всецело подчинились указаниям заграничных экономических сочинений*... Теперь... мы взвалили на народную спину такой долг

по платежу, который поглощает почти треть из общего итога государственных доходов... *Вот вам и теория, вот вам и плоды каких-то иностранных учений и книжек!.. извольте-ка теперь тянуть ляжку платежей, в которую запряжена русская жизнь лжемудрою теорией на целые полвека (курсив мой – В. К.)*».

В «Экономических провалах» и других работах Кокорева имеется немало мыслей по поводу того, какой может и должна быть истинно русская экономическая наука.

Прежде всего она должна служить народу, то есть «кормить и одевать людей как можно дешевле» (из статьи «Взгляд русского на европейскую торговлю»).

В уже упоминавшейся работе «Путь севастопольцев» один из героев называет важное средство русской науки – глазомер. Это сродни интуиции, которая всегда была у русского человека. Глазомер противопоставляется нудным и мелочным расчетам западных рационалистов (причем нередко такие мелочные расчеты не позволяют видеть всей картины). Глазомер особенно важен в России, с ее бескрайними пространствами и очень разными природными и климатическими условиями. Вот фрагмент разговора на эту тему:

«– А без сомнения, нам нужна дорога от Москвы к Черному морю?

– Трудно отвечать на это, не бросив общий взгляд на сообщения в России. Разумеется, для верного определения нужны, по принятому порядку, сведения о движении товаров, ходе промышленности и исследования о местности; но эти сведения, кажущиеся столь необходимыми, могут, по их страшной массе, нескончаемо замедлить дело и даже сбить с толку и совершенно затемнить главный вопрос, состоящий в том: чему быть и как быть.

В этом, как и в других важных случаях, помимо всех долгих и замысловатых соображений, очень полезно прибегать к пособию *особой русской науки*. Эта особая русская наука такова, что все прочие служат ей как бы только средством к разветвлению ума, и без этой прирожденной нам науки ничего нельзя сделать. *Таковая Богом данная нам наука называется: глазомер. По этому глазомеру мы видим, что Россия не походит ни на одно европейское государство.* Вот неопровержимые доказательства несходства и особенностей: в Архангельске 1 мая можно праздновать катанием на коньках по Северной Двине, а в Киеве этот день проводят под тенью украинских черешен. В Оренбургской губернии в конце марта генерал-губернатор однажды получил два донесения от одного числа с границ Пермской губернии, что несколько человек замерзло от холода, а из Гурьева – что двоих убило громом. Ясно, что полезное инде нам вредно и вовсе неприкладно к делу. Многие государства покрылись сетью железных дорог, а это нам не указ: дело, пока не подходящее к русскому глазомеру. Мы видим по нем, что многие губернии накроют собою всю Францию и в многие уезды улягутся две-три Бельгии; где же при таких пространствах земли дожить нам до общей сети сочиняемых железных дорог? Попросим наших детей помечтать об этом, а теперь поговорим о том, что возможно».

В заключительной части «Экономических провалов» Кокорев ставит задачу «написать руководящую книгу о русской экономической науке»:

«...На Русской земле не образовалась еще своя финансовая наука, согласенная с русской жизнью, и вместо нее действует идолопоклонение теориям и взглядам иностранных политико-экономистов и к поклонению этому с энергией Диоклетианов, в смысле изнуритель-

ного надрыва народных сил, привлекаются русские люди. Между тем в этих изнуряемых силах лежит истинное понятие о потребностях жизни, и кто добудет это понятие из сердечной глубины русского мышления, кто поймет чистоту народных намерений и желаний, тот будет в состоянии написать руководящую книгу о русской экономической науке. Но чтобы почувствовать в себе силу приступить к этому, надобно предварительно уметь читать и понимать еще другую многосложную книгу, называемую русская жизнь, листы которой раскрываются только для тех, кто имеет сердце, преисполненное любви к простым серым русским людям, для поклонников же чужеземных теорий книга жизни останется навсегда за твердою печатью недоверия».

Из этого фрагмента становится понятным, что для написания «руководящей книги о русской экономической науке» необходимо, во-первых, знать русскую жизнь; во-вторых, любить «простых серых русских людей». Этим русская экономическая наука кардинально отличается от западной науки. Видимо, обитавшие в России поклонники чужеземных теорий были не способны не только создать такую новую науку, но, даже если бы она была создана кем-то другим, – понять ее.

Слава Богу, в России были люди, способные написать «руководящую книгу о русской экономической науке». Во-первых, писать ее начал сам Василий Александрович Кокорев. Во-вторых, в этом написании участвовало несколько его современников. Некоторых Василий Александрович лично знал. В «Экономических провалах» он упоминает Ф. В. Чижова, И. К. Бабста, А. П. Шипова. В-третьих, следом за Кокоревым следовало поколение более молодых, талантливых и национально мыслящих экономистов – С. Ф. Шарапов, Г. В. Бутми, А. Д. Нечволодов.

Особенно четко (вслед за Кокоревым) задачу создания русской экономической науки сформулировал (и начал ее решать) Сергей Федорович Шарапов (1855–1911)¹. Позволим себе сказать кое-что о размышлениях Шарапова на эту тему.

Для понимания взглядов С. Шарапова на экономику и экономическую науку большое значение имеет его работа «Марксизм и русская экономическая мысль» (речь в собрании экономистов, произнесенная в собрании экономистов 15 февраля 1899 года). В этой работе Шарапов констатирует прискорбный факт: практически вся интеллигенция России (независимо от ее политических пристрастий) находилась под гипнозом Карла Маркса, вернее его экономического учения. Русскому интеллигенту «Капитал» казался высшим проявлением научного осмысления хозяйственной жизни общества. Ни народники, ни легальные марксисты, ни буржуазные писатели, ни даже толстовцы не ставили под сомнение научные выводы экономического учения Маркса. Для представителя образованного сословия оно было «священной коровой», споры между различными фракциями интеллигентов касались лишь тонкостей толкования этого «священного писания» новейшего времени. Шарапов рассматривал подобную популярность «Капитала» как своего рода духовно-умственное помрачение среднего класса, которое затем подобно заразе распространялось и на другие слои русского общества. В связи с этим он попытался разобраться в том, что такое наука вообще и экономическая наука в частности.

При этом Шарапов заходит издалека. Он обращает внимание на то, что в науке (по крайней мере, гуманитар-

¹ Без преувеличения можно сказать, что он перехватил эстафету после смерти Василия Кокорева, продолжил развивать и углублять тему «экономических провалов».

ной) и культуре обязательно существуют национальные особенности восприятия тех или иных общественных явлений и процессов. Он, в частности, подчеркивает:

«Я хочу воспользоваться моментом как бы вашего раздумья, чтобы совершенно объективно и спокойно напомнить вам, что, каково бы ни было направление, каковы бы ни были симпатии, в тех вопросах, о которых здесь спорят, надо стараться прежде всего стать твердо на почве науки, на почве свободной критики, свободно, а не загнипнотизированного мышления.

Я не буду поднимать здесь старого вопроса о национальности в науке, так хорошо освещенного Юрием Самариним; я напомню лишь то положение, что наука, в особенности гуманитарная, может быть жизненна и составлять равноправную долю общечеловеческой науки только тогда, когда она не безлична, когда на ней лежит отпечаток психических особенностей создающего ее народа. Только при этих условиях она оригинальна и продуктивна. Истина одна, но каждый народ идет к ней своим путем, согласно своему духовному складу, видит и схватывает лучше одну какую-либо часть, ему более понятную и родственную. Происходит как бы мировое разделение труда, в результате коего получается обмен умственных богатств. Англичанин, француз, немец, русский – все культурные народы должны быть совершенно равноправны в этом общем творчестве. Но англичанину легче понять, изучить и дать научное определение той стороне его бытия, которая составляет особенность его народа и не повторяется у русского, и обратно. Каждый народ глядит на истину немножко под своим углом зрения, и эта истина раскрывается перед ним только в оригинальном творчестве, а не в заимствованных готовых результатах чужого, часто принимаемых на веру. Все заимствованное поэтому менее

жизненно, менее действенно и менее ценно для человечества, чем свое, оригинальное, органически сложившееся и идущее в великую общечеловеческую семью со своей собственной физиономией. В Адаме Смите, Дарвине и Ньюtone всякий сразу узнает англичан, в Декарте, Паскале и Прудоне – французов, в Гете, Гегеле и Рощере или Тюнене – немцев, во Льве Толстом, Аксакове, Пушкине – русских»¹.

При этом Шарапов обращает внимание на удивительный факт: Россия не дала миру выдающихся, всемирно известных ученых-экономистов. Чем это можно объяснить? Может быть, причина кроется в национальных особенностях мировосприятия русского человека? Шарапов высказывает свое предположение: «Но почему же так? Неужели у нас нет экономической жизни? Наоборот, есть, огромная и сложная, и вдобавок совершенно оригинальная. Такая жизнь не могла не возбуждать аналитической мысли, не могла, казалось бы, не вызвать и своих экономических построений. Но, может быть, таковые и есть, да только мы их не видим и не знаем?

Из того, что русская литература, давшая такие огромные и разнообразные вклады в общечеловеческую сокровищницу, упорно не выдвигала до сих пор ни одного мирового экономиста, можно, пожалуй, заключить и нечто иное. Не отвращалась ли русская мысль от западного толкования экономических явлений, не относилась ли она отрицательно к самой возможности признать особый мир экономических явлений со своими особыми законами?»

Русский ум постоянно задавался вопросами хозяйственной жизни, очень глубоко проникал в сущность

¹ Здесь и далее (если специально не оговорено) цитаты приводятся из работы «Марксизм и русская экономическая мысль» (Шарапов С. Ф. Россия будущего. М.: Институт русской цивилизации. 2011. С. 241–270).

экономических процессов и явлений, но при этом, что удивительно, никогда не претендовал на то, чтобы создать экономическую науку. По одной простой причине: русский человек не видел в сфере хозяйственной жизни каких-то особых законов, без которых науки, как известно, не бывает. Нет, конечно, хозяйственная жизнь управляется законами, но *это законы не экономические, это законы, находящиеся вне сферы экономики.* Эти законы давно известны русскому православному человеку. Это *законы духовно-нравственные*, которые в обыденной жизни выражаются в форме соответствующих этических норм. Норм, нарушение которых означает, в конечном счете, нарушение Высших законов, установленных Богом.

Шарапов называет двух русских мыслителей, которые, по его мнению, сумели убедительно обосновать эту простую истину. Первый из них – Никита Петрович Гиляров-Платонов¹, которого Шарапов считал своим учителем и который оставил после своей смерти очень небольшое количество листочков с записями своих экономических мыслей. Шарапов достаточно подробно анализирует лаконично изложенные экономические мысли Гилярова-Платонова и делает общее заключение: «Одним словом, вывод Гилярова повсюду

¹ *Гиляров-Платонов Н.П. (1824-1887) – мыслитель, писатель, экономист. Основные работы по экономической проблематике: «Работа и труд» (1861), «Основные начала экономики» (1888–1889). Указанные работы вошли в книгу: Н.П. Гиляров-Платонов «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение». – М.: Институт русской цивилизации, 2008. В указанном собрании сочинений содержатся также работы Гилярова-Платонова по православному богословию и основам церковно-общественной жизни, народному образованию, критические исследования по вопросам коммунизма, нигилизма и народничества, по вопросам правосудия в России, по искусству и русской литературе, по еврейскому вопросу. Гилярова-Платонова с полным основанием можно отнести к русским славянофилам. Он оказал существенное влияние на формирование мировоззрения С.Ф. Шарапова.*

одинаковый. Экономические явления сами по себе не могут составлять самодовлеющего замкнутого мира, и не они, не их законы управляют человеческим общением, но законы иного рода и иного мира – *законы нравственные*. Эти законы должны охватывать собою и проникать насквозь мир человеческой экономики, которая, как наука, если таковая возможна, будет не что иное, как учение *о подчинении человеку природы в целях его хозяйственного преуспеяния*».

Второй русский мыслитель – известный философ Владимир Сергеевич Соловьев¹. Шарапов цитирует работу этого философа «Оправдание добра» (главу 16 «Экономический вопрос с нравственной точки зрения»)². Одна из мыслей известного философа: рассмотрение человека как *homo economicus* – «точка зрения ложная и безнравственная»: «Признавать в человеке только *деятеля экономического* – производителя, собственника и потребителя вещественных благ – есть точка зрения *ложная и безнравственная*. Упомянутые функции не имеют сами по себе значения для человека и нисколько не выражают его существа и достоинства. Производительный труд, обладание и пользование его

¹ *Соловьев Владимир Сергеевич* (1853 – 1900) – философ, поэт, публицист и критик. В основе философского творчества Соловьева лежит стремление к универсальному всеединству, «цельной жизни», «цельному знанию», «цельному творчеству». Средством для этого он рассматривал синтез философии, научного знания, религии. Иначе говоря, философ призывал к синтезу опыта, знания и веры. В ряде вопросов отклонялся от православного понимания мира, общества, религии; в этой связи подвергался резкой критике со стороны славянофилов и консерваторов. Наиболее крупные и известные философские работы Соловьева: «История и будущее теократии» (1886), «Россия и Вселенская Церковь» (1889), «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями» (1899-1900).

² Последнее издание данной работы: В.С. Соловьев. Оправдание добра (нравственная философия). – М.: Академический проект, 2010.

результатами представляют одну из сторон в жизни человека или одну из сфер его деятельности, но истинно человеческий интерес вызывается здесь только тем, как и для чего человек действует в этой определенной сфере. Как свободная игра химических процессов может происходить только в трупe, а в живом теле эти процессы связаны и определены целями органическими, так точно свободная игра экономических факторов и законов возможна только в обществе мертвом и разлагающемся, а в живом и имеющем будущность хозяйственные элементы связаны и определены целями нравственными, и провозглашать здесь *laissez faire, laissez passer*¹ – значит говорить обществу: “умри и разлагайся”». Удивительно яркая мысль! Современная экономическая теория требует, чтобы человек избавился от всех своих «предрассудков» в виде нравственных норм, совести, чувства справедливости и любви. Тех «предрассудков», которые мешают идеальному функционированию рыночного механизма. Безумные экономисты требуют, чтобы человек превратился в биоробота, или *homo economicus*, с двумя-тремя чувствами-рефлексами (алчность, сластолюбие, страх). Но это означает смерть человечества – сначала духовную, а затем и физическую. Конечной целью современной экономической теории является убийство человечества, идеалом – труп.

Соловьев утверждает, что хотя труд является необходимостью, однако сама экономическая деятельность определяется мотивами, вытекающими из нравственных установок человека и общества. Отсюда приговор Соловьева: никаких экономических законов быть не может:

«Хотя необходимость трудиться для добывания средств к жизни есть действительно нечто роковое, от человеческой воли независящее, но это есть только

¹ Пусть все идет, как идет (*фр.*) – принцип невмешательства.

толчок, понуждающий человека к деятельности, дальнейший ход которой определяется уже причинами психологического и этического, а вовсе не экономического свойства. – При некотором осложнении общественного строя не только результаты труда и способ пользования ими – не только “распределение” и “потребление”, – но и самый труд вызывается, кроме житейской нужды, еще другими побуждениями, не имеющими в себе ничего физически принудительного или рокового, например, чтобы назвать самые распространенные, – *страстью к приобретению и жаждою наслаждений*. Так как не только нет экономического закона, которым бы определялась степень корыстолюбия и сластолюбия для всех людей, но нет и такого закона, в силу которого эти страсти были бы вообще неизбежно присущи человеку как роковые мотивы его поступков, то, значит, поскольку экономические деятельности и отношения определяются этими душевными расположениями, они имеют свое основание *не* в экономической области и никаким экономическим законам *не подчиняются* с необходимостью. Более того, обстоятельство, что человек является экономическим деятелем в силу нравственных качеств или пороков, делает вообще *невозможными какие бы то ни было экономические “законы”* в строгом научном смысле этого слова». Чуть ниже (работа «Оправдание добра») Соловьев вновь возвращается к мысли, что в сфере хозяйственной жизни может быть только закон нравственный (никаких специальных экономических законов нет):

«Так как подчинение материальных интересов и отношений в человеческом обществе каким-то особым, от себя действующим экономическим законам есть лишь вымысел плохой ребяческой метафизики, не имеющий и тени основания в действительности, то в силе остается общее требование разума и совести, чтобы и эта область

подчинялась высшему нравственному началу, чтобы и в экономической своей жизни общество было организованным осуществлением добра.

Никаких самостоятельных экономических законов, никакой экономической необходимости нет и быть не может. Самостоятельный и безусловный закон для человека как такового один – нравственный, и необходимость одна – нравственная. Особенность и самостоятельность хозяйственной сферы отношений заключается не в том, что она имеет свои роковые законы, а в том, что она представляет по существу своих отношений особое, своеобразное поприще для применения единого нравственного закона, как земля отличается от других планет не тем, что имеет какой-нибудь свой особый источник света (чего у нее в действительности нет), а только тем, что по своему месту в Солнечной системе особым, определенным образом воспринимает и отражает единый общий свет солнца».

Помимо Гилярова-Платонова и Соловьева были, конечно, и другие русские мыслители, которые отвергали претензии западной политической экономии на статус науки, но которых Шарапов не упомянул. Среди них – известный русский ученый Н. Я. Данилевский¹. Николай Яковлевич с иронией говорит о том, что политэкономия заявила о себе как о настоящей науке на

¹ Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) – русский ученый-естествоиспытатель, социолог, философ, публицист. В 1850-е годы занимался рыбоводством на Каспии, Волге, Русском Севере. Автор фундаментального исследования «Россия и Европа» (1869), в котором заложил основы учения о цивилизации (культурно-исторические типы). Занимался также вопросами экономики (см.: Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского. СПб., 1890). Перу Данилевского принадлежит также фундаментальный труд «Дарвинизм» (1885), посвященный критике теории английского ученого Ч. Дарвина (о происхождении человека, естественном отборе и др.).

том основании, что она открыла экономические законы: «Политикоэкономы гордятся тем, что среди всех нравственно-политических и общественных наук только одной их науке удалось установить законы явлений, то есть такие общие формулы, которые объемлют собою обширный круг фактов, представляющихся уже как необходимый из них вывод, совершенно такой же, как в области наук физических и отчасти естественно-исторических, или биологических»¹. Данилевский, как Платонов-Гиляров и Соловьев, отвергает утверждения профессоров от политической экономии о существовании каких-то экономических законов: «Все дело в том, что напрасно говорят о каких-то особых экономических законах, ибо все экономические законы суть законы психические в применении к мене товаров и услуг. В самом деле, ведь не происходит же никаких движений и явлений в экономических объектах без того, чтобы они не приводились в движение человеком сообразно с нуждами и потребностями, которыми ведь управляет не что иное, как законы психические»². В качестве доказательства этого своего тезиса Данилевский приводит пример: изменения курсов валют и акций под влиянием биржевой паники. Наверное, можно согласиться, что экономические отношения как и всякие отношения между людьми, зависят от психического состояния и психических реакций этих людей. Но, безусловно, законы психические играют гораздо более подчиненную роль по отношению к законам духовно-нравственным.

Следует обратить внимание, что в последних своих работах Шарапов уже не ставит задачи создания

¹ Цит. по: Антонов М. Экономическое учение славянофилов. М., 2008. С. 220.

² Там же. С. 220.

русской экономической (и финансовой) науки. Видимо, сказалось влияние упомянутых выше мыслителей – Никиты Гилярова-Платонова и Владимира Соловьева. Сергей Федорович формулирует свою задачу более точно и корректно – разработать экономическую теорию на базе русского понимания добра и нравственности. Фактически речь идет о *хозяйственной этике как части общей христианской (православной) этики*. Что касается конкретных механизмов и инструментов хозяйственной жизни, то их разработку и применение можно скорее отнести к сфере творчества и искусства. И в этом творчестве и искусстве Шарапов имел талант от Бога.

Шарапов полагал, что насаждение в России западной экономической науки (не только в марксистском ее варианте, но и во всех других) наносит непоправимый ущерб не только экономике страны, но также душам молодежи: «Да, экономическая наука пришла к банкротству, стала схоластикой, и молодой, свежий ум, в нее углубляющийся и жадно стремящийся ее усвоить и на ней построить свое мировоззрение, рискует не найти в ней ничего, кроме игры в слова и понятия, и выйти искалеченным».

Как это справедливо для наших дней! Под маркой «экономического образования» наши власти организовали в университетах и других вузах конвейер, на котором каждый год калечится по миллиону молодых душ, происходит «перезагрузка сознания». На выходе такого «производства» мы получаем биороботов, работающих по западным программам, а не думающих и творческих личностей. Без необходимого «программного обеспечения» такой биоробот превращается в хлам, место которому на помойке – подобно тому, как компьютер без необходимых программ являет собой совершенно ненужную вещь. Наносится непоправимый ущерб глав-

ному экономическому достоянию страны – труду, а человек становится неполноценной личностью¹.

Шарапов постоянно апеллировал к разуму и совести той части российской интеллигенции, которая позиционировала себя как представителей экономической науки. Шарапов призывал интеллигенцию России начать мыслить самостоятельно, по-русски, освободиться от эпигонства, слепого подражания западным теориям, в первую очередь, марксизма: «Не с тем, мм.гг., занял я сегодня эту кафедру, чтобы вступать в какую бы то ни было полемику с вашим “великим учителем” (К. Марксом. – В. К.) или его последователями из обоих спорящих лагерей. Я хотел лишь напомнить вам, что сплотившись под знаменем крупного европейского мыслителя и ученого, совершенно противоположного по складу ума, симпатиям, идеалам и научным методам русскому человеку, русской науке и русской культуре, вы, по крайней мере, не должны *идти* за ним слепо. Ни за ним, ни за теми, кто облекается в ученую тогу его продолжателей и толкователей. Я хотел предостеречь вас от ложного и совершенно ненаучного пути – брать все на веру или утомлять разум и мысль в дебрях схоластики, из которых нет выхода. Искать Истину, искать свободно и самостоятельно, ничего не принимая на веру и критически относясь ко всякому извне взятому утверждению, ко всему тому, что предлагается под видом аксиом, – вот истинно научный путь и истинно достойный тех, кто так гордо присваивает себе кличку интеллигенции. Не только не избегать критики, но искать ее во что бы то ни стало, не пугаться никакого, как

¹ На эту тему мною был опубликован в интернете (на «Русской народной линии») ряд материалов, в частности: «Самый ценный ресурс в условиях рыночной экономики – это дурак» (30.09.2011); «Кризис современного экономического образования как шанс на спасение человечества» (7.12.2011).

бы оно ни казалось неприемлемым и несимпатичным, мнения. Все проверять своим анализом и совестью да заботиться свято о том, чтобы эта совесть, это чувство правды было вечно живо и деятельно.

Привнесение какой бы то ни было лжи или условности, допущение себя до унижения в форме господства над совестью той или иной страсти, даже той или иной симпатии – слишком опасно для науки. Но менее опасно, чем разменяться на мелочи, уйти в схоластику. А с политической экономией это уже успело случиться».

К сожалению, эта схоластика и грубый, вульгарный материализм были присущи и той политической экономии, которая разрабатывалась и преподавалась в советское время. Иной она и не могла быть, ибо называлась марксистско-ленинской. Мораль, нравственность человека там оказались заложниками «железных» экономических законов. Один из главных постулатов марксистского «символа веры» был таким: чтобы создать нового человека («гармонически развитого», «нравственного», «совершенного» и т.п.), необходимо всемерно развивать производительные силы. Без пьедестала под названием «материально-техническая база коммунизма» о совершенном (в том числе нравственном) человеке мечтать нельзя! Нравственный и совершенный человек без соответствующего «экономического базиса» и «материально-технической базы» – это, по мнению марксистов, буржуазные предрассудки, фантазии идеалистов. Вот такой «символ веры» завел нас в болото застоя и полной деморализации общества, породил в конечном счете крах Советского Союза. О социалдарвинизме и вульгарном материализме сегодняшней экономической теории и пришедшего с Запада предмета под брендом «economics» говорить не приходится. Фактически за вывесками экономических предметов и

дисциплин, преподаваемых не только в России, но и по всему миру, скрывается *религия денег*.

Там чувство правды, о котором говорил Шарапов, не нужно и вредно. Там, в религии денег, все принимается на веру, ничего не проверяется анализом и совестью. Более того, совесть нещадно изгоняется, ибо она может подвергнуть сомнению сомнительные умственные и нравственные (точнее – безнравственные) конструкции экономической теории, вывести человека из состояния духовного гипноза. Техника духовного гипноза, применяемая жрецами религии денег, очень многогранна. В приведенной выше цитате из Шарапова он, в частности, предупреждает о том, чтобы в постижении экономики не разменяться на мелочи и не уйти в схоластику. Именно этот прием (погружение в мелочи и опора на схоластику) и используют жрецы религии денег, уводя современного человека в дебри математических формул, графиков, моделей, не имеющих никакого отношения к нашей действительности. Все подобные схоластические построения созданы с помощью лукавого приема – использования ложных аксиом, о которых (ложных аксиомах) в дальнейшем объект гипнотического сеанса должен забыть. Формула лукавой аксиомы обычно начинается со слов «Предположим, что...». Выглядит очень наукообразно и действует безотказно. Имеют место опасные для человеческой души манипуляции, которые Шарапов назвал игрой в слова и понятия. Эти манипуляции опираются на новейшие достижения в области психоанализа, нейролингвистического программирования сознания (зомбирования), каббалистики¹.

¹ См., например: «Валентин Катасонов: “Мир находится под гипнозом каббалистических символов”» // Интернет. Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2012/01/17/valentin_katasonov_mir_nahoditsya_pod_gipnozom_kabbalisticheskikh_simvolov/

Шарапов считал, что русская экономическая мысль (прежде всего в лице двух вышеупомянутых русских мыслителей – Н. Гилярова-Платонова и В. Соловьева) достойна того, чтобы наряду с лучшими достижениями русской культуры стать достоянием всего человечества. По мнению Шарапова, Запад крайне далек от правильного, христианского понимания хозяйственной жизни. Более того, именно в сфере экономики и финансов антихристианский дух западной цивилизации проявляется особенно ярко. Русская экономическая мысль может и должна выполнять всемирную миссионерскую задачу:

«И вот, мы видим, что в этой культуре, в этом умственном богатстве чистые, самодовлеющие учения политической экономии отсутствуют. Огромная русская экономическая литература вся сплошь переводная или грубо компилятивная и комментаторская. Только два писателя, коснувшиеся своим анализом этой области, спускавшиеся туда искать Истину, заявили согласно: один – что это область не самостоятельна, а подчинена и самостоятельных законов иметь не может; под его аналитическим ножом разложились ходячие понятия и произвольно условные термины и дело свелось к первичным элементам жизни, складывающимся совсем по иной схеме. Другой объявил всю западную экономическую науку – *мнимою величиною*, отказал ей в звании науки и объявил ее законы мнимыми и несуществующими.

И мы должны признать, что эти оба мыслителя, не будучи ни в малейшем противоречии между собой, не только не противоречат всему великому ходу русской национальной мысли, но органически в него вливаются, несут и со своей стороны новые устои, подводят дальше фундамент под величавое здание русской культуры».

Думаю, что кроме Гилярова-Платонова и Соловьева в список тех мыслителей, которые внесли свой вклад

в правильное, православное понимание экономики, можно включить имена и многих других соотечественников Шарапова (живших до него или бывших его современниками) – М. В. Ломоносова, И. Т. Посошкова, А. П. Сумарокова, С. Н. Булгакова, Г. В. Бутми, А. И. Васильчикова, В. П. Воронцова, Н. Я. Данилевского, Ю. Г. Жуковского, И. Зейпеля, К. Д. Кавелина, А. И. Кощелева, Д. И. Менделеева, М. О. Меншикова, А. Д. Нечволодова, В. Ф. Одоевского, П. В. Оля, К. Н. Пасхалова, Ю. Ф. Самарина, Л. А. Тихомирова, Ф. В. Чижова, А. П. Шипова, А. Г. Щербатова, А. Н. Энгельгардта, В. Ф. Эрна и многих других¹. И конечно же – Василия Кокорева, которого многие называют *экономическим славянофилом* (как и Сергея Шарапова).

И сегодня мы видим оживление русской экономической мысли. В работах О. А. Платонова, М. Ф. Антонова, С. Г. Кара-Мурзы, Т. Н. Юдиной, А. А. Олейникова и некоторых других современных исследователей современному читателю возвращаются имена дореволюционных мыслителей, оценивается с позиций православия экономический строй России (дореволюционной, советской, современной), формулируются основные задачи и направления актуальных экономических исследований, нащупываются пути выхода России из нынешних социально-экономических тупиков. Вот, в частности, мнение М. Ф. Антонова о том, что такое экономика с точки зрения русского человека:

«Русская экономическая мысль не сводила хозяйственную деятельность только к деньгам, к подсчету прибылей и убытков, не отделяла финансовые итоги от

¹ Подробнее см: Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов. М.: Институт русской цивилизации, 2008; Платонов О. А. Русская экономика без глобализма. М.: Алгоритм, 2006; Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Том «Русское хозяйство». М.: Институт русской цивилизации, 2006.

духовно-нравственных ценностей, всегда имела перед собой высокий идеал. По моему определению, экономика – это наука не о том, почему кубометр бетона или как снизить его себестоимость, и не о том, какими способами современному Дерунову-Колупаеву-Разуваеву увеличить прибыль его частного предприятия. Экономика – это наука о том, как нам вести хозяйство, чтобы государство богатело, земля хорошела, а люди становились чище, человечнее, благороднее и жили дольше и радостнее.

Главным критерием развития экономики не может служить рост внутреннего валового продукта по многим причинам.

Во-первых, этот рост может достигаться за счет производства алкоголя и прочих отнюдь не полезных продуктов, увеличения добычи и экспорта нефти в ущерб будущим поколениям.

Во-вторых, он часто достигается таким способом, что, обогащая правящую элиту, не ведет к повышению уровня и качества жизни рядовых граждан.

В-третьих, такой рост, к сожалению, нередко ведет к сокращению численности населения и продолжительности жизни людей.

И вообще, наша цель – не общество потребления, а более достойная, духовно богатая жизнь российских граждан. Поэтому для нашей экономики должен стать характерным не цикл “деньги – товар – больше денег”, а цикл совсем другого рода: “человек – производство – более совершенный человек”. Новый критерий прогресса экономики должен включать показатели продолжительности жизни людей, уровня экологической безопасности и др.»¹.

После погружения в мир В. А. Кокорева, С. Ф. Шарапова и их единомышленников особенно отчетливо по-

¹ Антонов М. Капитализму в России не бывать! М., 2005. С. 665–666.

нимаешь никчемность, суетность и разрушительность той современной псевдотворческой деятельности, которая называется экономической наукой. Если судить о нашей экономической науке по количеству публикаций различных монографий, учебников, статей, обзоров и других информационных материалов, то она у нас процветает. Число таких публикаций ежегодно исчисляется десятками тысяч! «Огромная русская экономическая литература вся сплошь переводная или грубо компилятивная и комментаторская» – эти слова Шарапова, сказанные более века назад, в полной мере отражают нынешнюю ситуацию в области экономической науки. Однако эта наука, по яркому выражению В. Соловьева и С. Шарапова, – *мнимая величина*.

В России экономическая мысль и экономическое творчество должны стать не наукой, а важнейшей частью ее христианской духовной и материальной культуры. Что касается Кокорева, то весь дух его «Экономических провалов» свидетельствует о том, что экономические провалы в жизни русского человека начинаются тогда, когда он забывает о своих корнях и становится пленником западной финансовой и экономической науки.

Василий Кокорев об образовании как «экономическом провале»

Мне не раз случалось посещать лекции политической экономии в Москве и Казани, и эти посещения вполне убедили в том, что слушатели ничему научиться не могут, а сбить себя с толку (если будут верить в лекции, не относясь к ним критически)

могут до такой степени, что потом между ними и народною жизнью образуется неисправимое непонимание друг друга.

Василий Кокорев

К теме экономической и финансовой науки тесно примыкает другая тема – отечественного образования. Мы уже отметили, что проникновение ложных и разрушительных экономических и финансовых идей в Россию во времена Кокорева осуществлялось по двум основным каналам – через печать и университеты.

Печать – это газеты, журналы, книги. Об этом канале Кокорев почти ничего не говорит.

А вот интересные мысли об университетах и образовании в XIX веке мы у него находим. Василий Александрович не имел систематического образования, но всю жизнь занимался самообразованием. В том числе, как выясняется, посещал лекции по политической экономике. О том, что творилось в университетских аудиториях, он знает не понаслышке:

«Мне не раз случалось посещать лекции политической экономики в Москве и Казани, и эти посещения вполне убедили в том, что слушатели ничему научиться не могут, а сбить себя с толку (если будут верить в лекции, не относясь к ним критически) могут до такой степени, что потом между ними и народною жизнью образуется неисправимое непонимание друг друга. А сколько таких сбитых с толку людей попало впоследствии на влиятельные финансовые места? И начали эти люди направлять экономическую жизнь России по указаниям Мишелей Шевалье, Адамов Смитов и т.п., и зарыдали наши Трифоны, Прохоры, Матрены и Лукерьи и т.д., а затем надели на себя суму и пошли смиренно по миру питаться подаянием».

Здесь Кокорев упоминает двух светочей европейской политической экономии – Адама Смита и Мишеля Шевалье. Про Адама Смита (1723–1790) – одного из столпов английской политической экономии и автора знаменитой книги «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) – мы уже неоднократно говорили. Он обосновал учение о рыночной экономике, невидимой руке рынка, экономическом человеке, приоритете частной формы собственности и т.п. Что касается второй фигуры, то о нем сегодня редко вспоминают, но во времена Кокорева имя *Мишеля Шевалье* (1806–1879) было у всех на слуху. Этот француз стал известен благодаря своей книге «Материальные интересы Франции» (1837). Мишель Шевалье преподавал политическую экономию, через которую активно пропагандировал идеи французского социалиста-утописта Сен-Симона. Вероятно, Кокорев ограничился именами двух европейских политэкономов для того, чтобы показать, что в российских университетах сосуществовали два идеологических течения – капиталистическое и социалистическое. Те студенты, которые заражались капиталистическими идеями, затем пополняли ряды столичной бюрократии и российского предпринимательства. А те, кто заражались социалистическими идеями, становились со временем революционерами или сочувствующими им¹. Впрочем, было немало таких молодых людей, в сознании которых капиталистические и социалистические идеи причудливым образом сочетались. В любом случае, народ России стал рыдать отрешений и действий вчерашних студентов, вдохновившихся идеями Адама Смита и Мишеля Шевалье.

¹ Во времена Кокорева марксизм как идейное и политическое движение еще только зарождался в России. Позднее (после смерти Василия Александровича) он вытеснил в России идеи утопического социализма.

Справедливости ради следует признать, что в умственном развращении молодой элиты России участвовали не только отечественные университеты. В самом начале XIX века кафедр политической экономии было в России еще мало (Петербургский университет, Московский университет, Петербургский педагогический институт)¹. Молодежь из аристократических кругов предпочитала ездить «просвещаться» в Европу. Вспомним роман Пушкина «Евгений Онегин». Его герой – Владимир Ленский – получил образование в Германии, откуда привез «учености плоды»:

Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.

Ленский учился в Геттингенском университете – одном из самых либеральных в Европе – и поклонялся Канту, чья философия в официальных кругах России считалась опасной и вредной, враждебной христианству. Ленский многозначительно охарактеризован как «поклонник славы и свободы», его отличает благородное «волнение бурных дум», ему свойственно «негодование, сожаленье, ко благу пылкая любовь». Все это иносказательное обозначение гражданских настроений, о которых в черновой редакции романа говорилось более откровенно: «Крикун, мятежник и поэт».

О вредном влиянии кафедр политической экономии власти России впервые задумались в ходе допросов дека-

¹ В Московском университете, например, кафедра была создана в 1804 году и первоначально называлась кафедрой дипломатии и политэкономии.

бристов. Царь Николай I с удивлением узнал, что, оказывается, мятежники находились под сильным влиянием идей английской политэкономии. Были попытки закрыть кафедры политической экономии, однако они не удалась. Кафедры перешли в «спящий режим», а «проснулись» и резко активизировались лишь через три десятка лет, когда начались реформы Александра II.

Кокорев пишет о вредном влиянии кафедр политической экономии на хозяйственную жизнь уже в период реформ. Так, в заключительной части «Экономических провалов» он пишет:

«Мы видели, как чествовали в Москве, сердце России, поставщика хлопка в сырце и устроителя бумагопрядильных фабрик. Это чествование было бы понятно в Лодзи или Дерпте, но и там на это не решились, а в Белокаменной, возле стен старейшего университета, вредоносную деятельность торговца хлопком возводили в заслугу России. К чему же после этого существуют кафедры политической экономии и статистики?»

Чуть ниже Кокорев продолжает ту же тему:

«Все политико-экономические многоглаголения с кафедр, уклоняющиеся от вышеизложенных простых начал, наполняют головы слушателей такими финансовыми и экономическими знаниями, из которых, как мы видели во всем настоящем повествовании, происходят деятели, вовсе не знакомые с потребностями русской жизни и при занятии ими высших должностей могущие повторить ошибки своих предшественников. Кажется, пора убедиться в том, что в России нет политико-экономической науки, выращенной на русской почве, и оттого все наши финансовые деятели, которые явились в 60-х годах пионерами преобразований, хотя трудились добросовестно, с уверенностью, что они преобразовывают русскую жизнь к лучшему,

но последствия показали, что труды их незаметно для них самих клонились к ниспровержению общественно-го благосостояния и порядка».

Итак, Кокорев констатирует, что в России «нет политико-экономической науки, выращенной на русской почве». А из этого вытекает два вывода.

Во-первых, такую науку надо срочно создавать. Мы уже отмечали, что в заключительной части «Экономических провалов» Кокорев ставит задачу «написать руководящую книгу о русской экономической науке».

Во-вторых, пока такой русской экономической науки нет, вовсе прекратить преподавание европейской политической экономии молодежи, а занять ее изучением русской жизни, чему в университетах не уделялось должного внимания. Развивая указанную мысль, Василий Александрович пишет в заключении к «Экономическим провалам»:

«Было бы сто раз полезнее заменить их (кафедры политической экономии. – В. К.) кафедрой изучения русской избы и разъяснить простой вопрос, что если деревня богата своими домовными произведениями, тогда и волость богата, а когда все волости богаты, тогда – и только тогда – богата и вся Россия».

Кокорев с ходу предлагает ряд тем и наглядных пособий для обучения студентов на таких кафедрах русской жизни. Вот первая тема лекции:

«Крестьянская семья, питающаяся милостыней и обливающаяся слезами о расстройстве жизни по случаю увеличения кабаков, представляет собою живую государственную лекцию (гораздо более поучительную, чем все наши экономические лекции), к которой надобно бы было приложить внимательное ухо власти более двадцати лет тому назад».

А вот вторая тема лекции:

«Помещичья семья, вытесненная из своего гнезда бескредитным удушьем и разрушением мелких винокурен и скитающаяся по белу свету уже четверть столетия, составляет вторую государственную лекцию».

Третья тема лекции:

«Кружок людей, умолявший властных лиц не учреждать Главного французского общества железных дорог, а образовать вместо этого русскую деятельность, составляет своего рода поучительную, также государственную, лекцию. Другой кружок, составившийся из 92 патриотических лиц и ходатайствовавший об отдаче Николаевской дороги, выражал собою живой родник чистых струй народной деятельности; но этот родник засыпали разным сором теоретических чужеземных воззрений и т. д. и т. д.»

«Экономические провалы» Кокорева содержат немало полезного материала для подготовки лекций по указанным выше темам. И по многим другим. Кстати, и сегодня, в XXI веке, было бы полезно закрыть бесчисленные кафедры экономической теории, макроэкономики, политической экономии, на которых студентам почти ничего не рассказывается о России и нашей цивилизации. А вместо них учредить кафедры русского хозяйства или русской жизни.

Примечательно, что Россия как великая держава и империя складывалась на протяжении многих веков, не прибегая ни к каким экономическим и финансовым теориям. Хозяйственная жизнь в России процветала благодаря смекалке русского человека, христианской этике, трудолюбию. В России до начала XIX века даже технических учебных заведений почти не было¹. Жизнь дер-

¹ Первое техническое учебное заведение – Горное училище при Берг-коллегии – было учреждено Екатериной II в 1774 году.

жалась на Кулибиных. Кокорев, в частности, приводит в пример добычу соли из рассолов в России. Этот вопрос Василий Александрович знает досконально, т. к. свою предпринимательскую карьеру начинал на предприятии в Солигаличе (Костромская губерния), где соль добывалась из подземных источников. Еще задолго до европейцев русские люди научились бурить скважины для извлечения из недр соляных растворов:

«И в то время, когда еще Россия не имела солей астраханской, крымской и илецкой, русское народонаселение питалось несколько столетий одною пермскою солью; и все это было создано силою русского простонародного ума в то время, когда еще не было в России ни горного института и никаких технических учебных заведений».

В работе «Путь севастопольцев» Кокорев как специалист с увлечением раскрывает тему добычи соляных растворов из недр, где русские имели несомненный приоритет перед иностранцами:

«А приписанное иностранцам открытие артезианских колодцев давно известно на Руси. В Сольвыгодске, Тотьме, Балахне, Яренске, Солигаличе земля пробуравлена на сто сажень и более в глубину. Способ бурования и инструменты и ныне можно видеть в Тотьме. Там и ныне употребляют бур для получения рассола на выварку соли, и остатки старых стосаженных колодцев, называемых трубами, видны на многих местах. Старики не помнят, когда их буравили; но есть одна труба, называемая Феодосиевскою, потому что бурование ее было производимо преподобным Феодосием Тотемским чудотворцем. И до сих пор по передаче из рода в род сохранились еще многие инструменты, употребляемые по различию пород при буровании. Названия их, кажется, такие: долота, венки, тюреки, желонки, трезубцы и проч.

Сам я видел, как местные кузнецы ковали эти инструменты, а главными мастерами буравления были Жданов и Новожилов, из коих последний помер в великой бедности. Значит, эти люди могли бы устроить нам колодцы для пресной воды в Новороссии и везде, где нужно?»

Кокорев, будучи сам выходцем из народа, не ослепленным туманом европейской науки, очень высоко ценит творчество и смекалку русского человека. В статье «Взгляд русского на европейскую торговлю» он пишет:

«Часто бывало и будет, что сотня неграмотных простецов высказывает такие вещи, которые в применении к жизни выходят умнее всякой кабинетной мудрости».

Конечно, Василий Александрович не враг образования. Он считает, что Россия должна быть поголовно грамотной. А наиболее способные должны учиться не только в приходских школах и гимназиях, но и продолжать образование в специальных училищах. Но это «продвинутое» образование должно иметь преимущественно практическую, прикладную направленность, не обременяться европейскими экономическими и финансовыми науками. В статье «Взгляд русского на европейскую торговлю» (1858) Василий Александрович излагает проект создания крупной компании с условным названием «Муравейник». Компания, по замыслу Кокорева, призвана мобилизовать лучших молодых людей страны, которые бы занялись организацией торговли России с Европой на взаимовыгодных началах. Кокорев представляет достаточно подробный план работы «Муравейника». Большое внимание в нем уделяется образованию молодых сотрудников компании. Вот фрагмент этого плана:

«Промышленный словарь России, написанный на местах тех городов и селений, кои войдут в описание.

Чтение лекций о политической экономии и торговле и прикладной химии и механике.

Издание особого журнала о действиях компании с помещением в нем практических статей о промышленности.

Училища для образования детей всех членов... компании в том направлении, какое нужно для пользы дела и развития гражданства.

Клуб промышленности с библиотекой, выставкою картин русских художников и музеем образцовых изделий и товаров, открытым для безденежного входа всем.

Постоянное отправление молодых людей за границу для изучения всего полезного».

Заметим, что этот план был набросан Кокоревым в 1858 году. Для того времени такое внимание к образованию и профессиональной подготовке сотрудников компании было делом неслыханным не только в России, но и в Европе.

Предлагаемые Кокоревым меры по кардинальному реформированию образования в России можно назвать программой-максимумом. Программой-минимумом является прекращение в России зловредного распространения западных лжеучений. В своей статье «Мысли русского, порожденные речью Бисмарка» (1888) Кокорев еще раз формулирует эту задачу-минимум:

«При этом первою заботою должно быть освобождение будущей России, то есть всего нашего юношества, от гнета бедности и *от всех вредных влияний, навеянных на него отчаянием и лжеучениями последнего времени*».

В предыдущих статьях я уже говорил, что продолжателем кокоревской темы «экономических провалов» можно считать Сергея Федоровича Шарапова. В том числе он продолжил тему «провалов» в сфере образования. Сергей Федорович вспоминает, что еще во времена его молодости наука стала превращаться для молодежи в религию, которая постепенно вытесняла веру в Бога:

«При переходе в высшие школы мы были сплошь материалистами по верованиям... “Наука” была нашею религиею, и если бы можно было петь ей молебны и ставить свечи, мы бы их ставили; если бы нужно было идти за нее на муки, мы бы шли»¹.

Кроме того, Шарапов подметил особый интерес молодежи к таким новоиспеченным наукам, как социология и политическая экономия. Что касается второй науки, то это уже была политическая экономия не Адама Смита, а Карла Маркса:

«...Большинство (студентов. – В. К.) набросилось на политическую экономию и социологию. Трудно поверить, с каким прилежанием одолевали люди дубовый “Капитал” Маркса, да еще по-немецки. Свежие головы просто трещали от невообразимой путаницы в изложении этого столпа социальной науки, даже и не подозревая, что венцом его трудов будет нечаянное признание самого Маркса, что он “меньше всего марксист сам”. За Марксом следовали более толковый и страстный Лассаль, Огюст Конт, Милль, Спенсер. Этими последними зачитывались»².

Неудивительно, что после постижения таких наук молодые люди становились космополитами, любовь к России сменялась у них неприязнью и даже ненавистью ко всему русскому, университетская молодежь пополняла ряды анархистов, социалистов и других революционеров, боровшихся с «режимом»:

«В молодежи неведомо откуда появилась злая струя, нам совершенно чуждая. Мы были розовые космополиты, но на всю Россию смотрели снисходительно; здесь вдруг появилась яркая ненависть ко всему

¹ Шарапов С. Молодежь прежде и теперь // Шарапов С. Россия будущего. С. 592.

² Там же. С. 593.

русскому. Мы мечтали о конституции и кричали “ура” Александру II, а из этой молодежи анархисты вербовали динамитчиков»¹.

Для понимания глубинных причин наших «провалов» в образовании в XIX веке есть смысл обратиться к святителю Феофану Затворнику, который жил примерно в то же время, что и Василий Кокорев. Феофана Затворника очень тревожил процесс отделения светского образования от духовного. Светское образование, не освященное светом Евангелия, наносило, по его мнению, непоправимый ущерб молодежи. В высшей школе зачастую давалось уже не чисто светское образование, а образование, которое было направлено на дискредитацию христианства. Чаще всего в закамуфлированной, но оттого еще более опасной форме. Из стен российских университетов стали выходить вольнодумцы, протестанты, атеисты и даже революционеры (с формальной отметкой в паспорте: «православный»):

«Они прошли все науки в наших высших заведениях. И не глупы и не злы, но относительно к вере и Церкви никуда неgoжи. Отцы их и матери были благочестивы; порча вошла в период образования вне родительского дома. Память о детстве и духе родителей еще держит их в некоторых пределах. Каковы будут их собственные дети? И что тех будет держать в должных пределах? Заключаю отсюда, что через поколение, много через два, иссякнет наше православие»².

Впрочем, по мнению святителя Феофана, данный процесс не является фатальным. У русского человека тогда (во второй половине XIX века) еще было время одуматься и изменить свою судьбу:

¹ Там же. С. 601.

² Феофан Затворник, святитель. Письма о христианской жизни. Поучения. М., 1997. С. 138–139.

«Что общего у христианства с характером времени, в которое оно зачалось? Оно засеменено несколькими лицами, которые не были порождением необходимого течения истории; оно привлекало желающих, крепко расширилось и стало общим делом тогдашнего человечества, а все-таки оно было делом свободы. То же и в худом направлении: как развратился Запад? Сам себя развратил: стали вместо Евангелия учиться у язычников и перенимать у них обычаи – и развратились. То же будет и у нас: начали мы учиться у отпавшего от Христа Господа Запада и перенесли в себя дух его, кончится тем, что подобно ему отшатнемся от истинного христианства. Но во всем этом ничего нет необходимо определяющего на дело свободы: захотим – и прогоним западную тьму; не захотим – и погрузимся, конечно, в нее»¹.

Обратим внимание: святитель Феофан говорит о *западной тьме*. В его времена это были, конечно, и многочисленные секты, приходившие из Европы и развращавшие русского человека; и католицизм, который со времен Александра Невского не оставлял надежды поставить Святую Русь под свой духовный и политический контроль; и забрасываемые из-за границы всевозможные ереси, призванные разложить православие изнутри. Но у святителя не меньшее внимание уделяется так называемым науке и светскому образованию, особенно высшему (через которое и происходило заражение наших верхов западными экономическими и финансовыми теориями).

Тучи западной тьмы, о которой говорил Феофан Затворник, опять нависли над Россией. В частности, это проявляется в том, что в нашей высшей школе наблюдается засилье западной экономической и финан-

¹ Феофан, епископ. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия. М., 1991. С. 187–188.

совой науки. Я об этом много раз писал. Но внедрять идеи этой науки в сознание студентов пропагандистам «вашингтонского обкома партии» становится с каждым годом все труднее. Первостепенной задачей борьбы за Россию является перестройка экономического образования в нашей высшей школе. Это условие не только экономического, но и духовного возрождения России. Мы должны понимать, что нынешние программы и курсы экономического образования не просто искажают реальность, не просто обслуживают чьи-то материальные интересы, но и имеют мощную антихристианскую направленность, духовно уничтожают русский народ. Одним из важных ориентиров при создании новой, истинно русской системы экономического образования должны стать идеи экономических славянофилов В. А. Кокорева и С. Ф. Шарапова.

Василий Кокорев о созидательной силе русского человека

Каждое государство выражает свою силу по-своему, сообразно географическому положению. Сила Англии – окружающий ее океан, сила Германии, находящейся в середине Европы, – 2 млн войск, но сила России совсем особая и вовсе не сходная с силою других государств. Ее сила – в сохранении своей силы под спудом. Ее могущество – сто миллионов народа с самодержавным царем во главе.

В. Кокорев

Не политико-экономические витийства,
не парламентские хитросплетенные речи

и не разнovidные конституции дадут нам разум для благоустройства и возвеличения России, а живущее в простых чистых сердцах Слово Божие.

В. Кокорев

Кокорев пытается исследовать анатомию экономических провалов на уровне не только государства, отдельных сословий, но и простого человека. Василия Александровича интересует, чем живет русский человек, каковы его сильные и слабые стороны, какие изменения стали с ним происходить, можно ли «подкорректировать» этого человека таким образом, чтобы российское государство начало укрепляться.

Надо сказать, что основная часть размышлений Кокорева о русском человеке содержится в его работе «Путь севастопольцев». Свои мысли Василий Александрович умело в плетает в разговоры участников встречи севастопольцев в Москве, которые возвращаются поездом в Петербург.

Кокорев уверен, что основа мощи русского государства – *чувство долга* русского человека. Это чувство, в свою очередь, имеет еще более глубокую основу – *самозабвение и общелюбие*. Это христианские добродетели, которые русский человек впитал с молоком матери:

«Вместе с русской мощью славные наши предки передавали из рода в род и саму основу ее. Как определить ее? Как назвать причину спасительных движений Донского, Ляпунова, Пожарского, Минина и Сусанина? Современные Пожарские, Минины и Сусанины, т. е. все наши славные морские и сухопутные защитники Севастополя, называют все свои подвиги простым исполнением долга. *Вот в этом-то простом исполнении долга, смысл коего так многозначен и обширен, и заключает-*

ся русская мощь. Стремление к этой обязанности – исполнению долга – доступно лишь только тем, кто преисполнен чувством любви ко всем, кто в личных своих успехах, наносящих вред другому, видит общее зло, а в успехах человечества – собственный рост. Поэтому славное наследство, полученное нами от предков, мы должны назвать: самозабвение и общелюбие».

Вот если выйти на этот клеточный уровень, тогда становится понятно, что именно здесь начались мутации русской жизни: стали угасать любовь к ближним и самозабвение; на их место пришло себялюбие; вместо упования на Бога появилась вера в себя – самонадеянность. А вслед за этим повредился ум человека. Это помутнение человеческого рассудка – результат гнева Божия. Иначе говоря, экономические провалы России имеют глубинные духовные причины:

«Тяжело стало нашему корыстному и мельчающему веку хранить это священное наследие: чувство общелюбия начало угасать, а затем последовала утрата самозабвения. Опустелые места нашего сердца заменились заботой о самих себе, и ум стал опираться на шаткую подпору самонадеянности. Произошло явление, столь же естественное и столь же простое, как исполнение долга; но между этими двумя простотами оказалась великая разница в последствиях. Произошло вот что: самые отголоски самозабвения и общелюбия сделались нам сначала неприятны, потом укоризненны и наконец несносны; мы начали обнаруживать на них вражду.

Умолк всякий глагол, исходящий от сердца. Все получило другие очертания, другие побуждения; самый склад русского человека стал изменяться.

Оказалось... но что оказалось? Вот общее определение: беден бедный человек с его бедными надеждами на

один свой бедный ум, действующий без помощи практического и сердечного сотрудничества.

Между тем как мысли наши, лишенные прав гражданства, блуждали в какой-то пустыне бесплодия, вдруг грянул гром, севастопольский гром, принимаемый земной суетой за последствие дипломатических недоразумений, а христианским созерцательным смирением объясняемый явлением гнева Божия».

В «Пути севастопольцев» участники разговора в вагоне наперебой приводят примеры *сострадания и готовности оказывать помощь ближнему*. Вот один из них:

«Идут, например, арестанты через какую-нибудь бедную деревню, идут и гремят своими железными оковами; а к ним выступают из бедных, полусгнивших хижин старики, жены, дети; выносят хлеб, квас, и кроме того подают: кто грош, кто пятак. Что же движет людьми? Идут, говорят, несчастные, но не наше дело осуждать, а поможем им для утешения горькой их доли».

Далее разговор переходит к таким качествам русского человека, как *доверие* и *честность*. При этом многие примеры относятся к деловой жизни. Они свидетельствуют о том, что русские купцы и их партнеры живут по правилу: «Уговор дороже денег»:

«Пойдемте мыслями на север, в глушь, в северные уезды Вологодской губернии, там вы увидите чудо: замков нет, все амбары и кладовые притворены только дверью и завязаны веревочкой, чтобы скотина не вошла; все стережет значение древнего русского слова: “Да будет стыдно вору”. Сила этого слова резко проявляется в Архангельской губернии: тамошние крестьяне продают олени шкуры галичанам, отдают их без денег, которые должны заплатить покупщики на будущий год, по продаже оленьих шкур, и полученные ими расписки при про-

щании с купцами отдают им же, говоря: береги у себя, чтоб тебе знать, сколько надо привезти денег, – и ни разу не было случая неисправного платежа, несмотря на то что доверие не оформлено ни гербовой бумагой, ни маклерской книгой. Что же скрепляет дело с той и другой стороны? Опять древняя пословица: малое неправедное большое праведное измещет.

Слыхали ли вы про никольского купца Грибанова, которому со всего Никольского уезда (Вологодской губернии) свозят крестьяне свои хлебные избытки в его амбары, не говоря о цене и даже не требуя иногда денег? Он им платит их по продаже хлеба в Архангельске; так дело ведется слишком пятьдесят лет; значит, все довольны.

Есть еще в Шадринске, Пермской губернии, купец Фетисов, которому с пяти уездов – Шадринского, Ялуторовского, Камышловского, Челябинского и Ирбитского продают богатые крестьяне хлеб и сало, предоставляя определить цену ему самому по продаже этих продуктов; а следующие за них деньги оставляют у него, говоря: храни у себя дома, целее будут; но только запиши в книгу, сколько ты мне должен.

Много есть Грибановых и Фетисовых! Стоит только поискать, найдутся в каждом уезде своего объема подобные люди».

Смелость, удаль и выносливость – и это качества русского человека. И примеры участников разговора бесчисленны. Вот вам описание того, как осуществляется сплав леса по северным рекам:

«Подобная отвага и смелость бывает при сплаве бревен в С.-Петербург по рекам Олонецкой губернии. Бревна плывут не плотами, а вроссыпь; на круглой поверхности плывущих и вертящихся бревен стоят люди, поддерживая равновесие руками, чтобы не упасть в воду,

и в то же время направляя баграми ход всех плывущих бревен, так чтобы они не могли где-нибудь сгрудиться. Бревна проплывают через мельничные плотины, в растворенные шлюзы, где вода от стеснения образует водопад. Тут бревно идет передним концом вниз, и стоящий на нем человек погружается по пояс в воду; потом потонувший конец выскакивает стремительно вверх, и человек с ним, держась на бревне единственной способностью не терять духа. Прибавьте к тому, что сплав делается в апреле месяце, вслед за льдом, когда ноги нельзя обмочить, не схвативши простуды, а крепкая русская натура, привыкшая оттерпливаться от всего, переносит влияние холода, не подвергаясь простуде».

А наши охотники, которые зимой отправляются на многие дни в леса! Разве это не отвага и выносливость?

«А что за чудеса производят звероловы вологодские и сибирские, отправляясь в леса на зиму, с одним топором за поясом и сухарями в сумке!»

Русский человек, совершая каждый день подобные подвиги, не кичится этим, не ищет славы; у него все буднично. Некоторые случаи заслуживают того, чтобы о них знали все в России и даже за ее пределами. Но об этом знают лишь сами герои и узкий круг свидетелей. Вот лишь один такой подвиг, о котором надобно было бы вспоминать в учебниках русской истории:

«А какова беспримерная решимость кемского купца И. Я. Богданова отправить мореходное судно в июле 1852 года Белым морем и Северным океаном в реку Печору?

– Как в Печору? Куда никто не достигал, кроме П. И. Крузенштерна, несмотря на многие попытки!

– Но Богданову удалось достигнуть: его судно было в Печоре и, взяв там 850 пудов семги, благополучно возвратилось в Кемь 25 сентября. Об этом писали в “Коммерческой газете” в ноябре того же года, но только

очень кратко. А любопытно бы знать все подробности этого замечательного плавания, как, например: что видели на устье Печоры? Сами ли ловили семгу или купили? У кого купили? Как миновали плавающие льды? И прочее. Особенной награды заслуживают за этот подвиг не только Богданов, но и все находившиеся на его судне. Каковы должны быть молодцы, сделавшие тихомолком, без всякого тщеславия, такое славное дело!»

Говорили в поезде и о других достоинствах русского человека – *сметке, чутье, способности быстро перенимать чужое ремесло*. Русский мужик ничего на веру не берет, ему надо все обмозговать. Его на мякине не проведешь. Ради приличия он не будет спешить согласиться с другим человеком:

«Все исчисленные нами доказательства смирения и удали русского человека составляют менее чем единицу от сотни его достоинств, еще не открытых, не подмеченных. А сколько других светлых сторон: например, *русская сметка, русское чутье*, из коих можно бы составить особую науку, для *особой русской дипломатии*. Стоит только поразглядеть да пораскусить.

А какова способность перенимать всякое ремесло и улучшать его!

Весьма замечательно. Русский крестьянин слушает рассказы о новых предметах, передаваемых ему для исполнения. Всмотритесь в его физиономию, выражающую совершенное нежелание поверить сказанному на слово: он старается отыскать в своей голове или убеждение в вероятности, или свои способы применения. Когда действие мысли усиливается, он невольно чешет голову, крепко думает и все молчит.

Бессознательной веры нет, не ждите от него одобрения, пока он не понял, пока его мысленное око не увидело возможности исполнить; а если вы станете надсаждать

его доказательствами и хвалить свое предложение, как бы добиваясь его одобрения и утверждения в неопровержимой пользе нововведения, тогда он закупоривается, и вы услышите короткий ответ: всяко бывает».

А с какой любовью Кокорев пишет о русских умельцах! В каждой губернии, в каждом городе и уезде свой «левша». Причем часто русский умелец делает что-то удивительное, что коммерческой прибыли не приносит, его творчество может быть далеко не утилитарным:

«Но сколько есть предметов искусного труда, почти вовсе не известных! В Сольвычегодском уезде Вологодской губернии есть деревня Тимошино, где делают такие замочки, что в 12 штуках только золотник весу. Надобно особое искусство взять в руки этот замочек, равный ячменному зерну, отпереть его; а между тем он сделан мозолистыми руками в курной русской избе, и как эти замочки никому не нужны, то и труд пропадает даром. А жаль, что умение мастерить не получило выгодного приспособления! Из такой деревни легко могла бы образоваться вторая Женевская фабрика карманных часов, деревня бы процвела, и мы имели бы свои дешевые часы!»

Кокорев развенчивает миф о том, что Россия отстает от Европы в области техники. Многие у нас уже было сделано еще задолго до европейцев, просто мы об этом не кричим.

О некоторых качествах русского человека мы узнаем из других работ Кокорева. Так, в статье «Мысли русского, порожденные речью князя Бисмарка» (1888) Василий Александрович описывает *прозорливость* русского человека:

«У нас в России, конечно, нет Бисмарков, но в зародышах есть масса простых русских людей, чутких и прозорливых от природы. Каждый город и каждый уезд изобилует такими людьми. Про них в народе говорят: его

же не оплетети. Мы видели, как Бисмарк оплетал многих дипломатических деятелей и потом в своей последней речи выставил их на всесветное посмеяние, но пусть он попробует оплести такого русского человека, который от природы чует всякое намерение к подвоху».

Кстати, в этой статье он дает ответ на вопрос: почему русскому человеку не удается часто раскрыть и реализовать свой творческий потенциал? – Этому мешает российская бюрократия. Чаще всего бессознательно, по привычке – из-за своего невежества и по причине пренебрежительного отношения к простому человеку:

«Все сводится к тому, что система Бисмарка состоит в том, чтобы мысли и действия шли впереди событий, а у нас, наоборот, из событий рождаются мысли для отграждения себя от затруднений и бедствий, и какие еще мысли, вовсе не творческие, а основанные на пустых канцелярских справках. Из болота этих справок никто и никогда чистой ключевой воды не добудет.

Все помещенные здесь вводные рассуждения надобно порешить тем, что Бисмарка создала сама Россия, потому что утопила всех своих носителей таланта дальнорзости в море пренебрежения и неведения».

В статье «Мысли русского, порожденные речью князя Бисмарка» Кокорев призывает всех к уважительному отношению к отчизнолюбителям – так он называет патриотов России. А также призывает каждого быть отчизнолюбителем:

«Для возрождения твердой отечественной силы нам нужно укоренить в себе глубокое уважение к прозорливым помыслам отчизнолюбителей, потому что эти помыслы составляют руководящие судьбы отечества.

Да, только из этих помыслов может соорудиться здание прочного государственного бытия, а все иное но-

сит в себе начало разложения, как бы с первого раза ни казалось привлекательным».

* * *

Так все-таки почему Россия терпит такие экономические провалы, если русский человек обладает такими замечательными качествами, которые мы кратко перечислили? Кокорев называет эту глубинную причину – *духоугашение*. В заключение «Экономических провалов» Василий Александрович пишет:

«Но где же корень грустного направления? Не есть ли это явление бессознательное? Нет, к несчастью, оно исходит из глубокого сознания неисправимости трех тяжких провалов: 1) опоздание в 40-х годах сооружением железной дороги из Москвы к Черному морю; 2) накопление заграничных долгов и 3) пренебрежение к мысли фельдмаршала князя Барятинского. Остается одно утешение – принять эти провалы, как наказание свыше за великий грех духоугашения светлых патриотических мыслей, и затем никогда подобных грехов не делать, чтобы еще более не пострадать».

В статье «Мысли русского, порожденные речью князя Бисмарка» он продолжает тему *духоугашения*:

«К первоначальным всемирным праотцам Всетворящее Слово нисходило от уст Самого Вседержителя, а потом оно выражалось в пророческих вещаниях и, наконец, в Новом Завете перешло в народообладание, выразившись между прочим в известном правиле: не угашайте духа, в нем бо сила. Мы совсем отвергли этот завет».

В этой же статье Кокорев затрагивает такой тонкий вопрос, как *страх Божий*. И констатирует, что этот страх Божий исчез прежде всего у элиты России:

«Немцы заявляют, что они *боятся только одного Бога*, а мы, если окинем строгим взором несколько минувших десятилетий, то не можем не вынести совестного упрека за то, что *богобоязнь была в нашей интеллигентной и канцелярской жизни в полном забвении*».

Понятно, что если нет страха Божия, то можно творить любые беззакония. Это исчезновение страха Божия у нашей аристократии во второй половине XIX века констатировали святители Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник, русский мыслитель Константин Леонтьев и многие другие. Тут, как говорится, Кокорев ничего нового не говорит. Но слава Богу, что он об этом говорит, напоминает, потому что во времена Кокорева страх Божий утратили не только многие аристократы и чиновники, но также некоторые купцы и фабриканты. Понимание страха Божия у Кокорева органически связано с другим явлением духовного мира – *гневом Божиим*. Например, в «Пути севастопольцев» мы читаем:

«Между тем как мысли наши, лишенные прав гражданства, блуждали в какой-то пустыне бесплодия, вдруг грянул гром, севастопольский гром, принимаемый земной суетой за последствие дипломатических недоразумений, а христианским созерцательным смирением объясняемый явлением гнева Божия».

Кокорев в заключении «Экономических провалов» говорит очень простые и нужные русскому человеку слова о необходимости возвращения к Богу. Без этого все реформы и прочие экономические и политические ухищрения будут самообманом, пользы не принесут:

«Не политико-экономические витийства, не парламентские хитросплетенные речи и не разнovidные конституции дадут нам разум для благоустройства и возвеличения России, а живущее в простых чистых сердцах Слово Божие».

Василий Александрович уверен, что Россия не погибнет, русский народ, как и всякий другой, имеет своего ангела-хранителя. В статье «Мысли русского, порожденные речью князя Бисмарка» он пишет:

«В народной жизни существует полное верование в то, что каждая страна имеет своего Ангела Хранителя, осеняющего властительные думы светом разума, и что это осенение умалывается по мере того, как властительность, забывая установленные заветы, начинает впадать в великий грех духоугашения. Поклонники верования в высшую силу, кроме многих доводов, ставят в пример нынешнее положение Испании. Они говорят: давно ли Испания, как страна вечного раздора, изгнала королеву Изабеллу, давно ли доны Карлосы раздирали ее на части и давно ли призванный из Италии король Амедей не мог устоять против народного волнения и должен был оставить свой престол. Все это совершилось на нашей памяти; но вот теперь на престоле младенец – и все тихо и спокойно. Не ясно ли, что ангел мира и тишины парит над страной, следовательно есть сила свыше видимой земной силы».

Все работы Кокорева свидетельствуют: сам Василий Александрович имеет страх Божий, уповает на Бога и ангела, охраняющего Россию. Все остальное для него, включая экономику, второстепенно.

Итак, религиозность Кокорева не вызывает сомнений. Хотя Василий Александрович формально вышел из семьи староверов (старообрядцев) и о его дальнейших религиозных воззрениях и религиозности мало что известно, можно предположить, что он был близок к Православной Церкви (это видно по кругу его общения). По крайней мере, ни одного неуважительного высказывания в адрес православия мы не найдем в его работах. Даже если он оставался последовательным старовером, он од-

новременно был последовательным и очень ревнивым приверженцем российской монархии в лице Романовых.

Далеко не все староверы были монархистами. Некоторые из них считали себя «монархистами в принципе», но были настроены против царской власти в России. Революционные события в России в начале XX века высветили антимонархические настроения значительной части староверов. Об антимонархических настроениях староверов и их поддержке антимонархических сил и даже большевиков сказано и написано немало. Приведу фрагменты из одной статьи на эту деликатную тему¹:

«Из 25 купеческих родов Москвы почти половина были раскольническими. Среди них небезызвестные: Авксентьевы, Бурышкины, Гучковы, Коноваловы, Морозовы, Прохоровы, Рябушинские, Солдатенковы, Третьяковы, Хлудовы. Те же фамилии мы встречаем в списках всех выборных органов: они гласные Московской городской думы, члены и председатели всех общественных комитетов, Московской биржи и других коммерческих учреждений. И это не удивительно: для того и выдумана демократия. Затем, уже с некоторой растерянностью, мы замечаем, что главными организаторами и лидерами разных партий, возникавших в начале века, – партий на одно лицо, но с разными названиями, типа кадетов, октябристов и прогрессистов, были лица с теми же фамилиями: опять Н. Д. Авксентьев, П. А. Бурышкин, А. И. Гучков, его брат Н. И. Гучков, А. И. Коновалов, целый букет Рябушинских, С. Н. Третьяков.

Те же лица издают самые влиятельные газеты. Рядом, правда, мелькают фамилии инородцев (Гужон, Гюб-

¹ Участие староверов в свержении монархии // Интернет. Режим доступа: <http://istorya.ru/forum/?showtopic=1805>.

Исчерпывающий обзор антимонархических настроений и действий староверов в России дан в статьях под общим названием «Раскольники против царства» (Радонеж. 1999. № 13–16).

нер, П. А. Тикстон, Кнопы) и представителей другого «избранного народа», тоже известного своей спаянностью и обреченного из-за постоянных гонений копить капиталы (Арманд, В. Ф. Гефдинг, В. О. Гиршман, Л. Л. Рабенек, А. А. Ценкер, управитель Международного банка в Москве Ротштейн и пр.).

Однако же списки масонских лож, ныне широко публикуемые в разного рода сочинениях, могут любо-го повергнуть в полное недоумение, потому что среди “вольных каменщиков” мы опять видим все тех же “хранителей древлего православия”: Авксентьева, Гучкова, Бурьшкина и Рябушинского вперемешку с Керенским, Некрасовым и Терещенко...

Идеалы “старообрядческой буржуазии” выражал в своей газете “Утро России” прогрессист-раскольник П. П. Рябушинский, на средства которого в начале века Рогожское кладбище осуществляло свою издательскую деятельность. После закона о веротерпимости 1905 года раскольники уже ничего не боялись. Раскольники-капиталисты финансировали не только террористические организации бомбистов и политическое масонство, но и периодическую печать своих духовных руководителей.

В марте 1917 года на станции Дно беспоповец-федосеевец А. И. Гучков вместе с подельниками-масонами вынудил Государя, ненавистного всем раскольникам Романова, подписать отречение от престола».

Я не считаю себя специалистом в области истории русского церковного раскола XVII века и отношений старообрядчества с Православной Церковью и русским самодержавием, но беглый просмотр литературы на эту тему показал, что Василий Кокорев ни разу не упоминается в числе тех староверов, которые находились в оппозиции по отношению к царю и православию.

Уж коли мы затронули поднятую Кокоревым тему духоугашения, то следует признать, что оно (духоугашение) затронуло сначала верхи общества, потом простой народ (особенно ту часть крестьянства, которая двинулась из разоренной деревни в города и стала пополнять ряды пролетариата) и наконец духовенство. Земная Православная Церковь вошла в фазу кризиса, можно говорить о *церковном духоугашении*.

Кокорев о *церковном духоугашении* умалчивает (вероятно, по той причине, что все-таки находился вне Православия, оставаясь старовером). Но мы на данном вопросе остановимся. Об этом написаны десятки, а может быть и сотни серьезных книг, причем их авторами являются не только светские писатели, но сами священники и иерархи Православной Церкви, такие как святители Игнатий (Брянчанинов), Феофан Затворник, праведный Иоанн Кронштадтский и другие.

Об этом писал, кстати, и последователь Василия Кокорева экономический славянофил С. Ф. Шарапов. Сергей Федорович увязывал «экономические провалы» напрямую с такой причиной, как церковный кризис в России. Восполним пробел у Кокорева, приведя некоторые мысли Шарапова о церковной жизни в России. В зрелые годы Шарапов твердо стоял на позициях православия (хотя путь к вере и Церкви у него был непростым). В Церкви Шарапов видел духовную опору государства. Он полагал, что серьезный удар по Церкви и, в конечном счете, по русскому государству нанесла реформа Петра I. Речь идет о ликвидации патриаршества на Руси и постепенном превращении церковной иерархии в часть государственного аппарата. Над Синодом как высшим органом церковной иерархии появилась надстройка в виде аппарата обер-прокурора. Обер-прокурор вместе с Синодом фактически превратились в министерство по делам религии.

Была нарушена симфония церковной и светской властей. Находясь под прессом государственной бюрократии, Русская Православная Церковь как организация перестала уделять должное внимание всем сторонам жизни христианина, сосредотачиваясь лишь на храмовых службах. Шарапов называл это *храмовым христианством*, или *обрядовым христианством*. Жизнь русского человека вне храма (в том числе и в первую очередь в сфере хозяйственной) постепенно утрачивала христианские ориентиры. Вопросы реформирования семинарского образования, издания богословской литературы, выпуска духовных книг для народа, переводов Библии решались, в конечном счете, обер-прокурорами (некоторые из них были достаточно далеки от истинного христианства и даже подозревались в связях с масонством). В Русской Церкви и в духовных учебных заведениях было сильно влияние католицизма, протестантизма, даже некоторых сектантских учений. Русская богословская мысль находилась в параличе. Кровоточили незаживающие раны церковного раскола XVII века.

Вот данная Шараповым краткая историческая панорама церковной жизни в России до реформы Петра и после нее: «Древняя Русь была основана на тесном единстве государства и Церкви, народа и общества и Церкви. Точнее: и государство, и народ составляли Церковь, жили в ней. Основной ячейкой всего быта народного и земского строя был приход. Этот строй был настолько прочен, настолько отвечал нашему национальному характеру, что в Смутное время только он один спас Россию от порабощения и анархии, восстановил государство, вдохнув в него тот же церковный и земский дух, которым был пронизан сам. Теперь мы видим совсем не то. Прекрасно оборудованная Церковь стала одной из отраслей государства и потеряла всякую связь с душой

народа, стала для него внешней силой. Народ привязан к ней только обрядностью, в огромной части обязательной. Звонят колокола, идут чинные службы, но дух церковности отлетел, но живого Христа Церковь постепенно забывает. Верующие ходят слушать певчих, говеть, даже молиться, но жизнь стала языческой, в жизни Церковь потеряла всякое значение. Отсюда глубокая народная тоска, сознание пустоты, лжи и обмана и поразительная легкость всяких соблазнов и совращений».

Шарапов в своих оценках состояния нашей Церкви был не одинок. Ф. М. Достоевский, например, не раз говорил, что Церковь пребывает в параличе. Схожие оценки давал наш духовный писатель и богослов Константин Леонтьев.

Много заметок и наблюдений по поводу оскудения церковной и духовной жизни в России оставил святитель Феофан Затворник (1815–1894), с трудами которого наверняка был знаком С. Шарапов. Современные исследователи творческого наследия святителя пишут: «Обращая свой взгляд на события современности, святитель Феофан обеспокоенно замечал все большее непонимание и нарушение православных начал, а с ними и всей внутренней жизни людей. Слабело монашеское служение, отходя от заветов святых православных подвижников. Безжизненной отвлеченностью, рассудочностью и духовным неведением страдало современное святителю богословие, отступавшее от православных основ к протестантским. В излишнюю ученость впадали духовная литература и церковная периодика, нередко упуская из виду живые духовные потребности человека. Христианской, внутренней жизни все реже учили православные пастыри. Замирала духовная жизнь, и этого не могло не почувствовать российское общество. Православие теряло влияние на него. Верхи и низы отступали от Церкви,

изменяя вере отцов или вообще отрекаясь от веры. Изменялся внутренний склад русских людей, менялись их устремления и ожидания, идеалы их сердца (то есть то, что теперь принято называть менталитетом), а значит целиком должно было смениться общественное и государственное устройство России»¹.

С особой болью святитель Феофан писал о том, что пастыри Церкви и духовные писатели в основной своей массе разучились обличать зло и покорно молчат: «Зло растет, зловерие и неверие поднимают голову, вера и православие слабеют... Что ж, сидеть сложа руки? Нет! Молчащее пастырство – что за пастырство? Нужны жаркие книги, защитительные против всех злостей».

Святитель Феофан не только констатировал факт оскудения веры, но и говорил о возможных трагических последствиях такого оскудения: «Завязли в грязи западной по уши и думают: все – хорошо!.. Через поколение-два иссякнет наше православие... Православие, самодержавие, народность – вот что надобно сохранять! Когда изменятся эти начала, русский народ перестанет быть русским. Он потеряет тогда свое священное трехцветное знамя»². На склоне лет (2–5 июля 1893) Вышенский затворник писал с болью в сердце: «Гибнет Русь православная!»³

¹ Гончаров Г., Каплин А. Западом наказывал и накажет нас Господь... Святитель Феофан Затворник о духовном состоянии российского общества во второй половине и конце XIX века // Интернет. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2012/01/23/zapadom_i_nakazyval_i_nakazhet_nas_gospod/

² Цит. по: Архиепископ Аверкий. Провозвестник кары Божией русскому народу святитель Феофан Затворник Вышенский. М.: Издание православного братства во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, 1999.

³ Феофан Затворник. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника: Собрание писем: [В 4 т.] В 8 вып. // Том 1. Вып. 1 (Репринт. М., 1992). С. 252.

Шарапов не хотел мириться ни с низведением христианства до уровня обрядового, ни с господством синодального чиновничества в церковной жизни. Не случайно именно он осмелился издать письмо «О пленении Русской Церкви. Записка и проект всеподданнейшего ходатайства пред государем Александром II», направленное царю вскоре после его интронизации архиепископом Волынским Агафангелом (1812–1876). Письмо это тщательно скрывалось властями от общественности. В предисловии от издателя Шарапов пишет: «Чем-то прямо чудовищным представляется это торжество темного самовластия чиновника над Церковью, народом и царем, это издевательство над верой, совестью, правдой, над всем, что свято и дорого русскому человеку».

О том, что Русская Церковь до революции имела серьезные нестроения и проблемы, мы можем прочесть также в очень интересной книге воспоминаний митрополита Вениамина (Федченкова) «На рубеже двух эпох». Оценки духовного состояния общества и церковной жизни Шарапова и митрополита Вениамина очень схожи. Митрополит называл духовное состояние народа (даже находящегося в церковной ограде) теплохладным. Отношения Шарапова с официальной церковной иерархией были весьма напряженными. Мы можем почувствовать это из содержащейся в книге «Россия будущего» публикации «Открытое письмо редактору “Русского труда” епископа Чебоксарского Антония (Храповицкого) и наш ответ» (1899).

Ситуация еще больше осложнялась тем, что с конца XIX века в стране стали распространяться безверие, нигилизм, атеизм. Умами среднего класса стали править идеи марксизма и других западных учений. Фактически у интеллигенции появилась новая религия – социализм – со своим священным писанием в виде «Капита-

ла» и других произведений Карла Маркса. Шарапов дал развернутую критику этой новой религии в своей работе «Социализм как религия ненависти» (1907), которая также включена в книгу «Россия будущего».

Безусловно, паралич церковной жизни подтачивал устои государства. В государственный аппарат проникали люди, которые только номинально числились православными, а еще вчера были католиками, лютеранами, иудеями. Переход в православие представлял собой упрощенную формальную процедуру. Такие свежеиспеченные православные создавали в министерствах и ведомствах чуждую истинно русскому человеку атмосферу. Таким чиновникам на судьбы России было глубоко наплевать. Такие чиновники готовы были воспринимать любые западные теории, которые были противны русскому духу и православию (например, западные финансовые теории). Нам не приходится говорить о том, что у некоторых из них напрочь отсутствовали присущие русскому православному человеку совесть и страх Божий. На этой почве расцветали коррупция и казнокрадство. Шарапов все это хорошо прочувствовал, поработав некоторое время в министерстве финансов и других казенных учреждениях.

* * *

Вернемся к «Экономическим провалам». В заключении работы Кокорев говорит о том, что Россия ищет своего лидера, спасителя. А его искать не надо, он уже есть, это российский монарх:

«А вот главнейший вопрос: где же этот сильный и притом преисполненный животворных мыслей человек, который протянет на самоткацкий бумагопрядильный станок льняную нитку, оживит Сибирский пустынь-

ный тракт кяхтинской разменной торговлей, развенчает Россию с Главным обществом российских железных дорог, испарит и обессилит фирму, прекратит пьянство в деревнях, водворит помещиков в их имениях, придав им доходность посредством мелких винокурен, напоит крестьянских детей молоком и доставит крестьянской семье хотя бы в праздничные дни кусок мяса, образовав при распространении барды сельское скотоводство, выведет землевладельцев из зависимости от “мышеловок” (земельных банков), позволит народу кредитовать правительство своим трудом во всех его видах при исполнении полезных государственных работ, освободит навсегда Россию от накопления дальнейших долгов за границей, сбережет сибирское золото изменением тарифа в пользу России, устранил мотовство денег за границей, призовет к жизни солеварение в Пермской и Вологодской губерниях и уничтожит эпидемию чинобесия между купцами, – где этот человек?

Человека этого нет и не будет, да и сохрани Бог русскую жизнь от появления его с исключительным влиянием у подножия престола. Такой человек всегда перейдет пределы должного и потребного и вовлечет общую жизнь в область неведомого пространства. Благо России состоит единственно в спасительной – Богом дарованной ей царской власти, могущей своим велением в постепенном стройном порядке созидать благоустройство Русской земли, водворяя все то, что потребно для государственной силы и народного благоденствия, и устраняя все то, что противоречит потребностям самой жизни».

Примечательно, что при всей остроте критики реформ времен царствования Александра II **Василий Александрович** не выпустил ни одной стрелы в сторону царя. В этом проявилось действительно христианское смирение и терпение Кокорева. **Василий Александрович** цело-

мудренно обходил стороной фигуру царя, понимая, что разговоры об ошибках Александра II делу не помогут, а российскую монархию расшатывать будут.

А вот с восхождением на престол Александра III Кокорев воспрянул, с большим уважением и надеждой писал и говорил о новом императоре. В качестве примера приведем фрагмент из заключения «Экономических провалов»:

«Государь-надежа показал уже России в учреждении Дворянского и Крестьянского банков, образовавшихся вследствие неременной воли Его Императорского Величества, значительный шаг к освобождению русского землевладения от “мышеловок” (земельных банков) и в отмене Закавказского транзита благоизволил удостоверить русскую промышленность в ограждении ее от подрыва со стороны иностранцев. Затем сколько еще в короткое время настоящего благословенного царствования совершилось доказательств созидательной силы, исходящей прямо от воли монарха: сооружение стратегической сети железных дорог к западной границе, приспособление портов к расширению торговли с учреждением посредством добровольного флота постоянных рейсов из Черного моря в отдаленные русские порты Восточного океана и быстрое сооружение железных дорог от Каспия в Среднюю Азию, открывающее новые пути для русской торговли и сообщающее оживление среднеазиатских владений в смысле развития промышленности и упрочения в этих владениях незыблемой связи с Россией; но успехи наших дней не останавливаются на том, что мы сказали: русское сердце радуется самою вожденною радостью при общих слухах об улучшении в войсках положения офицеров в смысле материального обеспечения и воздает похвалу мудрому правилу о несовмещении государственной

службы с частными занятиями. Кроме всего этого, промышленная жизнь России чувствует себя вступившею на путь ограждения ее внутренних интересов от подрыва иностранными товарами, и это общее радостное самочувствие порождено целым рядом тарифных изменений, направленных к развитию внутреннего благосостояния. И все это, что мы перечислили, исходит прямо из сердечной заботливости нашего возлюбленного Государя о благе и славе России.

Да будет же он – наше сокровище – виновником дальнейшего и всестороннего благоустройства русской жизни».

Основания своей веры в будущее России Кокорев видел в трех началах: крепкой вере народа в Бога (христианстве), монархическом устройстве государства и народе. Эти три столпа удивительно корреспондируют со знаменитой формулой С. С. Уварова: православие, самодержавие, народность. Эта триада, по некоторым данным, впервые была озвучена Уваровым в 1833 году, при вступлении в должность министра народного просвещения. Впоследствии эта триада стала крылатым выражением и сжатым воплощением русской монархической доктрины.

В статье «Мысли русского, порожденные речью князя Бисмарка» он следующим образом сформулировал свое кредо:

«Каждое государство выражает свою силу по своему, сообразно географическому положению. Сила Англии – окружающий ее океан, сила Германии, находящейся в середине Европы, – 2 млн войск, но сила России совсем особая и вовсе не сходная с силою других государств. Ее сила – в сохранении своей силы под спудом. Ее могущество – сто миллионов народа с самодержавным царем во главе».

Сергей Шарапов: взгляд на экономику и экономическую науку

Главный славянофил среди экономистов, главный экономист среди славянофилов

С. Ф. Шарапов (1855–1911) – один из наиболее ярких представителей позднего славянофильства. На фоне других славянофилов его особенно отличает широкий диапазон затрагиваемых вопросов. Причем не просто затрагиваемых, но детально осмысливаемых. По каждому из таких вопросов имеются конкретные предложения, зачастую – плод скрупулезной проработки. Большинство славянофилов занимались фундаментальным, метафизическим осмыслением проблем бытия, русской цивилизации, духовно-религиозной жизни, культуры и др. Шарапов был в первую очередь практиком, занимался прикладными вопросами, но при этом прекрасно понимал фундаментальные вопросы русской цивилизации и опирался на своих предшественников. Вот краткий перечень вопросов, которые он поднимал в своих работах («Бумажный рубль», «Диктатор», «Марксизм и русская экономическая мысль», «Финансовое возрождение России» и др.):

1. О денежной системе России. Борьба против золотого рубля и денежной реформы С. Ю. Витте.

2. Проект перехода к бумажному рублю. Теория «абсолютных» денег. Модель русской денежной системы.

3. Об иностранном капитале и иностранных кредитах. Об утрате российским государством контроля над экономической и политической жизнью страны, о внешнем управлении страной со стороны западных банкиров и биржевиков.

4. Теория мнимых капиталов и практические предложения по использованию мнимых капиталов государством для строительства железных дорог и других объектов инфраструктуры.

5. О налогах, страховании, государственном имуществе, резервных фондах (запасные капиталы), системе экономических ведомств государства.

6. О деградации деревни, сельского хозяйства. Критика реформы Столыпина. Об организации кредита деревне.

7. Об организации управления страной. Критика бюрократических методов управления. О ликвидации губерний и создании областей. Земское самоуправление. Модель народной монархии.

8. О состоянии нашей Церкви. О необходимости восстановления патриаршества и преодоления последствий церковного раскола.

9. О приходе как первичной ячейке российского общества.

10. Еврейский вопрос в России.

11. Об экономической науке.

12. О семье и браке.

13. О внешней политике России и угрозе мировой войны.

14. Критика капитализма и социализма.

Как видно из перечня вопросов, целый ряд из них имеет прямое отношение к экономической жизни России. Пожалуй, никто из славянофилов не уделял вопросам экономики столько внимания, как Шарапов. Поэтому его совершенно справедливо называют славянофильско-экономистом. Среди экономистов в России не было человека с более ярко выраженным славянофильским мировоззрением, чем Шарапов, как не было и человека

с более ясным и профессиональным пониманием хозяйственных и финансовых вопросов.

С. Ф. Шарапов: особый взгляд на реформы в России во второй половине XIX века

Экономические идеи Шарапова, к сожалению, не были воплощены в жизнь при его жизни. А вот те преобразования, которые проводились в стране после революции (особенно в сталинскую эпоху), наводят на мысль, что наши хозяйственные и финансовые руководители были знакомы с идеями Шарапова и претворяли их в жизнь. Сегодня мы ломаем голову, как нам выбраться из тех экономических тупиков, в которые страна попала еще двадцать лет назад. В таком же тупике наша страна пребывала в конце XIX – начале XX века, и Шарапов разработал очень конкретную программу выхода страны из-под финансово-экономической зависимости от Запада, превращения России в мощную промышленную и сельскохозяйственную державу. Я уверен, что идеи Шарапова не утратили своей актуальности и в нынешних условиях. Полагаю, что всем патриотам и государственно мыслящим людям сегодняшней России надо ознакомиться с основными положениями экономического учения Шарапова.

Временной точкой отсчета для своего анализа Шарапов определяет начало 1860-х годов (он постоянно проводит сравнительный анализ того, что было до этого момента русской истории, и что было после). Шарапов вполне солидарен со многими другими авторами (не только славянофилами), которые связывали радикальные сдвиги в традиционном укладе русской жизни и изменения позиций России в мире с преобразованиями

Александра II и его кабинета. Но Шарапов, в отличие от большинства других авторов, которые говорили об отмене крепостного права и земельной реформе, фокусирует внимание на денежно-кредитной и финансовой реформе, которая происходила параллельно. Опуская детальный анализ указанной реформы, содержащийся в работах Шарапова, сформулируем лишь его окончательное заключение: *в результате финансовой реформы государство утратило контроль над денежным обращением в стране, а вследствие этого – и контроль над экономикой.*

Какие экономические идеи легли в основу реформ?

Начальный пункт экономических размышлений Шарапова: какими экономическими идеями пользовались государственные деятели тогдашней России? Кому эти идеи были выгодны? Почему эти идеи проросли на российской почве? Можно ли называть эти идеи наукой? Как достижения этой науки влияли на общественное сознание в стране? Каковы альтернативы разным официальным теориям? и т. д.

Финансовые реформы Александра II **начались** после прихода в министерство финансов в конце 1850-х годов команды «молодых финансистов» В. П. Безобразова, Е. И. Ламанского и других людей с «новым мышлением» (аналоги современных «реформаторов» Кудрина и Чубайса). Даже по меркам нашего недавнего перестроечного времени они были действительно молодыми: им едва исполнилось тридцать лет. Естественно, ни жизненного опыта, ни глубоких знаний у них еще не было. На вооружение ими были взяты *западные финансовые и экономические теории*, согласно

которым рынок все «сделает сам». Как видим, экономический либерализм существовал и правил умами уже в те времена. Либералы твердили, что для того, чтобы рынок эффективно функционировал, «свободной игре рыночных сил» не надо мешать (в переводе на русский язык это означает: не мешать биржевикам и ростовщикам заниматься рыночным разбоем). Для этого, согласно канонам экономического либерализма, необходимо: а) чтобы государство минимально вмешивалось в экономику; б) чтобы в экономике не было избытка денег; в) чтобы на смену бумажным деньгам пришло золото, которое автоматически обеспечит снабжение экономики необходимым количеством денег. В самом начале реформ был учрежден Государственный банк Российской империи (1861), что соответствовало канонам западных финансовых теорий (при этом в некоторых странах запада центрального банка еще не было – например, в США). Началась подготовка к переходу на золотой стандарт (а ведь его не было в то время даже в Европе, лишь одна страна, Англия, привязывала свое денежное обращение к желтому металлу). Наконец началось размещение облигаций государственных займов на европейских биржах, Россия быстро начала накапливать внешний долг (забегая вперед, отметим, что накануне Первой мировой войны Россия заняла первое место в мире по объему внешнего долга).

В итоге Россия получила блестящий позолоченный фасад (на который обращают внимание некоторые современные авторы, ностальгически вспоминая, «какую Россию мы потеряли»). А вот другой стороной этого здания (или этой медали) стали кризисы, безработица, обезземливание крестьян, бедность и социальная поляризация общества, контроль со стороны западных компаний над целым рядом отраслей российской экономики, быстро

растущий внешний государственный долг, уничтожение отечественного товаропроизводителя в промышленности и сельском хозяйстве, хищническое изведение лесов и истощение почв и т.д. За этим последовало и усиление контроля над российской экономикой со стороны европейской биржи и западных банков.

Несколько подробнее остановимся на оценках Шараповым так называемой экономической науки, которой вооружились тогдашние реформаторы.

«Теория» конкуренции как экономическая версия социал-дарвинизма

В своей основной экономической работе «Бумажный рубль (его теория и практика)» Шарапов обращает внимание на такой краеугольный камень западной экономической теории, как *учение о конкуренции*. Как и сегодня, и сто, и сто пятьдесят лет тому назад, либералы твердили (ссылаясь на авторитетов в лице Адама Смита и Давида Рикардо), что конкуренция – двигатель прогресса. Я не буду сейчас заниматься детальным критическим анализом этого положения (об этом можно прочитать в моей книге «О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном»), а предоставлю слово Шарапову. Он называет конкуренцию *бесконечной борьбой эгоизмов*, причем эта борьба всех изматывает, обескровливает. Западная экономическая наука, с одной стороны, оправдывает и поощряет конкуренцию; с другой стороны, ищет какие-то способы и ухищрения избавиться от самых одиозных проявлений борьбы эгоизмов: «...высоко вознесшее и разнуздавшее хищное человеческое я» обратило «все стороны жизни цивилизованного человечества в огромную арену *бесконечной борьбы эгоизмов* (выделено мной. – В. К.). Эгоизмы эти

то топят безжалостно друг друга, то, устав в борьбе и впадая в отчаяние, селятся путем холодной рассудочной спекуляции придумать такие нормы и рамки, при которых было бы возможно *кое-как жить*¹. Несколько ниже Шарапов пишет о том, что конкуренция захватывает все сферы и все уровни общественной жизни: «Управляемый *пользой*, экономический мир, по воззрениям западных экономистов, имеет могучим орудием борьбу индивидуальных эгоизмов между собой. В этой борьбе, носящей техническое название *конкуренции*, люди сами собой изощряются и придумывают все более и более совершенные орудия борьбы. Для большего успеха в деле люди сплачиваются в группы и союзы, удесятеряют свои разрозненные силы и начинают бороться уже не человек с человеком, а группа с группой, общественный класс с классом, наконец, народ с народом».

В общем, получается *война всех против всех* (Гоббс). Шарапов совершенно справедливо отмечает, что конкурентная борьба не только не соответствует христианским принципам жизни, но прямо ведет к уничтожению христианской цивилизации. Уже в духовно-нравственной оценке Шараповым конкуренции содержится его отношение к капитализму: капитализм и христианство – несовместимы.

Конкуренция как борьба эгоизмов стала обыденным явлением даже в российской жизни, люди перестали чувствовать противоестественность этой борьбы. Особенно после того, как рыночный разбой получил оправ-

¹ Здесь и далее (если специально не оговорено) цитаты приводятся из работы «Бумажный рубль (Его теория и практика)» (Россия будущего. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 51–173. Впрочем, работа «Бумажный рубль» в данной книге дана с некоторыми сокращениями. В частности, отсутствуют приложения. При желании в интернете можно найти полную версию работы (дореволюционное издание).

дание и обоснование в виде соответствующих правовых норм: «Ясно, что ум мыслителей, окруженный в жизни, в вере и в науке одной борьбой, не мог не перенести ее и в область экономии, где борьба совершается вполне открыто на глазах зрителя, где сильный рвет у слабого что может, торжествуя и радуясь, что непосредственные, ближайшие по крайней мере, формы борьбы облечены в совершенно приличную оболочку, что нет ни грубого насилия, ни стонов, как в те времена, когда сильные брали слабого за горло. Теперь та же или, может быть, еще более ужаснейшая борьба совершается без воплей и стонов. Утром заглянули в газету, в полдень написали на бумажке несколько цифр – к вечеру часть имущества, а иногда и все имущество одного самым несправедливым по существу образом перешло к другому. Жаловаться некому и не на кого. Вас ограбил не Петр, не Иван, не разбойник-рыцарь, вас ограбила биржа, ограбил неизвестно кто, вас раздавила невидимая рука, одетая в мягкую перчатку “правового порядка”».

Западная цивилизация выпустила из бутылки джинна эгоизма (или джинна индивидуализма), а обуздать его никак не может. Раскупоривали бутылку с этим джином европейские философы, просветители, экономисты и социологи (яркий их представитель – Иеремия Бентам с его теорией утилитаризма). Кажется, европейские ученые сами в душе ужасаются тем последствиям, к которым привел, приводит и будет приводить «джин эгоизма». Западная наука в полной растерянности, и ей ничего не остается, как делать хорошую мину при плохой игре: оправдывать свои теории благотворного влияния борьбы эгоизмов на общество и человека и предлагать какие-то бесполезные «примочки» для зараженного смертельным вирусом эгоизма и индивидуализма западного общества.

Вот что по поводу кризиса и полной беспомощности западной науки пишет Шарапов: «Куда ни взглянешь, повсюду человеческая мысль упирается в отчаяние и небытие. Религия выродилась в атеистический материализм, философия – в пессимизм, государственность – в анархизм, этика – в проповедь чистейшего эгоизма, экономика – в *формальное торжество хитрости и силы, с одной стороны, рабства, нищеты и неугасимой ненависти – с другой* (выделено мной. – В. К.)». В приведенном отрывке перечисляются основные черты экономики западной цивилизации:

- а) использование хитрости (обмана) и силы,
- б) рабовладельческий ее характер (если не де-юре, то де-факто),
- в) нищета как результат систематической эксплуатации наемных рабов,
- г) ненависть как наиболее яркое проявление борьбы эгоизмов.

Примечательно, что все эти свойства капитализма западная экономическая наука замалчивает, ретуширует или оправдывает.

Очень немногие русские экономисты осмеливались выступать против ключевого догмата западной экономической науки – конкуренции как двигателя прогресса. Один из них – Ю. Г. Жуковский. Он отмечал, что опыт Западной Европы и Северной Америки свидетельствует лишь о разрушительном влиянии конкуренции: «Конкуренция ведет только к лишним тратам сил и богатств, к взаимному обману, плутовству, наживе незаконными средствами, не к удешевлению товаров, а к их фальсификации»¹. Впрочем, отмечает Жуковский, конкуренция неизбежно ведет к монополии, а это не мень-

¹ Цит. по: Жуковский Ю. Г. // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русское хозяйство. С. 332.

шее зло для общества: «вся наша торговля у монополистов – бесконтрольных и дорого стоящих обществу»¹.

Многие думающие люди в России подчеркивали, что конкуренция – не столько созидаящая, сколько разрушающая сила. Более того, *короли биржи* (выражение С. Шарапова) заинтересованы в том, чтобы разрушений было как можно больше, поскольку разрушения (банкротства) ведут к перераспределению богатств в пользу немногих капиталистических «акул». Еще один из наполеоновских маршалов остроумно заметил, что *«политика англичан – это естественная история акул. Подкарауливая кораблекрушения, они никогда не чувствуют себя лучше, чем после изрядного урагана»*². Скорее всего, маршал имел в виду геополитические кораблекрушения, которыми пользовались коварные англичане. Но не в меньшей степени можно говорить и об экономических кораблекрушениях, которые становятся настоящим праздником для акул капиталистической биржи. Акулы биржи не только пользуются кораблекрушениями в экономике, но они эти кораблекрушения и создают. И важнейшим средством создания экономических кораблекрушений становятся деньги, выпуск которых оказывается в их руках.

О теории и практике государственного невмешательства

Во многих своих произведениях Шарапов обращает внимание на заразу *экономического либерализма*, которая поразила Россию. По сути, теоретическое обоснование конкуренции как движущей силы хозяйства

¹ Там же.

² Цит. по: Шмаков А. С. Международное тайное правительство. Таллин, 1999. С. 66.

(теория, которую мы рассматривали выше) – одна сторона медали, называемой экономическим либерализмом. Другая сторона этой медали – теория невмешательства государства в хозяйственную жизнь. То есть упование на то, что рынок сам все сделает. Для этого государство должно исполнять роль ночного сторожа: заниматься общественным порядком, правосудием, обороной и т. п. Но в экономику не вмешиваться, чтобы не внести искажения в действие рыночных механизмов. То есть, во-первых, не заниматься самостоятельной хозяйственной деятельностью; во-вторых, не регулировать и не контролировать деятельность частного бизнеса. Максимум, что допускается государству в части, касающейся хозяйства, – взимать налоги в казну и (при определенных условиях) ограждать внутренний рынок от иностранных конкурентов с помощью импортных пошлин. Наиболее последовательные экономические либералы настаивали даже на том, что выпуском (эмиссией) денег должно заниматься не государство, а частные корпорации. Экономический либерализм берет свое начало от английской политической экономии.

Основоположником *английской политэкономии* принято считать Адама Смита (1723–1790). Он полагал, что система, основанная на естественной свободе индивида, свободе рынка и конкуренции, ведет к благосостоянию народа. В свободной конкуренции корыстолюбивых индивидов он видит источник экономического роста, социального порядка и общественного блага. Индивидуализм, согласно его взглядам, ведет не к хаосу, а к порядку и процветанию. В своем труде «Богатство народов...» Смит высказывает мысль о том, что рынок регулируется самостоятельно в процессе конкуренции частных товаропроизводителей и через него лежит путь к экономическому росту и изобилию. Другой

представитель английской политической экономии, Давид Рикардо (1772–1823), увидел в накоплении капитала пружину экономического роста. Экономическая политика должна быть направлена на то, чтобы облегчить и способствовать такому накоплению. Он был убежден, что экономическая свобода содействует получению максимальных прибылей, которые могут стать основным источником инвестируемого капитала. Предпринимательство ведет к максимальному экономическому росту, ибо прибыль составляет основу накоплений, которые необходимы государству для развития. Английская политэкономия стала весьма популярной среди аристократии и образованных слоев населения России уже в первой половине XIX века. Об этом, кстати, мы можем судить по поэме А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Так, главный герой Евгений Онегин увлекался модным тогда учением Адама Смита:

Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита.

Наверное, из таких скучающих и легкомысленно увлекающихся западным либерализмом молодых людей типа Онегина потом и появлялись молодые финансисты, о которых писал Шарапов в «Бумажном рубле».

Юношеские увлечения либерализмом были небезобидны: вчерашние юноши приходили в государственные министерства и ведомства и проявляли полное бездействие, полагая это нормой жизни. Разрушительные последствия доктрины государственного невмешательства стали особенно бросаться в глаза, когда в России начались реформы Александра II. Эти реформы сдвинули страну с «мертвой точки», вызвали достаточно бурные экономические и социальные процессы и не вполне про-

гнозируемые их последствия. Процессы, которыми надо было управлять. Но которыми государство не управляло. Именно это больше всего удивляло и возмущало Шарапова – еще задолго до того, как он приступил к написанию «Бумажного рубля».

За десять лет до «Бумажного рубля» Шарапов (под псевдонимом Тарлицкий) опубликовал статью «Что нужно прежде всего для нашего экономического возрождения?»¹, в которой он как никто прежде, со всей остротой поставил вопрос о необходимости всестороннего и постоянного государственного управления народным хозяйством. Начинает он издали – с известного и печального факта разделения России на две части. Первая часть – «Россия официальная, мнимая, но всепоглощающая и всезаслоняющая». Вторая часть – «Россия подлинная, народная, служащая лишь фундаментом первой, ее корнями». Это не просто разные части, они между собой почти не общаются: «Между этими верхами и корнями нет никакой творческой, живой и деятельной связи, никакого разумения». Все правильно. Об этом говорил не только Шарапов, но и многие народники и славянофилы. Но Шарапов дает такое объяснение этого разъединения двух частей России, которого до него никто не давал: «И подобное гибельное недоразумение опирается ни больше ни меньше как на целую якобы научную доктрину, проповедующую невмешательство государства в экономическую жизнь народа!»

И российская правящая верхушка, которая восприняла указанную доктрину, оказалась «святое папы Римского», то есть реализовывала ее на практике более

¹ Тарлицкий. Что нужно прежде всего для нашего экономического возрождения? // Русь. 1885. №10, 12 (современное переиздание статьи в: Базулин Ю. В. Двойственная природа денег: русская экономическая мысль на рубеже XIX–XX веков. СПб.: Русская симфония, 2005. С. 45–54).

последовательно, чем Запад, откуда та пришла: «Как бы ни были различны взгляды на широту прав и задач государства, нигде, кроме России, нет со стороны последнего такого полного отречения от своих существеннейших обязанностей в отношении народного хозяйства. Даже в странах, где принципом государственной деятельности поставлен экономический либерализм, строго и систематически проводимый, никогда государство не отрекалось от положительного творчества в области народного труда. Государственная власть в Англии при полном и безусловном признании свободы личной инициативы и почина более, чем где-либо, служила народному хозяйству. Сила личного почина совокуплялась там всегда с мощью почина государственного, взаимно укрепляя друг друга. Государство направляло все свои силы, всю политику к открытию новых рынков, к облегчению и развитию частной предприимчивости, к защите английского хозяйственного интереса. То же в большей или меньшей степени встречаем мы повсюду, от стран самых просвещенных и до стран самых диких».

С момента написания этих строк Шараповым прошло 127 лет, а такое ощущение, что все сказанное относится к современной России. Уже два десятилетия у нас идут непрерывные экономические реформы под флагом либерализма. Государство сворачивает свое прямое присутствие в экономике, проводя массовую приватизацию государственных предприятий, переходящих в руки спекулянтов и иностранцев. Государство снижает долю федерального бюджета в перераспределении национального дохода. Государство отказывает работникам наемного труда в защите их интересов перед натиском корпораций-работодателей. Государство отказывается от регулирования цен и тарифов. Государство не желает более защищать отечественного товаропроизводите-

ля (власти объявили о вступлении России во Всемирную торговую организацию, что означает ликвидацию таможенных пошлин, ограждающих российский рынок от импорта). Государство отказывает отечественному товаропроизводителю в дешевых кредитах и толкает его в смертельные объятия международных ростовщиков. Наконец, государство не бросает отечественному товаропроизводителю спасательный круг во время кризисов. В общем, государство в России последовательно снимает с себя многочисленные обязанности в сфере экономики согласно канонам так называемого Вашингтонского консенсуса (доктрина экономического либерализма, разработанная в Международном валютном фонде в конце 1980-х годов специально для стран периферии мирового капитализма и последовательно называвшаяся им фондом).

А вот на Западе о теориях государственного вмешательства порой полностью забывают. Особенно во время острых экономических кризисов. Так, во время последнего финансового кризиса в США казначейство бросило банкам Уолл-стрит спасательный круг в виде 800 млрд долл. А это, между прочим, деньги американских налогоплательщиков. Это не просто отход от доктрины экономического либерализма. Это, как признают некоторые американские эксперты, самый настоящий банковский социализм¹. Государственный бюджет используется не только для строительства банковского социализма, но также в качестве кормушки для многих крупнейших корпораций, получающих государственные заказы (регулярно, а не только во время кризисов). Такие корпорации давно забыли, что такое конкуренция и ры-

¹ Подробнее см.: Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. – Глава 13 «Как ростовщики борются с банковскими кризисами».

нок. Они живут при так называемом государственно-монополистическом капитализме, когда происходит сращивание государства и крупного бизнеса¹.

О государственной бюрократии и пренебрежении отечественным опытом

Но вернемся к дореволюционной России, разделенной на две части, два народа. Со времен Петра I «русское государство все более и более изолировалось. Между Царем и народом возрос официальный государственный строй, работавший все время для *отвлеченной идеи государства* (курсив С. Шарапова) и никогда не имевший в виду живого народа. Сложились учреждения – органы этой государственной идеи, работавшие для нее с бóльшим или меньшим успехом. Возникла обширная, разветвленная бюрократия, совершенно заслонившая собой русский народ».

Такое изолированное и самодостаточное существование государственной бюрократии было еще терпимо в России крепостной. После начала реформ Александра II все общество пришло в движение: «Насильственный, но привычный союз помещика с крестьянами лопнул, и каждая сторона должна была искать новых экономических форм для своего труда». Помещикам не оставалось ничего другого, как превращаться в предпринимателя-капиталиста. А крестьянин мог себя реализовать лишь как наемная рабочая сила. Но самостоятельно себя реализовать в новых условиях толком не мог ни помещик, ни крестьянин. И все это еще совпало с переворотом в области техники и промышленности: «Железные доро-

¹ Подробнее см.: Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. – Глава 28 «Корпоратизм как современная форма «де-нежной цивилизации».

ги, телеграфы, газеты, крупные фабрики, таможенная война, погоня более передовых в промышленности наций за новыми рынками, – все это обрушилось сразу на Россию и застало ее буквально врасплох».

Казалось бы, в этих условиях на помощь растерявшимся помещикам и крестьянам, становящимся на ноги российским предпринимателям, всему народу, нуждающемуся в железных дорогах и других достижениях технической цивилизации, должно прийти государство с его денежной казной, дешевым кредитом, защитительным таможенным тарифом, казенными заводами и компаниями, рабочим законодательством и т.д.

А что было на самом деле? Шарапов пишет: «Официальная Россия в ужасе замахала руками и под влиянием господствовавших теорий стала отрешиваться от всякого вмешательства в народное хозяйство. Россия живая – крестьяне, помещики, горожане, промышленники, торговцы – была выдана с головой новому движению и должна была бороться и приспособливаться, как умела».

Чуть ниже Шарапов отмечает, что русскую историю XIX века с точки зрения отношения государства к народному хозяйству можно разделить на два периода: а) до-реформенный; б) послереформенный.

Первый период выражается «в покровительстве народному труду, пусть даже только механическом, – посредством высоких таможенных пошлин, высокого налога на путешественников, внешнего упорядочения государства, умной и бережливой финансовой политики». Особенно ярко такое государственное покровительство проявлялось при Николае I.

Второй период – «эпоха великих социальных и гражданских реформ, эпоха огульного и беспощадного отрицания всего прошлого. Вместе с либерализмом политическим воцарился либерализм экономический. Увлеченное

бурным потоком прогресса, правительство делало лишь одно – противоположное идеалам и задачам минувшего тяжелого, но экономически умного царствования. Место серьезных министров-хозяев вроде Канкрин, Кисилева заняли совершенно легкомысленные люди, отрицавшие даже саму идею руководства народным трудом и хозяйством¹. Управление перестало существовать».

В одной из своих поздних работ «Финансовое возрождение России» (1908) Шарапов еще раз с прискорбием констатирует, что сложившаяся в стране финансовая система построена на заимствованных теориях, которые не учитывают особенности русского человека: «Русская финансовая система взяла себе в основание не русскую науку, не данные русской психологии и экономии, а случайные теории, возникшие в странах иного экономического склада и на почве иных экономических данных»². Почему-то вспоминаются слова из рассказа Николая Лескова (1831–1995) «Железная воля»: «Что русскому хорошо, то немцу смерть; и наоборот». Не исключаю, что идея рассказа могла быть подсказана писателю окружающей жизнью, когда «благородные» сословия в России стали во всем подражать европейцам (хотя в центре его рассказа – немец, живущий в России).

Вот и сегодняшние наши реформаторы делают все «противоположное идеалам и задачам прошлого минувшего тяжелого, но экономически умного» периода

¹ Отметим, в частности, что во время царствования Александра II министерство финансов возглавляли: Брок Петр Федорович (1852–1858); Княжевич, Александр Максимович (1858–1862); Рейтерн, Михаил Христофорович (1862–1878); Грейг, Самуил Алексеевич (1878 – 1880); Абаза, Александр Агеевич (1880–1881).

² Шарапов С. Ф. Финансовое возрождение России (Доклад, прочитанный в заседании Русского Собрания в Петербурге 9 марта 1908 г.). // Сергей Шарапов. Россия будущего. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 206.

нашей истории. Речь идет о минувшем советском периоде, когда экономическая функция государства была ярко выражена и проявлялась в планировании народного хозяйства, надежной защите советской экономики от хищных устремлений международных корпораций, регулировании цен и тарифов, освоении природных богатств Севера, Сибири, Дальнего Востока, поощрении научно-технического прогресса, поддержании военно-промышленного потенциала страны и т.п. Сегодняшние власти Российской Федерации стараются замалчивать опыт управления народным хозяйством в советский период, поскольку любое сопоставление того времени и нынешнего – не в их пользу.

В столице дореволюционной России, Санкт-Петербурге, министерств и ведомств расплодилось множество. При этом ни одно из них за народное хозяйство в целом, как пишет Шарапов, не отвечало: «В государственном механизме России не хватает малого: нет органа, которого прямой задачей являлась бы забота о народном хозяйстве, руководство народным трудом, защита национально-экономических интересов! Вести народное хозяйство, иметь ясный план русской промышленной деятельности, поднимать голос за русский национальный интерес – попросту оказывается *некому*, даже при том непомерном изобилии ведомств и начальств, которым поистине *болеет* Россия».

Вот и сегодня в Российской Федерации имеются различные министерства: финансов, экономики, промышленности и энергетики, сельского хозяйства, регионального развития и другие. Плюс к этому Банк России. Но за развитие в целом никто не отвечает. Одно ведомство «борется с инфляцией», другое – отвечает за «удвоение ВВП», третье – обеспечивает «инвестиционный климат» и т. д. А реальное отечественное производство гибнет,

цены растут, безработица на высоком уровне, народ нищает, страну лихорадят постоянные кризисы. Уже не приходится говорить о том, что отсутствует «ясный план русской промышленной деятельности». И это при том, что у нас накоплен уникальный опыт средне- и долгосрочного планирования народного хозяйства в течение нескольких десятков лет¹.

Вновь возвратимся к дореволюционной России. Шараров отмечает, что отсутствие минимальной заботы о народном хозяйстве со стороны бюрократического государства привело к тому, что благополучие официальной (бюрократической) России оказалось под угрозой: «Наша финансовая политика, имеющая единственной задачей – отыскивать во что бы то ни стало средства для удовлетворения официальной России, становится в тупик. Средства истощены, плательщик разорен, долгов накопилось столько, что делать новые уже не имеет смысла. Русскому государству грозит то же истощение сил, которым страдает и русский народ; правительство пришло к сознанию, что заботу о народном хозяйстве сложить с себя нельзя, что волей-неволей нужно что-то сделать для народного труда и хозяйства». В общем, бюрократическое государство с ужасом увидело, что сук, на котором оно сидит, им же подрублен. Ситуацию надо срочно спасать. Напомним, что Шараров об этом писал в 1885 году. Как же государственные чиновники стали спасать ситуацию (вернее, самих себя)? Они выбрали самый простой путь: привлекать в Россию иностранный капитал, который бу-

¹ Первый долгосрочный план был принят в декабре 1920 года. Это был план ГОЭЛРО, рассчитанный на 10–15 лет. Он был направлен на развитие не только электроэнергетики, но всего народного хозяйства страны. Таким образом советский опыт планирования экономики насчитывает более 70 лет. После Второй мировой войны многие экономически развитые страны (Германия, Франция, Япония, Голландия и др.) изучали и практически использовали этот опыт.

дет за правительство поднимать и развивать народное хозяйство. Не думая при этом о последствиях подобного привлечения в страну «капиталистических варягов». Бюрократическое государство ситуацию не спасло, а лишь отсрочило момент, когда сук, на котором оно сидело, обломился. Произошло это в 1917 году.

Сегодняшние наши власти, послушно и последовательно проводя политику экономического либерализма, делают то же самое: они привлекают иностранные инвестиции, то есть окончательно подрубают сук, на котором сидят. Как говорится, история учит, что она ничему не учит. В России это особенно справедливо в отношении тех, кто прилежно выучивает западные экономические теории.

О ядовитых плодах западной финансовой науки

Наиболее важной частью западной экономической науки, по мнению Шарапова, является *финансовая наука*. Финансовая наука современности подобна военной науке. Обе изобретают новые орудия борьбы. Та финансовая наука, которую взяли на вооружение российские молодые финансисты, была, однако, предназначена не для укрепления позиций России, а наоборот, для того, чтобы Запад сумел одержать победу над нашей страной. В «Бумажном рубле» Шарапов писал: «В экономике, основанной на борьбе, часть ее, финансовая наука, является совершенно последовательным орудием борьбы. Подобно тому как военные техники с величайшей быстротой изобретали в последнее время все ужаснейшие орудия разрушения, западная финансовая наука, развиваясь неумолимо последовательно в одну сторону, выковывала наиболее совершенное орудие для эконо-

мической борьбы, переводила эту борьбу с маленького единоборства какого-нибудь сапожника с потребителем или ростовщика с должником на борьбу Ротшильда с целым человечеством, на борьбу мира англосаксонского с германским из-за рынков для мануфактур или на борьбу Америки с Россией из-за золота и пшеницы».

Мысли Шарапова о военной функции западной финансовой науки перекликаются с размышлениями близкого к славянофилам русского предпринимателя Василия Кокорева. В своей книге «Экономические провалы» (1887)¹ он писал о славной русской истории и говорил, что Петр I сначала на поле боя терпел поражения, но затем смог, «к удивлению всей Европы, заявить такой исполинский рост военной силы, что после присоединения Крыма и побед на Альпах, в Польше и Финляндии, через сто лет от времени Нарвского поражения мы вступили в Париж победителями и даровали всей Европе мир и освобождение от порабощения Наполеоном I. Мы вырастали в военном деле на почве незыблемого сознания своего будущего великого назначения и на силе духа, верующего в народную мощь; но в деле финансов после каждого поражения мы, наоборот, падали духом и наконец до того приубожились, что во всех действиях наших выражалось постоянно одно лишь *рабоподражательное снятие копий с европейских финансовых систем и порядков* (курсив мой. – В. К.). Продолжая идти этим путем, мы утратили уважение к самим себе и веру в самих себя»². «Финансовая война против России

¹ Современное издание книги: Кокорев В.А. Экономические провалы: по воспоминаниям с 1837 года. М., 2005. Указанная работа размещена в интернете. В сокращенном варианте работа имеется также в следующем источнике: Платонов О. А. Русская экономика без глобализма. М.: Алгоритм, 2005.

² Платонов О. А. Русская экономика без глобализма. М.: Алгоритм, 2005. С. 329.

настойчиво ведется Европою с начала 30-х годов; мы потерпели от европейских злоухищрений и собственного недомыслия полное поражение нашей финансовой силы», – развивает свою мысль Кокорев¹.

Итак, едва Россия пришла в себя от войны с Наполеоном, как Европа опять ополчилась против России, причем оружие было применено совершенно новое, неизвестное русскому человеку и даже государственным мужам. Это и неудивительно: к этому времени Европа уже полностью встала на путь капитализма, всем правили короли биржи и банкиры-ростовщики, а у них главным орудием борьбы были не пушки и снаряды, а кредиты и деньги. Говоря о *собственном недомыслии*, Кокорев имели в виду прежде всего легкомысленное восприятие государственными деятелями России западных финансовых теорий, предназначенных не для укрепления, а для ослабления государственной мощи нашей страны.

Справедливости ради следует отметить, что Кокорев на несколько лет раньше, чем Шарапов, стал громко и энергично обличать западную экономическую и финансовую науку. Не исключено, что именно Кокорев, которого называли экономическим славянофилом, подвиг Шарапова на размышления о том, какой должна быть денежная система в русском самодержавном государстве. Кокорев особенно акцентировал внимание на том, что западные финансовые теории загоняли Россию в долговую кабалу западным ростовщикам. Кокорев отмечает, что «новые финансисты» эпохи Александра II «сговорились с нашими западными завистниками и стали соединенными силами... проводить идею... о невозможности верховной власти разрешать – без потрясения финансов – печатание беспроцентных денежных бумаж-

¹ Там же. С. 328.

ных знаков на какие бы то ни было производительные и общепользные государственные потребности... Мы могли бы на эти деньги построить дома у себя все нужные для железнодорожного дела заводы; но мы неизвестно почему и зачем не решились отступить от исполнения чужеземного догмата, вовсе не подходящего к образу всероссийского правления, и *всецело подчинились указаниям заграничных экономических сочинений*... Теперь... мы взвалили на народную спину такой долг по платежу, который поглощает почти треть из общего итога государственных доходов... *Вот вам и теория, вот вам и плоды каких-то иностранных учений и книжек!.. извольте-ка теперь тянуть лямку платежей, в которую запряжена русская жизнь лжемудрою теорией на целые полвека* (курсив мой. – В. К.)»¹.

Ядовитые плоды применения в России западной финансовой науки стали созревать достаточно рано. Шарапов пишет: «Финансовая наука выдвигает свои законы, а жизнь им совершенно противоречит. Финансовая наука на основании своих умозрений рекомендует те или иные меры, жизнь их отвергает. Наконец, финансовая наука предсказывает явления, вычисляет их и сообщает, а в действительности получается совсем другое, иногда прямо противоположное».

По мнению Шарапова, и за пределами России были умы, которые предлагали альтернативные модели финансового устройства, но в России их теории (и даже имена) замалчивались либо оплеывались. В числе экономистов и государственных и общественных деятелей, которые приближались к пониманию того, как должна быть построена финансовая система, Шарапов в «Бумажном рубле» называет: финансиста-практика XVIII века Джона Ло (сочинения которого плохо поня-

¹ Там же. С. 332.

ты и почти полностью забыты и облик которого даже в современной РФ демонизирован и искажен)¹; некоторых социалистов-утопистов (без упоминания конкретных имен); немецкого экономиста Фридриха Листа (как впервые признавшего великую роль нравственного начала в экономической науке); Адольфа Вагнера (специально посвятившего России огромный труд, «долгое время считавшийся чем-то вроде финансового у нас Евангелия»); Робертуса («к сожалению, только наметившего истинные законы денежного обращения в своей знаменитой книге «Исследования в области национальной экономики классической древности», но отнюдь их не разрешившего»).

Не наука, а гимн золоту

В «Бумажном рубле» Шарапов пишет: «Если бы кто-нибудь вздумал действительно научным образом изложить и осветить западные финансовые теории, он убедился бы с первого шага, что на Западе денежной теории *вовсе нет*, а есть теоретические рассуждения *о золоте как деньгах и о замещающих их суррогатах*».

Шарапов заостряет внимание читателей «Бумажного рубля» на золоте, поскольку указанная работа преследует двоякую цель: с одной стороны, представить проект здоровой денежной системы для России; с другой стороны, предотвратить переход страны к золотому рублю, который готовил тогдашний министр финансов С. Ю. Витте. В этой связи Шарапов и анализирует господствовавшие в Европе финансовые теории, которыми со временем заразились правящие круги России, и приходит к выводу, что это не научные теории, а всего

¹ Кое-что о Дж. Ло можно найти в моей книге «О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном» (Книга 1. С. 187–188).

лишь средства одурачивания и закрепощения народов теми, кто сосредоточил золото в своих руках.

Шарапов делает очень парадоксальное утверждение (парадоксальное для тех, кто учился по общепринятым учебникам экономики): *золото – лишь товар, но не деньги; в полном смысле деньгами золото никогда не было.* Это заявление диаметрально противоположно принятому в финансовой науке мнению о том, что самыми лучшими деньгами является золото: «С самых отдаленных времен, после перехода античного мира с его натуральным хозяйством к хозяйству денежному, лучшими и почти единственными деньгами считалось золото. Оно действительно с большим удобством исполняло роль денег. Но в сущности это были не деньги, а был “всем нужный товар”, разделенный на точные весовые количества. Понятие о деньгах, совершенно отвлеченное, было привязано, воплощено в металлическом кружке такого-то веса. Таким оно осталось и в наши дни: отвязать, освободить его не пыталась вовсе западная финансовая наука.

При всех неудобствах золота, при явной кабале, в которую *только ради золота* впадают иногда целые государства, оно давало единственную, но очень важную гарантию: прибавить по произволу золота было почти нельзя, в природе его немного, наличное все размещено в чью-либо собственность – следовательно, никакое злоумышление правительства не может нарушить естественного уровня цен; накопивший золото всегда богач, ибо невероятно, чтобы вдруг были открыты слишком обширные залежи золота и оно, сразу прибавившись в количестве, упало бы в цене.

Все это соображения очень веские, но с наукой ничего общего не имеющие».

В этом отрывке важными являются слова *накопивший золото всегда богач.* Это соображение действи-

тельно не имеющее отношения к науке, но практически важное. Можно сказать, что *золото – богатство номинальное или потенциальное*. Само по себе золото *реальным богатством* не является (вспомним историю про царя Мидаса) и *нового реального богатства* не создает. Но в руках тех, кто его накопил, золото становится *средством перераспределения уже созданного реального богатства в свою пользу*. Такова *тайна золота*, и те, кто ее не знает, становятся рабами тех, кто обладает золотом (Шарапов пишет о том, что целые государства впадают в кабалу только ради золота). Если тайна будет раскрыта, то золото потеряет свою силу. Вот хозяева золота и создают финансовую науку. Наука, которая всем людям внушает, что самое истинное богатство – золото, а государствам, что самые настоящие деньги – золотые.

Шарапов приводит в «Бумажном рубле» пространную выдержку из книги И. Кауфмана «Кредит, банки и денежное обращение» (СПб., 1873), посвященную описанию золота (на трех страницах). Коротко об авторе. Кауфман Илларион Игнатьевич (1848–1915) – российский экономист, профессор финансового права Петербургского университета. Как член совета Государственного банка участвовал в разработке денежной реформы Витте. Многие авторы считают Кауфмана основным разработчиком реформы. Современный исследователь дореволюционной экономической мысли пишет, что период творчества Кауфмана «совпал по времени с очередной волной российских либеральных реформ. Этот виток “перестройки” можно назвать буржуазным... Это, конечно, не могло не сказаться на его творчестве... В этом либеральном процессе И. И. Кауфману досталась роль “агитатора и пропагандиста” капиталистических отношений»¹.

¹ Базулин Ю. В. Двойственная природа денег. СПб.: Русская симфония, 2005. С. 238–239.

Итак, приводим начало указанной выдержки: «Богатство, принявшее форму золота и серебра, воплотившееся в драгоценно-металлическом теле, может всего более сохраняться, всего менее бояться разрушительного влияния времени, всего менее ему подчиняться и, напротив, само всего более над ним господствовать. Но золотое и серебряное тело сверх того имеет то преимущество, что оно одинаково предлагает свои услуги большому и малому богатству: золото и серебро почти до бесконечности делимы и потому могут в себе воплощать богатства самых разнообразных размеров...» Кончается эта пространная цитата следующим: «Драгоценные металлы ставят обладателя ими в центральное положение, равно удаленное от всех пунктов, к которым ведет экономическое движение, и, стало быть, дающее возможность достигнуть с наибольшей скоростью... Всякий, кто обменивает свои товары или оказываемые им услуги на драгоценные металлы, становится через то в центр самого обширного круга, в котором он скорее всего может достигнуть каждого из его периферических пунктов». Примерно в том же восторженном духе писали о золоте и драгоценных металлах авторы других российских учебников по деньгам и кредиту во времена Шарапова¹.

Шарапов называет это описание *поэтическим гимном золоту*, выражающим отношение евреев к желтому металлу: «Если мы припомним историю еврейского народа после его рассеяния, его психологию с основной чертой грубой *утилитарности* и стремлением к грубому же ма-

¹ Да что там дореволюционные учебники! Мне пришлось в конце 1960-х годов учить политическую экономию капитализма по известному старшему поколению учебнику Э. Я. Брегеля. Там про золотые деньги говорилось примерно то же самое, что и у Кауфмана. Хотя золотой стандарт (в его усеченной, золотодолларовой модификации) доживал уже последние годы.

териальному владычеству над всем остальным человечеством, мы поймем своеобразную поэзию этих великолепных строк (строк из книги Кауфмана. – В. К.)».

Золото, денежная система, основанная на золоте, по мнению Шарапова, – средство реализации стратегических устремлений еврейского народа, которое способствовало нравственному падению всего человечества: «Вот оно, уже не только деловое, но чисто философское выяснение роли и значения золота (речь идет о «гимне золоту», содержащемся в книге Кауфмана. – В. К.). Безграничная свобода и, прибавим, безграничная власть капитала, – капитала, не знающего ни родины, ни нравственных законов, – таков еврейский миродержавный идеал. И этот идеал, эта власть путем основанной на золоте денежной системы открыто провозглашены и могущественно легли над миром». Фактически в этих строках Шарапов раскрыл духовно-религиозные корни современного капитализма¹.

Мысль Шарапова о еврейском авторстве «гимна золоту» позднее была развернута и углублена его последователями. В частности, русским монархистом Н. Е. Марковым: «Но все, что исходит от еврейства, неизменно сохраняет особый – чисто еврейский дух – одностороннего расового утилитаризма. Даже отвлеченные понятия о добре и зле в еврейском представлении претворяются в утилитарные понятия пользы и вреда... пользы и вреда для евреев. *Это до того верно, что в еврейском язы-*

¹ Через 9 лет после «Бумажного рубля» Шарапова вышла книга немецкого социолога Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1904), в которой была предпринята попытка раскрыть духовно-религиозные корни капитализма. Вебер связывал происхождение капитализма с протестантизмом, что является достаточно поверхностным объяснением. С нашей точки зрения, Шарапов в лаконичной форме дал более глубокое объяснение происхождения капитализма.

ке вовсе нет слов “добро” и “зло”, а те слова, которые должны выразить эти понятия, по существу означают “польза” и “вред” (курсив мой – В. К.). Хорошо все то, что полезно для еврейства, и наоборот – таков склад еврейского ума и еврейской совести»¹.

Соответственно экономическая (и финансовая) наука, навязанная человечеству мировыми ростовщиками (носителями еврейского духа), оперирует понятиями пользы и вреда, выгоды и убытка, коммерческой эффективности и рентабельности и начисто лишена понятия добра и зла, апеллирует к эгоистическому чувству, а не к совести. Марков фактически подтверждает мысль Шарапова о том, что пришедшая в Россию так называемая финансовая наука абсолютно чужда духу русского человека: «В области обмена ценностей, торгового оборота и в особенности в области финансовых ухищрений евреи всегда обладали выдающимися знаниями и талантами и чрезвычайной изобретательностью. Поэтому и финансовая наука вообще, и учение о деньгах в особенности почти всеми своими главными положениями своими и принципами обязаны еврейскому уму, еврейской указке»².

Современник С. Шарапова Г. В. Бутми сделал очень важное наблюдение: почти вся российская профессура, занимавшаяся вопросами денег, финансов, права, выступала за золотой рубль. В чем причина такого единодушия? Очевидно, что от введения золотого рубля выигрывали банкиры, потому что деньги становились дорогими, соответственно все их финансовые активы (требования) становились более весомыми. Банкиры выигрывали, а люди труда проигрывали, ибо им для

¹ Марков Н. Е. Русские деньги // Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи 1921–1937. М.: Москва, 2002. С. 421.

² Там же. С. 421.

покрытия своих обязательств перед банкирами (погашения долгов) надо было произвести и продать больше товаров. Исключение, как отмечал Бутми, составляла интеллигенция: «Интеллигенция больших городов состоит главным образом из лиц, получающих определенное денежное содержание. Возрождение денег доставляет им больше товаров за те же деньги – выгодно для них. Представители кафедральной науки стоят ближе к интересам городской интеллигенции, среди которой они живут, чем к интересам промышленности и земледелия, с которыми они знакомы лишь теоретически. И представители кафедральной науки за немногими выдающимися исключениями защищают золотую валюту, дающую и им самим больше удобства за те же деньги»¹

Единомышленники и последователи С. Шарапова о «тайне золота»

Сергей Федорович был одним из первых в России, кто подверг сомнению и разоблачению официальную финансовую науку с ее «гимном золоту». Он дал толчок очень глубоким и ярким работам других талантливых русских мыслителей, которые продолжили активную деятельность по раскрытию «тайны золота». Среди них – Г. В. Бутми, А. Д. Нечволодов, А. В. Васильев, П. В. Оль, Н. Е. Марков (Марков Второй), Н. Н. Зворыкин и многие другие истинные патриоты России.

Здесь мы вспомним одного талантливого русского исследователя и писателя, генерала А. Д. Нечволодова, который жил примерно в одно с Шараповым время. В небольшой, но очень емкой по мыслям книге «От разорения к достатку» (1906) Нечволодов развивает и углубляет

¹ Бутми Г. Золотая валюта. К пониманию макроэкономики государства и мира. СПб., 2000. С. 27.

бляет мысли Сергея Федоровича по поводу золота и тех «научных» теорий, которые были созданы вокруг него. Нечволодов подтверждает: *финансовая наука очень много и восторженно говорит о золоте, но при этом не раскрывает тайну золота*. Вот основные положения работы Нечволодова, касающиеся золота как денег.

Положение первое. Золото не является реальным богатством: «...золото в деньгах *само по себе* никакой реальной ценности не имеет, так как не имеет никакого практического применения, а служит лишь знаком обмена всех остальных реальных ценностей для человека: земли, хлеба, угля, предметов роскоши и проч.»¹.

Положение второе. Золото не может быть постоянным и неизменным измерителем стоимости (ценности) других товаров. Нечволодов критикует Маркса, А. Смита и других представителей классической политэкономии, которые говорят о том, что ценность золота неизменна: «...По общепринятому ходячему понятию ценность золота *неизменна* вследствие его неизменяемости от времени и незначительности ежегодного прироста из земли; величина же всех остальных ценностей, покупаемых на это золото, *изменяема* и зависит от спроса и предложения. Последнему учит отец всей современной политической экономии Адам Смит, и этому положению все поверили...»

Создатель же современного социализма Карл Маркс, строя всю свою теорию на строго научных началах, доказал также строго научным способом – неизменную ценность золота. Читаем у Нечволодова критический разбор «Капитала»: «Деньги, как мера стоимости, – говорит Карл Маркс, – есть необходимая форма проявления внутренней (имманентной) меры стоимости товаров – рабочего времени». «Цена есть денежное название

¹ Нечволодов А. Д. От бедности к достатку. СПб., 2007. С. 36.

рабочего времени, овеществленного в товаре». «Вследствие того, – продолжает он, – что товары выражают в золоте свою относительную стоимость, золото относительно их играет роль меры стоимостей (всеобщего эквивалента)»; поэтому, по формуле Карла Маркса:

20 аршин холста
1 сюртук
10 фунтов чаю
= 2 унциям золота.

То есть, предполагая, что для производства 20 аршин золота, 1 сюртука и 10 фунтов чая надо по 40 часов рабочего времени, для добычи двух унций золота требуется также 40 часов рабочего времени.

Это научное доказательство неизменной стоимости золота, основанное на количестве рабочих часов, необходимых для его извлечения из недр земли, включает в себя *величайшее недоразумение*, на котором построено, однако, все учение Маркса о капитале...»¹

Положение третье. Это положение раскрывает полностью *тайну золота*. Пока золото – обычный товар, то его ценность действительно определяется общественно необходимыми затратами труда на производство (добычу). Когда деньги приобретают статус денег (всеобщего эквивалента), то их ценность определяется совсем по другому принципу: ценность накопленного запаса золота = объему всех остальных ценностей, которые имеются у человечества и которые становятся объектом реального (или потенциального) обмена на рынке. Или, по крайней мере, ценность каждой унции золота находится в прямой зависимости от объема всех остальных ценностей, которые обмениваются (или могут обмениваться) на рынке. Понятно, что запас золота

¹ Там же. С. 37-38.

растет медленнее, чем запас всех остальных ценностей, поэтому *ценность золота как денег неизбежно увеличивается во времени. Поэтому обладатели (монопольные владельцы) золота будут стремиться к тому, чтобы золото сделать деньгами!*

Нечволодов выделяет *два момента, связанных с раскрытием «тайны золота».* Момент *первый* связан с тем, что даже если ценность золота выводить из затрат труда на его добычу, то эта ценность не является чем-то постоянным. Гораздо более постоянной является ценность других товаров, на производство которых заранее известно количество часов труда (например, производство ткани, одежды, колбасы и т.п.): «Именно ценность золота не может определяться количеством рабочих часов, потраченных для его добычи, так как условия ее *совершенно различны*: они всецело зависят от процента содержания руды в земле, колеблющегося от двух долей до нескольких золотников на сто пудов земли, от орудий промывки, от времени, потребного, чтобы добраться до рудника от мест постоянного жительства, и проч. Наконец, случается, что даже по одному этому определять стоимость золота в зависимости от количества часов, потраченных на его разработку, – *явно нелепо*»¹.

Момент второй связан с тем, что мы вообще не можем класть в основу цены (ценности) золота количество часов, затраченных на его добычу. Ведь золото – не потребляемый товар, а все остальные товары – потребляемые (с той или иной скоростью). Как мы можем сравнивать 1 сюртук, который сшит сегодня, с золотом, которое было добыто неизвестно когда (может быть, во времена царя Соломона)? Цена на все накопленное за тысячелетия золото определяется не количеством часов, затрачиваемых сегодня на добычу 1 унции желтого металла, а

¹ Там же. С. 38.

чем-то иным. Если золото приобретает функцию денег, тогда его ценность напрямую начинает зависеть от общей массы товаров, которые реально или потенциально могут стать объектом купли-продажи. То есть его ценность в этом случае зависит от спроса на золото как средство обмена: «Главное же недоразумение заключается в следующем: допустим даже, несмотря на явную нелепость, что при извлечении золота из недр земли затрачивается в среднем на каждые две унции – 40 рабочих часов, мы все-таки *отнюдь не можем его считать эквивалентом* для определения стоимости продуктов человеческого труда, и вот почему:

Золото, добытое из недр земли, остается *навек неизменным*, а все продукты человеческого труда подвержены *изменению и уничтожению*, начиная от свежвыпеченного хлеба и кончая египетскими пирамидами. Поэтому если 2 унции золота и приняты в каждый момент при обмене равными по стоимости товару, на производство которого затрачено 40 рабочих часов, то громадная разница – в положении потребителя товара и хозяина золота. Потребитель товара для того, чтобы вновь получить такое же количество его, должен истратить 40 рабочих часов на производство какого-либо труда, обменять это производство на 2 унции золота и купить на него известное количество нужного ему товара, затем потребить его, опять же приняться за работу и т.д. Хозяева же золота не работают; они только отдают его взаймы для производства операции обмена, а затем получают его обратно, но уже с процентом в золоте же, купленным ценою человеческого труда, и *так при каждом обороте*¹.

На основании вышеприведенных рассуждений генерал Нечволодов делает ошеломляющий вывод, который раскрывает так называемую *тайну золота*: «Поэтому

¹ Там же. С. 38–39.

каждые две унции заключают в себе *не 40 рабочих часов, а миллиарды их*, причем ввиду того, что количество золота крайне мало, сравнительно с потребностями для человечества в знаках обмена, стоимость его обладания, хотя бы на самое короткое время, нужное для обмена, все возрастает, но не прямым путем его вздорожания, а *скрытым*, выражающимся в понижении стоимости товара, то есть человеческого труда.

Вот истинная, чисто магическая ценность золота: в нем, благодаря его неизменяемости, незаметно сосредотачивается весь труд и капитал человечества, временно пользующегося им лишь с целью обмена своих произведений труда¹.

Итак, в своей работе «От разорения к достатку» Нечволодов дал развернутое объяснение слов Шарапова из «Бумажного рубля»: «*Накопивший золото всегда богач*». Навязывание человечеству (в том числе России в конце XIX века) золотого стандарта – это попытка создать мировыми ростовщиками основанного на золоте механизма перекачивания богатств мира в карманы (сейфы) ростовщиков. Этот механизм основан на использовании ростовщического процента и монополизации желтого металла в руках ростовщиков. Фактически в их руках оказался идол – золотой телец. Язычники, каждый раз желая поклониться своему божеству, должны платить ростовщикам за право доступа к своему идолу.

Нечволодов, как и Шарапов, очень отрицательно относился к марксизму, как лукавой и провокационной теории. Генерал, в частности, обращает внимание на то, что «гениальный» Маркс аккуратно обошел стороной в своем толстенном «Капитале» «тайну золота»: «Это, разумеется, отлично понимал Карл Маркс, как еврей. Но ему, конечно, невыгодно было объяснить тай-

¹ Там же. С. 39.

ную силу, заключающуюся в золоте, непосвященным, а потому он и дал научное определение его стоимости в рабочих часах, как “необходимой формы проявления внутренней (имманентной) меры стоимости товаров – рабочего времени”¹.

И Шарапов, и Нечволодов одинаково считали, что если бы человечество понимало эту «тайну золота», то, наверное, пути исторического развития могли бы быть иными; тогда люди не стремились бы совершать социальные революции и двигаться по пути строительства коммунизма (как к этому призывали классики марксизма-ленинизма), а добивались бы изменения денежной системы (то есть целенаправленно боролись с торговцами золотом и ростовщиками). Нечволодов писал: «Если выяснить это недоразумение в понятии неизменности ценности денег, то есть золота, поставленного Адамом Смитом и Карлом Марксом в основании своих учений, то, конечно, все современные теории политической экономии, неизбежно приводящие к социалистическим принципам, совершенно неприменимым к жизни, сейчас же рухнут, и человечество может пойти по новым путям, имея впереди самые светлые, и притом достижимые, идеалы, простым изменением своих понятий о деньгах»².

Эта мысль Нечволодова очень созвучна с идеями Шарапова, который был одинаково критично настроен в отношении как тогдашнего капитализма, так и проектов социалистического переустройства мира на основе учения Маркса. А «понятия о деньгах», которыми руководствовались русские люди в XIX – начале XX века, были в своей массе превратными, они базировались на западноевропейской политической экономии и

¹ Там же. С. 39.

² Там же. С. 40.

финансовой науке, которые проповедовались с кафедр российских университетов. Эти искаженные марксизмом, буржуазной политической экономией и западной финансовой наукой понятия о деньгах облегчили Витте и другим агентам Ротшильдов в России навязывание русскому народу золотого рубля. А введение в конце XIX века золотого рубля способствовало, в свою очередь, разорению страны мировыми ростовщиками и в конечном счете привело к социально-политическим катаклизмам начала XX века.

Уже после Шарапова, Бутми и Нечволодова о «тайне золота» стали писать и другие русские патриоты. Особенно понятной эта «тайна золота» стала после таких катаклизмов, как Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 года. Находясь в эмиграции, известный деятель монархического движения Н. Е. Марков написал в 1926 году статью «Русские деньги», в которой помимо прочего подчеркнул роковую роль не критического отношения русского человека к пришедшим из-за рубежа учениям о золоте: «Нееврейское человечество допускало большую неосторожность, долгое время принимая без необходимого отслеживания блестящие с виду открытия и положения еврейского финансового творчества. К числу таких якобы бесспорных и якобы научных постулатов относится и *учение о золоте как единственно возможном основании денежной системы* (курсив мой. – В. К.) культурного государства. Другая столь же сомнительная и для неевреев столь же опасная *финансовая доктрина гласит, будто для блага всех народов необходимо установить единую международную монету и ввести единую для всего света денежную систему* (курсив мой. – В. К.)»¹.

¹ Марков Н. Е.. Русские деньги // Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи 1921–1937. М.: Москва, 2002. С. 422.

Марков, досконально проанализировав уроки русских революций, понял, что, в конечном счете, игры мировых ростовщиков с золотом, в которые они втянули в XIX веке Россию, – часть общего плана по установлению ими мирового господства. Он предупреждал о смертельной опасности, которая исходит от иноземных учебников, ведущих к духовному порабощению русского человека: «Наивное человечество только теперь, после “планетарных” уроков наглядного обучения, преподанных иудобольшевиками в России, начало понимать, что далеко не все полезное для еврейства есть действительное добро и что начиная с объединения монеты, почты, таможи и паспортов народам легко докатиться до международного объединения суда, войска, управления, религии и, как венец, до исчезновения самих народов в океане безнародного, безземельного и безбожного Интернационала... Те, кого не влечет идея национального самоуничтожения... должны отложить в сторону еврейские учебники...»¹

Российские финансовые реформы: беспечность, продажность и невежество

Причин того, что Россия в части, касающейся ее финансов, живет чужим умом, по мнению Шарапова, несколько.

Первая причина. В России к середине XIX века не сложилось необходимого понимания того, как должна выглядеть финансовая система страны. Отсутствие в России собственной финансовой теории привело к пагубным последствиям, дорогим ошибкам, за которые, как говорил Шарапов, «нам еще долго расплачиваться»: «Если бы существовала истинная финансовая наука, если бы государям, начиная с Александра II, не приходилось

¹ Там же. С. 422.

доверяться искусству выдвинутых общественным мнением или случаем лиц, призванных к заведованию государственным хозяйством, можно было бы смело быть уверенным, что такая же мудрая настороженность (выше автор говорил о той настороженности, которую проявляли русские самодержцы, когда предлагалось выпустить дополнительное количество бумажных денежных знаков. – В. К.) была проявлена и в остальных отраслях финансового дела. Не было бы произведено бесполезной ломки старых кредитных учреждений, были бы найдены иные финансовые основания для великой реформы 1861 года, иначе были бы выстроены русские железные дороги, не было бы сделано столько угнетающих Россию внешних и внутренних займов. Но финансовой науки не было, были теоретики-доктринеры, рядившиеся в западную ученость» («Бумажный рубль»).

В момент, когда была написана книга «Бумажный рубль», Россия была на пороге новой реформы – перехода к золотому рублю. А убедительного научного обоснования этой реформы не было. Здравый смысл говорил против этой реформы. Но в России привыкли верить в теории, а не в здравый смысл. Шарапов считал, что для противостояния готовящейся денежной реформе тогдашнего министра финансов С. Ю. Витте нужно было здравый смысл облечь в привычные для чиновников одежды научной теории: «Господствовали западные теории, которые к настоящему времени показали свою полную несостоятельность. Необходимо создавать собственную финансовую науку. Актуальность этого возрастает в связи с тем, что власти готовятся переводить денежную систему России на *золотой рубль*. Альтернативой золотому рублю являются *абсолютные деньги*». Книга Шарапова «Бумажный рубль», изданная в 1895 году, призвана была убедительно показать науч-

ную альтернативу золотому рублю в виде абсолютных (бумажных) денег. Это было необходимым, но недостаточным условием успеха в борьбе с Витте и его сторонниками против золотого рубля.

Вторая причина: продажность и беспринципность русской «ученой публики», готовой одобрить и обосновать все, что необходимо политической и особенно денежной власти. О ней Шарапов пишет не в «Бумажных деньгах», в своем романе «Иванов 16-й и Соколов 18-й (политическая фантазия, продолжение романа “Диктатор”»): «Значительное число ученых прямо продано бирже и проповедует то, что ей на руку. Этим, между прочим, мастерски воспользовался Витте. В его время чуть ли не все европейские знаменитости были на содержании у кредитной канцелярии. Из наших он тоже нанял немало. Вспомните, например, покойного Миклашевского. До Витте дал чудесные работы по бумажным деньгам, затем поговорил с Сергеем Юльевичем – и начал воспевать золото. Также были завербованы Чупров, Постников, Янжул, Озеров и др., я таких знаю человек десять из наших профессоров. Европейцы тоже. Знаете ли вы, что последняя статья Леруа Болье в “Neue Freie Presse”, наделавшая столько шуму, была написана в кабинете у Витте? Зачем в Париже сидит Рафалович? Почему ни одна русская газета не напечатает против золотой валюты?» (эти слова произносит герой романа по фамилии Соколов).

Впрочем, была *еще одна причина* быстрого продвижения разрушительных для России теорий и реформ – невежество высшей власти, которая не понимала сущности предстоящих преобразований. Невежество сосуществовало рядом со слепой, почти религиозной верой в истинность западных финансовых теорий и вытекающих из них реформ: «Верховная власть волей-

неволей санкционировала *на веру* ряд мероприятий, объема и сущности коих не понимали даже сами их авторы, один за другим сходявшие со сцены, натворя бед России», – писал Шарапов.

Кстати, на *собственное недомыслие* как причину наших экономических и финансовых провалов обращал внимание Василий Кокорев: «Финансовая война против России настойчиво ведется Европой с начала 30-х годов; мы потерпели от европейских злоухищрений и *собственного недомыслия* (курсив мой. – В. К.) полное поражение нашей финансовой силы»¹.

Шарапов государственную бюрократию, которая начала финансовые реформы в России, называл *молодыми финансистами*. А Василий Кокорев назвал их *фирмой «они»*, подчеркивая, что реформаторы предпочитали действовать анонимно, по крайней мере без лишней огласки². В своей книге «Экономические провалы» он перечисляет «заслуги» перед Россией этой таинственной фирмы «они»:

1. «Либеральные нововведения, уничтожив для помещиков кредит, лишили десятки тысяч помещичьих семейств возможности жить в своих имениях. На почве этого бедствия вырос нигилизм».

¹ Платонов. Русская экономика без глобализма, с. 328.

² В этой связи вспоминается книга доктора И. Ландовского «Красная симфония (откровения троцкиста Раковского)» Она первоначально была издана за рубежом на испанском языке в начале 1950-х годов, у нас вышла на русском языке в 1996 году в издательстве «Вестник». Эта книга представляет собой подробное изложение протоколов допросов в Москве во второй половине 1930-х годов известного партийного и государственного деятеля Х. Раковского, обвиненного в связях с троцкистами и мировой закулисой. На допросах Раковский рассказал много интересного о своих личных связях и связях других троцкистов с мировой закулисой, представляющей собой всемирную финансовую олигархию. Примечательно, что Раковский предпочитал для обозначения представителей мировой масонской и финансовой элиты использовать слово *они*.

2. «Затем фирме “они” принадлежит распространение пьянства посредством безграничного количества кабаков, разрушение сельского хозяйства от уничтожения мелких винокурен».

3. «...Вовлечение России в заграничные займы вследствие недопущения русского народа кредитовать правительство своим трудом с получением за этот труд беспроцентных бумаг».

Общее следствие: «Совокупность этих зол, конечно, гораздо более причинила вреда России, чем 1812 год, Севастополь, холера и все другие пережитые нами бедствия»¹.

Все сказанное еще в XIX веке Кокоревым и Шарповым в полной мере относится к нашим современным «реформам» и их «научному» обоснованию. Это «научное» обоснование, в котором участвовали такие украшенные академическими и учеными титулами «умы», как А. Яковлев, Г. Явлинский, Е. Гайдар, Е. Ясин, Г. Попов и другие, представляет собой адскую смесь, замешанную на невежестве, продажности и беспечности.

Выше мы сказали о продажности и беспринципности «ученой публики» в России, которая была готова оправдать и обосновать любое решение, любую политику, любой проект, необходимый государственной власти. Но продажность «ученой публики» была социально-политическим следствием более глубокой причины: ее продажность была производным от продажности верхов. Как говорится, рыба начала тухнуть с головы. В следующей главе мы будем говорить об этой серьезнейшей проблеме России, которая в полной мере проявилась после прихода к власти Александра II и «молодых финансистов», когда страна встала на путь капитализма².

¹ Кокорев В. Экономические провалы. С. 28.

² См.: Гл. 2. С. Ф. Шарпов: программа выхода России из кризиса / раздел «Коррупция и казнокрадство – вирус государственного разложения».

Приведем лишь два фрагмента из наблюдений известнейших в русской истории людей, которые дают самое общее представление о той нравственно-духовной атмосфере, в которой существовали и принимали экономические решения верхи. Имена этих людей – обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев и цесаревич Александр, будущий российский император Александр III.

Размышления К. Победоносцева касаются оценки результатов четвертьвекового царствования Александра II и его реформ. Оценки эти звучат жестким, но справедливым приговором: «А это 25-летие роковое, и человек его роковой – *l'home du destin* для несчастной России. Бог с ним. Бог рассудит, виноват ли он или нет, только в руках у него рассыпалась и опозорилась власть, врученная ему Богом, и царство его, может быть и не по вине его, было царством лжи и мамоны, а не правды»¹. В словах *царство лжи и мамоны* заключено основное содержание эпохи Александра II: мамонапоработила большую часть верхов, а ученая публика облекала поклонение мамоне в красивые оберткинаучной лжи.

А вот дневниковая запись наследника престола Александра Александровича, сделанная им после того, как он побывал на заседании Совета министров 18 декабря 1868 года. На заседании обсуждался вопрос о передаче в концессию Николаевской железной дороги, являющейся собственностью казны, Главному обществу российских железных дорог – акционерному обществу, созданному банкирами и биржевиками Лондона, Парижа и Петербурга. Даже непрофессионалу было видно, что готовится жульническая сделка, которая позволит иностранным дельцам нажиться за счет

¹ Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. М., 2001, С. 513.

казны¹. Цесаревич, находясь под сильным впечатлением от увиденного и услышанного, писал: «Начал, конечно, болван Рейтерн (министр финансов. – В. К.) с доклада, а потом прочие говорили и делали возражения. – Известно, что Министерство финансов во что бы то ни стало желает и почти что решило передать Николаевскую железную дорогу Главному обществу. – Поэтому почти все были против министра финансов и говорили в пользу Русского общества купцов и фабрикантов... Это дело грязное со стороны Рейтерна, его компании и Министерства; конечно, дядя Костя (великий князь Константин Николаевич, родной брат Александра II. – В. К.) с ним заодно, так как Рейтерн его креатура. – Посмотрим, что будет еще, но на этот раз, к счастью, не решились это дело. – Я постараюсь что-нибудь сделать в пользу Русского общества, и если Бог поможет, то это будет большой шаг к лучшему...»² Свой протест против коррупции, царившей в Министерстве финансов, цесаревич пытался донести до отца. Он писал царю: «...я остаюсь при своем убеждении, и еще раз повторю, что в этом Министерстве делаются дела нечистые. – Я не сочиняю и не позволил бы себе говорить так смело, если бы не было все это так видно и гадко...»³

Александр II выпустил из бутылки джинна капитализма и мамоны. Александр III, заступив на престол, пытался бороться с этим джинном. Императору удалось добиться некоторых успехов в борьбе. Однако они были сведены на нет после смерти императора и начала

¹ Подробнее об этой сделке см.: Гл. 2. С. Ф. Шарапов: программа выхода России из кризиса / раздел «Коррупция и казнокрадство – вирус государственного разложения».

² Цит. по: Миронов И. Роковая сделка: как продавали Аляску. М.: Алгоритм, 2007. С. 228.

³ Цит. по: Миронов И. Указ. соч. С. 228.

бурной реформаторской деятельности Витте по строительству русского капитализма.

Незатейливое финансовое правило, или удушение России на «научной» основе

Денежные власти России из всей западной финансовой науки выучили только одно незатейливое правило: самое опасное для денежного обращения и экономики – *избыток денег*. Это правило было ими заучено как религиозный догмат, как символ веры религии под названием «экономический либерализм». Поэтому власти для себя выработали еще одно правило: пусть лучше денег будет меньше, чем больше необходимого. Кстати, Шарапов обращает внимание, что религия экономического либерализма не могла дать внятного ответа на вопрос: сколько же денег необходимо экономике? Много их в обращении в данный момент или мало? И сегодня проповедники экономического либерализма (например, представители экономической теории монетаризма) путаются в ответах на этот вопрос. На вполне научной основе денежные власти России в течение полувека (с момента реформы начала 1860-х годов до Первой мировой войны и революции 1917 года) «сжимали денежную массу», то есть душили российскую экономику на радость врагам нашей страны и западным ростовщикам. В середине XIX века на одного жителя России приходилось в среднем около 30 рублей, что было эквивалентно 120 французским франкам. К 1914 году эта сумма сократилась до 10 рублей, или 25 франков¹.

Вот краткий итог четырех десятилетий (1857–1906) финансовых реформ, направленных на денежное удуше-

¹ Для сравнения аналогичный показатель по странам Запада был равен: в Германии – 115; США – 125; Англии – 140; Франции – 140 франков (Антонов М. Экономическое учение славянофилов. С. 299).

ние русского народного хозяйства, который сделан самим Шараповым в его работе «Земля и воля... без денег»:

«К 1 января 1857 года, по официальным сведениям, в народном обращении находилось... 2.048.297,000 р. Государственный бюджет в 1857 г. был 255 м. р., жителей в империи было 65 миллионов человек.

На 1 января 1906 года, согласно балансам Государственного банка, находилось в обращении... 2.260.800,000 р. – всего на 212 ½ миллионов рублей, или едва на 10% более против 1857 года, в то время как государственный бюджет вырос на 700%, перейдя за 2 миллиарда рублей; число жителей возросло в 2 ½ раза, достигнув 145 миллионов душ, причем сельское хозяйство, промышленность и торговля, да и все население, сполна перешедшее с натурального хозяйства на денежное, нуждаются в значительно бóльших оборотных средствах, чем в 1857 году»¹.

Русский народ прекрасно понимал, что экономическое неустройство, бедность, разорение хозяйств, низкая конкурентоспособность отечественного товаропроизводителя на мировом рынке порождается нехваткой денег, а нехватка денег подавляет трудовую энергию и желание трудиться. Наиболее грамотные представители народа пытались достучаться до верхов, объяснить столичному начальству, что надо выпустить дополнительное количество денег в обращение. Вот, например, ростовский купец Г. Паршин направил в 1885 году письмо тогдашнему министру финансов Бунге. Отметив затруднительное положение промышленности и торговли, вызванное сокращением денег в обращении (дефляцией), Паршин

¹ Земля и воля... без денег. Публичная лекция, прочитанная в апреле 1907 года в Тамбове, Саратове и Смоленске, и доклад, сделанный Чрезвычайному смоленскому губернскому дворянскому собранию 1 июня 1907 года Сергеем Шараповым. М.: Тип. «Русский голос», 1907. С. 16.

предлагает выход из сложившейся ситуации: «...единственное средство... – это нужно, например, выпустить, примером, на 200 миллионов кредитных ассигнаций и на них начать в разных пунктах России государственные работы за счет казны... А что наш рубль будет стоить дешево на заморском рынке, потому что будет выпущено много, но зато в родной земле будет идти за полную монету и этим достигнется меньший вывоз наших товаров за границу, а все будем покупать в родной земле... а если наш рубль будет идти на заморском рынке полной монетой, то тогда совсем прекратятся фабрикации в России и будет бедствие народа, а при вышесказанном мнении все нужное для построек и нашей обыденной жизни будет работаться на наших фабриках и наш же народ будет зарабатывать... Этим достигнется полная конкуренция России с заграницей»¹. К сожалению, столичные власти оставляли без ответов и внимания подобного рода призывы русских людей с мест, предпочитая обращаться к финансовым авторитетам на Западе.

Русский народ как мог сопротивлялся подобного рода дефляционным экспериментам, проводимым финансовыми властями. Создавал кредитные кооперативы и общества взаимного кредитования. Купцы и предприниматели где могли замещали деньги векселями или бартером. А некоторые наиболее энергичные предприниматели даже создавали свои деньги. Наиболее яркий пример – деньги С. И. Мальцева. Мальцев (правильно – Мальцов) Сергей Иванович (1810 – декабрь 1893) – русский промышленник, кавалергард, генерал-майор в отставке, почетный член Общества содействия русской торговли и промышленности. Выдающийся представитель

¹ Цит. по: Власенко В. Е. Денежная реформа в России 1895–1898 гг. Киев, 1949. С. 134–135. Текст письма приведен в соответствие с современными правилами русского языка. – В. К.

дворянского и промышленного рода Мальцовых. Сергей Иванович создавал и использовал собственные деньги в своем достаточно автономном хозяйстве, которое раскинулось в нескольких губерниях и включало несколько десятков фабрик, заводов и иных предприятий. Эти местные деньги назывались «денежными расписками» Мальцовского заводского округа и ходили в этом округе наряду с законными кредитными билетами¹. Шарапов восхищается энергией и предпринимательским талантом Мальцова, который свидетельствует об энергии и предприимчивости русского человека вообще: «А что мы можем работать, что мы умеем вести дело, этому доказательства могут спрашивать только господа, с деловую Россию незнакомые. Мы так привыкли к поклонению всему иностранному и оплевыванию всего “отечественного” (самое слово-то – ирония), что вовсе не замечаем множества превосходно поставленных у нас дел, не только не уступающих “Европе”, но и переunggолявших ее, что особенно важно при тех трудностях, которые окружают русского промышленника. Возьмите, например, покойного С. И. Мальцева. По объему им сделанного, по духу дела и по той великой инициативе, которая здесь развернулась, другого такого дела вы мне не укажете ни в Европе, ни в Америке»².

Однако знаменитый заводской округ Мальцевых с десятками предприятий и десятками тысяч работников в конце XIX века стал постепенно приходить в упадок. И дело не в каких-то ошибках Мальцева или даже болезнях, которые его стали одолевать. Дело в том, что власти не могли допустить, чтобы на обширной территории об-

¹ См.: Парамонов О. В. Денежные знаки Мальцовского заводского округа в XIX веке. «Записки» Его превосходительства С. И. Мальцова. М.: 2001.

² Шарапов С. Иностранные капиталы и наша финансовая политика // Шарапов С. Россия будущего. С. 193.

ращались какие-то деньги, не вписывающиеся в финансовую теорию (да еще в условиях, когда Министерство финансов готовилось всех «осчастливить» золотым рублем). Шарапов с горечью констатирует: «Отчего же это дело погубило? Оттого *единственно*, что Мальцеву *круто* было воспрещено печатать свои деньги (деньги, всегда ходившие *al pari* и не знавшие злоупотреблений), а государственных в виде нужного кредита не было дано. Из живого организма была выпущена кровь, но организм был рожден такой могучий, что дышит до сих пор, хотя – увы! – пока это калека, и заправиться не может»¹.

Недостаток денег, как отмечает Шарапов, угнетает и обесценивает труд: «Политическая экономия определяет капитал как концентрированный прошлый труд, являющийся орудием новому труду. Недостаток денежных знаков, возвышая плату за наем капитала, отделяет, отрывает его от труда будущего, обесценивает, парализует этот труд, отдает его в кабалу и ставит элементы праздные – в положение, господствующее в стране, элементы трудовые – в рабство им». Как это положение актуально для понимания нынешней политики денежных властей РФ, «борющихся с инфляцией» путем сжатия денежной массы! Создание дефицита денег выгодно тем, кто торгует деньгами, то есть ростовщикам, угнетает главный экономический ресурс общества – труд.

Шарапов прямо говорит, что при сложившейся финансовой системе в России произошла лишь замена форм крепостного права, причем новая форма крепостного права оказалась еще более тяжелой: «Примеряя эти соображения к жизни, легко понять, что это не про Америку говорится, а про матушку Россию, где только благодаря западной финансовой доктрине, отводившей глаза русскому финансовому ведомству за последнюю четверть

¹ Там же. С. 193.

века, вместо старого добродушного крепостного права юридического создалось новое, в тысячу раз тягчайшее, – крепостное право экономическое.

Господа: биржевики, дисконтеры, спекулянты, рантьееры, чиновники.

Рабы: землевладельцы, земледельцы, промышленники, рабочие.

Вот прямые последствия недостатка денежных знаков и вместе с тем его точные признаки».

Хочу обратить ваше внимание на то, что среди рабов оказываются и рабочие, и промышленники! Это противоречит догматам марксизма! (Желающим понять, почему промышленники оказываются в компании рабов, рекомендую посмотреть мою критику марксизма в книге «О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном».) Также любопытно: в одной компании господ у Шарапова оказываются финансисты (биржевики, дисконтеры, спекулянты) и чиновники. Мы сегодня видим этот «брак по расчету» между банкирами и чиновниками – как в России, так и во всем мире. В России недостаток денег в обращении способствовал тому, что на смену юридическому крепостному праву пришло экономическое крепостное право. Как точно! Нынешний строй следует называть не рыночной экономикой и даже не капитализмом, а экономическим крепостным правом!

Уроки финансовых реформ: предупреждение С. Шарапова нынешней России

Шарапов постоянно сравнивает две финансовые системы России: ту, которая существовала без малого век до прихода к рулю власти «молодых финансистов»¹,

¹ В качестве точки отсчета первого периода Шарапов берет 1769 год, когда согласно указу Екатерины II были выпущены первые бумажные деньги – ассигнации.

и ту, которая была создана этими «молодыми финансистами»:

«Как ни странно, но мы сами, собственными руками разломали и растоптали очень верную научно, очень удобную практически систему. Накануне самого освобождения крестьян, когда предстояла вопиющая необходимость обновить нашу старую финансовую систему, оживить, расширить кредит, удвоить или утроить количество денежных знаков соответственно ожидаемому увеличению сделок и потребности в деньгах при вольнонаемном труде, пришла группа “молодых финансистов” с Евгением Ивановичем Ламанским и Владимиром Павловичем Безобразовым в качестве дельфийских оракулов и главных инициаторов реформ во главе, захватила руководство российскими финансами, в несколько лет изломала и исковеркала все и после тридцатилетнего владычества сдала Россию в ужасном виде, в котором она теперь находится»¹.

Шарапов приводит перечень печальных результатов использования западной финансовой науки и проводимых на ее основе реформ денежно-кредитного хозяйства страны: «Все это (реформирование финансовой системы. – В. К.) совершалось самым добросовестным образом, согласно последнему слову западной финансовой науки. В результате оказалось:

Четыре миллиарда бесполезного долга, в том числе около половины на золото.

Огромные бюджетные назначения на уплату процентов.

¹ Подробное описание финансовых реформ 1856–1864 года дано в работе С. Шарапова «Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве» (глава «Как разоряются государства»). К сожалению, данная работа в одномтомном собрании работ С. Шарапова «Россия будущего» отсутствует.

Широко развитая за наш счет германская железная промышленность и машиностроение.

Огромный ввоз иностранных товаров в Россию.

Сеть железных дорог, обремененная неоплатным почти долгом иностранцам и не вырабатывающая процентов.

Разорение помещного и земледельческого классов.

Биржевая игра русскими фондами.

Ограбление и истощение земли и сведение лесов по нужде ради самосохранения.

Уничтожение труда, торжество всякой наживы, спекуляции и хищничества.

Понижение нравственного уровня. Отчаяние безвыходности, бесплодие честности и высоких нравственных доблестей. Нигилизм. Анархисты...

Все это дало нам тридцатилетнее господство чужих финансовых доктрин...»

Перечитывая Шарапова, забываешь, что речь идет о событиях в России более чем вековой давности. Мы в России уже пережили двадцать лет господства чужих финансовых доктрин. Промежуточные итоги такого господства видны невооруженным глазом и не отягощенным западными экономическими теориями умом. Но это, как говорится, «еще не вечер». Чем все это чревато, можно узнать из работ Шарапова. Хотя он не дожил ни до Первой мировой войны, ни до революций 1917 года и последующих событий, он многое предвидел. Многие экономические и политические прозрения Шарапова исполнились. Будем надеяться, что трагическая история первых десятилетий прошлого века не повторится – хотя бы потому, что у нас есть С. Ф. Шарапов. Шарапов, который нас предупредил. Шарапов, который подсказал нам, что делать. Шарапов для нас

важнее и нужнее, чем вся нынешняя Академия наук, занимающаяся пережевыванием западных лженаучных теорий экономики и финансов.

О западных «семенах» экономического «просвещения» в России

Хотелось бы еще раз вернуться к вопросу: почему западные финансовые и экономические теории и науки приобрели такую популярность в дореволюционной России? Самая главная причина такой неразборчивости и некритического отношения к иноземным учениям – духовное оскудение русского народа, отход от церковной жизни и православия, заражение части народа (его аристократической верхушки, а затем и образованных слоев) агностицизмом, атеизмом, материализмом. В сфере познавательной деятельности человека это неизбежно ведет к разъединению и последующему противопоставлению науки и религии. Меняются цели познавательной деятельности: вместо познания Истины – Бога отягощенные материализмом ученые начинают заниматься частными вопросами, часто попадая в различные интеллектуальные тупики. Кроме того, центр тяжести перемещается на решение практических, сиюминутных задач; исследователь занимается узким вопросом и не в состоянии видеть мир в его целостности со всеми его сложными взаимосвязями между материальной и духовной сферами. Пораженный духом материализма исследователь добровольно отказывается от накопленного человечеством интеллектуального наследия на том основании, что оно создавалось «темными» и «невежественными» монахами и церковниками (заметим, что в так называемые Средние века научная жизнь в основном была сосредоточена в монастырях).

Русский человек в своем отступлении от Бога отставал от европейца. Европейцы еще со времен Реформации и Просвещения стали создавать свою безбожную науку. К моменту, когда русский человек стал превращаться в материалиста и атеиста, Запад уже успел создать громадное количество разных теорий и наук. Поэтому русские образованные люди с жадностью набросились на всю эту кучу накопленного с XVI–XVII веков хлама, который они по своей духовной слепоте приняли за истину. Роясь в куче этого хлама, они нашли разные непонятные теории, касающиеся устройства общественной жизни, экономики, финансов. Не понимая при этом по крайней мере двух простых истин.

Во-первых, те теории, которые создавались на Западе, могли оказаться совершенно непригодными для России. Различия были более чем очевидны: разная вера, разная культура, разный климат, разные природные условия и т. д. Недаром мудрые люди в России говорили: «Что русскому человеку хорошо – то немцу смерть. И наоборот».

Во-вторых, те теории, которые приходили к нам с Запада, вообще не имели никакого отношения к науке, потому что они призваны были не объяснять мир, а обосновывать и оправдывать политику тех, кто эти теории заказывал. Да, да! Эти теории не были результатом свободного творческого поиска истины. Они представляли собой инструмент идеологии определенных групп интересов, которые рвались к власти или уже находились у руля власти. Особенно это касалось общественных наук. Та же самая английская классическая политическая экономия находилась под сильным влиянием Ост-Индской компании. Давид Рикардо, один из представителей английской политэкономии, сам являлся биржевым спекулянтом и был близок к Натану Ротшильду (тому самому,

с которого началось возвышение клана Ротшильдов). Да и Карла Маркса трудно назвать независимым ученым: слишком очевидно лукавство его «Капитала», который был на руку банкирам-ростовщикам.

Из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» мы узнаем, что русская дворянская молодежь уже в начале XIX века активно интересовалась английской политической экономией. Вот строки об Онегине: «...Бранил Гомера, Феокрита; // Зато читал Адама Смита // И был глубокий эконом. // И он умел судить о том, // Чем государство богатеет, // И чем живет, и почему // Не нужно золота ему, // Когда простой продукт имеет».

Другой герой этого романа – Владимир Ленский – получил образование в Германии, откуда привез «учености плоды»: «Он из Германии туманной // Привез учености плоды: // Вольнолюбивые мечты, // Дух пылкий и довольно странный, // Всегда восторженную речь. // И кудри черные до плеч». Ленский учился в Геттингенском университете – одном из самых либеральных в Европе – и поклонялся Канту, чья философия в официальных кругах России считалась опасной и вредной, враждебной христианству. Ленский многозначительно охарактеризован как «поклонник славы и свободы», его отличает благородное «волнение бурных дум», ему свойственно «негодование, сожаление, ко благу пылкая любовь». Все это иносказательное обозначение гражданских настроений, о которых в черновой редакции романа говорилось более откровенно: «Крикун, мятежник и поэт».

Наконец, вспомним Татьяну Ларину, которая зачитывалась французскими романами (хотя из всех героев романа Татьяна по своему душевному устройству была ближе к русской культуре и народу, чем Онегин и Ленский).

При всех различиях в характерах, привычках, образовании Онегина и Ленского – они типичные представители великосветского дворянства своего времени, которые чужды русской культуре, православию, народу и которых объединяет преклонение перед западными теориями и науками, западной культурой и литературой, французским языком (который они знали лучше русского).

Постепенно профессиональная наука стала появляться и в России – в основном на базе университетов. Но это в подавляющем числе случаев было слепое и беспомощное подражание науке западной. Были, конечно, в России самобытные мыслители (прежде всего славянофилы), но были они не в почете. Их голоса звучали очень слабо на фоне хора официальных профессоров. Голоса таких ученых материализовались в научной литературе, которая расходилась по России миллионными тиражами и пропагандировала западные идеи материализма и либерализма. Конечно, наибольшим эпигонством отличались науки общественные и гуманитарные. Все они базировались на материализме и представлении о человеке как эгоистическом существе, homo economicus (человек экономический), абстрагировались от наличия в человеке души и совести.

В 1802–1806 годах был сделан перевод книги Адама Смита «Исследование природы и причин богатства народов». После этого в «Санкт-Петербургском журнале» (официальном органе Министерства внутренних дел) появилось несколько статей, пропагандировавших произведение Смита. С 1815 года либеральные идеи английской политической экономии стал активно пропагандировать еженедельный журнал «Дух журналов». На основе труда Смита стали писаться учебники работавших в России профессоров. В основном это были про-

фессора иностранного происхождения, которым идеи англичанина были ближе, чем русскому человеку. Тогда на слуху у всех были имена Хр. Шлецера¹, Г. Шторха², А. Гакстгаузена³. Под влиянием заграничных экономических идей оказались писатели и с чисто русскими фамилиями и именами. Например, Николай Тургенев, написавший в 1819 году «Опыт теории налогов», где пропагандировались идеи введения в России либерального таможенного тарифа⁴. Полагаю, что увлечение Тургенева западными экономическими либеральными идеями сыграло не последнюю роль в том, что он оказался в рядах декабристов. Ряд других декабристов, как свидетельствуют их биографии, также были воспитаны на идеях английской политической экономии⁵.

Наука вместо Бога

На ущербность западной науки обратил внимание русский писатель, представитель раннего славянофильства В. Ф. Одоевский: «В нынешней старой Европе мы

¹ В 1805 году он выпустил книгу «Начальные основания государственного хозяйства» в духе основных идей А. Смита.

² Генрих Фридрих (на русской службе Андрей Карлович) фон Шторх читал лекции по политической экономии будущему императору Николаю I и его младшему брату Михаилу.

³ Справедливости ради следует отметить, что А. Гакстгаузен в своих работах достаточно далеко отошел от Адама Смита. Этот немец отдавал предпочтение русскому хозяйственному строю перед западноевропейским и ратовал не за свободную торговлю, а за активное использование протекционизма. А. Гакстгаузен оказал заметное влияние на Е. Ф. Канкрин, который был при Николае I **министром финансов** и последовательно проводил политику протекционизма.

⁴ Не без влияния Н. Тургенева в 1819 году был введен либеральный таможенный тариф. Противником свободной торговли был знаменитый государственный деятель адмирал Мордвинов. В 1822 году он добился перехода к протекционистским тарифам.

⁵ Среди них особенно выделяются П. И. Пестель и М. В. Орлов.

видим... горькое и странное зрелище! Мнение против мнения, власть против власти, престол против престола, и вокруг сего раздора – убийственное, насмешливое равнодушие! Науки, вместо того чтобы стремиться к тому единству, которое одно может возратить им их мощную силу, – науки раздробились в прах летучий, общая связь их потерялась, нет в них органической жизни; старый Запад как младенец видит одни части, одни признаки – общее для него непостижимо и невозможно; частные факты, наблюдения, второстепенные причины – скопляются в безмерном количестве; для чего? с какою целию? – узнать их, не только изучить, не только проверить, было невозможностию уже во времена Лейбница; что ж ныне, – когда скоро изучение незаметного насекомого завладеет названием науки, когда скоро и на нее человек посвятит жизнь свою, забывая все подлунное; ученые отказались от всеобъединяющей силы ума человеческого; они еще не наскучили наблюдать, следить за природою, но верят лишь случаю, – от случая ожидают они вдохновения истины, – они молятся случаю. *Eventus magister stultorum.* [Случай – учитель неразумного (*лат.*) – В. К.] Уже в том видят возвышение науки, когда она обращается в ремесло!.. и слово язычника: “Мы ничего не знаем!” глубоко напечатлелось на всех творениях нашего века!.. наука погибает!¹ В яркой художественной форме (роман «Русские ночи», публиковавшийся в 1840-х годах) Одоевский выразил суть трагедии западной науки – отход от целостного понимания и восприятия окружающего мира, его дробление на кусочки, бесконечное дробление некогда единой науки на различные мелкие и частные науки, возведение между ними непреодолимых стен, превращение ученого в ремесленника с узким, ущербным ми-

¹ Одоевский В.Ф. Русские ночи. – М.: Наука, 1975.

ровоззрением. Фактически Одоевский констатировал умирание западной науки¹. И эту умирающую и заражающую своей мертвенностью науку русский образованный класс брал на вооружение, вытесняя из своей жизни животворящую веру в Бога и отказываясь от постижения Истины.

На эпигонство так называемой науки, которая буйным цветом расцвела на Русской земле, обращали внимание почти все последующие славянофилы, ряд русских писателей, подвижники Церкви. Взять, к примеру, одного из основоположников славянофильства И. В. Киреевского. Вот что он писал в 1852 году по поводу пришедшей в Россию диковинной науки под названием «политическая экономия», ориентированной на западного человека, но мало понятной русскому человеку: «Западный человек искал развитием внешних средств облегчить тяжесть внутренних недостатков. Русский человек стремится внутренним возвышением над внешними потребностями избегнуть тяжести внешних нужд. Если бы наука о политической экономии существовала тогда, то, без всякого сомнения, она не была бы понятна русскому. Он не мог бы согласить с цельностью своего воззрения на жизнь особой науки о богатстве. Он не мог бы понять, как можно с намерением раздражать чувствительность людей к внешним потребностям только для того, чтобы умножить их усилия к вещественной производительности. Он знал, что развитие богатства есть одно из второстепенных условий жизни общественной и должно поэтому находиться не только в тесной связи с другими высшими условиями, но и в совершенной им

¹ Кстати, Одоевский был одним из первых, кто высказал мысль о смерти Запада (еще за много десятилетий до того, как в 1918–1920 году вышла известная книга Шпенглера «Закат Европы»). Одоевский говорил о том, что на Западе происходит умирание не только науки, но также искусства и религиозной веры.

подчиненности»¹. Выдающийся славянофил обращает внимание на то, что западная политическая экономия всю энергию человека ориентирует на преобразование внешнего мира, в то время как русский человек в первую очередь был ориентирован на внутреннюю работу, борьбу со страстями, духовное совершенство. У русского человека была своя иерархия ценностей: духовные были выше материальных. В политической экономии оставались лишь материальные, духовные вообще не брались в расчет. Киреевский один из первых среди русских мыслителей обратил внимание на то, что политическая экономия ориентировала человека на то, чтобы «раздражать чувствительность людей к внешним потребностям». В переводе на современный язык это означает стимулирование человека к потреблению.

Во времена молодости Шарапова наука стала превращаться для молодежи в религию, которая постепенно вытесняла веру в Бога: Сергей Федорович вспоминает: «При переходе в высшие школы мы были сплошь материалистами по верованиям... “Наука” была нашею религиею, и если бы можно было петь ей молебны и ставить свечи, мы бы их ставили; если бы нужно было идти за нее на муки, мы бы шли»². Кроме того, Шарапов подметил особый интерес молодежи к такой новоиспеченной науке, как социология и политическая экономия. Что касается второй науки, то это уже была политическая экономия не Адама Смита, а Карла Маркса: «...большинство (студентов. – В. К.) набросилось на политическую экономию и социологию. Трудно поверить, с каким при-

¹ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России (письмо к графу Е. Е. Комаровскому) // Киреевский И. В. Разум на пути к истине. М.: Правило веры, 2002. С. 151–213.

² Шарапов С. Молодежь прежде и теперь // Шарапов С. Россия будущего. С. 592.

лежанием одолевали люди дубовый “Капитал” Маркса, да еще по-немецки. Свежие головы просто трещали от невообразимой путаницы в изложении этого столпа социальной науки, даже и не подозревая, что венцом его трудов будет нечаянное признание самого Маркса, что он “меньше всего марксист сам”. За Марксом следовали более толковый и страстный Лассаль, Огюст Конт, Милль, Спенсер. Этими последними зачитывались¹. Не удивительно, что после постижения таких наук молодые люди становились космополитами, у них любовь к России сменилась на неприязнь и даже ненависть ко всему русскому, университетская молодежь пополняла ряды анархистов, социалистов и других революционеров, боровшихся с «режимом»: «В молодежи неведомо откуда появилась злая струя, нам совершенно чуждая. Мы были розовые космополиты, но на всю Россию смотрели снисходительно; здесь вдруг появилась яркая ненависть ко всему русскому. Мы мечтали о конституции и кричали “ура” Александру II, а из этой молодежи анархисты вербовали динамитчиков»².

Святитель Феофан Затворник о «западной тьме»

На бездумное, некритическое увлечение европейскими теориями и науками «просвещенной» публики в России обращал внимание святитель Феофан Затворник. Вот как описывают современные российские авторы отношение святителя Феофана к тогдашней науке: «Святитель Феофан видел односторонность и ущербность современной науки в том, что она отвернулась от изучения духовных явлений в мире и человеке. Это попросту

¹ Там же. С. 593.

² Там же. С. 601.

означало – исказить действительность, вырвать самую важную страницу из книги жизни. Особенно страдали от этого науки о человеке. В их выводах не могло быть и речи ни о какой справедливости и полноте знаний без ясного представления о внутренней жизни человека, о духовной стороне его естества. По мнению святителя Феофана, следовало одухотворить науку, привлечь ее внимание к проявлениям духовности в человеке, а это значит, что она не должна противопоставлять себя вере и отталкивать ее от себя, это значит, что они должны повернуться лицом друг к другу. Без этого в объяснении многих явлений наукам не избежать ошибок и упрощений, без этого они во многом останутся на уровне голых и абстрактных теорий»¹. А теории, настаивает Феофан Затворник, следует отличать от подлинных фактов: «Теории – личное дело учащихся; факты – общее достояние. Истинною настоящею теориею может быть только та, которая согласна с христианскими истинами»², ибо христианство открыло миру подлинное знание о явлениях духовной жизни человека, о ее непреложных законах. Защищая смелость своих суждений, Феофан Затворник пишет, что «верующие имеют полное право втесняться с духовным в область вещественного, когда материалисты лезут со своею материею без зазрения совести в область духовного», тем более что «материальное не может быть ни силою, ни целью»³. Наиболее яркое вы-

¹ Геннадий Гончаров, Александр Каплин. «Западом наказывал и накажет нас Господь...» Святитель Феофан Затворник о духовном состоянии российского общества во второй половине и конце XIX века // Интернет. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2012/01/23/zapadom_i_nakazyval_i_nakazhet_nas_gospod/

² Феофан Затворник. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника: Собрание писем: [В 4 т.] В 8 вып. [Т. 3.] Вып. 6. (Репринт. М., 1992). С. 47.

³ Там же. [Т. 1.] Вып. 2. С. 117.

ражение материального как цели проявлялось в экономической науке, которую многие в то время называли еще «наукой о богатстве»¹, а стремление к богатству в русской традиции считалось губительной страстью.

Даже так называемые естественные науки были поставлены на службу атеизма и безбожия. А в конечном счете для того, чтобы обосновывать различные социальные и экономические теории, служившие интересам «миродержителей» (выражение С. Шарапова, которое он употреблял в отношении королей биржи и ростовщиков). Со второй половины XIX века, в частности, в России стали активно насаждаться такие материалистические теории, как гипотеза Лапласа о происхождении мира и теория Дарвина о происхождении человека из обезьяны и его же теория естественного отбора. Некоторые «естественные» теории прямо проецировались на человека и общественную жизнь. Например, те авторы, которые развивали и пропагандировали теорию конкуренции (ту самую, которую Шарапов подверг резкой критике в «Бумажном рубле»), постоянно апеллировали к дарвинизму: мол, как и в живой природе, в обществе также происходит естественный отбор в результате конкуренции между товаропроизводителями.

Если в первой половине XIX века аристократическая молодежь ездила за «просвещением» в Европу, то с середины того же века массовое «просвещение» было налажено уже в самой России на базе университетов. Процесс духовного и умственного разложения дворянства и иных сословий пошел гораздо быстрее. Западные

¹ Ее так называли в силу того, что в ее основании находилась работа А. Смита «Исследование природы и причин богатства народов». Довольно часто в дореволюционных изданиях длинное название работы Смита давали в более короткой версии: «О богатстве» или «О происхождении богатства». Во всех случаях ключевым словом было «богатство».

«миссионеры» стали насаждать кафедры и курсы политической экономии в российских университетах.

Святитель Феофан Затворник высказывает парадоксальную на первый взгляд мысль: если русский народ добровольно не вразумится, не отойдет от западной тьмы, тогда Господь, как опытный врач, будет лечить его с помощью самого же Запада (известный принцип в медицине: подобное лечится подобным) – в том числе избавлять русский народ от гипноза западных теорий. Например, святитель писал о сильном влиянии немецкой протестантской литературы на богословскую науку в России и предсказывал, что сами же немцы избавят наших богословов от этого влияния: «...жаль смотреть, как у наших богословов все немчура да немчура. Вот пошлет за это на нас Господь немчуру, чтоб она пушками и штыками выбила из головы всякое немецкое (неправославное) мудрование»¹. Подобные мысли, отличающиеся исторической проницательностью, мы встречаем у него постоянно: «Нас увлекает просвещенная Европа... Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли они и переходят и к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся как помешанные, сами себя не помня. Но припомним двенадцатый год: зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее. А теперь, кажется, начала забывать тот урок. Если опомнимся, конечно, ничего не будет; а если не опомнимся, кто весть, может быть, опять пошлет на нас Господь таких же учителей наших, чтоб привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков

¹ Феофан Затворник. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника: Собрание писем: [В 4 т.] В 8 вып. [Т. 4.] Вып. 7. (Репринт. М., 1992). С. 209–210.

закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему»¹.

Через некоторое время после того, как были написаны эти строки, Господь послал на Россию ту самую «немчуру». Частично от «немецкого мудрования» наш народ тогда был освобожден. Хотя оно было замещено другим иноземным мудрованием под названием «марксизм». Пришлось еще раз посылать на Россию «немчуру»; надо сказать, что определенный очистительный эффект второе нашествие «немчуры» на Россию имело. Но полного очищения не произошло. Сегодня мы опять под гипнозом «немчуры» («немчура» – как собирательный образ Запада), которая на протяжении двадцати лет активно насаждала в России идеи либерализма, в том числе экономического. Надо сказать, что сегодня в эти идеи в России не верят даже умственно поврежденные люди, и это дает нам некоторую долю оптимизма.

Мы далеки от того, чтобы утверждать, что западная тьма покинула Россию. Нет, конечно. Об этом свидетельствует в том числе сохраняющееся в высшей школе засилье западной экономической и финансовой науки. Но внедрять идеи этой науки в сознание студентов пропагандистам «вашингтонского обкома партии» становится с каждым годом все труднее. Первостепенной задачей борьбы за Россию является перестройка экономического образования в нашей высшей школе. Это условие не только экономического, но и духовного возрождения России. Мы должны понимать, что нынешние программы и курсы экономического образования не просто искажают реальность, не просто обслуживают чьи-то интересы, но и имеют мощную антихристи-

¹ Феофан, епископ. Мысли на каждый день... С. 196. Еще одно подобное высказывание святителя: «Западом и наказывал и накажет нас Господь, а нам в толк не берется...» // Феофан Затворник, святитель. Письма о христианской жизни. Поучения. М., 1997. С. 126.

анскую направленность, духовно уничтожают русский народ. Одним из важных ориентиров при создании новой, истинно русской системы экономического образования должны стать идеи С. Ф. Шарапова, изложенные в «Бумажном рубле» и других его работах.

С. Ф. Шарапов: экономика как парадокс русской мысли и культуры

Для понимания взглядов С. Ф. Шарапова на экономику и экономическую науку большое значение имеет его работа «Марксизм и русская экономическая мысль» (речь в собрании экономистов, произнесенная 15 февраля 1899 года). Она включена в только что изданную книгу «Россия будущего». В этой работе Шарапов констатирует прискорбный факт: практически вся интеллигенция России (независимо от ее политических пристрастий) находилась под гипнозом Карла Маркса – вернее, его экономического учения. Русскому интеллигенту «Капитал» казался высшим проявлением научного осмысления хозяйственной жизни общества. Ни народники, ни легальные марксисты, ни буржуазные писатели, ни даже толстовцы не ставили под сомнение «научные» выводы экономического учения Маркса. Для представителя образованного сословия оно было священной коровой, споры между различными фракциями интеллигентов касались лишь тонкостей толкования этого «священного писания» новейшего времени. Шарапов рассматривал подобную популярность «Капитала» как своего рода духовно-умственное помрачение среднего класса, которое затем подобно заразе распространялось и на другие слои русского общества. В этой связи он попытался разобраться в том, что такое наука вообще и экономическая наука в частности.

При этом Шарапов заходит издали. Он обращает внимание на то, что в науке (по крайней мере, гуманитарной) и культуре существуют обязательно национальные особенности восприятия тех или иных общественных явлений и процессов. Он, в частности, подчеркивает: «Я хочу воспользоваться моментом как бы вашего раздумья, чтобы совершенно объективно и спокойно напомнить вам, что, каково бы ни было направление, каковы бы ни были симпатии, в тех вопросах, о которых здесь спорят, надо стараться прежде всего стать твердо на почве науки, на почве свободной критики, свободного, а не загнивающего мышления.

Я не буду поднимать здесь старого вопроса о национальности в науке, так хорошо освещенного Юрием Самариним; я напомню лишь то положение, что наука, в особенности гуманитарная, может быть жизненна и составлять равноправную долю общечеловеческой науки только тогда, когда она не безлична, когда на ней лежит отпечаток психических особенностей создающего ее народа. Только при этих условиях она оригинальна и продуктивна. Истина одна, но каждый народ идет к ней своим путем, согласно своему духовному складу, видит и схватывает лучше одну какую-либо часть, ему более понятную и родственную. Происходит как бы мировое разделение труда, в результате коего получается обмен умственных богатств. Англичанин, француз, немец, русский – все культурные народы должны быть совершенно равноправны в этом общем творчестве. Но англичанину легче понять, изучить и дать научное определение той стороне его бытия, которая составляет особенность его народа и не повторяется у русского, и обратно. Каждый народ глядит на истину немножко под своим углом зрения, и эта истина раскрывается перед ним только в оригинальном творчестве, а не в за-

имствованных готовых результатах чужого, часто принимаемых на веру. Все заимствованное поэтому менее жизненно, менее действенно и менее ценно для человечества, чем свое, оригинальное, органически сложившееся и идущее в великую общечеловеческую семью со своей собственной физиономией. В Адаме Смите, Дарвине и Ньюtone всякий сразу узнает англичан, в Декарте, Паскале и Прудоне – французов, в Гете, Гегеле и Рощере или Тюнене – немцев, во Льве Толстом, Аксакове, Пушкине – русских»¹.

При этом Шараров обращает внимание на удивительный факт: Россия не дала миру выдающихся, всемирно известных ученых-экономистов. Чем это можно объяснить? Может быть, причина кроется в национальных особенностях мировосприятия русского человека? Шараров высказывает свое предположение: «Но почему же так? Неужели у нас нет экономической жизни? Наоборот, есть, огромная и сложная и вдобавок совершенно оригинальная. Такая жизнь не могла не возбуждать аналитической мысли, не могла, казалось бы, не вызвать и своих экономических построений. Но, может быть, такковые и есть, да только мы их не видим и не знаем?

Из того, что русская литература, давшая такие огромные и разнообразные вклады в общечеловеческую сокровищницу, упорно не выдвигала до сих пор ни одного мирового экономиста, можно, пожалуй, заключить и нечто иное. Не отвращалась ли русская мысль от западного толкования экономических явлений, не относилась ли она отрицательно к самой возможности признать особый мир экономических явлений со своими особыми законами?»

¹ Здесь и далее (если специально не оговорено) цитаты приводятся из работы: «Марксизм и русская экономическая мысль» (Шараров С. Ф. Россия будущего. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 241–270).

Константин Леонтьев об экономике

Сразу хочу сказать, что К. Леонтьев не ставил перед собой задачу специально заниматься изучением и осмыслением экономики. Никакого систематического, целостного изложения взглядов на экономику мы у Леонтьева не найдем. Тем не менее в его работах можно обнаружить много интересных и остроумных замечаний, имеющих прямое или косвенное отношение к сфере сельского хозяйства, промышленности, торговли, денег и т. п. Кроме того, общий подход Леонтьева к изучению и пониманию общества и истории содержит некоторые подсказки, позволяющие нам лучше понимать, что такое экономика.

Ответы Леонтьева на вызовы «экономического материализма»

Ключевая мысль Леонтьева, касающаяся экономики, очень проста: *экономическая сфера жизни общества занимает важное, но все-таки подчиненное положение по отношению к таким сферам общественной жизни, как политика, государственная деятельность, культура, религия.* Такое понимание роли и места экономики в обществе вписывается в концепцию цивилизации (культурно-исторических типов) Н. Данилевского. Леонтьев считал себя учеником и продолжателем дела Данилевского, восприняв с небольшими оговорками его учение о цивилизации. Правда, в отличие от своего предшественника и учителя Леонтьев не стал углубляться в изучение экономики, а у Данилевского был ряд интересных работ на эту тему. Для иллюстрации понимания Леонтьевым места экономики в обществе приведу цитату

из его статьи «Господин Катков и его враги на празднике Пушкина»: «Нельзя ставить монументы за ловкую торговлю ... Торговля необходима; торговля в государстве то же, что пищеварение в теле; и без пищеварения нельзя; но никто не считает пищеварение отправлением высшим, и нельзя идею торговли возводить на пьедестал наравне с гражданской доблестью, с поэзией, с военными подвигами – пожалуй, даже и с научными заслугами, столь измельчавшими и опошленными теперь бездарным множеством ученых вульгарностей».

Подобного рода высказываний у Леонтьева достаточно много. И они не случайны. Дело в том, что Константин Николаевич жил в то время, когда неожиданно в обществе возобладала идеология так называемого экономического материализма. На этот феномен обращал внимание не только Леонтьев, но также другие русские мыслители конца XIX – начала XX века. Среди них Л. Тихомиров, С. Булгаков, Н. Бердяев. Леонтьев во многих своих работах показывает, что в большинстве случаев за конкретными проявлениями экономического материализма прячется зло более высокого порядка – либерализм с его религиозными фетишами научного, технического и экономического прогресса.

Гипнотический эффект западной экономической науки

Идеология экономического материализма зародилась не внутри России, она пришла к нам из Европы под видом разного рода научных теорий. Например, в виде марксизма, который, по мнению его адептов, впервые поставил на научную основу изучение общества и истории. Ключевой категорией марксистской науки стала общественно-экономическая формация. Это абстракт-

ная модель общества для всех стран и на все времена. Эта модель исходит из того, что фундаментом общества (базисом) является экономика, экономические отношения. А все остальное можно назвать надстройкой, которая опирается на экономический базис и которая вырастает из него. Основоположник марксизма включал в надстройку политику, государство, идеологию, культуру, науку, право и даже... религию. У Маркса даже религия оказывалась продуктом экономического развития. Фактически экономический материализм Маркса – религия наоборот, религия экономизма. Между прочим, в начале XX века С. Булгаков написал небольшую работу, которая называется «Карл Маркс как религиозный тип». Нетрудно заметить, что общественно-экономическая формация дает перевернутую картину социального мира по сравнению с картиной, которая основывается на понимании общества как цивилизации. Впрочем, такую же перевернутую картину социального мира давали и те западные теории, которые условно можно было назвать буржуазными. Особенно экономические теории. К середине XIX века удалось создать миф о том, что экономическая наука, в отличие от традиционных социальных наук, лишена субъективности. Некоторые адепты экономического материализма дошли даже до того, что стали относить ее к разряду точных наук. Чтобы возникла иллюзия того, что экономика – точная наука и всякие сомнения относительно ее выводов можно отнести к разряду мракобесия, ее стали активно наполнять формулами, таблицами и математическими расчетами (математизация экономики).

На многих в России этот научный гипноз действовал безотказно. В России появилась своя экономическая наука, которая на самом деле на 99% была перепевами западных авторов, принадлежавших к религиозной сек-

те экономического материализма. Самобытных русских экономистов того времени можно было пересчитать по пальцам. К ним прежде всего можно отнести Сергея Шарапова, Василия Кокорева, Александра Кошелева, Александра Нечволодова, Георгия Бутми. Они не принадлежали к корпорации профессиональных экономистов, то есть не были заложниками религиозных идей экономического либерализма.

На Леонтьева чары западного экономического материализма также не действовали. Думаю, что достаточно скромное место, которое Леонтьев в своем творчестве уделяет экономике, в определенном смысле является вызовом духу времени и экономическому материализму. Тем самым Леонтьев как бы ставит экономику на законное место. Прежде всего в сознании человека. Константин Николаевич хочет напомнить читателю, что кроме желудка в человеке есть много других важных органов и частей: сердце, мозг, легкие и т.д. Что кроме пищеварения в человеке имеют место и другие важные процессы: дыхание, кровообращение, обмен веществ. Не говоря уже про такой невидимый глазу процесс, как мышление.

Кстати, Леонтьев ставил экономику на ее законное место даже в политике. В политике он как дипломат разобрался очень неплохо. В среде государственных деятелей и дипломатов в то время существовало непререкаемое мнение, что национальное богатство, экономическая мощь государства является самой главной гарантией безопасности и устойчивости государства. Экономическая мощь может компенсировать любые другие слабости государства. Леонтьев так не считал. Например, в работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» Константин Николаевич писал: «...богатство нации одно только само по себе ме-

нее всего может спасти нацию от политической гибели». В данном случае он имел в виду Францию, которая формально была в 1870-е годы самой экономически сильной страной Европы после Англии, но в которой имелись явные признаки разложения. Леонтьев предсказывал, что в будущем Франция понесет еще новые поражения (после поражения во франко-прусской войне).

Западная экономическая мысль – разновидность либерализма

В своих работах Леонтьев упоминает имена некоторых западных экономистов. Так, Константин Николаевич достаточно подробно разбирает некоторые положения работ английского экономиста Джона Стюарта Милля (1806–1873). Леонтьев ставит Милля намного выше других экономистов и социологов Европы за то, что тот очень глубоко и тонко показывает процессы социальной энтропии (разрушения) под влиянием капиталистического развития. Особенно близки Леонтьеву мысли англичанина о том, что капитализм разрушает кристаллическую структуру общества, предельно упрощает ее, порождает социальное, культурное и умственное однообразие, делает общество серым и унылым, ускоряет закат Европы. Константин Николаевич цитирует известную работу Милля «О свободе», но при этом отмечает крайне неудачное название самой книги, подозревая, что сам автор не свободен от уз экономического и всякого иного либерализма: «В 50-х годах Дж. Ст. Милль издал замечательную книгу “О свободе”. Книга эта, положим, весьма неудачно озаглавлена – ее надо бы назвать “О разнообразии” или “О разнообразном развитии людей”, – ибо она написана прямо с целью доказать, что однообразие воспитания и положений, к

которому стремится Европа, есть гибель. “Свобода” тут у него вовсе некстати, ибо от него как-то ускользнуло то обстоятельство, что именно нынешняя свобода, нынешняя легальная эгалитарность больше всего и способствует тому, чтобы все большее и большее количество людей находилось в однородном положении подвергалось бы однообразному воспитанию». Это цитата из работы Леонтьева «Национальная политика как орудие всемирной революции. Письма к отцу Иосифу Фуделю» (1888). Далее Леонтьев заключает: «Однако, несмотря на эту грубейшую и непостижимую ошибку, в этой книге Дж. Ст. Милля есть драгоценные страницы и строки, его же собственный либерализм беспощадно опровергающие». О чем свидетельствуют эти замечания Леонтьева об английском экономисте? Во-первых, о том, что он относится с большой симпатией к Миллю (считая его одним из наиболее ярких мыслителей Запада XIX века). Во-вторых, что даже такой яркий мыслитель, как Милль, оказывается пленником идеологии либерализма, которую тогдашний немецкий социолог Макс Вебер называл *духом капитализма* (не вкладывая, между прочим, в это понятие никакого негатива).

Технический и экономический прогресс – детище либерализма

Экономика Леонтьев интересуется не сама по себе, а как некое звено в цепи причинно-следственных связей. Причинно-следственные связи, которые порождают изменения одновременно на всех уровнях жизни и бытия человека. Таков общий методологический подход Леонтьева к изучению социального мира в рамках его «натуралистической социологии». В уже упомянутой работе «Национальная политика...» Константин Николаевич

пишет: «Природа, “натура” человека, учреждения, быт, вера, моды – все это органически связано». Он развивает эту мысль: «...природа (особенно до изобретения паровых и электрических сообщений) влияла, как всякому известно, глубоко не только на общие нравы и личные характеры, но и на учреждения. И наоборот, учреждения (особенно при нынешних средствах сообщения) глубоко влияют на природу. Общество везде нынче жестоко подчиняет природу (в том числе и личный характер, натуру отдельного лица)». В данном случае под учреждениями у Леонтьева понимается то, что сегодня принято называть институтами. Это различные организационные институты (государственные, частные, общественные), законы, устоявшиеся привычки (обычаи), неформальные нормы и т. п. У нас в университетах и институтах даже преподается дисциплина «институциональная экономика». Преподается в духе махрового либерализма, а оттого она крайне бессодержательна.

Но вернемся к Леонтьеву. Как видно из приведенного выше отрывка, после того как из бутылки был выпущен джин технического прогресса экономическая сфера с ее капиталистическими институтами начала активно влиять на природу: во-первых, природу самого человека; во-вторых, природу, окружающую человека.

«Прогресс» и разрушение внутренней природы человека

Нет, пожалуй, ни одного произведения Леонтьева, в котором бы он не писал о том, как меняется природа человека. Когда в XIX веке началась так называемая промышленная революция, она сопровождалась повсеместным внедрением в экономику различных технических

новшеств. Леонтьев пишет прежде всего о железных дорогах, пароходах, телеграфе и телефоне, электрическом освещении. Хотя этим технический прогресс не ограничивался. Сюда можно прибавить повсеместное использование паровых машин в промышленности, появление двигателей внутреннего сгорания и электрических двигателей, создание новых видов оружия, внедрение новых методов выплавки чугуна и стали и т. п.

Как это влияло на *природу человека*? Если говорить коротко, то духовно нестойкие люди подпадали под действие магии технического прогресса, начинали верить, что технический прогресс сможет решить все проблемы общества и отдельно взятого человека. Люди все меньше полагались на Бога, все больше уповали на спасительность науки и техники. Эта мысль красной нитью проходит через многие работы Леонтьева.

Кроме того, технический прогресс в виде новых средств сообщения и электрических средств связи способствует созданию нового Вавилона. «Вместе с усилением свободного движения личной воли, хотя бы и дурацкой, личного рассужденья, хотя бы и весьма плохого, с освобождением и от духа сословных групп, и от общенациональных старых привычек усилилась и потребность физического движения; большое количество людей захотело ездить, и ездить скоро; скоро менять и место, и условия своей жизни», – пишет Леонтьев в работе «Национальная политика...». По новым каналам коммуникаций происходит инфицирование людей вирусом либерализма, а очагом этой инфекции в XIX веке была Европа. Вирус либерализма доходит до самых отдаленных уголков планеты, привнося не только разрушительные идеи, но также вредные привычки (жажда потребления) и ложные ценности.

Обратим внимание на то, что Леонтьев в приведенной выше цитате волю нового человека называет *дурацкой*, а его личное рассуждение – *плохим*. Это сказано Константином Николаевичем не для красного словца. В других своих работах он на этом аспекте природы нового человека останавливается специально. Его диагноз очень суров и нелюбезен: новый человек глупеет на глазах. Леонтьев развенчивает устоявшийся миф адептов экономического и технического прогресса: мол, этот прогресс способствует развитию человека. Леонтьев, с его парадоксальным видением мира и человека, доказывает прямо противоположное.

Прогресс и разрушение природы, окружающей человека

Если влияние экономического и технического прогресса на природу человека не так бросается в глаза (учитывая, что этот процесс очень постепенный), то *разрушающее его действие на окружающую человека природу* может не замечать только слепой. Леонтьев с болью пишет об этом разрушающем действии в России второй половины XIX века: «Построилось вдруг множество железных дорог, стали вырубаться знаменитые русские леса, стала портиться почва, начали мелеть и великие реки наши. Эмансипированный русский человек восторжествовал над своей родной природой – он изуродовал ее быстрее всякого европейца». Пожалуй, наиболее подробное описание того, как экономический и технический прогресс разрушает физическую природу планеты, содержится в статье Леонтьева, которая называется «Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни» (1886).

Социальная энтропия и подвижность капитала

Леонтьев с его жестким реализмом прекрасно видит, что Европа движется к своему закату. Что признаки социальной энтропии (разложения, деградации) обозначились и в России с того времени, когда начались реформы Александра II. Он как человек верующий, православный, прекрасно понимает первопричину этих разрушительных процессов – отход людей от Бога. Возвращение человека к Богу, возрождение умирающего христианства – дело всей Церкви, в первую очередь ее иерархов и пастырей. Вероятно, поэтому Константин Николаевич в эту сферу старается не внедряться. Он дает свои рекомендации относительно того, как укреплять другие этажи общественного здания в рамках своей натуралистической социологии. Это предложения по укреплению государства как самодержавной власти, по преобразованию системы образования, по вопросам внутренней и внешней политики (особенно в части, касающейся национальных отношений), по вопросам социальной организации общества, сельской общины, семьи и т. п. Как честный врач Леонтьев заявляет: все эти предложения не смогут полностью и окончательно вылечить больного (умирающее общество, человечество). Но они могут затормозить процесс умирания, продлить больному его жизнь. Применительно к России Леонтьев называл подобного рода меры *подмораживанием*.

В этих рекомендациях и предложениях имеются идеи, имеющие непосредственное отношение к экономике. Красной нитью через многие его работы проходит мысль о том, что процессы социальной энтропии резко усилились в связи с тем, что возросла *подвижность капитала*. Это выражение означает, что в результате бур-

жуазных революций в Европе и либеральных реформ в России капитал получил полную свободу. Подобно вирусу, промышленный, торговый и особенно денежный капитал начал разлагать тело социального организма. Некогда крепкое и разноликое традиционное общество с его *цветущей сложностью* (выражение Леонтьева) стало перемалываться вирусом капитализма, превращаться в труху, серую бесформенную массу. Такое упрощение, постепенное превращение органического целого в механический набор молекул и атомов есть движение к смерти. Напомним, что Леонтьев был медиком, что помогало ему смотреть на общество как на живой организм. Кроме того, у Леонтьева было в высшей степени развито эстетическое чувство, поэтому сложные социально-экономические процессы он воспринимал весьма своеобразно. Отсюда такое нестандартное описание капитализма, которое разительно отличается от тяжеловесного языка многих протестантских авторов. Или от языка Карла Маркса, который описывал процесс капиталистического накопления языком профессионального талмудиста.

Сословность общества как преграда для всевластия капитала

Зафиксировав причинно-следственную связь между «подвижностью капитала» и социальной энтропией, Леонтьев делает естественный вывод: *надо ограничить «подвижность капитала»*. Каким образом? Прежде всего, *восстановив в России сословность*, которая начала разрушаться в период реформ Александра II. Сословность означает наличие перегородок между отдельными группами общества – в виде запретов, ограничений прав или, наоборот, неких преференций, привилегий, полно-

мочий, равно как и неких обязанностей и повинностей по отношению к государству. Буржуазные революции в Европе проводились под лозунгами ликвидации сословного деления общества, без чего капитал не мог получить полной свободы и власти. Леонтьев выступал за сохранение сословий дворянства, крестьянства, священства, купечества, мещанства, чем заслужил звание ретрограда, реакционера, консерватора. Так его величали либералы в эпоху царской России, так его продолжали величать и в советское время (правда, в этот период о Леонтьеве старались вообще не вспоминать).

О рабстве вообще и рабстве капиталистическом

Леонтьев как мастер парадокса прямо заявляет, что именно сословность спасает миллионы людей от рабства. Вот, например, в своей главной работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (1872–1884) он раскрывает ложь одного из мифов либерализма о том, что рабство – явление давно минувших времен. Рабство – неистребимо. В лучшем случае общество может сузить сферу действия рабства, но не ликвидировать его. Вот его высказывание на этот счет: «...рабство никогда не уничтожалось вполне и не только не уничтожится, но, вероятно, вскоре возвратится к новым и, вероятно, более прочным формам своим». Леонтьев неплохо понимает человеческую природу человека, в том числе человека духовно слабого. Такой человек склонен к тому, чтобы добровольно принять социальное, экономическое рабство: «Дайте людям везде продавать или отдавать себя в вечный пожизненный наем из-за спокойствия, пропитания, за долги и т. д., и вы увидите, сколько в наше время нашлось бы крепостных рабов или полура-

бов, по воле». Крепостное право, которое враги русского царизма во все времена называли феодальным рабством, по Леонтьеву, являлось средством защиты русского мужика от настоящего рабства, которое даже классики марксизма называли наемным рабством. Стоило начать слом сословных перегородок и дать волю капиталу, как русский мужик стал быстро превращаться в настоящего раба. Леонтьев пишет о наемном, капиталистическом рабстве в работе «Средний европеец...»: «Рабство... есть сильная невольная зависимость рабочих людей от представителей подвижного капитала; велика власть денег у богатых; и это так; но если сравнить прежнее положение дел хоть у нас в России с нынешним, то мы увидим, что и везде, где произошло сословное смешение, — есть власть у богатых; бедные зависят от них».

О русской крестьянской общине и «закрепощении» дворянства

Кстати, Леонтьев полагал, что из всех реформ Александра II так называемая аграрная, или крестьянская, реформа не носила откровенно либерального характера. Леонтьев не возражал против того, чтобы крестьянин был освобожден из-под так называемой крепостной зависимости (хотя и он, и другие современники считали, что скорее это был помещичий патернализм за редкими исключениями). Против чего Леонтьев возражал, так это против того, чтобы крестьянина освободить без земли, сделав его абсолютно беззащитным перед акулами капитала. Такие варианты крестьянской реформы обсуждались. Слава Богу, говорит Леонтьев, что этого не произошло. Но попытки оторвать крестьянина от земли продолжались. Чтобы такой сценарий не был реализован, Леонтьев выступает за сохранение крестьян-

ской общины и закрепление за крестьянами прав на общинную землю. Без этого может быть обрушена важная опора Российской империи. В той же работе «Средний европеец...» Леонтьев пишет: «Сильны, могучи у нас только три вещи: византийское православие, родовое и безграничное самодержавие наше и... наш сельский по-земельный мир».

Мало того, что Леонтьев выступал за сохранение сельской общины и закрепление за ней вечных прав на землю. Здесь он был не одинок. За это выступали и народники (по крайней мере, некоторые). Леонтьев идет дальше. Он предлагает также «закрепостить» дворянство, т. е. законсервировать это сословие: «Спасение не в том, чтобы усиливать движение, а в том, чтобы как-нибудь приостановить его; если бы можно было найти закон или средство прикрепить дворянские имения, то это было бы хорошо; не развинчивать корпорации надо, а обратить внимание на то, что везде прежние более или менее принудительные (неподвижные) корпорации обратились в слишком свободные (подвижные) ассоциации и что это перерождение губительно. Надо позаботиться не о том, чтобы крестьян освободить от прикрепления их к мелким участкам их коммуны; а дворян (если мы хотим спасти это сословие для культуры) самих насильно как-нибудь прикрепить к их крупной личной собственности». В данном предложении Леонтьев абсолютно оригинален. Никто такого кроме него не предлагал. Рационально-экономического обоснования в таком предложении нет. Впрочем, Леонтьев сам об этом говорит, подчеркивая, что таким образом можно будет спасти сословие дворян «для культуры». Пожалуй, это одно из немногих предложений Леонтьева, которое мне лично кажется утопичным или вредным. Впрочем, в последние годы своей жизни Констан-

тин Николаевич к идее «закрепощения» дворянства уже не возвращался.

Предчувствие «пугачевщины» и «феодалного социализма»

В последние годы своей жизни Леонтьев начинает всерьез думать о плохих и совсем плохих сценариях развития событий в Российской империи. «Подвижность капитала» продолжала нарастать, а сословная структура общества – размываться. Константин Николаевич понимает, что рано или поздно это может кончиться пугачевщиной. Особенно если царская власть согласится на конституцию и добровольно превратится из абсолютной монархии в конституционную. За пугачевщиной он уже просматривает контуры той социальной модели, которую называл феодалным социализмом. Это уже то общество, официальной религией которого будет атеизм и его подобие под названием «экономический материализм». С социальной точки зрения это будет общество с преобладающим рабским трудом людей, объединенных в большие коллективы. Управлять населением будет небольшая группа политических лидеров-социалистов. Дальнейшее описание такого общества ближайшего будущего по Леонтьеву я продолжать не буду. Оно было очень похоже на тот социализм, который установился в России после 25 октября 1917 года. С политической точки зрения это было государство диктатуры пролетариата, с социально-экономической точки зрения это было рабство миллионов простых граждан, а в качестве совокупного рабовладельца выступало пролетарское государство. Средства производства находились в руках этого государства. Бенефициарами этой модели общества выступали коммунистические вожди. Эта модель

отлично укладывалась в описание того, что Маркс называл азиатским способом производства, а социологи и экономисты XX века – государственным капитализмом. Этот государственный капитализм прикрывался псевдосоциалистической риторикой. К описанию советского общества, которое начали строить большевики после семнадцатого года, можно еще добавить, что оно было атеистическим, а практическая политика пролетарского государства в религиозной сфере стала откровенно богоборческой. Впрочем, это описание касается советского общества 1920-х годов. В последующие годы и десятилетия складывалась уже иная модель. Все это предсказывал Леонтьев, утверждая также, что эта социалистическая пугачевщина неизбежно будет сопровождаться большой кровью.

«Монархический социализм»: социальная утопия или социальный идеал?

Так вот, чтобы не допустить такого кровопролития и остановить движение России к пропасти, Леонтьев предложил идею монархического социализма. Если марксистский или иной социализм, родившийся в недрах либерализма, претендует на то, чтобы быть новой религией, то социализм Леонтьева на это не претендовал. По мнению Леонтьева, монархический социализм не должен был затрагивать таких устоев российского общества, как православие, монархическая власть, сословность, поземельная община и т. д. Фактически под социализмом Леонтьев подразумевал усиление роли государства в экономике, обеспечение более равномерного распределения общественного продукта (предотвращение чрезмерной социально-имущественной поляризации общества), обуздание излишней подвижности

капитала, ограничение (или запрет) на свободную торговлю землей и т. п. Леонтьев специально подчеркивает, что более равномерное распределение общественного продукта должно осуществляться прежде всего для того, чтобы в стране не было обездоленных людей. Такая политика не имеет ничего общего с эгалитаризмом, что означает *выравнивание*. Но во втором случае речь идет о выравнивании прав и обязанностей лиц, принадлежащих к разным социальным группам (сословиям). Предлагая монархический социализм, Леонтьев категорически выступал против уничтожения сословий и той формальной уравниловки, которую предлагали европейские социалисты типа Прудона, Лассаля и Маркса. К сожалению, предложения Леонтьева о монархическом социализме не только не были взяты на вооружение правительством Российской империи, но не были даже услышаны наверху. Поэтому вместо монархического социализма Россия получила социализм феодальный, что стало тяжелым, но отрезвляющим испытанием для русского народа.

За последнее столетие русский народ был свидетелем того, как в нашей стране сначала рухнула монархия, существовавшая на протяжении многих веков, а затем и социализм, который продержался в общей сложности семь десятков лет. Конечно, причин крушения монархии называют много. Были, наверное, и причины экономического характера. Монархия (настоящая, а не та, искусственная, которая сохранилась еще кое-где в мире) и капиталистическая модель экономики оказались вещами плохо совместимыми. Социализм оказался недолговечным, поскольку имел ярко выраженный характер экономического материализма, не имел надежного политического и духовного фундамента. Государство диктатуры пролетариата и научный атеизм

оказались недолговечными, гнилыми опорами социалистической модели общества.

Пора делать выводы, извлекать уроки. Есть смысл еще раз задуматься об идее Леонтьева по поводу монархического социализма. Понятно, что речь идет лишь о том, чтобы рассматривать эту модель как идеал, а не как социальный проект ближайшего будущего. Мы не готовы пока к монархическому социализму. Но, наверное, было бы неправильно отбрасывать идею Леонтьева о монархическом социализме как абсолютно утопическую.

Владимир Соловьев о нравственности и экономике

Смерть и время царят на земле,
Ты владыками их не зови:
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь Солнце любви.

Вл. Соловьев (18 сентября 1887)

Весь творческий путь Соловьева может быть понят и объяснен именно из...
искания социальной правды.

*Прот. Георгий Флоровский.
Пути русского богословия*

Введение

Ни об одном русском философе, наверное, не написано столько книг и статей, как о Владимире Соловьеве (1853–1900). Вроде бы о нем и о его творчестве все уже известно. Мы знаем, что Владимир Сергеевич очень противоречивая и неоднозначная фигура. Оценки его творчества весьма различаются, иногда они оказы-

ваются диаметрально противоположными. Владимир Соловьев был ярким приверженцем целостного мировосприятия и миропонимания, всю свою жизнь искал пути органического соединения науки, философии и богословия. Начало этому поиску положила магистерская диссертация «Кризис в западной философии. Против позитивизма» (1881). В ней Соловьев опирался на критические обобщения И. В. Киреевского, яркого представителя первого поколения славянофилов (впрочем, Соловьев не разделял его мессианских представлений о России и противопоставления русского православия всей западной мысли). Примечательно, что собственная критика западноевропейского рационализма Владимира Сергеевича основывалась также на аргументации некоторых европейских мыслителей.

Поиск путей синтеза науки, философии и религии требовал от Владимира Соловьева большой эрудиции, которую он демонстрировал в своих трудах. Сфера его познавательных интересов очень широка, в нее входили следующие области знания – гносеология, антропология, этика, история и историософия, право, история Церкви, богословие (теология), социология и т. п. Соловьев был не только философом, но также известным поэтом эпохи символизма и Серебряного века. Он также выступал как литературовед, написав целый ряд статей о Пушкине, Лермонтове, Тютчеве, А. К. Толстом, Лескове.

Подобно таким русским мыслителям, как Константин Леонтьев или Лев Тихомиров, Владимир Соловьев был достаточно самобытной личностью, он никого не повторял, ни у кого нечего не заимствовал и был ярким одиночкой. Но если у того же Леонтьева и Тихомирова последователей было мало, то Владимиру Соловьеву подражать старались многие. Он оказал влияние на целую плеяду русских философов, которых сегодня при-

нято относить к представителям так называемой русской религиозной философии. Среди таких последователей можно назвать С. Булгакова, Н. Бердяева, Л. Карсавина, С. Франка, П. Флоренского, Е. Трубецкого и других. Влияние Владимира Соловьева распространялось также на творчество русских писателей, поэтов и художников начала XX века. Отчасти чары Соловьева можно объяснить тем, что его идеи оказались созвучны духу того непростого времени, когда Россия находилась на переломе эпох (разрушение традиционных устоев и переход к капитализму). Тогда на волне отрицания всего ортодоксального и архаичного приветствовалось все новое, а нового у Соловьева хоть отбавляй. Кроме того, большую роль сыграл талант Соловьева, виртуозно владевшего как пером, так и устным словом. Многие обращали внимание на его способность убеждать собеседников, граничащую с гипнотизмом. Многих привлекала не философия Соловьева, а его мистицизм. Впрочем, по-настоящему сильная волна увлечения Соловьевым в среде интеллигенции столичных городов Петербурга и Москвы возникла уже после смерти Владимира Сергеевича.

У Соловьева между тем было и остается много оппонентов, критиков. Нередки такие резкие оценки Соловьева: еретик, папист, оккультист, бунтовщик хуже Пугачева, юдофил, космополит и т. п. Главные обвинения в адрес Соловьева: ересь софианства, экуменизм (теория вселенской теократии), симпатии к католицизму и готовность пожертвовать православием ради христианского единства (неортодоксального христианства). Порой Соловьев доходил до утверждений, что никакого раскола христианской Церкви в XI веке не было, имело место лишь одно из случившихся и до этого недоразумений в отношениях между Константинополем и Римом, так что со времен Христа Церковь остается единой, вселенской,

а восточное православие и западный католицизм – лишь ее модификации. По мнению Соловьева, просто надо признать этот очевидный факт, после чего мир станет вселенской теократией, богочеловечеством.

Критики Соловьева также отмечают его приверженность идее синтеза христианства и иудаизма (иудеохристианство)¹, неприязнь по отношению к византийской цивилизации, увлечение мистицизмом и даже оккультизмом, склонность к пантеизму, веру в светлое будущее человечества на земле (что граничило с ересью хилиазма), понимание истории как христианского прогресса и т. п. При этом, по мнению критиков, степень вины Соловьева возрастает в связи с тем, что он заразил своими ересями многих мыслителей и молодежь того времени.

Мы можем заметить, что Соловьев не был лишь мишенью критики. При жизни он сам активно напал на некоторых современников. Например, на славянофилов, идеи которых об уникальности России явно шли вразрез с его теорией вселенской теократии. Или на Н. Я. Данилевского, который в своей книге «Россия и Европа» показал, что никакого всечеловечества нет и быть не может, а мир представляет собой совокупность очень разных цивилизаций (культурно-исторических типов). Соловьев выступил с резкой критикой того строя, который существовал в Византии (прежде всего статья «Византизм и Россия», 1896). Соловьев фактически нанес удар по идеям своего друга К. Н. Леонтьева, который полагал, что заимствование опыта государственного строительства Византии (византизм) может спасти Россию от грядущей катастрофы. Соловьев не

¹ См. на эту тему статьи Соловьева «Еврейство и христианский вопрос» (1884); «Когда жили еврейские пророки» (1896) и его работу «Краткая повесть об антихристе» (1899).

просто критиковал Византию, он категорически отрицал необходимость каких-либо заимствований опыта Второго Рима, предлагал идти по проторенной дороге Западной Европы. И в этом смысле для Соловьева Петр I был образцовым правителем. В связи с подобно-го рода симпатиями Соловьев прослыл стопроцентным западником. Дружеские и творческие отношения между двумя мыслителями прекратились.

Справедливости ради следует сказать, что от ряда своих заблуждений Соловьев в конце жизни отказался. Прежде всего он разочаровался в своем проекте вселенской теократии, стал более трезво и критично относиться к католицизму и т. п. От мечты о светлом будущем и веры в христианский прогресс Соловьев перешел к эсхатологическим размышлениям о конце земной жизни (антихрист, апокалипсис). Эти размышления нашли свое отражение в его последней крупной работе «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900). Кстати, многие современники (Е. Трубецкой, Н. Бердяев, К. Мочульский) сразу же заметили, насколько «Три разговора» отличаются от предыдущего творчества Соловьева. Они оценили работу как своеобразное покаяние философа в своих предыдущих грехах и ересьях.

По мнению ряда современных исследователей, в актив Соловьева можно зачислить его идеи о том, что христианство представляет собой не только (и даже не столько) религию индивидуального спасения человека. Настоящее христианство, согласно Соловьеву, немислимо без социального начала. Христиане могут спастись лишь через выстраивание правильных (основанных на евангельских принципах) отношений с другими людьми (как христианами, так и нехристианами). Крайне важным условием для спасения человека является правиль-

но устроенное государство. Что касается Церкви, то она не должна замыкаться лишь на той жизни, которая велась и ведется в пределах церковной ограды. Она должна оказывать гораздо более активное влияние на все стороны жизни общества. По сути, Соловьев сформулировал немало идей, которые в совокупности можно назвать социальным христианством.

Исследователи творчества Соловьева особенно выделяют его вклад в философское осмысление и обоснование права и государства. Не умаляя первенствующей роли нравственных норм в жизни общества, Соловьев исходил из того, что право и государство могут и должны содействовать нравственному прогрессу общества. В этом пункте Соловьев расходился со славянофилами, которые считали главным и единственным условием нравственного прогресса общества христианскую Церковь. А развитие правовых институтов в России последние даже рассматривали как угрозу для самобытности русской цивилизации. А Леонтьев был одним из резких критиков того, что сегодня мы называем правовым государством. Константин Николаевич полагал, что русский человек должен бояться не закона, судьбы или полицейского, а Бога, и благодетельствованная конституцией Россия очень быстро скатится к революции.

Соловьев решительно дистанцировался от славянофильского идеализма, основанного, как он выразился, на «безобразной смеси фантастических совершенств с дурной реальностью». Равно как и от избыточного морализаторства Льва Толстого, которое, по мнению Соловьева, представляло собой правовой нигилизм. Но оставим в стороне интересы Соловьева в сфере права и государства.

Исследователи творчества Владимира Соловьева крайне редко в список его интересов включают эконо-

мику. Это, по нашему мнению, несправедливо. Писал он и об экономике, хотя действительно немного и редко. Но, как говорится, «редко, но метко». Естественно, не как профессиональный экономист, а как философ.

Коротко об «Оправдании добра» Владимира Соловьева

Хотелось бы восполнить этот пробел. Меткие мысли об экономике можно найти в одной из наиболее известных работ Владимира Соловьева «Оправдание добра». Остановимся на ней подробнее. Работа увидела свет в 1897 году. Следует признать, что это произведение – одно из наиболее фундаментальных исследований вопросов этики в истории мировой философской мысли. Те специалисты, которые занимаются изучением творчества Соловьева, ставят указанную работу на первое место среди трудов философа.

Одна из сквозных мыслей работы Соловьева «Оправдание добра» такова: все многообразие проявлений нравственности можно свести к трем основным первичным видам. Эти три вида, изначально присущие природе человека (совесть), соответствуют трем видам чувств: чувству стыда, чувству жалости и чувству благоговения перед высшими силами. Уровень нравственности, соответственно, определяется степенью:

- господства человека над материальной чувственностью (аскетическое начало нравственности);
- солидарности с другими людьми (готовность человека жертвовать ради других, альтруизм);
- внутреннего подчинения сверхчеловеческому началу (религиозное начало в нравственности).

Все остальные конкретные проявления нравственности (или, наоборот, безнравственности) представляют

собой производные формы и комбинации трех указанных первичных видов.

Книга «Оправдание добра» представляла собой лишь первую часть задуманной Соловьевым обширной трилогии, посвященной вопросам так называемого всеединства, всечеловечества и вселенской теократии. Соловьев вынашивал проект объединения человечества на почве единой веры всех людей в Бога. В качестве такого единого для человечества духовно-религиозного общего знаменателя Владимир Сергеевич рассматривал христианство. Причем, судя по многим его замечаниям и намекам, он готов был на то, чтобы таким знаменателем стало христианство в его католическом варианте – так называемое неортодоксальное христианство. В проекте Соловьева просматривались явные признаки ереси экуменизма¹. Впрочем, это была даже не ересь, а лишь мечтательное прожектерство. Оно не получило должного обоснования в трудах Соловьев и не могло получить, поскольку идея вселенской христианской теократии противоречила духу и догматам христианства.

Соловьев рассматривает добро как онтологическое явление, добро развивается необходимо и независимо от различия между добром и злом. Исторический прогресс не связан с христианством и с судьбой отдельной личности, а представляет собой саморазвитие мира. Со-

¹ Экуменизм (греч. οἰκουμένη – обитаемый мир, вселенная) – идеология всехристианского единства, экуменическое движение – движение за сближение и объединение различных христианских церквей (конфессий), один из механизмов межхристианских отношений. Преобладающая роль принадлежит протестантским организациям. Идеи экуменизма в Православии были заложены ещё на Ферраро-Флорентийском соборе в 1438–1445 годах. Православие традиционно негативно относилось и относится к экуменизму. Сам термин «экуменизм» появился сравнительно недавно, он был введен в оборот перед Второй мировой войной богословами Принстонской теологической семинарии.

ловьев считал, что мир запрограммирован на развитие в направлении универсального блага – пресловутого всеединства. Создается впечатление, что работа «Оправдание добра» писалась Соловьевым с одной-единственной целью – обосновать захватившую его еще в молодости идею всечеловечества, всеединства.

Идея всеединства подвергалась критике (по нашему мнению, достаточно справедливой) и в годы жизни Соловьева, и после его смерти. По мнению некоторых исследователей, было бы неправильно назвать теории Соловьева христианской философией, ведь в них сильны и нехристианские идеи, в них много от пантеизма. Соловьев действительно был верующим человеком, но его синтетический замысел предполагал включение и таких положений, которые несовместимы с христианством. А. Ф. Лосев (1893–1998) писал, что теоретические работы мыслителя являются классическими по форме, но безупречными по смыслу: Соловьеву не удалось избегнуть пантеистических, гностических и неоплатонических тенденций.

Имеются и более жесткие оценки учения Соловьева о нравственности. Вот что, например, пишет автор материала под названием «Оправдание добра (1897 г.)», размещенного на сайте «Антимодернизм.ру» (автор текста – предположительно Роман Вершилло): «Как и в других своих сочинениях, в “ОД” («Оправдание добра». – В. К.) Соловьев выступает как последовательный монист, ставящий знак существенного тождества между духовным и – телесным, общим и – единичным, личным и – общественным. Мир – это материальная и “сверхматериальная” тотальность, бытийный монолит. Существует лишь одна субстанция (здесь Соловьев следует Спинозе), которая противопоставляется разрозненности личностей, предметов и явлений наличного бытия. Соловьев не де-

лает различия между реальностью и фантазией, истиной и ложью. И поэтому он признает эволюцию и отрицает ее, говорит о личности и о душе, и отрицает и то и другое, употребляет слова “добро” и “зло” и сливает их друг с другом. В целом вывод Соловьева в “ОД” сводится к тому, что неизбежный прогресс происходит внутри неподвижного бытийного монолита, или, что для Соловьева одно и то же, такой прогресс не происходит, потому что внутри “всеединства” развитие невозможно. С точки зрения этого бессмысленного учения не нужны ни личность, ни свобода воли, ни различение добра и зла, ни философия, ни христианская религия. Онтологическая “нравственность” превосходит вообще все отдельное и осмысленное просто потому, что она есть и без остатка совпадает с материальным бытием»¹.

Я не являюсь философом, поэтому углубляться в разбор философских заблуждений (граничащих, по мнению авторитетных богословов, с ересями) Соловьева не буду.

Вместе с тем Владимир Соловьев в работе «Оправдание добра» высказал много интересных идей, относящихся к сфере смежных (вроде бы даже периферийных) интересов философа. В том числе к сфере экономики. И здесь мы находим много полезного и поучительного. Хочу отметить, что многие русские мыслители конца XIX – начала XX века обратились к теме экономики, чего ранее в этой среде не наблюдалось. Начиная с Федора Достоевского они стали говорить об экономическом материализме как отличительной черте русского общества того времени. Требовалось осмысление экономического материализма.

Экономике посвящена прежде всего 16-я глава труда – «Экономический вопрос с нравственной точки

¹ Оправдание добра (1897 г.) // Интернет. Режим доступа: <http://antimodern.ru/opravdanie-dobra/>

зрения». Отдельные мысли по экономике встречаются и в других, особенно последних, главах. Итак, начнем анализ 16-й главы работы, последовательно двигаясь по тексту.

О нравственных и экономических корнях национального и уголовного вопросов

Обратим внимание, что 16-й главе «Оправдания добра» предшествуют главы, которые называются: «Национальный вопрос с нравственной точки зрения» (глава 14) и «Уголовный вопрос с нравственной точки зрения» (глава 15). Продолжая разговор, начатый в этих главах, Владимир Соловьев в 16-й главе говорит о том, что национальные конфликты и уголовная преступность имеют часто причины экономические. Лишь на поверхности все это выглядит как межэтническая вражда и уголовные преступления человека против человека (убийства, грабежи, разбой и т. д.). За всем этим, как отмечает Соловьев, стоит *причина экономическая*:

«Если бы люди и народы научились ценить чужие национальные особенности, как свои собственные, если бы, далее, в каждом народе преступные личные элементы были по возможности исправлены перевоспитанием и разумною опекой с полным упразднением всех остатков уголовной свирепости, этим нравственным решением вопроса национального и вопроса уголовного не была бы еще устранена важная причина и народной вражды, и преступности – *причина экономическая* (курсив мой. – В.К.)»¹.

В предыдущих двух главах Соловьев рассуждал о том, как, исправляя нравы общества, можно добиться

¹ Здесь и далее цитирование по следующему источнику: Соловьев В. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012.

если не исчезновения национальной розни и уголовных преступлений, то, по крайней мере, ослабления остроты этих двух проблем. А теперь он еще говорит о необходимости устранения причин экономического порядка. Впрочем, данный вывод философа не оригинален. Уже целая плеяда буржуазных и социалистических авторов в духе философии экономического материализма говорила о том же. Правда, некоторые авторы перегибали палку, утверждая, например, что национальных (а также религиозных) войн в мире уже давно нет. Войны идут за экономические интересы (передел рынков, источники сырья, сферы приложения капитала), а национальные (и религиозные) лозунги этих войн – лишь прикрытие чьих-то экономических интересов. Именно такой крайней точки зрения придерживался, например, В. И. Ленин (она наиболее ярко представлена в его работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»).

Позиция Соловьева намного тоньше и глубже. Признавая экономические причины межнациональной розни и уголовной преступности, он утверждает, что экономические причины, в свою очередь, имеют нравственные первопричины:

«Это дурное воздействие экономических условий современного человечества на состояние национального и уголовного вопроса зависит, конечно, от того, что это положение само по себе страдает нравственным недугом. Его ненормальность обнаруживается в самой экономической области, поскольку здесь все более и более выступает вражда общественных классов из-за имуществ, грозящая во многих странах Западной Европы и Америки открытую борьбою не на живот, а на смерть».

Корень всех социальных проблем – один, вернее единый. Так учат святые отцы, так написано в Священном Писании. Апостол Павел говорил: «Корень всех

зол – сребролюбие». А с тем, что в конце XIX века классовая борьба на экономической почве в Западной Европе и Соединенных Штатах Северной Америки обострялась и угрожала стабильности тогдашнего общественного строя, можно безоговорочно согласиться. Это был строй капитализма, в котором сребролюбие стало высшим смыслом жизни. Владимир Соловьев уже ощущал плоды развития русского капитализма с 1860-х годов, когда начались реформы Александра II. Он высказывал опасения, что классовая борьба в России может перерасти в революцию. Поэтому экономический вопрос философа волновал не как отвлеченная научная проблема, а как вызов грядущего XX века (до которого он не успел дожить). Судя по целому ряду работ Соловьева, он видел главную опасность во внутренних социальных и классовых конфликтах стран Западной Европы, Америки, России. Угрозы мировой войны он не видел (и даже полагал, что такая война маловероятна).

О необходимости выработки позиции Восточной Церкви по социальным вопросам

Евангелие (да и просто совесть) диктуют человеку необходимость накормить и обогреть голодного и холодного. А если таких голодных и холодных миллионы? – задается вопросом Соловьев. Тут два варианта поведения. Либо вообще забыть о делах благотворительности и помощи, либо пытаться делать что-то для того, чтобы можно было накормить и обогреть миллионы страждущих людей. Но во втором случае человек неизбежно будет вовлечен в решение социальных проблем. Значит, христианин обречен на то, чтобы быть существом социальным, то есть думать о лучшем устройении общества и участвовать в этом устройении. Причем солидарно с

другими людьми, которым голос совести подсказывает делать то же самое. Поскольку вся проблема добра рассматривается не с позиций холодного рационализма, а с позиций христианства, то фактически Соловьев призывает к тому, чтобы у христианства как сообщества людей была своя *социальная политика*:

«Для человека, стоящего на нравственной точке зрения, так же невозможно принимать участие в этой социально-экономической вражде, как и во вражде между нациями и племенами. И вместе с тем невозможно для него оставаться равнодушным к материальному положению его ближних. Если элементарное нравственное чувство жалости, получившее свою высшую санкцию в Евангелии, требует от нас накормить голодного, напоить жаждущего и согреть зябнувшего, то это требование, конечно, не теряет своей силы тогда, когда эти голодные и зябнувшие считаются миллионами, а не единицами. И если я *один* этим миллионам помочь не могу, а следовательно, и не обязан, то я могу и обязан помогать им *вместе с другими*, моя личная обязанность переходит в собирательную – не в чужую, а в мою же собственную, более широкую обязанность, как участника в собирательном целом и его общей задаче».

Соловьев был один из первых русских мыслителей, который задался вопросом: почему у Восточной Церкви нет своей внятной позиции по социальным вопросам? В отличие, скажем, от церкви католической, где вопросы социальной жизни во времена Соловьева уже достаточно подробно исследовались католическими теологами и разъяснялись в папских энцикликах Римского престола¹.

¹ Именно во времена Владимира Соловьева в Европе стал зарождаться социальный католицизм в виде ряда концепций – от христианского социализма Ф. Ламенне (Франция) до концепции епископа В.-Г. фон Кеттелера (Германия). Последний, в частности, призывал вернуться к церковному учению, основанному на принципах Фомы

Можно предположить, что вдумчивые православные богословы видят и понимают тонкие связи между христианством и Церковью, с одной стороны, и социальной сферой и социальным поведением человека с другой. Но миллионам рядовых христиан надо дать простое и убедительное понимание того, как относиться к событиям социальной жизни и как выстраивать собственную жизнь в большом социуме (следует отметить, что с пониманием касательно жизни в малом социуме – семье, дело обстояло намного лучше). Во времена Соловьева в воздухе уже витала идея разработки документа, который можно было бы назвать социальной концепцией Русской Православной Церкви. Что-то наподобие простого закона, который был дан Богом Моисею для обуздания жестокого еврейского народа. Соловьев в «Оправдании добра» фактически делал наброски такого документа.

Отделение экономики от нравственности на «научной» основе

Одной из причин тех антагонизмов, которые возникали и возникают в сфере экономических отношений, по мнению Соловьева, является то, что так называемая экономическая наука изгнала всяческую нравственность из своих рассуждений и построений. Там нет места понятиям добра и зла:

Аквинского, что может обеспечить решение социального вопроса. Эту идею доктринально оформил Папа Лев XIII в своих энцикликах, и главным образом в энциклике «О новых вещах» («*Regrum novarum*», 1891). В этом документе признавалось наличие вопиющего социального неравенства, причиной которого объявлялась секуляризация общественной жизни, приводящая к алчности и беззаконию. Вместе с тем церковь объявила частную собственность и социальное неравенство неизбежно вытекающими из естественного права и природы человека, а потому отвергла все насильственные, и прежде всего революционные, методы борьбы с ним.

«Самый факт экономических бедствий есть свидетельство, что экономические отношения не связаны как должно с началом добра, не организованы нравственно. Целая мнимонаучная школа экономических анархистов-консерваторов прямо отрицала и еще отрицает, хотя без прежней самоуверенности, всякие этические начала и всякую организацию в области хозяйственных отношений, и ее господство немало способствовало возникновению анархизма революционного».

Соловьев был одним из немногих мыслителей, которые не подпали под гипнотическое действие западной экономической науки, неожиданно-негаданно свалившейся на голову русского человека. Также настороженно к этой неведомой русскому человеку науке отнеслись Ф. М. Достоевский, С. Ф. Шарапов, К. Н. Леонтьев, Л. А. Тихомиров, Г. В. Бутми, А. Д. Нечволодов, В. А. Кокорев и некоторые другие писатели, предприниматели, философы. Но таких людей среди русской элиты было меньшинство. Российская интеллигенция в своей массе заглотнула заброшенный с Запада, где уже давно царил дух экономического материализма, блестящий крючок экономической науки. Про Соловьева даже можно сказать, что его отношение к экономической науке было не просто настороженным, а однозначно отрицательным. И он обосновал такое свое отношение.

Экономическая «наука» – источник нигилизма и анархизма

В приведенной выше цитате говорится о том, что оскопленная (лишенная нравственных ориентиров) экономическая наука порождает революционный анархизм. Это очевидно, поскольку этические нормы, дающиеся человеку аргіогі, через совесть, предотвращают

превращение земной жизни в ад. Анархизм – проявление этого адского начала, энтропия¹, сначала поражающая человека, потом – общество и даже окружающую человека природу.

Буржуазная экономическая наука не очень стремится вскрывать противоречия и негативные явления того капиталистического общества, из недр которого она вышла. В выявлении социальных язв общества преуспели различные партии социализма и их идеологи: Лассаль, Прудон, Маркс и др. Но, по мнению Соловьева, социалистическая критика капиталистического общества поверхностна. Социалисты при их внешнем радикализме не могут предложить действенных средств исцеления, поскольку не видят глубинных корней болезни:

«...Многочисленные разновидности социализма, не только радикального, но и консервативного, более обнаруживают присутствие болезни, нежели представляют действительные средства исцеления».

Также Соловьев подвергает критике буржуазную политическую экономию, которая призвана обосновывать и охранять существующий капиталистический порядок. Ортодоксальная политическая экономия (видимо, под ней Соловьев подразумевает английскую классическую политэкономия Уильяма Петти, Адама Смита и Давида Рикардо) четко разделяет две сферы человеческой жизни – хозяйственную и нравственную:

«Несостоятельность ортодоксальной политической экономии (либеральной или, точнее, анархической) за-

¹ Энтропия (от др.-греч. ἐντροπία – поворот, превращение) – широко используемый в естественных и точных науках термин. Впервые термин введен в рамках термодинамики как функция состояния термодинамической системы, определяющая меру необратимого рассеивания энергии. Последнее время используется также в социальных науках, означает распад, дезинтеграционные процессы, деградацию в обществе.

ключается в том, что она *отделяет* принципиально область хозяйственную от нравственной».

Интересно, что Соловьев называет ортодоксальную политическую экономию *либеральной* и *анархической*. Это не удивительно, поскольку ортодоксы от политэкономии нравственную сферу жизни из своего анализа полностью исключают, приучая тем самым своих адептов к тому, чтобы игнорировать нравственное начало и в практической хозяйственной жизни.

У социализма по-другому: он смешивает обе сферы. У социалистов понятие совести является полной абстракцией, не вписывающейся в материалистическое понимание мира. Поэтому у них вся нравственность сводится к эквивалентному обмену, правильному распределению общественного продукта, запрету права наследования, пресечению наемного и других форм рабства и иным подобным вещам материального экономического мира:

«...А несостоятельность всякого социализма заключается в том, что он допускает между этими двумя различными, хотя и нераздельными областями более или менее полное *смешение*, или ложное единство».

Ното economicus – идеал и продукт экономической «науки»

Буржуазная политическая экономия представляет человека лишь в качестве *нотa economicus*, то есть как человека производящего, владеющего и потребляющего¹, что, по мнению Соловьева, в высшей степени безнравственно:

¹ Основные характеристики *нотa economicus* были определены еще в «Богатстве народов» Адама Смита. Это прежде всего: 1) доминирование в жизни человека личного интереса; 2) главное проявление личного интереса – социальное (имущественное) процветание; 3) действия по реализации личного интереса на основе рациональных решений.

«Признавать в человеке только деятеля экономического – производителя, собственника и потребителя вещественных благ – есть точка зрения ложная и безнравственная. Упомянутые функции не имеют сами по себе значения для человека и нисколько не выражают его существа и достоинства. Производительный труд, обладание и пользование его результатами представляют одну из сторон в жизни человека или одну из сфер его деятельности, но истинно человеческий интерес вызывается здесь только тем, *как* и *для чего* человек действует в этой определенной области».

Определение в качестве высшей цели жизни максимизации материальных благ для Соловьева выглядит безумием. Идея не только безумная, но и опасная. Соловьев сравнивает homo economicus – главного героя политической экономии – с трупом. Там действительно остаются лишь механические движения атомов, а вся остальная жизнь (процессы физиологические, неравные и психологические) уже покинула хладное тело человека. Экономическая наука имеет дело с трупом:

«Как свободная игра химических процессов может происходить только в трупе, а в живом теле эти процессы связаны и определены целями органическими, так точно свободная игра экономических факторов и законов возможна только в обществе мертвом и разлагающемся, а в живом и имеющем будущность хозяйственные элементы связаны и определены целями нравственными, и провозглашать здесь *laissez faire, laissez passer* [Попустительство, вседозволенность (*фр.*) – Прим. В. Соловьева] – значит говорить обществу: *умри и разлагайся!*»

Отрицательное отношение Соловьева к идее homo economicus в конце позапрошлого века (несмотря на быстрое развитие капитализма в России) не выглядело чем-то оригинальным. Между прочим, император Алек-

сандр III посчитал «Богатство народов» безнравственной книгой и запретил ее издание и продажу в России.

Слава Богу, в реальной жизни большинство людей у нас в России даже сегодня, в XXI веке, еще не дошли до состояния homo economicus. Но экономическая наука делает все возможное, чтобы это поскорее произошло. В живом общественном организме все хозяйственные части имеют неэкономические цели, обладающие нравственным измерением. Но экономическая наука не просто описывает идеальную модель homo economicus, она активно участвует в формировании этого нового типа человека. Все это еще сильнее бросается в глаза сегодня, в XXI веке, чем во времена Соловьева. Формирование экономических роботов осуществляется через пропаганду так называемых экономических знаний (СМИ, учебные заведения, литература и культура).

О так называемых экономических законах

Так называемые экономические законы, открытые наукой, не могут в большинстве случаев сколь-нибудь внятно объяснить конкретные действия участвующих в хозяйственной жизни людей. У человека есть множество вариантов действий, каждый из которых имеет разную нравственную оценку. Так, на одном и том же месте могут находиться разные люди с точки зрения их склонности к воровству. Один не может не красть. Другой человек может при определенных условиях не красть. А третий человек не сможет украсть даже под дулом пистолета:

«Конечно, в основе всей этой экономической области лежит нечто простое и роковое, само по себе из нравственного начала не вытекающее, – необходимость труда для поддержания своего существования. Нет, однако, и не было такого неизменного состояния в жизни

человечества, когда эта простая материальная необходимость не осложнялась бы нравственным вопросом. Нужда заставляет дикаря-полузверя промышлять себе средства к жизни, но при этом он может или думать только о себе одном, или же в свою нужду включать также нужду своей самки и детенышей. Если лов был неудачен, он может поделиться с ними и скудную добычу, оставаясь сам впроголодь, или же может забрать все себе, а их бросить на произвол судьбы или, наконец, может убить их с тем, чтобы наесться их мяса. Но на каком бы из этих способов действия он ни остановился, едва ли найдется такой правоверный слугитель науки, который увидит здесь роковое действие политико-экономических “законов”».

Мотивы и цели экономической деятельности зачастую находятся за пределами того, что называется экономикой, и не определяются так называемыми экономическими законами. Например, мотивы человека к труду могут диктоваться не только потребностью прокормить себя и свою семью (чисто биологические причины), но также желанием стать богатым, знаменитым, казаться успешным, иметь возможность помогать другим людям, потребностью в творчестве и т. п. Даже если основной (а может быть, и единственной) целью труда будет удовлетворение жизненно необходимых потребностей человека и его близких, он может выбрать тот или иной вид труда. В одном случае труд направлен на благо людей (скажем, выпечка хлеба), в другом случае он может наносить вред обществу (скажем, производство водки). Даже если у человека нет возможности выбора того или иного вида труда, он может по-разному относиться к труду на своем рабочем месте, и т. д. и т. п. Политическая экономия не в состоянии увидеть и учесть все эти бесконечные нюансы труда и экономи-

ческой деятельности человека в целом. Да она и не пытается это делать. В результате она создает какую-то абстрактную картину, которая может очень сильно не соответствовать реальной жизни.

Или картина будет более или менее адекватной, но отражающей состояние общества в конкретный момент времени и в конкретной стране. Например, классическая политическая экономия отражала ситуацию в Англии в XVIII – начале XIX века. Чистым безумием было желание некоторых представителей российской интеллигенции XIX века проецировать выводы английской политэкономии на Россию, принадлежащую к принципиально отличной цивилизации. В дальнейшем с не меньшей энергией российская интеллигенция пыталась объяснить (и даже изменить) жизнь в России с помощью политэкономии Карла Маркса (впрочем, последняя была лишь слегка перелицованной политэкономией Адама Смита и Давида Рикардо). Владимир Соловьев разъясняет мысль об эфемерности так называемых экономических законов:

«Хотя необходимость трудиться для добывания средств к жизни есть действительно нечто роковое, от человеческой воли не зависящее, но это есть только толчок, понуждающий человека к деятельности, дальнейший ход которой определяется уже причинами психологического и этического, а вовсе не экономического свойства. – При некотором осложнении общественного строя не только результаты труда и способ пользования ими – не только “распределение” и “потребление”, – но и самый труд вызывается кроме житейской нужды еще другими побуждениями, не имеющими в себе ничего физически принудительного или рокового, например – чтобы назвать самые распространенные, – страстью к приобретению и жаждою наслаждений. Так как не толь-

ко нет экономического закона, которым бы определялась степень корыстолюбия и сластолюбия для всех людей, но нет и такого закона, в силу которого эти страсти были бы вообще неизбежно присущи человеку, как роковые мотивы его поступков, то, значит, поскольку экономические деятельности и отношения определяются этими душевными расположениями, они имеют свое основание *не* в экономической области и никаким “экономическим законам” *не* подчиняются с необходимостью».

Мы все помним, что в советское время кроме материальных стимулов к труду были еще стимулы моральные – совсем не пустой звук для многих. Если бы мотивация к труду была чисто биологической, тогда, наверное, действительно можно было бы попробовать сформулировать «экономические законы». Но в этом случае они были бы просто разновидностью биологических законов, которые помогали бы описывать процессы в сообществе человекоподобных существ. А сама политическая экономия превратилась бы в раздел биологии, который занимается изучением биогеоценозов¹.

Какие законы действуют в хозяйственной сфере?

В экономике, как отмечает Соловьев, правила торговли, уплаты налогов, ведения хозяйственных споров, биржевых операций и многого другого определя-

¹ Биогеоценоз (от греч. βίος – жизнь γη – земля + κοινός – общий) – система, включающая сообщество живых организмов и тесно связанную с ним совокупность абиотических факторов среды в пределах одной территории, связанные между собой круговоротом веществ и потоком энергии (природная экосистема). Представляет собой устойчивую саморегулирующуюся экологическую систему, в которой органические компоненты (животные, растения) неразрывно связаны с неорганическими (вода, почва). Одним из свойств биогеоценозов является способность к саморегуляции.

ет государство. Именно его законы (юридические) и определяют характер отношений между участниками хозяйственной деятельности. Итак, есть нравственные законы, есть юридические законы, а вот экономических законов как таковых нет. Есть еще законы природы, которые действуют «железно». А разные так называемые экономические законы (например, закон спроса и предложения) могут искажаться и искривляться свободным волеизъявлением участников экономических отношений и решениями (законами) государства. Если уровень нравственности в обществе невысок (например, общество охвачено чумой алчности), то государство своими законами частично компенсирует эти недостатки нравственного состояния общества (скажем, вводя ограничения на цены для того, чтобы ограничивать алчность товаропроизводителей и торговцев):

«Дóлжно заметить, что при всем различии этих двух понятий – закона природы и закона положительного или государственного – этот последний, хотя и есть дело рук человеческих, уподобляется, однако, первому, поскольку в пределах своего действия имеет силу непреложную, не допуская *никакого* непредвиденного исключения; тогда как мнимые законы экономические никогда такого значения не имеют и во всякий момент могут быть беспрепятственно нарушены и отменены нравственною волей человека. *Ни один*, безусловно, помещик в России, *в силу* закона 1861 года не может теперь продавать или покупать крестьян иначе как в сновидении, тогда как, с другой стороны, ничто не препятствует любому добродетельному петербургскому домовладельцу даже наяву *вопреки* “закону” об отношении спроса к предложению понизить цену на квартиры в видах чисто филантропических, и если весьма немногие пользуются случаем это сделать, то это до-

казывает никак не силу экономики, а только слабость добродетели у этих лиц; ибо как только этот недостаток личного человеколюбия будет восполнен требованием закона государственного, так цены сейчас же понизятся и “железная” необходимость экономических законов сразу окажется хрупкою, как стекло. Эта очевидная истина признается в настоящее время писателями, совершенно чуждыми всякого социализма...»

В предметах и явлениях экономической жизни существует лишь два типа причинности: а) природная причинность (законы природы); б) человеческая причинность (поведение человека, который руководствуется или, наоборот, не руководствуется нравственными нормами). В поведении человека в сфере экономики также можно проследивать некоторые закономерности, но это закономерности не экономические. По мнению Соловьева, чисто экономическая причинность, экономические законы – от лукавого. Можно говорить о некоторых универсальных закономерностях (тенденциях, особенностях) поведения человека, которые проявляются не только в экономике, но и других сферах жизни (социальной, политической, семейной):

«Я не отрицаю закономерности человеческих действий, а возражаю только против выдуманного сто лет тому назад особого рода закономерности материально-экономической, независимой от общих условий психологической и нравственной мотивации. Все, что существует в предметах и явлениях экономической области, происходит, с одной стороны, от внешней природы и подчинено в силу этого материальной необходимости (механическим, химическим, биологическим законам), а с другой стороны, определяется действием человека, которое подчинено необходимости психологической и нравственной; и так как никакой еще причинности,

кроме природной и человеческой, нельзя найти в предметах и явлениях экономического порядка, то, значит, никакой еще особой самостоятельной необходимости и закономерности здесь нет и быть не может».

Законы природы нельзя отменить никакими декретами. Например, никакому, даже самому безумному царю или императору не приходило в голову идея принятия указа об отмене восходов солнца или изменениях графика его движения на небосклоне. А вот принятие государством законов, регулирующих экономические отношения, может сильно влиять на экономическое поведение людей. Это лишний раз доказывает, что так называемые экономические законы – фантазия «ученых» от экономики:

«Указание на тот факт, что недостаток нравственных побуждений у частных лиц успешно восполняется государственным законодательством, которое упорядочивает экономические отношения в нравственном смысле в видах общего блага, не предрешает вопроса о том, в какой мере и в какой форме желательно такое упорядочение для будущего. Несомненно только то, что самые факты государственного воздействия в этой области (например, законодательное регулирование цен) непреложно доказывают, что данные экономические отношения не выражают собою никакой естественной необходимости; ибо ясно, что законы природы не могли бы быть отменяемы законами государственными».

Приговор Владимира Соловьева экономической науке

Если мы приходим к признанию того, что никаких экономических законов нет, а есть лишь причинности природного и человеческого порядка, то мы, как счи-

тает Соловьев, должны мобилизовать наш ум и нашу нравственность (совесть). Совершенствование экономики возможно лишь через более глубокое познание законов природы и через нравственное совершенствование людей:

«Так как подчинение материальных интересов и отношений в человеческом обществе каким-то особым, *от себя действующим* экономическим законам есть лишь вымысел плохой метафизики, не имеющий и тени основания в действительности, то в силе остается общее требование разума и совести, чтобы и эта область подчинялась высшему нравственному началу, чтобы и в хозяйственной своей жизни общество было организованным осуществлением добра».

Вот приговор Владимира Соловьева так называемой экономической науке:

«Никаких самостоятельных экономических законов, никакой экономической необходимости нет и быть не может, потому что явления хозяйственного порядка мыслимы только как деятельности человека – существа нравственного и способного подчинять все свои действия мотивам чистого добра. Самостоятельный и безусловный закон для человека, как такого, один – нравственный, и необходимость одна – нравственная».

Из приведенного выше приговора Соловьева следует конкретный практический вывод: надо перестраивать все наше экономическое образование. А коль мы к этому не готовы (психологически и интеллектуально), то на время вообще следует закрыть все экономические факультеты и кафедры. А подготовку молодых людей для народного хозяйства поручить преподавателям естественных дисциплин и специалистам по этике. И параллельно написать один учебник по экономике, объясняющий, что такое экономика, как ею управлять,

как правильно организовать производство, обмен, распределение общественного продукта. Что-то типа «Домостроя» XVI века¹. Только тот был адресован семье (домостроительство на уровне «ячейки общества»), а это должен стать «Домостроем» для всей России. То, что можно назвать «национальной» экономикой².

О сфере действия законов нравственности

Законы нравственности универсальны, они проявляют себя в разных областях человеческой жизни. Экономика – лишь одна из них:

«Особенность и самостоятельность хозяйственной сферы отношений заключается не в том, что она имеет свои роковые законы, а в том, что она представляет по существу своих отношений особое, своеобразное *поприще* для применения единого нравственного закона, как земля отличается от других планет не тем, что имеет какой-нибудь свой самобытный источник света (чего у нее в действительности нет), а только тем,

¹ «Домострой» – памятник русской литературы XVI века, являющийся сборником правил, советов и наставлений по всем направлениям жизни человека и семьи, включая общественные, семейные, хозяйственные и религиозные вопросы. Исследователи прослеживают связь «Домостроя» с более ранними сборниками поучений и «слов» славянского происхождения – «Измарагд», «Златоуст», «Златая цепь». Впрочем, не исключается связь и с такими западными сборниками, как «Книга учения христианского» (Чехия), «Парижский хозяин» (Франция) и т. д. Фактически «Домострой» лишь систематизировал и оформил сложившиеся в то время морально-этические нормы поведения и нравучительные тексты. В середине XVI века «Домострой» был переписан духовником и сподвижником Ивана Грозного – протопопом Сильвестром в качестве назидания молодому царю. Однако некоторые исследователи считают, что Сильвестр был не простым переписчиком, а автором «Домостроя».

² Впрочем, отдельные попытки написания такого учебника уже делаются. См., например: Олейников А. Политическая экономия национального хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 1184 с.

что по своему месту в Солнечной системе она особым, определенным образом воспринимает и отражает единый общий свет солнца».

И тем не менее именно в экономике проявление нравственных законов может быть особенно ярко выражено. Здесь следует обратить внимание на то, что не все мыслители согласны с тезисом Соловьева о всеобщем проникновении нравственных законов во все сферы общественной жизни. Известный русский мыслитель Константин Леонтьев выражал особую точку зрения на вопрос о границах применения нравственных норм. Он полагал, что эти нормы регулируют лишь межличностные отношения. Они не могут и не должны распространяться на сферу межгосударственных отношений. Он формулировал несколько неожиданный тезис: нравственные нормы не должны определять политику государства. Особенно внешнюю политику. Это положение он формулировал на основе тех просчетов и даже провалов, которые несла Российская империя из-за того, что во внешней политике руководствовалась моральными принципами. Государство, по мнению Леонтьева, в своей политике должно руководствоваться прежде всего национальными интересами. А вот национальные интересы, как он считал, должны быть правильно поняты, в том числе, учитывать вселенскую миссию государства. Более того, Леонтьев полагал, что величайшие политики и государственные деятели не могут оцениваться с помощью нравственных критериев. Они принимают политические решения, которые касаются не их личных интересов, а интересов общества, нации, государства. А вот в экономике преобладают отношения межличностные. Хотя участники (субъекты) экономических отношений могут не входить в непосредственный контакт друг с другом.

Две стороны медали под названием «экономический материализм»

По мнению Соловьева, нет принципиального различия между социализмом и капитализмом. Они – две стороны одной медали. Под социализмом понимается в первую очередь поздний социализм. Даже еще не марксистский, атеистический, а социализм в версии Сен-Симона, который вроде даже был католиком. На первый взгляд, социалисты встают на нравственную точку зрения, так как провозглашают своей задачей преодоление бедности, социальной несправедливости. А у социалистов (включая Сен-Симона) экономика – сфера действия интересов. А интересы произрастают из страстей. Нравственности тут места не остается.

Старшее поколение наших граждан в свое время изучало в институтах марксистско-ленинскую политэкономия. Одним из краеугольных камней этой науки был тезис о том, что экономика – отношения между людьми (по поводу производства, обмена, распределения и потребления благ). Тут спорить не с чем. Вторым краеугольным камнем был тезис о том, что эти отношения управляются интересом. Причем интересом экономическим, материальным. А вот этот тезис сомнителен и опасен. Так называемый интерес у капиталистов регулируется и контролируется рынком, а у социалистов – государством. Нравственным нормам как регуляторам интересов и экономических отношений ни у капиталистов, ни у социалистов места нет.

Адам Смит как идеолог «экономического материализма»

У капиталистов даже имеется «алиби», которое объясняет, почему они обходятся без моральных норм.

Они ссылаются на своего классика Адама Смита с его знаменитой работой «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776)¹. Между прочим, Адам Смит достаточно долго преподавал нравственную философию и написал книгу «Теория нравственных чувств» (1759), которую считал главным делом своей жизни. Но, как ни парадоксально, книгу о природе богатства знают все, а книгу о нравственных чувствах – только узкие специалисты. Есть сильное подозрение, что книгу о природе богатства шотландский философ писал по заказу, многие ее положения не только не совпадали с идеями «Теории нравственных чувств», но и противоречили им. В книге о природе богатства фигурирует «невидимая рука рынка». Адам Смит формулирует постулат, который представители экономической науки повторяют уже на протяжении почти двух с половиной веков. Идея проста: отдельная личность, стремясь к собственной выгоде, независимо от ее воли и сознания, направляется к достижению экономической выгоды и пользы для всего общества. Каждый производитель преследует собственную выгоду, но путь к ней лежит через удовлетворение чьей-либо потребности. Совокупность производителей, как будто движимая невидимой рукой, активно, эффективно и добровольно реализует интересы всего общества, причем часто даже не думая об этом, а преследуя лишь собственный интерес. После выхода в свет «Исследования о природе и причинах богатства народов» знаменитый шотландец прожил еще 14 лет. Некоторые биографы и исследователи творчества Адама Смита утверждают, что он испытывал душевный дискомфорт от указанной книги. Пытался оправдываться и комментировать свой тезис о невидимой руке. Мол, под

¹ Часто название этой работы приводят в сокращенном варианте – «Богатство народов».

невидимой рукой следует понимать руку Бога, которая помогает человеку и обществу в созидании и распределении материальных благ. Но чтобы эта рука помогала, надо, чтобы люди находились в рамках определенных нравственных норм. В противном случае рука перестает работать на благо общества. Но это все, как говорится, осталось «за кадром». В представлении многих поколений, штудировавших книгу Адама Смита, невидимая рука рынка – некий автомат, действующий независимо от воли, чувств и целей отдельных участников экономической деятельности. Именно с подачи великого шотландца общепринятым и очевидным стало утверждение, что экономика – зона человеческой жизни, свободная от нравственных норм. Экономика – особенная зона общества, где действуют «железные» законы – такие же, как закон тяготения или закон Архимеда. Дело дошло даже до того, что уже в следующем, XIX веке целый ряд профессиональных экономистов стал утверждать, что экономическая наука не входит в состав так называемых гуманитарных наук, она ближе к наукам естественным. Особенно это безумие стало массовым после того, как Карл Маркс выпустил свой толстенный «Капитал», который, как показалось многим его адептам, окончательно поставил экономику на научную основу.

Но Соловьев, судя по всему, полагает, что, при всей ответственности Карла Маркса за совращение людей в духе экономического материализма, все-таки более виновен в этом Адам Смит. Тем более что Карл Маркс и не скрывал, что в своем «Капитале» заимствовал идеи шотландца. В одной из авторских сносок книги Соловьева «Оправдание добра» мы читаем: «Признание материального богатства целью экономической деятельности может быть названо первородным грехом политической экономии, так как в этом виновен еще Адам Смит».

Сегодня, в XXI веке, духовные и интеллектуальные последователи Адама Смита и Карла Маркса продвинулись в попытках представить экономику в качестве точной, естественной науки еще дальше. Для этого они активно занимаются внедрением математики в экономику. Начинает действовать магия числа. Обилие цифр, графиков и таблиц создает у непосвященных ощущение, что здесь все точно, как в физике или механике. Впрочем, вся эта перегруженная математикой экономика преследует цель сформировать новый тип человека – homo economicus (человек экономический). Современная экономическая наука похожа на каббалу. В идеале homo economicus – живой робот, реагирующий на несколько управляющих сигналов. Эти сигналы апеллируют к таким чувствам homo economicus, как алчность, страх, удовольствие. Номоеconomicus – субъект, полностью очищенный от таких «предрассудков», как совесть и нравственность.

О фантомах «социалистической нравственности»

Продолжим чтение 16-й главы. Соловьев признает, что ранние социалистические идеи и учения апеллировали к нравственным началам человека, прежде всего к его чувству справедливости и жалости к обездоленным:

«В своей критике существующего экономического строя, в своих декламациях против имущественного неравенства, против своекорыстия и бесчеловечия богатых классов социалисты как будто становятся на точку зрения нравственного начала и одушевляются добрым чувством жалости к труждающимся и обремененным. Но если обратиться к положительной стороне их воззрения, то мы легко увидим, что оно находилось сперва

в двусмысленном, а затем перешло и прямо во враждебное отношение к нравственному началу».

Владимир Соловьев, пытаясь быть объективным в отношении социалистической идеи, признает, что в ранних социалистических учениях не было того грубого материализма, который уже явился в XIX веке в виде программ и теорий Прудона, Лассаля и особенно Маркса:

«Глубочайшая основа социализма впервые выражена в замечательном учении сен-симонистов, провозгласивших своим девизом восстановление прав (реабилитацию) материи в жизни человечества. Конечно, материя имеет права, и чем менее эти права уважаются в принципе, тем более они дают себя знать на деле. Но в чем же состоят эти права? Их можно разуметь не только в различных, но и в прямо противоположных смыслах. Область материальных отношений (ближайшим образом экономических) имеет право на то, чтобы стать предметом нравственного действия человека, имеет право на осуществление или воплощение в ней высшего, духовного начала, *материя имеет право на свое одухотворение* – вот первый смысл этого принципа – смысл совершенно истинный и в высшей степени важный. Было бы несправедливо утверждать, что этому смыслу оставались вполне чужды первоначальные системы социализма, но они на нем не сосредоточились, не развили его, и очень скоро этот проблеск лучшего сознания оказался только обманчивым огоньком над тем болотом плотских страстей, которое понемногу втянуло в себя столько благородных и вдохновенных душ».

В приведенном выше отрывке мы читаем о некоем «одухотворении материи», которое, как утверждает Соловьев, признавали ранние социалисты (Сен-Симон). В

других работах (а также в других главах «Оправдания добра») Соловьев неоднократно возвращается к теме одухотворения материи, причем относится к идее явно позитивно. Многие исследователи обращали внимание на то, что подобного рода симпатии Соловьева пахивают пантеизмом¹. Соловьев не скрывал своего увлечения философией Б. Спинозы, у которого идеи пантеизма выражены особенно выпукло.

А вот у социалиста Фурье первичность материи уже не оправдывается каким-то ее одухотворением. У этого социалиста экономическая сфера – чистая материя без всяких примесей духа. В отношении такой мертвой материи применимо лишь понятие «человеческий интерес» (что-то наподобие звериного инстинкта), а мораль, нравственность – уже ненужный вздор:

«По другому и более распространенному смыслу провозглашенной идеи о правах материи фактическое падение сен-симонистов получает прямое оправдание и

¹ Пантеизм – религиозное и философское учение, объединяющее, и иногда отождествляющее Бога и мир. Слово «пантеизм» происходит от древнегреческого: παν (пан) – «все, всякий» и θεός (теос) – «Бог, божество». В пантеизме находит выражение концепция, что «Бог» лучше всего понимается в сближении со Вселенной. Пантеисты не верят в личностного, антропоморфного Бога или Бога-творца. Несмотря на существующие различные течения внутри пантеизма, центральные идеи в большинстве форм пантеизма постоянны: Вселенная как всеобъемлющее единство и святость природы. Пантеизм отвергает антропоцентризм, признавая фундаментальное единство всего живого и необходимость почтительного отношения к природе. На Западе между IV и XV веками пантеизм был в упадке, рассматривался как ересь. Первым открытым выражением пантеистического мировоззрения в Европе нового времени считается система Джордано Бруно (был предан сожжению в 1600 году). Самым известным представителем пантеизма нового времени принято считать Бенедикта Спинозу (хотя сам Спиноза термин «пантеизм» не использовал). Его «Этика» (1675 год) стала главным источником, через который пантеизм получил распространение в Европе. В России времен Владимира Соловьева ярким представителем пантеизма был писатель Лев Толстой.

возводится в принцип: материальная жизнь человечества не есть лишь особая область действия или применения нравственных начал, а имеет и в человеке и для него свое собственное, совершенно самостоятельное и полноправное материальное начало – инстинкта или страсти, которому должен быть предоставлен полный простор, так чтобы нормальный общественный порядок естественно вытекал из взаимного восполнения и чередования личных страстей и интересов (основная мысль Фурье). При этом уже нет ни возможности, ни надобности, чтобы этот “нормальный” порядок был порядком нравственным. Отчуждение от высших, духовных интересов становится необходимым, как только признается за материальной стороной жизни человеческой особое, самостоятельное и принципиальное значение».

В учении Фурье социалисты уже делают окончательный выбор между двумя господами в пользу мамы (материи). Господства Бога, духа, нравственности они более не признают. Происходит окончательная нивелировка социализма и капитализма (плутократии), их единение в поклонении мертвой материи:

«Нельзя служить двум господам, и господствующее положение в социализме естественно достается тому началу, под знаменем которого выступило все это движение, т. е. началу материальному, ему всецело подчиняется область отношений экономических, которая затем признается главной, основной, единственно реальной, всеопределяющей в жизни человечества. В этом пункте исчезает внутреннее различие между социализмом и враждебной ему буржуазной экономией».

Соловьев констатирует, что общество, руководствующееся преумножением материального богатства как главной целью, неизбежно превращается в строй плутократии:

«По правде, если современное состояние образованного мира ненормально в нравственном смысле, то виною этого не то или другое учреждение само по себе, а общее понимание и направление жизни в современном обществе, в силу которых главным делом все более и более становится вещественное богатство и сам общественный строй решительно превращается в *плутократию*».

Плутократия (капитализм) и социализм: единство и борьба противоположностей

Слово «плутократия» (др.-греч. *πλοῦτος* – богатство, *κράτος* – правление) означало власть богатых; это форма правления, являющаяся частным случаем олигархии. Иногда вместо термина «плутократия» используется словосочетание «денежная олигархия». Во времена, когда Соловьев писал свою книгу, слово «капитализм» использовалось еще достаточно редко. Если бы Соловьев писал свою работу в начале XX века, он, наверное, применил бы термин «капитализм» – общественный строй, в котором вся экономическая деятельность нацелена на получение прибыли и приумножение капитала.

Соловьев показывает, что капитализм (плутократия) и социализм – братья-близнецы. Они базируются на идее экономического материализма, согласно которой экономические, материальные цели являются высшими. Все остальное низводится до уровня средств приумножения материального богатства. А это, по выражению Соловьева, «есть извращение должного общественно-го порядка». При этом социализм особенно изошренно оправдывает такую иерархию ценностей. Идеологи капитализма вычеркивают нравственность из системы ценностей, по крайней мере всячески игнорируют нрав-

ственное начало. А идеологи социализма заявляют, что о нравственности можно говорить лишь тогда, когда будет создан для этого необходимый материальный базис. Социалисты исходят из того, что работник, вышедший из недр капитализма, – *homoeconomicus* и таковым будет оставаться еще долго.

Материализм социалистов является более агрессивным, так как они навязывают обществу атеизм, атеистическая атмосфера позволяет более эффективно внушать обществу идею приоритета экономических ценностей. Все оказалось перевернутым с ног на голову. Экономическим материализмом оказались заражены не только капиталисты и лидеры социалистического движения, но также миллионы простых работников, которые мечтают о социалистической революции, которую понимают как передел собственности и равномерное распределение имущества среди всех членов общества. И у капиталистов, и у социалистов общество редуцируется до примитивного хозяйственного союза. Капиталистическая и социалистическая альтернативы рассматриваются как единственно возможный выбор для человека и общества. Другие варианты социального устройства общества почти не обсуждаются:

«Общественная безнравственность заключается не в индивидуальной и наследственной собственности, не в разделении труда и капитала, не в неравенстве имуществ, а именно в плутократии, которая есть извращение должного общественного порядка, возведение низшей и служебной по существу области – экономической – на степень высшей и господствующей и низведение всего остального до значения средства и орудия материальных выгод. Но к этому извращению, только с другой стороны, приводит и социализм. Если для представите-

ля плутократии нормальный человек есть прежде всего капиталист, а потом уже – *per accidens*¹гражданин, семьянин, образованный человек, член какого-нибудь религиозного союза, то ведь и с точки зрения социализма все остальные интересы теряют значение, отступают на задний план, если не совсем исчезают, перед интересом экономическим, и здесь так же низшая (по природе своей), материальная область жизни, промышленная деятельность, становится решительно преобладающею, закрывает собою все остальное».

Грубый материализм социализма проявляется в том, что перестройку плутократического общества в царство справедливости социалисты видят только на путях экономического переворота, смены формы собственности, отмены частной собственности, национализации средств производства:

«То обстоятельство, что социализм изначала – даже в самых идеалистических своих выражениях – ставит нравственное совершенство общества в прямую и всецелую зависимость от его хозяйственного строя и хочет достигнуть нравственного преобразования или перерождения исключительно лишь путем экономического переворота, ясно показывает, что он, в сущности, стоит на одной и той же почве с враждебным ему мещанским царством – на почве господства материального интереса. У обеих сторон один и тот же девиз: “О хлебе едином жив будет человек”».

Политическая и социальная борьба между плутократией и социализмом – борьба исключительно экономических интересов, противостояние «капиталистического меньшинства» и «рабочего большинства». Любой исход этой борьбы не затрагивает принципиально духовных и нравственных основ общества:

¹ Случайно (*лат.*). – Прим. В. Соловьева.

«Если для представителя плутократии значение человека зависит от обладания вещественным богатством в качестве собственника или приобретателя, то для последовательного социалиста точно так же человек имеет значение лишь как обладатель материального благосостояния, но только в качестве производителя; и здесь и там человек берется как экономический деятель, отвлеченно от других сторон его существа, и здесь и там окончательно целью и верховным благом признается экономическое благосостояние, и борьба между двумя враждебными станами не принципиальная, то есть не из-за содержания принципа, а только из-за объема его осуществления: одних озабочивает материальный интерес капиталистического меньшинства, а других тоже материальный интерес рабочего большинства и насколько само это большинство, сам рабочий класс, начинает заботиться исключительно о своем материальном интересе; очевидно, и этот класс оказывается столь же своекорыстным и теряет всякое нравственное преимущество перед своими противниками. При этом социализм проводит в известном отношении принцип материального интереса с большею последовательностью и полнотою, нежели противная сторона».

В приведенном отрывке спорным является утверждение Соловьева о том, что «социализм проводит в известном отношении принцип материального интереса с большею последовательностью и полнотою, нежели противная сторона». Наверное, в период сосуществования СССР и Запада в деле практической реализации принципа материального интереса между ними существовал некий паритет. А победа Запада в «холодной войне» над СССР косвенно свидетельствует, что плутократия (капиталистическая олигархия) реализовывала этот принцип более эффективно.

Плутократия, социализм и каинитская цивилизация

По мнению Соловьева, социализм даже более последовательно может выкорчевывать в обществе остатки нравственности, чем плутократия:

«Если плутократия, искренно преданная лишь своему экономическому интересу, допускает, однако, хотя и с подчиненным значением, существование и других жизненных начал с соответствующими самостоятельными учреждениями, каковы государство и Церковь, то социализм в своем чистом выражении решительно отрицает все это: для него человек есть исключительно только производитель и потребитель, и общество человеческое – только экономический союз – союз рабочих – хозяев без всяких других существенных различий; и если *преобладание* вещественных интересов – хозяйственно-го, промышленного и финансового элемента – составляет отличительную черту буржуазии или мещанского царства, то последовательный социализм, который хочет окончательно ограничить жизнь человечества исключительно этими низшими интересами, никак не есть анти-теза, а лишь крайнее выражение, последнее заключение односторонней буржуазной цивилизации».

В приведенном выше фрагменте Соловьев говорит, что социализм – «крайнее выражение, последнее заключение односторонней буржуазной цивилизации». Звучит не очень привычно, поскольку нас учили, что социализм и капитализм – полярные противоположности. Думаю, что в данном случае Соловьев не случайно употребил термин «буржуазная цивилизация», а не «плутократия» или «капитализм». «Буржуазная цивилизация» – не синоним капитализма (как нас учили), это больше, чем капитализм. Вспомним, что изначальный смысл слова

«буржуа» – горожанин. При таком толковании «буржуазная цивилизация» – городская цивилизация, а городская цивилизация, как справедливо отмечают многие философы и богословы, уходит своими корнями в разделение человечества на каинитскую и Авелеву цивилизации еще в начале истории. Важнейшими признаками каинитской цивилизации являются жизнь человека в городе, ремесла (промышленность), торговля, доминирование материальных интересов и запросов человека над духовными. Это цивилизация, в которой большинство сделало выбор между двумя господами и усердно служит лишь господину по имени «мамона»¹.

Порочный круг плутократии и социализма

По мнению Соловьева, социалисты и представители плутократии – не только враги, но в каком-то смысле единомышленники. Причем такие единомышленники, которые оказались в одном и том же порочному кругу и выскочить из него не могут.

«Социалисты и их видимые противники – представители плутократии – бессознательно подают друг другу руку в самом существенном. Плутократия своекорыстно подчиняет себе народные массы, распоряжается ими в свою пользу, потому что видит в них лишь рабочую силу, лишь производителей вещественного богатства; социализм протестует против такой “эксплуатации”, но этот протест поверхностен, лишен принципиального основания; ибо сам социализм окончательно признает в человеке *только* (или, во всяком случае, более и прежде всего) экономического деятеля».

¹ См.: Катасонов В. Каинитская цивилизация и современный капитализм // История как Промысл Божий. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

ля, а в этом качестве нет ничего такого, что *по существу* должно бы было ограждать человека от всякой эксплуатации. С другой стороны, то исключительное значение, которое в современном мещанском царстве принадлежит материальному богатству, естественно побуждает прямых производителей этого богатства – рабочие классы – к требованию равномерного пользования теми благами, которые без них не могли бы существовать и на которые их приучают смотреть как на самое важное в жизни, так что сами господствующие классы своим практическим материализмом вызывают и оправдывают в подчиненных рабочих классах социалистические стремления. А когда испуг перед социальной революцией вызывает у плутократов неискреннее обращение к идеальным началам, то оно оказывается бесполезною игрой: наскоро надетые маски морали и религии не обманут народных масс, которые хорошо чувствуют, где настоящий культ их господ, и, усвоив этот культ от своих хозяев, рабочие, естественно, сами хотят быть в нем жрецами, а не жертвами.

Обе враждебные стороны обуславливают себя взаимно и не могут выйти из ложного круга, пока не признают и не примут на деле простого и несомненного, но ими забытого положения, что значение человека, а следовательно, и человеческого общества не определяется по существу экономическими отношениями, что человек не есть прежде всего производитель материальных полезностей или рыночных ценностей, а нечто гораздо более важное, а что, следовательно, и общество также есть нечто большее, чем хозяйственный союз».

На протяжении 70 лет в нашей стране существовал социализм. В 1991 году его не стало. Многие философы, социологи и историки говорят, что это произошло по причине того, что социализм не совершенствовался.

ся, что породило застой в советском обществе. Нельзя не признать, что попытки совершенствования были многочисленны. В 1930-е годы в стране проводилась индустриализация. Это время называют «советским экономическим чудом». Да, это было чудо. Но чудо это объясняется очень просто: общество вышло за пределы узко понимаемых экономических интересов, индустриализация имела над экономическую цель – обеспечение национальной безопасности, подготовка к отражению врага в будущей неизбежной войне.

А вот реформы Н. Хрущева, А. Косыгина и более поздних руководителей замыкались на целях исключительно материального порядка. Особенно это стало очевидным после XXII съезда КПСС, на котором было объявлено о цели построения коммунизма в СССР к 1980 году. Это был амбициозный проект построения, образно выражаясь, «гигантской кормушки». Других реальных целей не было, лишь некоторые дежурные лозунги о совершенствовании человека, но реально мы наблюдали деградацию человеческой личности. Не помог даже «Моральный кодекс строителя коммунизма», который коммунисты вынуждены были составить на основе заповедей Священного Писания. Щиты с текстами «Морального кодекса...» развешивали по всей стране, но при этом гонений на Православную Церковь власти не ослабляли. Происходило постепенное разрушение духовно-нравственного фундамента советского общества (фундамента, на котором зиждилось очень мощное внешне здание советской экономики). Никакой «коммунистической кормушки», естественно, не получилось, этот «идеал» не мог разбудить творческий потенциал человека, он лишь разжигал в человеке страсть потребительства (страсть эта не зависела от наличия или отсутствия товаров на полках магазинов). Взоры

homo sovieticus стали все чаще обращаться в сторону «капиталистической кормушки». Проекты обеих «кормушек» зиждятся на основе одного и того же мировоззрения «экономического материализма», но западная «кормушка» выглядела привлекательнее.

Три основных принципа нравственности – ключ к совершенствованию социальной жизни

Соловьев на протяжении своей объемной книги не раз формулирует триединое нравственное начало, которое присутствует в человеческом мире и объясняет его. В данной главе Соловьев еще раз напоминает три основных принципа нравственности: 1) принцип аскетизма (регулятор отношений человека и природы); 2) принцип альтруизма (регулятор отношений между людьми); 3) принцип добровольного подчинения воли человека требованиям высшего начала Бога (регулятор отношений между человеком и Богом).

Знание этих принципов важно для понимания того, как можно совершенствовать социальную жизнь.

«Для истинного решения так называемого “социального вопроса” прежде всего следует признать, что норма экономических отношений заключается не в них самих, а что они подлежат общей нравственной норме, как особая область ее приложения. Триединое нравственное начало, определяющее наше должное положение относительно Бога, людей и материальной природы, находит свое всецелое и нераздельное применение в области экономической, причем по особому свойству этой области получает особое значение последний член нравственного триединства – отношение к материальной природе или к *земле* (в широком смысле этого слова). Нравственный характер это третье отношение может иметь только тогда,

когда оно не обособляется от двух первых, а обуславливается ими в их нормальном положении».

По мнению Соловьева, необходимость труда христианам следует воспринимать прежде всего не как некую природную, почти физиологическую, а как заповедь Божию. А исполнение заповеди трудиться – это уже нравственный вопрос, а не физиологический или экономический:

«Область экономических отношений по содержанию своему исчерпывается общими понятиями *производства* (труда и капитала), *распределения* собственности и *обмена* ценностей. Разберем эти основные понятия с точки зрения нравственной, начиная с самого основного из них – понятия *труда*. Мы знаем, что первый толчок к труду дается материальной необходимостью, но для человека, признающего над собою безусловно совершенное начало действительности, или волю Божию, всякая необходимость есть выражение этой воли. С этой стороны труд есть *заповедь* Божия. Эта заповедь требует, чтобы мы с усилием (в поте лица) возделывали землю, то есть обрабатывали материальную природу. Для кого? Во-первых, для себя и для своих ближних. Этот ответ, ясный на самых элементарных ступенях нравственного состояния, конечно, сохраняет свою силу и при дальнейшем развитии, причем только понятие “ближних” расширяется в своем объеме. Первоначально мои ближние – только те, с которыми я связан кровным родством или личным чувством, а под конец – это все».

Фредерик Бастиа как идеолог экономического индивидуализма и либерализма

Особое внимание в своей работе Соловьев уделяет французскому экономисту Фредерику Бастиа (1801–

1850). Это один из наиболее последовательных идеологов экономического индивидуализма и либерализма¹. Соловьев подвергает критике представление о том, что последовательная реализация эгоистического интереса каждого индивидуума не ущемляет эгоистических интересов других индивидуумов. Более того, способствует более полной реализации эгоистических интересов всех членов общества. Кстати, Бастиа – один из первых идеологов плодотворности сосуществования труда и капитала. В частности, он считал, что увеличение накопления капитала неизбежно ведет к росту благосостояния наемных работников; здесь он занимал позицию, диаметрально противоположную точке зрения Карла Маркса, который был современником французского экономиста. В рассуждениях Бастиа нравственность уже не только лишняя, она может вредить общему благу. Есть большие сомнения, что идеи Бастиа улучшили материальное благополучие людей, а вот развращающее их действие на человеческие души очевидно. Бастиа фактически сводит роль человека в экономике к автомату или животному, действующему бессознательно, ориентированному лишь на удовлетворение своих физиологических потребностей. Это уже прототип *homo economicus*. Владимир Соловьев пишет:

«Самый талантливый из представителей экономического индивидуализма – Бастиа, защищая принцип “каждый для себя”, отделяется от упрека в эгоизме

¹ Ф. Бастиа известен как сторонник свободной торговли и свободного предпринимательства, автор тезиса о взаимовыгодном сосуществовании труда и капитала. Бастиа полагал, что свобода предпринимательства – важнейшее условие социальной гармонии. Одновременно выступал против вмешательства государства в сферу частных капитальных вложений, т. к. полагал, что это искажает волю потребителей и приводит к неэффективному экономическому развитию. Бастиа – предшественник Австрийской экономической школы.

указанием на ту экономическую гармонию, в силу которой каждый, заботясь только о себе (и о своих), невольно, по самой природе общественных отношений, работает и на пользу всех, так что личный интерес на деле гармонирует с общим. Но это, во всяком случае, была бы лишь та натуральная гармония, по которой, например, известные насекомые, думая только о сладкой пище для себя, невольно способствуют оплодотворению растений, перенося их пыльцу куда следует. Такая гармония свидетельствует, конечно, о премудрости Творца, но не делает из насекомых нравственных существ. Человек же *есть* нравственное существо, а потому натуральная солидарность для него недостаточна: он должен не только трудиться для всех, участвовать в общем деле, но еще *знать* и *хотеть* такого участия. Кто отказывается признать эту истину в принципе, тот почувствует ее фактическую силу в финансовых крахах и хозяйственных кризисах. Ведь и виновники и жертвы этих аномалий именно такие люди, которые трудятся для себя, – отчего же естественная гармония не согласовала их интересов и не упрочила их благосостояния? Значит, для того чтобы всякий, трудящийся для себя, трудился вместе с тем и для всех, недостаточно естественной связи экономических отношений, а нужно *сознательное направление их к общему благу*».

Соловьев подчеркивает, что труд в условиях строя экономического материализма уже воспринимается исключительно как средство удовлетворения материальных и вообще экономических потребностей, а не как исполнение заповеди Бога. А если есть возможность удовлетворять эти потребности, не прибегая к труду, то «экономический человек» без колебаний прибегнет к такому средству. Пусть это будет разбой, пусть это будет нещадная эксплуатация рабов или наемных ра-

ботников, пусть это будет обман на финансовом рынке, пусть это будет торговля наркотиками и т. п. Иногда, правда, люди вспоминают о правде, справедливости и нравственности, но лишь тогда, когда ситуация в обществе становится взрывоопасной. А лучше бы о них вспоминать в начале пути, а не тогда, когда общество оказывается над обрывом:

«Выставляя своекорыстие или личный интерес как основное побуждение труда – значит отнимать у самого труда значение всеобщей заповеди, делать его чем-то случайным. Если я тружусь только для благосостояния своего и своих, то, раз я имею возможность достигать этого благосостояния помимо труда, я тем самым теряю единственное (с этой точки зрения) побуждение к труду. А если бы оказалось, что целый класс или группа людей могут благоденствовать посредством хищений, обманов, эксплуатации чужого труда, то что же этому можно было бы противопоставить принципиально с точки зрения свободного своекорыстия? Естественную гармонию, которая упразднит такие злоупотребления? Но где же была эта естественная гармония в долгие века рабства, феодализма, крепостного права? Или, может быть, кровопролитные междоусобия, упразднившие феодализм в Европе и рабство в Америке, были именно выражением, только немного запоздалым, естественной гармонии? Но, в таком случае, не видно, чем же эта гармония отличается от дисгармонии и чем свобода гильотины лучше стеснений государственного социализма. – Если же естественная гармония, понимаемая в серьезном смысле, оказывается недостаточною против экономических злоупотреблений свободного своекорыстия со стороны лиц и классов и приходится прибегнуть к ограничениям этой свободы во имя высшей правды, то позволительно ли и благородно ли вспоминать о правде только в

крайнем случае, ставить ее в конце, а не в начале общественного устройства? Не только непозволительно и неблагородно, но и бесполезно. Ибо такая нравственность *ex machina* никакой внушительной и пленительной силы не имеет, никто ей не поверит, никого она ни от чего не удержит, и останется одно только голое принуждение – сегодня в одну сторону, завтра в другую».

Соловьев объясняет читателю, что экономический индивидуализм и либерализм неизбежно порождают не социальную гармонию и эффективное развитие, а анархизм. Потому что анархизм отрицает потребность человека в труде, зато питается страстями к немедленным приобретениям и удовольствиям. А эти страсти, в свою очередь, питают зависть, толкающую человека на экспроприации и другие преступления:

«Принцип индивидуалистической свободы интересов, когда усвоется сильными, не заставляет их сильнее трудиться, а порождает древнее рабовладельчество, средневековое господское право и современное экономическое кулачество, или плутократию. Усвоенный слабыми, которые, однако, сильны как большинство, как масса, этот принцип свободного своекорыстия не заставляет их дружнее работать, а создает только почву завистливого недовольства, на которой затем вырастают бомбы анархистов».

В работе Соловьева мы находим очень едкий памфлет против идей экономического либерализма Фредерика Бастиа. Он представляет собой воображаемый разговор Бастиа с анархистом. Француз проповедовал невмешательство государства в экономическую жизнь, самодостаточность рынка. Мол, рынку не нужны никакие моральные нормы. По Бастиа, в рыночной экономике действует принцип «Чем хуже, тем лучше»: «хуже» – то, что видно; «лучше» – то, что не видно, но

будет в будущем. Через кризисы и катаклизмы рынок, мол, формирует необходимые пропорции и преодолевает временные противоречия, продвигая общество к «светлому будущему». В результате начинается хаос, на арену выходят нигилисты и анархисты с бомбами. Как все это наглядно видно на опыте XX века, когда в результате практического претворения в жизнь идей экономического либерализма человечеству пришлось пройти через две мировые войны, экономический кризис 1929–1933 годов и бесконечное число других экономических и финансовых кризисов. Последний из них – мировой финансовый кризис 2007–2009 годов. Сейчас человечество находится на пороге второй волны мирового финансового кризиса.

Ниже приводится заключительная часть воображаемого разговора Бастиа с анархистом:

«Бастиа. Я боролся только против государственного вмешательства в экономическую жизнь и против искусственных организаций труда, выдумываемых социалистами.

Анархист. Нам нет дела до социалистов; если они фантазируют, тем хуже для них. Мы не фантазируем. Мы восстаем против одной только организации, – против той, которая действительно существует и называется общественным порядком. Эти города и фабрики, биржи и академии, администрация, полиция, войско, Церковь – разве все это из земли выросло, разве это не произведения искусственной организации? Значит, по-вашему же, все это есть зло и должно быть уничтожено...

Бастиа. Если бы и так, то, во всяком случае, не путем насилий и бедствий!

Анархист. Что такое бедствие? Вы же прекрасно объяснили, что из кажущихся бедствий выходит действительное общее благо, вы во всех случаях так остро-

умно различали между тем неважным, *что видно*, и тем важным, *чего не видеть*. В настоящем случае то, что видно – это летящие коробки от сардинок, разрушенные здания, изуродованные трупы, – это видно, но не важно; а то, чего не видно и что есть единственно важное, – это будущее человечество, в котором не будет уже никакого “вмешательства” и никакой “организации” – за истреблением тех лиц, учреждений и классов, которые могли бы вмешиваться и организовать. Вы проповедовали принцип анархии, мы произведем анархию на деле...

Бастиа. Жандарм, жандарм! Хватайте его скорее, пока он нас с вами не взорвал. Что же вы? О чем вы размышляете?

Жандарм. Я размышляю вот о чем. С точки зрения свободного индивидуального интереса – на которую я тоже стал, прочтя ваши красноречивые доводы, – что для меня выгоднее: взять ли этого молодца за шиворот или же поскорее вступить с ним в естественную гармонию интересов?».

Парадокс экономического целеполагания

Парадокс состоит в том, что когда общество в качестве высших ориентиров ставит экономические цели, то получается не улучшение жизни, а, наоборот, усиление раздоров, конфликты, порой перерастающие в гражданские и межгосударственные войны. Далеко за примерами ходить не надо. СССР провел в 1929–1941 годах индустриализацию, построив за две с половиной пятилетки 9600 предприятий и выйдя в мире по большинству экономических показателей на второе место. Это было самое настоящее экономическое чудо. Секрет этого чуда заключается в том, что в Советском Союзе были озвучена общенациональная цель надэко-

номического характера – укрепление обороны и подготовка страны к отражению военной агрессии со стороны фашистской Германии и ее союзников. Другой пример, также из недавней истории нашей страны. На XXII съезде КПСС в 1961 году была принята программа строительства коммунизма к 1980 году. Программа предусматривала почти исключительно экономические цели – создание материально-технической базы коммунизма и переход к принципу «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Под советское общество была заложена мина замедленного действия. Началось разложение общества, поскольку каждый член этого общества начал тянуть одеяло на себя. Каждый хотел перейти к светлому будущему, не дожидаясь 1980 года. В обществе появились такие явления, как коррупция, протекционизм, «позвоночное право», «цеховики», «барыги», «фарцовщики» и т.п. В СССР не только не был построен вожденный коммунизм, но в 1991 году под давлением обострившихся в условиях душающей атмосферы экономического материализма противоречий Советский Союз рухнул.

Еще праведный Иоанн Кронштадский, который жил в то же время, что и Соловьев, говорил, что у нас нарождается партия «бытоулучшателей», которая может погубить Россию. 1917 год – наглядный результат многолетней подрывной деятельности партии «бытоулучшателей» на Руси.

О смысле и условиях труда

Соловьев писал о соотношении частных и общественных интересов:

«Вопреки мнимой экономической гармонии очевидность заставляет признать, что, исходя из частного, ма-

териального интереса как цели труда, мы приходим не к общему благу, а только к общему раздору и разрушению. Напротив, идея общего блага в истинном, нравственном смысле, то есть блага всех и каждого, а не большинства только, – идея такого блага, поставленного как принцип и цель труда, заключает в себе и удовлетворение всякого частного интереса в его должных пределах».

Труд может человека совершенствовать, но также может делать его звероподобным. Бывает, конечно, внешнее принудительное отягощение человека работой, трудом. Речь идет о разных формах и степенях рабства. Но человек может стать добровольным заложником своих экономических устремлений. Человек, лишенный духовных потребностей и целей, может стать трудоголиком. Труд может быть тяжелой обязанностью (тяглом), может быть естественной потребностью, может приобрести форму нездоровой страсти. При извращенном отношении человека к труду, по мнению Соловьева, может наблюдаться не совершенствование этого человека, а его одичание:

«Обыкновенный человек, на многие годы оставленный на необитаемом острове или в абсолютно одиночном заключении, не только лишен возможности улучшаться умственно и нравственно, но обнаруживает, как известно, быстрый прогресс в направлении к явному звероподобию. Так же, в сущности, и человек, всецело поглощенный материальной работой, если не впадает в полное одичание, то, во всяком случае, не может уже думать о деятельном осуществлении своего высшего человеческого значения. Итак, с нравственной точки зрения требуется, чтобы всякий человек имел не только обеспеченные средства к существованию (то есть пищу, одежду и жилище с теплом и воздухом) и достаточный физический *отдых*, но чтобы он мог также пользо-

ся и *досугом* для своего духовного совершенствования. Это и *только это* требуется *безусловно* для всякого крестьянина и рабочего, *лишнее же от лукавого*».

В условиях «экономического материализма» высшей целью становится производство и потребление материальных благ. А об удовлетворении духовно-культурных потребностей общество нимало не заботится. Почему бы не сократить рабочий день и не увеличить работнику время досуга, которое он использует для своего культурного совершенствования? Оппоненты скажут: нельзя, мол, сократится производство. А кто сказал, что объем производства является высшей целью? Сегодня, когда идеология экономического роста стала своего рода религией, мало кто задается таким вопросом.

Более того, повышение эксплуатации одних работников приводит к тому, что растет армия безработных. Неужели нельзя более равномерно распределить время среди всех работников? Тогда и время для досуга появится. Появится социальная гармония в обществе и более гармоничным будет каждый отдельно взятый человек:

«Противники нравственного улучшения социально-экономических отношений утверждают, что, так как для доставления рабочим сверх обеспеченного материального существования еще досуга для возможного обеспечения их умственного и нравственного развития требуется, не понижая заработной платы, сократить число рабочих часов, то это приведет и к сокращению производства, то есть к экономическому упадку или регрессу. Допустим *пока*, что сокращение рабочих часов при той же заработной плате действительно ведет неизбежно к сокращению производства. Но почему *временное (однократное)* сокращение производства есть непременно упадок или регресс? Ведь после приведения рабочего времени к известной норме положительные причины,

обуславливающие увеличение производства, каковы: технические усовершенствования, пространственное сближение областей и стран вследствие новых путей сообщения и бытовое сближение различных классов – все эти причины, вполне или отчасти независимые от заработной платы и рабочего времени, будут продолжать свое действие, и общее количество производства опять начнет возрастать; даже и в то время, когда это возрастание еще не достигнет прежнего уровня, производство предметов жизненной необходимости для отдельных людей и для государства, очевидно, не сократится, и все сокращение падет только на предметы роскоши. Но какая же грозит беда обществу от того, что золотые часы, атласные юбки и бархатные стулья будут вдвое или хотя бы втрое дороже? Но, скажут, уменьшение рабочего времени при той же плате есть прямой убыток для предпринимателей. Без убытков для кого-нибудь нельзя вообще ничего сделать, но можно ли считать бедствием и обидой то обстоятельство, что некоторые капиталисты-фабриканты вместо миллиона будут получать полмиллиона, вместо ста тысяч – пятьдесят? Разве этот, без сомнения, необходимый и важный общественный класс непременно должен состоять из людей скупых, жадных и своекорыстных? Я знаю капиталистов, совершенно свободных от такого порока, а те, которые ему подвержены, имеют право на то, чтобы общество их пожалело и не потворствовало такому ненормальному и опасному состоянию их душ».

Задача состоит не в том, чтобы всех уравнивать имущественно, создать «уравниловку», а в том, чтобы обеспечить жизненно необходимый минимум благ всем членам общества. При таком условии допустимо, если какие-то граждане будут иметь имущество, даже многократно превышающее этот минимум:

«Ходячие социалистические декламации против богатых, внушаемые низменной завистью, противны до тошноты, требования уравнивания имуществ неосновательны до нелепости. Но одно дело – нападать на частное богатство как на какое-то зло само по себе, и другое дело – требовать, чтобы это богатство, как благо относительное, было согласовано с общим благом в смысле безусловного нравственного начала; одно дело – стремиться к невозможному и ненужному уравниванию имуществ, а другое дело – при сохранении имущественного превосходства за тем, кто его имеет, признавать за всеми право на необходимые средства для достойного человеческого существования».

Соловьев совершенно правильно замечает, что изменение социальных условий труда, улучшение нравственной атмосферы в обществе может стать важным двигателем повышения производительности труда. Свободный труд по определению более производителен. Свободный труд – такой труд, который не является подневольным, имеет осознанные надэкономические цели, содержит элементы творчества. При увеличении доли свободного труда будет расти и объем производства. Гармонично будут удовлетворяться потребности в материальных благах, труде как потребности творчества и досуге, необходимым для культурного развития личности:

«Помимо неверных заключений, которые выводятся противниками нравственного упорядочения хозяйственных отношений из их основного утверждения, правы ли они в самом этом утверждении, то есть нормирование рабочего времени и заработной платы непременно ли сокращает на некоторое время данное производство (хотя бы предметов роскоши) и причиняет соответствующий убыток фабрикантам? Это было бы так, если бы количество (не говоря уже о качестве) про-

изводства зависело всецело от числа часов, на него потраченных. Но какой же мыслящий и добросовестный политикоэконом решится серьезно утверждать такую чудовищную нелепость? Легко понять, что истощенный, отупелый и ожесточенный от непосильного труда работник может произвести в 16 часов меньше, чем тот же работник произведет в 8 часов, если он будет работать бодро, усердно, с сознанием своего человеческого достоинства и с уверенностью в своей нравственной солидарной связи с обществом или государством, которое не эксплуатирует его, а заботится о нем. Таким образом, нравственное упорядочение экономических отношений было бы вместе с тем и экономическим прогрессом).

Соловьев вводит понятие «нравственной экономики». Переход от капиталистического производства, истощающего и отупляющего человека, к «нравственной экономике» был бы действительным экономическим прогрессом.

Об условиях нравственной экономики

Соловьев формулирует три условия нравственной экономики:

1) Экономические цели не могут быть высшими. Это условие (требование) религиозного порядка. Нельзя ставить мамону выше Бога.

2) Нельзя человека делать просто орудием производства и лишать его средств к существованию. Это требования человеколюбия. Человека нельзя ставить ниже вещей, ради которых организована хозяйственная деятельность.

3) Обязанность бережного отношения к природе.

Соловьев особенно подробно останавливается на третьем условии:

«Мы уже знаем два условия, при которых общественные отношения в области материального труда станут нравственными. Первое, общее условие состоит в том, чтобы область экономической деятельности не обособлялась и не утверждалась как самостоятельная, себедовлеющая. Второе условие, более специальное, состоит в том, чтобы производство совершалось не на счет человеческого достоинства производителей, чтобы ни один из них не становился только орудием производства, чтобы каждому были обеспечены материальные средства к достойному существованию и развитию. Первое требование имеет характер религиозный: не ставить мамону на место Бога, не признавать вещественное богатство самостоятельным благом и окончательной целью человеческой деятельности, хотя бы в сфере хозяйственной; второе есть требование человеколюбия: жалеть труждающихся и обремененных и не ценить их ниже бездушных вещей. К этим двум присоединяется необходимо еще третье условие, на которое, насколько мне известно, еще никто не обращал серьезного внимания в этом порядке идей. Разумею обязанности человека как хозяйственного деятеля относительно той самой материальной природы, которую он призван в этой сфере обрабатывать. Эта обязанность прямо указана в заповеди труда: возделывать землю. Возделывать землю – не значит злоупотреблять ею, истощать и разрушать ее, а значит улучшать ее, вводить ее в большую силу и полноту бытия. Итак, не только наши ближние, но и материальная природа не должна быть лишь страдательным и безразличным орудием экономического производства или эксплуатации. Она не есть сама по себе, или отдельно взятая, цель нашей деятельности, но она входит как особый, самостоятельный член в эту цель. Ее подчиненное положение относительно Божества и челове-

ства не делает ее бесправной: она имеет право на нашу помощь для ее преобразования и возвышения. Вещи не имеют прав, но природа или земля не есть только вещь, она есть овеществленная сущность, которой мы можем, а потому и должны способствовать в ее одухотворении. Цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добывания вещей и денег, а совершенствование ее самой – оживление в ней мертвого, одухотворение вещественного. *Способы* этой деятельности не могут быть здесь указаны, они составляют задачу *искусства* (в широком смысле греческой τέχνη). Но прежде всего важно отношение к самому предмету, внутреннее настроение и вытекающее из него направление деятельности. *Без любви к природе для нее самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни*».

Соловьев, как видно из приведенного выше отрывка, один из первых среди русских мыслителей поставил задачу выработки бережного отношения человека к природе в процессе хозяйственной деятельности.

Соловьев обращает внимание на то, что политическая экономия крайне абстрактно рассматривает вопрос потребностей. Между тем объем и структура потребностей напрямую зависят от нравственного состояния человека и общества.

«Потребности могут возрастать и осложняться до бесконечности; кроме того, и потребности, и способности могут быть разного достоинства, наконец, силы природы *могут* быть употребляемы в самых различных направлениях. Все это вызывает практические вопросы, на которые политическая экономия сама по себе, как наука, ограниченная материальной и фактической стороною дела, не может дать никакого ответа. Многие

люди имеют *потребность* в порнографии; должна ли эта потребность удовлетворяться производством непристойных книг, картин, безнравственных зрелищ? Иные потребности, а равно и способности имеют явно извращенный характер; так, у многих известные положительные качества ума и воли вырождаются в особую способность к ловкому устройству мошеннических афер на легальной почве; следует ли допускать свободное развитие этой способности и образование из нее особой профессии или отрасли труда? На подобные вопросы политическая экономия, как такая, очевидно, ничего не может отвечать, это ее вовсе не касается; однако это прямо касается признанных интересов общества, которое и здесь не может ограничиться одною материальною и фактическою стороною явлений, а должно подчинить их высшей причинности, различая между нормальными и ненормальными потребностями и способностями, между нормальным и ненормальным употреблением сил природы».

Соловьев дает определение того, что есть нравственный труд. Политическая экономия сама по себе не задается таким вопросом. Она изучает «абстрактный» труд, создающий «абстрактную» стоимость.

«А с точки зрения нравственной *труд есть взаимодействие людей в области материальной, которое в согласии с нравственными требованиями должно обеспечивать всем и каждому необходимые средства к достойному существованию и всестороннему совершенствованию, а в окончательном своем назначении должно преобразовать и одухотворить материальную природу. Такова сущность труда со стороны его высшей причинности, формальной и конечной, без которых две низшие остаются практически неопределенными*».

О происхождении капитала, праве собственности и праве наследования

Соловьев рассуждает на тему того, что есть капитал и насколько человек имеет право владеть капиталом:

«...Для отдельных лиц является возможность сбережения или накопления материальных средств, то есть образование *капитала*. Видимой, реальной связи между капиталом и человеком, его накопившим, конечно, еще меньше, нежели между рабочим и той вещью, над которой он работал, но тесная и всецелая идеальная связь здесь очевидна: капитал, как такой, по общему существу своему (а не по обстоятельствам своего происхождения в единичных случаях) есть чистое произведение человеческой воли, ибо первоначально от нее зависело отложить часть заработка или же употребить и эту долю на текущие потребности. Поэтому капитал по справедливости должен быть признан собственностью по преимуществу».

Спорный тезис Соловьева насчет того, что «капитал по справедливости должен быть признан собственностью по преимуществу». Соловьев понимает капитал как избыток, который остается у человека после потребления благ. Это достаточно наивный взгляд на природу капитала, который Соловьев, вероятно, позаимствовал из западных учебников, рассказывающих об аскетизме, самоограничении первых капиталистов. На самом деле на заре капитализма имело место так называемое первоначальное накопление капитала, о котором, кстати, очень неплохо рассказал Карл Маркс в «Капитале». Это колониальные захваты, насильственное завладение землей («огораживания»), торговля рабами, пиратство, экспроприации церковной собственности и т. п. Все эти случаи «первоначального накопления капита-

ла» связаны с грабежами, убийствами, насилием. Как шутили капиталисты XIX века, они готовы отчитаться за каждый доллар (фунт стерлингов, марку, франк) своего капитала, только просят не спрашивать их, как был заработан первый миллион. Дальше действительно все проще, поскольку в действие вступает механизм капиталистического накопления, описанный все тем же Марксом в «Капитале». Этот механизм основывается на эксплуатации чужого труда, получении так называемой прибавочной стоимости. Итак, законность происхождения капитала сомнительна. Как с юридической, так и с нравственной точки зрения.

Особый интерес вызывает у Соловьева вопрос наследования. Насколько с юридической и нравственной точки зрения институт наследования имущества оправдан? Соловьев рассуждает на эту тему:

«Социализм признает таким злоупотреблением всякую передачу заработанного имущества другому лицу по наследству или по завещанию. Эта передача экономических преимуществ тем, кто их лично не заслужил, выставляется как главная неправда и источник всех социальных бедствий. Но если преемственная собственность и имеет действительные неудобства, то они исчезают перед положительной стороной этого учреждения, необходимо вытекающего из самой природы человека. Непрерывная цепь прогресса в человечестве держится сознательною преемственностью ее звеньев. Пока еще только создается будущее всецелое единство, самый прогресс его создания требует взаимной нравственной связи поколений, в силу которой одно не только следует за другим, но и *наследует* ему. Без намеренной и добровольной передачи нажитого будет только физическая смена поколений, повторяющих прежнюю жизнь, как у животных. Всего важнее, конеч-

но, непрерывное умножение духовного наследия, но так как лишь немногим людям суждено завещать всемирному потомству прочные духовные приобретения – а нравственные требования одинаковы для всех, – то за большинством людей остается право и обязанность заботы о материальном улучшении жизненных условий для своих личных преемников. Кто прямо отдается всемирной будущности и уже предваряет ее идеально, тот вправе ссылаться на евангельскую беззаботность. Для подражания лилиям нужно иметь их чистоту, и для подражания птицам небесным нужно иметь высоту их полета. А при недостатке того или другого житейская беззаботность может уподобить нас не лилиям и птицам небесным, а разве лишь тому животному, которое в своей беззаботности о будущем не только подкапывает корни благодетельного дуба, но при случае вместо жуликов пожирает и свои собственные порождения».

Как видим, Соловьев выступает в защиту института наследования собственности. Здесь он является оппонентом сторонников социализма, которые последовательно проводят принцип исключительно трудового происхождения доходов.

Соловьев считает, что социалисты плохо учитывают человеческую природу, их внешнее морализаторство может привести к тому, что они не поднимут общество до ангельского уровня, а опустят его до скотского состояния.

«Когда ставится вопрос об учреждении не безнравственном, имеющем идеальные основания, хотя соответствующем лишь среднему нравственному уровню, непозволительно серьезному моралисту забывать ту несомненную истину, что для общества гораздо труднее подняться над этим уровнем, нежели спуститься ниже его. Если бы социализм и сродные ему учения даже име-

ли в виду сделать всякого человека ангелом, то это все равно им не удалось бы, а между тем привести людскую массу в скотское состояние вовсе не трудно. Отрицать во имя безусловного нравственного идеала необходимые общественные условия нравственного прогресса – значит, во-первых, вопреки логике смешивать абсолютное и вечное достоинство *осуществляемого* с относительным достоинством степеней осуществления как временного процесса; во-вторых, это означает несерьезное отношение к абсолютному идеалу, который без действительных условий своего осуществления сводится для человека к пустословию; и, в-третьих, наконец, эта мнимонравственная прямолинейность и непримиримость изобличает отсутствие самого основного и элементарного нравственного побуждения – *жалости*, и именно жалости к тем, кто ее более всего требует, – к малым сим. Проповедь абсолютной морали с отрицанием всех морализующих учреждений, возложение бремени неудобноносимых на слабые и беспомощные плечи среднего человечества – *это есть дело и нелогичное, и несерьезное, и безнравственное*».

Проявление экономической нравственности: отношение к земле

Соловьев очень большое внимание уделяет праву собственности на землю. Но это право должен иметь только тот, кто действительно относится к земле бережно, с любовью. Он получает также право передавать землю по наследству. Хищническое отношение к земле – основание для того, чтобы лишать хозяина собственности на участок. Соловьев говорит об одухотворении материальной природы как признаке и условии нравственной экономики.

«Наследственная собственность есть пребывающая реализация нравственного взаимоотношения в самой тесной, но зато и в самой коренной общественной сфере – семейной. Наследственное состояние есть, с одной стороны, воплощение переживающей, чрез могильной жалости родителей к детям, а с другой стороны, реальная точка опоры для благочестивой памяти об отшедших родителях. Но с этим, по крайней мере в важнейшем отделе собственности – земельной, связан и третий нравственный момент: в отношении человека к внешней природе, то есть земле. Для большинства человечества это отношение может стать нравственным только под условием наследственной земельной собственности. Понимать земную природу и любить ее для нее самой дано немногим; но всякий, естественно, привязывается к своему родному уголку земли, к родным могилам и колыбелям; это есть связь нравственная и притом распространяющая человеческую солидарность на материальную природу и этим полагающая начало ее одухотворению. Здесь заключается не только оправдание существующей наследственной собственности (недвижимой), но и основание для ее дальнейшего нравственного упорядочения. Недостаточно признать в этой собственности очевидно присущее ей идеальное свойство, но необходимо укрепить и воспитать это свойство, ограждая его от слишком естественного в данном состоянии человечества перевеса низменных, своекорыстных побуждений. Должны быть положены решительные препятствия обращению с землею как с безразличным орудием хищнической эксплуатации, и должна быть установлена в принципе неотчуждаемость наследственных земельных участков, достаточных для поддержания в каждом нравственного отношения к земле».

Земля – ограниченный ресурс. При постоянном демографическом росте на всех ее не хватит. Как можно раздавать такой редкий ресурс направо и налево, да еще и легализовав право наследования на земельные участки? – Соловьев объясняет:

«Но, скажут, откуда при непрерывно возрастающем народонаселении взять столько земли, чтобы не только за каждым имеющим можно было сохранить (хотя бы отчасти) то, что он имеет, но еще осталось что дать и не имеющим? Это возражение при всей своей кажущейся серьезности на самом деле или недостаточно обдуманно, или не совсем добросовестно. Предлагать обеспечение за всеми и каждым неотчуждаемых земельных участков, как безусловную, отдельную и самостоятельную меру, было бы, конечно, большою нелепостью. Эта мера может и должна быть принята лишь в связи с другим преобразованием – прекращением того хищнического хозяйства, при котором земли не только на всех, но, наконец, и ни на кого не хватит. А при установлении нравственного отношения к земле, при действительном за нею *ухаживании*, как за любимым существом, минимальный размер участка, достаточного для каждого человека, может сократиться до такого предела, что без обиды для имущих хватит земли и для всех неимущих».

Экономика представляет собой обмен товарами, это Соловьеву напоминает обмен веществ в живом организме. Он пишет далее:

«Как жизнь физиологическая невозможна без обмена веществ, так жизнь общественная невозможна без обмена вещей (и знаков, их представляющих)».

Под вещами Соловьев понимает товары, а под знаками, их представляющими, – деньги. Соловьев здесь формулирует важную мысль: деньги – не товар, а именно знаки. Между прочим, работа «Оправдание добра»

вышла в свет в 1897 году – в том же самом году, когда в России был введен золотой рубль. Золотые деньги – не знаки, а товар. Против товарных (золотых) денег выступали такие русские мыслители и общественные деятели, как С. Шарапов, А. Нечволодов, Г. Бутми и другие. Они как раз считали, что товарный обмен должны обслуживать денежные знаки. Соловьев не был экономистом, о тонкостях устройства денежных систем он, конечно же, имел представления весьма смутные. Но интуитивно совершенно правильно уловил, какие деньги нужны экономике.

Об одушевлении природы, «религиозном материализме» и «еврейском вопросе»

Еще раз напомним, что в схеме Соловьева в сферу этических норм попадают отношения между человеком и природой. Эта в высшей степени оригинальная концепция зиждется на понимании природы не как чисто материального объекта хозяйственной деятельности человека, а как одухотворенного (одушевленного) субъекта. В равной степени это касается не только живой (органической) природы, но также того, что В. И. Вернадский называл «костной» материей (неорганическая природа). Это чисто пантеистическое понимание мира Соловьевым, восходящее к Баруху Спинозе, порождало далеко идущие выводы в его учении о всемирной теократии. В «Оправдании зла» об этом напрямую не говорится. Вытекающие из одушевления природы выводы мы находим в пространной работе Соловьева «Еврейство и христианский вопрос» (1894).

Соловьев не отрицает ярко выраженный материализм в мировоззрении и миропонимании евреев. Однако он трактует этот материализм как своеобразное проявление

ние «духовности», поскольку никому лучше евреев, как доказывает Владимир Соловьев, не удалось сквозь материальную оболочку природы рассмотреть ее божественную сущность (евреи «видели в ее просветленной форме чистую и святую оболочку божественной сущности»). Никому лучше евреев не удалось придать своим отношениям с материей религиозный характер. Соловьев специально подчеркивает, что материализм евреев отличается от греко-римского научно-философского материализма. В работе «Еврейство и христианский вопрос» Соловьев называет его «религиозным материализмом»¹. Подобная «духовность», по мнению Соловьева, поможет евреям занять должное место в будущей мировой теократии. Причем место почетное. Вот заключительные строки работы «Еврейство и христианский вопрос», содержащие в концентрированном виде эти выводы:

«Еврейская личность утверждала себя первоначально в сфере божественной, потом в сфере рационально-человеческой и, наконец, сосредоточивается в сфере материальной человеческой жизни. Здесь окончательное выражение еврейской силы, и эта область останется за евреями и в христианской теократии. Но иной будет у нее характер, иная цель и иное отношение к предмету деятельности. В нынешнем безбожном и бесчеловечном строе нашей жизни и для евреев и для неевреев цель экономической деятельности есть только корысть: предметы материальной природы, хотя бы и живые, являются только орудием для удовлетворения слепых своекорыстных желаний.

¹ Отдельные интересные замечания, касающиеся «религиозного материализма» евреев, мы находим также в следующих работах Соловьева: «Новозаветный Израиль» (1885), «Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии» (1886), «Когда жили еврейские пророки» (1896), рецензии на книгу С. Я. Диминского «Евреи, их вероучение и нравоучение» (1891).

В теократии же цель экономической деятельности есть очеловечение материальной жизни и природы, устроенное ее человеческим разумом, одушевление ее человеческим чувством. Таким образом, эта природа, земля и то, что на ней – животные и растения, – входят уже в самую цель человеческого действия, а не употребляются как только его орудия: такое употребление есть злоупотребление. Когда своекорыстие не будет царить в общественных отношениях между людьми, оно перестанет господствовать и в отношениях человека к природе. И в теократии материальная природа будет служить человеку, и гораздо больше, чем теперь, но это служение будет основано на обоюдной любви. Природа с любовью подчинится человеку, и человек с любовью будет ухаживать за природой. И какой же народ более всех способен и призван к такому ухаживанию за материальной природой, как не евреи, которые изначально признавали за ней право на существование и, не покоряясь ее слепой силе, видели в ее просветленной форме чистую и святую оболочку божественной сущности? И как некогда цвет еврейства послужил восприимчивой средой для воплощения Божества, так грядущий Израиль послужит деятельным посредником для очеловечения материальной жизни и природы, для создания новой земли, идеже правда живет».

Подобные мысли Соловьева были осуждены православными богословами как яркое проявление ереси иудеохристианства. Позднее еретические идеи иудеохристианства Соловьева развивали о. Сергей Булгаков, о. Александр Мень и другие обновленцы и необновленцы.

В своих работах Соловьев неоднократно проводил мысль о том, что евреев незаслуженно обвиняют в меркантилизме и фанатичном поклонении «золотому тель-

цу». Соловьев не отрицает того, что «избранный народ» действительно достиг больших успехов в коммерции и денежных операциях. Но для «избранного народа» Израиля, как подчеркивает Соловьев, деньги не являлись и не являются конечной ценностью, они – средство достижения более высоких целей:

«Дело в том, что евреи привязаны к деньгам во все не ради одной их материальной пользы, а потому, что находят в них ныне главное орудие для торжества и славы Израиля, то есть, по их воззрению, для торжества дела Божия на земле...

Практический материализм в своей чистой форме весьма редко встречается между настоящими евреями; как уже замечено, даже их всесветное сребролюбие освящается высшею целью – обогащением и славою всего Израиля».

Тут, пожалуй, можно согласиться с Соловьевым. Только уточнить, что за словами «слава всего Израиля» скрывается цель установления мирового господства «избранным народом». А за словами «торжество дела Божия на земле» – приход антихриста в последние дни земной истории.

Фактически Соловьев признает, что «избранный народ» сильно преуспел в деле продвижения к мировой власти в XIX веке:

«...Иудейство не только пользуется терпимостью, но и успело занять господствующее положение в наиболее передовых нациях. Англия неоднократно управлялась евреем Дизраэли, да и в других странах финансы и бóльшая часть периодической печати находятся в руках евреев (прямо или косвенно)».

Трудно не согласиться с Соловьевым, что финансовое и политическое усиление иудейства – результат

ослабления христианства, оскудения веры, секуляризации Европы:

«Иудеи живут не нашей нравственной силой, а нравственной, или, лучше, безнравственной, слабостью».

В разных своих работах, в том числе и в «Оправдании добра», Соловьев подробно пишет о процессе ослабления христианства, его проявлениях и причинах. Что ж, его критика христианства очень жесткая и нелицеприятная. Особенно на фоне некоторых лубочных картинок христианской жизни в России, которые рисовали иные современники Владимира Сергеевича. Критика полезная.

Но вот рецепты Соловьева по преодолению «нравственной слабости» прямо-таки убийственны. Мало того, что «укрепление» христианства предлагается осуществлять путем объединения Восточной и Западной христианских церквей, причем под эгидой Римского престола. Такое «разбавленное» христианство надо к тому же, по мнению Соловьева, дополнительно усилить упомянутым выше еврейским «религиозным материализмом». Исполнение подобных рекомендаций, безусловно, внесло бы свой вклад в «славу всего Израиля» и приближение прихода антихриста. Между прочим, Соловьева сегодня почитают в еврейском мире как одного из «выдающихся мыслителей и общественных деятелей» XIX века¹.

О главных проявлениях зла в экономике

Соловьев предостерегает против того, чтобы объявить многие институты экономики (деньги, банки, торговлю) злом. Они не есть ни добро, ни зло. Все зависит

¹ См. статью «Соловьев Владимир» в «Электронной еврейской энциклопедии» (Интернет. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/13891>).

от того, в чьих руках они находятся, с какими целями используются.

«Эта важная область материально-человеческих отношений изучается в своей технике политической экономией, финансовым и торговым правом, нравственной же философии она подлежит лишь в том пункте, в котором *обмен* становится *обманом*. Оценивать эти экономические явления и отношения сами по себе, как это делают иные моралисты, утверждать, например, что деньги – зло, что торговля не должна существовать, что банки должны быть уничтожены и т. п., есть непростительное ребячество. Осуждаемые таким образом предметы, очевидно, безразличны в нравственном отношении или суть “вещи средние”, а становятся добром и злом лишь от качества и направления воли, их употребляющей. Если нужно отказаться от денег как от зла, потому что многие люди делают зло через деньги, то необходимо также отказаться и от дара членораздельной речи, так как многие пользуются ею для сквернословия, празднословия и лжесвидетельства; пришлось бы также отказаться от огня ради пожаров и от воды ради утопленников. Но на самом деле деньги, торговля и банки не суть зло, а становятся злом или, точнее, следствием зла уже существующего и причиною нового, когда вместо необходимого обмена служат корыстному обману».

В приведенном выше отрывке Соловьев говорит о возможности превращения *обмена* в *обман*. Судя по тону изложения, Соловьев рассматривает такое превращение лишь как возможность. Но в конце XIX века, когда писалась книга, это уже была закономерность. Если не сказать «железная закономерность». До перехода традиционного общества на рельсы капитализма в торговле преобладал эквивалентный обмен, пропорции обмена отдельными видами товаров оставались устой-

чивыми на протяжении веков. При капитализме эквивалентный обмен стал нарушаться. Правда, причиной этого был не только обман, но также фактор монополии. Быстрое укрепление на рынке немногих производителей и торговцев привело к образованию монополий, которые могли продажные цены завышать, а закупочные – занижать. Обман дополнялся откровенным насилием.

Цель неэквивалентного обмена, замешенного на обмане и силе, – прибыль. Слово «прибыль» – производное от «прибыток», «прирост», «прибавок». Прирост чего? – Капитала. Капитал – «раковая клетка» экономики. Он работает не на удовлетворение жизненно необходимых потребностей человека и общества, а на самовозрастание самого себя¹. Он начинает пожирать реальную экономику. Общество, в котором вся экономическая деятельность нацелена на прирост капитала, называется «капитализмом». Соловьев не использует этого термина, в его работе фигурируют другие слова – «экономический материализм», «плутократия», «современное экономическое кулачество» и т. п. Но по сути это капитализм, который воцарился и в России со времени восшествия на престол императора Александра II. К моменту написания «Оправдания добра» этому так называемому русскому капитализму было от силы четыре десятка лет. Это был еще очень молодой капитализм².

Некоторые уродливые чертылица (скорее – морды) этого капитализма Соловьев различал еще достаточно плохо. Тем не менее он сумел рассмотреть три «зловред-

¹ Самое короткое определение капитала в «Капитале» Маркса – «самовозрастающая стоимость».

² Подробнее об истории становления капитализма в России до революции см.: Катасонов В. Экономическая теория славянофилов и современная Россия. «Бумажный рубль» С. Шарапова. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

ных ствола» этого феномена – фальсификацию, спекуляцию и ростовщичество:

«Корень зла здесь, как и во всей экономической сфере, один и тот же: превращение материального интереса из служебного в господствующий, из зависимого в самостоятельный, из средства в цель. От этого ядовитого корня идут в области обмена три зловердных ствола: фальсификация, спекуляция и ростовщичество».

О трех «зловердных стволах» капиталистического «дерева» в XXI веке

Прошло более века после написания работы Соловьева. Три «зловердных ствола» «дерева», называемого «экономическим материализмом» («капитализмом») за это время неизменно окрепли.

С фальсификациями (первый «зловердный ствол») сегодня, в XXI веке, человек сталкивается на каждом шагу.

Во-первых, речь идет о *фальсификациях товаров и услуг*, что проявляется в несоответствии заявленного качества фактическому. Пример: изготовление и продажа лекарственных препаратов, содержание которых не соответствует тому, что написано в прилагаемых листовках. Результат – преждевременная смерть людей. Фальсификация при строительстве. Результат – обрушение зданий, нередко сопровождающееся гибелью людей. Фальсификация пищевых продуктов. Результат – болезни и опять же преждевременная смерть.

Во-вторых, сегодня появились такие фальсификации, которые во времена Соловьева не были еще массовым явлением. Речь идет о *финансовых фальсификациях*. Их проявления очень многообразны: ведение двойной и тройной бухгалтерии компаниями, искажение статисти-

ческих данных государственными ведомствами в угоду спекулянтам, жульничество рейтинговых агентств. В последние годы мы только и слышим о скандалах, связанных с тем, что ведущие банки занимаются манипуляциями процентными ставками по кредитам (ставки ЛИБОР и др.), ценами на золото (так называемый *лондонский золотой фиксинг*), валютными курсами и т. п. Расследуются истории выпуска банками Уолл-стрит необеспеченных ипотечных бумаг, что спровоцировало финансовый кризис 2007–2009 годов. Несмотря на то что компаниям и банкам выписываются многомиллиардные штрафы, фальсификации продолжаются, поскольку штрафы окупаются баснословными прибылями.

В-третьих, с фальсификациями современный человек соприкасается каждодневно, даже если в данный момент не выступает в качестве покупателя (продавца) или игрока на финансовых рынках. Он «питается» информацией (точнее – дезинформацией), поступающей из разных источников: телевидения, радио, наружной рекламы, интернета, газет и журналов, книг и т. п. В результате у человека формируется превратное представление об экономике и финансах, он превращается в идеальный объект для последующих манипуляций. Крайне опасной, разрушительной является фальсификация, организованная в системе образования. Под видом так называемого экономического образования в вузах происходит зомбирование студентов, превращение молодежи в *homoeconomicus*.

То, что Соловьев деликатно назвал фальсификациями, было бы точнее именовать жульничеством, махинациями, обманом. Обман – важнейшее средство воспроизводства капитала, условие существования общества, базирующегося на идеологии «экономического материализма» (читай – капитализма). Между прочим,

другими двумя столпами общества «экономического материализма» являются: 1) всеобщее культивирование в обществе духа потребительства и наживы; 2) сила (прямое принуждение). Иначе говоря, для торжества строя экономического материализма нужен человек, который отошел полностью от христианства, поражен тяжкими страстями сребролюбия, алчности, сластолюбия, перестал поклоняться Богу и перешел в полное подчинение мамоне, утратил страх Божий и в то же время стал бояться других людей¹.

Спекуляции – второй «зловредный ствол». Уже во времена Соловьева этот феномен существовал повсеместно, в том числе в России. Спекуляции на товарных рынках (так называемые арбитражные операции), на рынках недвижимости, фондовом рынке. В последние десятилетия прошлого века на первое место вышли спекуляции на финансовых рынках – фондовом, валютном, кредитном. Мир стал существовать в условиях так называемой финансовой экономики. Это было обусловлено тем, что в 70-е годы XX века произошел переход от Бреттон-Вудской валютно-финансовой системы (золото-долларовый стандарт) к Ямайской системе (бумажно-долларовый стандарт). Главные особенности этого перехода – снятие «золотого тормоза» с «печатного станка» Федеральной резервной системы США, производящего доллары «из ничего». Для продвижения продукции печатного станка ФРС США по всему миру Вашингтон стал активно проводить политику экономического либерализма и глобализации. Такая политика породила безудержный рост всех видов финансовых рынков и беспрецедентные спекуляции, бенефициарами которых неизменно были и остаются главные акцио-

¹ См.: Катасонов В. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации, 2014.

неры Федерального резерва. Это крупнейшие мировые банки, владельцами которых были и остаются Рокфеллеры, Ротшильды, Морганы и прочие «хозяева денег». Секрет их успеха на финансовых рынках – все тот же обман («фальсификации» по Соловьеву). Это и использование контролируемых хозяевами денег рейтинговых агентств, и доступ к инсайдерской информации, и манипулирование настроениями общества через подконтрольные СМИ, и т. п.

Ростовщичество (третий «зловредный ствол») уже во времена Соловьева достигло большого размаха. Но в конце XIX века еще не было **Федеральной резервной системы США**, которая сегодня подмяла под себя банки не только американские, но и большинства стран мира. К началу XXI **выстроилась мощная мировая ростовщическая пирамида**, вершиной которой является ФРС США, а на более низких уровнях находятся другие центральные банки. В первую очередь те, что также имеют свои печатные станки, – Европейский центральный банк (ЕЦБ), Банк Англии, Банк Японии и ряд других. Они производят так называемые мировые резервные валюты. На нижнем ярусе находятся организации, которые формально называются центральными банками, но которые своих печатных станков не имеют. Это так называемые валютные управления (currency boards), которые выпускают национальные денежные знаки подкупаемые доллары США и другие мировые резервные валюты (евро, иены, британские фунты стерлингов, швейцарские франки, канадские и австралийские доллары). Валютным управлениям не дозволено иметь печатных станков, вместо них организуются «цеха» по «перекраске» зеленого доллара в цвета национальных денежных единиц. Центральный банк Российской Федерации (Банк России) – типичный институт валютного управления.

Итак, печатные станки ФРС, ЕЦБ и нескольких других ЦБ создают деньги из ничего, а затем распространяют их по всему миру через сеть нижестоящих центральных и коммерческих банков в виде кредитов, по которым взимаются проценты. Так, банки Уолл-стрит (они же – акционеры Федерального резерва) получают сегодня от ФРС деньги почти под нулевой процент, а затем через цепочку своих банков-посредников или дочерние структуры доводят их до «конечного пользователя». Скажем, до России. При этом процентные ставки по таким конечным кредитам почти никогда не бывают ниже 10%. Такой мощной глобальной системы ростовщичества во времена Владимира Соловьева не было¹.

В то время, когда Соловьев писал свою книгу, три «зловредных ствола» «деревя» «экономического материализма» (читай – капитализма) между собой тесно переплетались. Сегодня переплетение стало еще более тесным. Фактически все три «ствола» уже срослись. И это единое уродливое «дерево» можно назвать финансовым капитализмом, экономикой казино, денежной цивилизацией. Дерево производит ядовитые плоды, которые угрожают полной гибелью человечества.

«Под торговлей, – читаем в новейшем руководстве политической экономии, – принято разуметь промыслообразное занятие покупкой и продажей товаров с целью получения прибыли». Что торговля есть покупка и продажа товаров – это лишь словесное определение, сущность дела в цели, каковою здесь признается только прибыль торговца. Но если торговля должна быть только прибыльною, то этим узаконяется всякая выгодная

¹ Подробнее о современной банковско-ростовщической системе см.: Катасонов В. Хозяева денег. 100-летняя история ФРС. М.: Алгоритм, 2014; Катасонов В. Диктатура банократии. Оргпреступность финансово-банковского мира. М.: Книжный мир, 2014; Катасонов В. За кулисами международных финансов. М.: Кислород, 2014.

подделка товаров и всякая успешная спекуляция; и если прибыль есть цель торговли, то, конечно, она же есть и цель такой операции, как ссуда денег, а так как ссуда тем прибыльнее, чем выше процент, то этим узаконяется и неограниченное ростовщичество. Признавая же, напротив, такие явления ненормальными, необходимо признать и то, что торговля и вообще обмен может быть орудием частной прибыли лишь под неперменным *условием* быть первее того общественным служением, или исполнением общественной функции для блага всех».

Между прочим, все институты экономики могут быть извращены и обращены во вред, если целью их использования будет прибыль. Целью должно быть служение, исполнение общественной функции для блага всех. Об этом, между прочим, писал Генри Форд в своей известной работе «Моя жизнь, мои достижения». Впрочем, еще до Форда за две с половиной тысячи лет об этом писал Аристотель. Великий греческий философ предупреждал, что экономика может превратиться в хрематистику. *Экономика* – слово греческого происхождения, означающее домостроительство. А *хрематистика* с греческого переводится как «искусство накопления». Накопления богатства, идеальной формой которого сегодня стали деньги. А накопление богатства означает выведение из обращения части произведенного продукта в виде так называемой прибыли. Прибыль сокращает потребление и производство, нарушает равновесие в экономике. Аристотель имел перед своими глазами примеры деятельности, которая подпадала под определение хрематистики, и предупреждал о тех грозных опасностях, которые ожидают человечество, если вирус хрематистики поразит все общество.

С основными проявлениями зла в экономике надо бороться с помощью закона и силы, имеющейся в рас-

поряжении государства. Однако государственные меры искоренить злоупотребления до конца не могут. Надо уничтожать нравственный корень.

«С этой точки зрения указанные экономические аномалии могут быть окончательно истреблены только в своем нравственном корне. А всякий понимает, что беспрепятственное увеличение растения укрепляет и его корень и распространяет его и вширь, и вглубь, и если корни очень глубоки, то прежде всего нужно рубить по стволу. Говоря без иносказаний, помимо внутренней, чисто идеальной и словесной борьбы с пороком своекорыстия нормальное общество может и должно решительно противодействовать внешними, реальными мерами таким пышным произрастаниям безмерного корыстолюбия, как торговая фальсификация, спекуляция и ростовщичество.

Подделка товаров, в особенности предметов необходимого потребления, грозит общественной безопасности и есть не только безнравственное дело, но прямо уголовное преступление. Таким оно в иных случаях признается и теперь, но этот взгляд должен быть проведен более решительно. При общем преобразовании уголовного процесса и пенитенциарной системы усиленное преследование этих специальных злодеяний будет не жестоко, а только справедливо. При этом не должно забывать еще двух вещей: во-первых, что от этого зла более всего страдают люди бедные и темные, и без того обездоленные, а во-вторых, что беспрепятственное процветание этих преступлений, как и всех прочих, обидно не только для их жертв, но и для самих преступников, которые в таком общественном попустительстве могут видеть оправдание и поощрение своей безнравственности.

Финансовые операции с мнимыми ценностями (так называемые спекуляции) представляют, конечно, не

столько личное преступление, сколько общественную болезнь, и здесь прежде всего необходимо безусловное недопущение тех учреждений, которыми эта болезнь питается. – Что касается, наконец, до ростовщичества, то единственный верный путь к его уничтожению есть, очевидно, повсеместное развитие нормального кредита как учреждения благотворительного, а не своекорыстного».

Соловьев не экономист, поэтому он не особенно погружается в исследование вопроса, что такое «нормальный кредит». Таковым может быть только кредит без процента¹. Он правильно говорит о том, что спекулятивная деятельность – общественная болезнь. Добавлю, что не только общественная, но также индивидуальная, физическая. У медиков это называется лудомания – игровая зависимость.

О необходимости симфонии властей для организации экономической жизни

Соловьев продолжает размышлять над вопросом, как можно искоренить три главных зла торгово-финансовой деятельности (ростовщичество, фальсификации, спекуляции).

«Говоря о должных экономических отношениях в области труда, собственности и обмена, мы все время говорили о справедливости и праве, так же как эти понятия предполагались нами и в рассуждении уголовного вопроса. При этом большею частью под справедливостью и правом можно было разуметь одно и то же. Между тем понятие справедливости выражает чисто нравственное требование и, следовательно, принадлежит к области этической, тогда как правом определяет-

¹ См.: Катасонов В. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. «Денежная цивилизация» и современный кризис. М.: Кислород, 2014.

ся особая область отношений – юридических. Есть ли это различие только недоразумение, если же оно основательно, то в каком смысле и в какой мере? Обращаясь теперь к этому вопросу об отношении нравственности и права и ничего не предвешая о содержании нашего исследования, заметим только, что объем вопроса весьма широк, ибо с понятием права неизбежно связывается неразрывная цепь других понятий: закона, власти, правомерного принуждения, государства. Эти понятия уже подразумевались нами, когда мы говорили об *организации* справедливых общественных отношений, ибо ясно, что одну нравственную проповедь такая организация осуществлена быть не может».

Соловьев признает, что одной нравственной проповедью к нравственной экономике общество привести нельзя. Ее (проповедь) надо дополнять правом, властью, принуждением. Это инструменты организации справедливых общественных отношений вообще. Право, власть и принуждение – это все компетенция государств. Нравственная проповедь – обязанность Церкви. Леонтьев фактически подводит читателя к выводу, что нравственная экономика может возникнуть лишь благодаря совместным усилиям государственной и церковной властей. А это, если копнуть глубже, уже было обосновано в Византии в виде доктрины симфонии властей¹ (она нашла свое отражение в «Кодексе Юстиниана» в VI веке).

¹ Симфония (от греч. συμφωνία – созвучие, согласие); также симфония властей – православный принцип (идеал) взаимоотношений между Церковью и обществом, заключающийся в том, что церковь и общество и, в частности, светская и церковная власти, находятся в состоянии согласия (гармонии) и сотрудничества (синергии), по аналогии с Божественной и человеческой природой Христа, «нераздельны и неслиянны». Хотя фактически подобные отношения между империей и Церковью восходят к императору Константину Великому, автором концепции обычно считают императора Юстиниана I, который первым ее сформулировал в 6-й «Новелле» для Патриарха Епифания» (535).

«Смысл войны» (глава 18). Конспект с комментариями

В этой главе Соловьев выстраивает систему доказательств того, что мир постепенно от межнациональных конфликтов и войн переходит в новое качество, которое характеризуется консолидацией народов, усилением межгосударственных связей, снижением рисков больших войн. Нетрудно заметить, что эти рассуждения Соловьева работают на его идею всечеловечества и всеединства. Одной из весомых причин такой консолидации Соловьев считает усилившееся во всем мире влияние Католической церкви:

«Так, на Западе Римская церковь, хотя утратила свою внешнюю власть, но духовный ее авторитет значительно окреп, во многом очистился от грубых средневековых злоупотреблений и свой ущерб, заслуженно понесенный от Реформации, вознаграждает другими духовными завоеваниями».

Другим фактором он называет растущую международную сеть франкмасонства (при этом уходит от прямой оценки этого явления):

«Рядом с этою церковью и в борьбе против нее, но с такою же широтою обхвата возникло могущественное братство франкмасонов, в котором все загадочно, кроме его международного, общечеловеческого характера».

Наконец, наиболее фундаментальной причиной Соловьев называет интернационализацию хозяйственной жизни, растущий обмен веществ, информации, плодов культурной деятельности между национальными государствами по новым каналам транспорта и связи:

«Другого рода связи установились в небывалых размерах в области экономической – явился всемирный рынок, – нет ни одной страны, которая ныне была бы само-

довлеющею в экономическом отношении, которая бы все нужное для себя сама производила, не получая от других и не давая им взамен, так что представление об отдельном государстве как “совершенном теле”, то есть безусловно независимом общественном организме, оказывается с этой основной стороны чистейшим вымыслом. Далее, постоянное сотрудничество всех образованных стран в научной и технической работе, плоды которой сейчас же делаются общим достоянием; изобретения, которыми упраздняются расстояния; ежедневная печать с ее непрерывными известиями отовсюду; наконец, поразительно возрастающий международный “обмен веществ” по новым путям сообщения – все это делает из культурного человечества одно целое, которое действительно, хотя бы и невольно, живет одною общею жизнью».

По мнению Соловьева, войны – зло, но не абсолютное, а относительное. Они – неизбежная фаза истории, подготавливающая всеединство человечества. В качестве примера он приводит наполеоновские войны, которые принесли много горя и разрушений Европе, но в конечном счете способствовали ее экономической и культурной консолидации (или интеграции – выражаясь современным языком):

«Известно, как революционные и наполеоновские войны могущественно способствовали тому движению и распространению общеевропейских идей, которыми обусловлен научный, технический и экономический прогресс XIX века, материально объединивший человечество».

Постепенно возникает «всеобщность материальной культуры», которая порождает экономическую взаимозависимость суверенных государств:

«С другой стороны, всеобщность материальной культуры, осуществляемая отчасти посредством войны,

сама становится могучим средством и основанием мира. В настоящее время огромное большинство населения земного шара составляет одно реально связанное тело, солидарное (если еще пока не нравственно, то уже физически) в своих частях. Эта солидарность обнаруживается именно в той сфере, из которой никто выйти не может, – в сфере экономической: какой-нибудь промышленный кризис в Нью-Йорке чувствительно отражается сразу в Москве и Калькутте».

Экономическая взаимозависимость имеет двоякий характер. Положительная взаимозависимость – международный обмен товарами и услугами, который повышает экономическую эффективность, способствует более полному удовлетворению потребностей общества и отдельного человека. Отрицательная взаимозависимость – уязвимость от разного рода экономических кризисов, которые распространяются по каналам международной торговли и международных финансов. По мнению Соловьева, в силу указанной экономической взаимозависимости люди и государственные руководители стали больше опасаться войн. Они уничтожают полезную (положительную) взаимозависимость и усугубляют отрицательную взаимозависимость:

«Выработалось в теле человечества *общее чувствительное* (*sensorium commune*), вследствие чего каждый частный толчок *ощутительно* производит всеобщее действие. Между тем всякая серьезная и продолжительная война неизбежно сопровождается величайшими экономическими потрясениями, которые при теперешней связи частей всего земного шара будут потрясениями *всемирными*. Такое положение, выработывавшееся в течение XIX века, но выяснившееся для всех только к его концу, есть достаточное основание для того совершенно

неведомого прежним временам *страха пред войной*, который обуял ныне все образованные народы».

Соловьев далее показывает на разных примерах, как усилившийся страх войны ведет в XIX веке к сокращению продолжительности войн и их количества. Уже в первой половине века войны становятся и короче и реже: между Ватерлоо и Севастополем Европа видела сорокалетний период мира – случай небывалый в ее прежней истории. Затем особые исторические причины вызвали несколько сравнительно коротких европейских войн в 1859, 1864, 1866 и 1870 годах; русско-турецкую войну 1877–1878 годов не удалось превратить в европейскую. Особое внимание Соловьев обращает на крупнейшую в Европе после наполеоновских войн франко-прусскую войну 1870-1871 года:

«...Хотя она оставила в передовом народе Европы горькое сознание национальной обиды и жажду мщения, однако эти чувства вот уже 28 лет не имеют силы перейти в дело из одного страха перед войною! Можно ли даже представить себе такое воздержание хотя бы в XVIII или XVII веке, не говоря уже о временах более старых?»

Из этого Соловьев делает вывод, что обусловленный экономической интернационализацией страх перед войнами вскоре может привести к всеобщему миру:

«И все эти чудовищные вооружения европейских государств, о чем же они свидетельствуют, как не о том великом всеодолевающим страхе перед войной и, следовательно, о близком конце войн?»

Увы, Соловьев жестоко ошибался. Буквально через год после выхода книги «Оправдание добра» произошла американо-испанская война за контроль над Филиппинами. Это военное столкновение некоторые историки

склонны называть первой межимпериалистической войной. Через несколько лет Россия оказалась втянутой в войну с Японией. А в 1914 году началась Первая мировая война, которая своим размахом и разрушительными последствиями затмила и франко-прусскую войну, и даже войны наполеоновские.

«Нравственная организация человечества в целом» (глава 19). Конспект с комментариями

Ряд интересных мыслей по экономике содержится также в последней, 19-й главе – «Нравственная организация общества в ее целом».

В этой главе Соловьев четко формулирует свой тезис: государство должно выполнять социальную функцию. Здесь он однозначно дистанцируется от философов, политиков и экономистов либерального толка, утверждавших (и продолжающих утверждать сегодня, в XXI веке), что государству принадлежит лишь роль «ночного сторожа», все экономические и социальные проблемы следует отдать на откуп «невидимой руки рынка».

«Экономическая задача государства, действующего по мотиву жалости, состоит в том, чтобы принудительно обеспечить каждому известную минимальную степень материального благосостояния как необходимое условие для достойного человеческого существования. Этим экономический вопрос решается правильно, но только с одной стороны – в области отношений между человеческих».

Государство проводит социальную политику, которая имеет целью ликвидировать в обществе бедность и обездоленность. Социальная политика государства имеет своим основанием «мотив жалости». Получается, что в государственной политике, согласно Соловьеву,

действуют этические мотивы. Иную точку зрения по этому вопросу отстаивал К. Леонтьев. Он считал, что нравственные нормы не распространяются на политику и государственную деятельность. Правда, Леонтьев имел в виду преимущественно внешнюю политику. Свой вывод он основывал на примерах из внешней политики России, которая терпела поражения на внешнем фронте по причине того, что смешивала этические нормы и национальные интересы.

Соловьев признает, что в его время (то есть в конце XIX века) найти какие-то признаки нравственности в экономической сфере крайне трудно, везде царят алчность, обман, жестокость, несправедливость и другие пороки. Но можно ли на этом основании утверждать, что посыл о первичности, примате нравственности в экономике неверен? Соловьев однозначно отвечает: нет.

«Общее, конечно, есть между стыдом и бесстыдством, между одухотворением тел и овеществлением душ, между воскресением плоти и умерщвлением духа. Общность эта только отрицательная, но что же из того? Фактическое отрицание нравственной нормы не упраздняет, а только подчеркивает ее внутреннее значение. Нет разумного основания предполагать в области экономической такое готовое соответствие идеалу, какого мы не находим в эмпирической действительности Церкви и государства. Без сомнения, между чувством стыда и обычными биржевыми операциями есть некоторое противоречие, не большее, однако (а скорее меньшее), чем между благочестием в духе Христовом и средневековою церковной политикой».

Из приведенной фразы следует вывод, что Соловьев фактически приравнивал по степени бесстыдства средневековую церковную политику к биржевым операциям. Из других работ видно, что при этом он имел

в виду не только Католическую церковь, но также Восточнохристианскую церковь Византии. Он рассуждает примерно так: мы надеемся, что Церковь рано или поздно опомнится, вернется к благочестию, без этого ни о каком «христианском прогрессе» говорить нельзя¹. Почему мы не должны надеяться на то, что чувство стыда рано или поздно заставит людей отказаться от биржевых операций? – Конечно же, должны. Соловьев продолжает развивать эту мысль:

«Между принципом воздержания и денежными спекуляциями есть несоответствие, но опять-таки не большее, а скорее меньшее, чем между нравственно-правовым принципом государства и учреждением *lettres de cachet*², драгонами или массовыми изгнаниями иноверцев. Можно на основании того, что бывало и бывает, видеть во всей экономической области только поприще своекорыстия и алчности, так же как для иных все значение Церкви и религии исчерпывается иерархическим властолюбием и народным суеверием, а другие во всем политическом мире усматривают только тиранию правителей и тупую покорность толпы. Такие взгляды существуют, но они выражают только или нежелание, или неспособность понимать существенный смысл предметов».

В 19-й главе Соловьев опять возвращается к своей триединой нравственной задаче и еще раз подчеркивает, что третья из них (связанная с обузданием как внутренних, так и внешних природных потребностей) и есть задача экономическая. Решение этой задачи возможно на основе принципа аскетизма, воздержания.

¹ Эти нападки Соловьева на Восточно-Христианскую церковь присутствуют, в частности, в его работе «Византизм и Россия».

² Королевский указ об изгнании или заточении без суда и следствия (*фр.*).

«Но при этом должно помнить, что это есть *третья* задача в деле общей нравственной организации человечества и что действительное решение этой третьей задачи обусловлено двумя первыми. Как приемы личного аскетизма могут быть нормальны и целесообразны лишь под условием благочестивого отношения к Богу и жалости к людям, иначе образцом аскета оказался бы диавол, точно так же и собирательное устройство материальной жизни человечества по принципу собирания внутренних сил и воздержания внешних потребностей может быть правильно и успешно осуществлено не обоюбленными деятелями сферы экономической самой по себе, а лишь под условием признания абсолютной цели – Царства Божия, представляемой церковью, и с помощью правых средств государственной организации. Ни единичный, ни собирательный человек не может должным образом устроить свою материальную или природную жизнь, если он не осуществит нравственную норму в своих отношениях, религиозных и междулических».

Нравственное преобразование экономической жизни Соловьев рассматривает как одно из условий (направлений) нравственного перерождения человечества, превращения его в богочеловечество. Хотя Соловьева трудно заподозрить в принадлежности к лагерю материалистов, однако следует обратить внимание на следующий момент его учения. Он признает, что правильно организованная экономика может и должна способствовать нравственному совершенствованию человека и человечества. Обратим также внимание на мысль Соловьева о том, что обязанность правильной организации экономики в равной степени лежит на Церкви, государстве и каждом отдельно взятом человеке как члене Церкви и гражданине.

«Нормальный принцип экономической деятельности есть экономия, сбережение, скопление психических сил чрез превращения одного вида душевной энергии (внешней, или экстенсивной) в другой вид энергии (внутренней, или интенсивной). Человек или расточает свою чувственную душу, или собирает ее. В первом случае он ничего не достигает ни для себя, ни для природы, во втором он исцеляет и спасает себя и ее. Организация в самом общем своем определении есть координация многих средств и орудий низшего порядка для достижения одной общей цели высшего порядка. Поэтому господствующий доселе принцип экономической деятельности – неопределенное размножение внешних и частных потребностей и признание внешних средств их удовлетворения за самостоятельные цели – есть принцип дезорганизации, общественного разложения; а принцип нравственной философии – собиране или вбирание всех внешних, материальных целей в одну внутреннюю и душевную цель полного воссоединения человеческого существа с природною сущностью – есть принцип организации и всемирного восстановления».

В приведенном выше фрагменте Соловьев повторяет мысль, которую он неоднократно формулировал в главе 16. А именно: экономические цели должны подчиняться высшим целям, по отношению к которым экономические результаты превращаются в средства. Размножение внешних и частных потребностей ведет человечество к «дезорганизации, общественному разложению». Сегодня, в эпоху культа потребительства, мы ощущаем, насколько Соловьев был прав. Преодоление человеком страсти неумеренного размножения потребностей – важная задача аскетики XXI века.

Некоторые обобщения

Не хочу выступать апологетом Соловьева. По моему мнению, мысли Соловьева по экономике оказались выше чисто философско-богословских рассуждений. Чтобы несколько сбалансировать общее представление об этом философе читателя (того читателя, который не знаком с творчеством Соловьева), позволю себе дать некоторые оценки книге «Оправдание добра» в целом.

При всем изяществе и привлекательности мысли Соловьева все-таки, на наш взгляд, в ней имеются изъяны. На один из них обращают внимание даже поклонники творчества Соловьева. Хотя «Оправдание добра» посвящено теме нравственности, в нем под корень подрубается всякий морализм, поскольку Соловьев фактически отрицает свободу воли. Для Соловьева тут нет противоречия, поскольку для него движение человечества в сторону «царства добра» – объективный процесс, происходящий невольно и независимо от человека. Как остроумно сказал один из критиков Соловьева, «Оправдание добра» – по сути, оправдание не добра, а мирового зла, которое в принудительном порядке превращается в окончательное добро всеединства¹.

Решительно выступая против засилья «экономического материализма», Соловьев невольно впадает в ересь смешения духовного и материального начал мира. Духовное для Соловьева принадлежит той же единой сущности, что и материальное:

«По своему фактическому, проявляемому существованию в действительном человеке, как сила воплощенная, дух или, точнее, жизнь духа, есть только видоизменение (трансформация) материального бытия, то есть

¹ Интернет. Режим доступа: <https://antimodern.wordpress.com/2010/08/13/soloviev-4/>

ближайшим образом – животной души. С этой реальной точки зрения это – два вида энергии, превратимые один в другой, – подобно тому, как механическое движение превращается в теплоту и обратно».

Может быть, отсюда и вытекает увлечение Соловьева оккультизмом, в котором грань между материей и духом стирается. А истоком подобного смещения материи и духа является идея пантеизма, позаимствованная Соловьевым у любимого им Спинозы.

Нравственность у Соловьева также сильно попахивает материализмом: «Солидарность с живыми существами – одна из вечных, незыблемых основ нравственной жизни человечества». Материализм Соловьева ведет в конечном счете к тому, что размывается грань между человеком и животным, поскольку «человек, как и животное, живет общею жизнью вселенной».

Обращу внимание еще на один принципиальный изъян. Он заложен в упоминавшейся нами формуле трех ипостасей нравственности. Что означает проявление нравственности в трех разных сферах жизни: а) в церковной сфере (отношения человека с Богом); б) в государственной сфере (регулирование социальных отношений); в) в сфере экономики – отношения между человеком и природой.

Формула соловьевской «троицы» красивая. Но она скорее поэтическая, нежели научная. Во-первых, отношения между человеком и Богом регулируются не нравственными нормами, а нормами религиозными (заповеди)¹. Между ними есть различие. Во-вторых, отношения между людьми действительно регулируются нравственными нормами. Но причем тут государство? –

¹ В законе Моисеевом из десяти заповедей лишь последние шесть относятся к межличностным отношениям, а первые четыре заповеди определяют отношения между человеком и Богом.

Оно, как сам Соловьев признает, может лишь корректировать недостаток нравственности в обществе своими законами. На само государство нормы нравственности не распространяются. В-третьих, отношения между людьми и природой не выстраиваются на основе норм нравственности. Соловьев в запале своей философской фантазии оживляет природу. Говорит о том, что природа должна быть одухотворена человеком. Спустя сто лет появились разные модные теории о живой земле. Они ничего общего с христианством не имеют. Это язычество. Не исключено, что люди начитались Соловьева и уже окончательно порвали с христианством (а может быть, и с самого начала были язычниками). Подобного рода «вольности» в работе «Оправдание добра» можно объяснить тем, что в Соловьеве жил не только философ, но и поэт. А поэтическая (и даже чрезмерно мистическая) натура Соловьева порой тяготилась не только богословской догматикой, но и устоявшимися понятиями философского и научного знания.

Таким образом, надо вернуться к исходному определению этики, нравственности, морали. Это термины, понятия, которые относятся к сфере межличностных отношений. Государство в схеме Соловьева вторично. Оно может с помощью законов и мер воспитания и принуждения способствовать улучшению нравов людей. Нона первом месте в деле выстраивания нравственного фундамента русской экономики должна стоять Церковь. В 2000 году нашей Церковью был принят документ «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» – своеобразный социальный катехизис православного человека. Впервые за тысячелетнюю историю нашей Церкви в указанном документе сформулировано положение о ее роли и ответственности в деле эконо-

мического строительства России¹. Можно без натяжки утверждать, что своеобразным наброском «Основ социальной концепции...» явилась написанная более чем за век до этого работа «Оправдание добра».

Сергей Булгаков: попытка осмысления мира и истории через «Философию хозяйства»

1. Сергей Булгаков: «Философия хозяйства»

Пожалуй, наиболее востребованной со стороны нашей интеллигенции оказалась работа «Философия хозяйства». Особый интерес к ней был вызван, видимо, названием. В годы «перестройки» и реформ вопросы экономики в нашей стране вышли на первый план. При всем обилии литературы по экономике, финансам, предпринимательству на полках книжных магазинов, сохранялся голод на литературу, в которой бы раскрывались не частности, а давалось метафизическое осмысление экономики и хозяйственной жизни.

«Философия хозяйства» Булгакова сразу же привлекла к себе внимание взыскательных читателей своим многообещающим названием. Однако многим даже подготовленным читателям книга оказалась не «по зубам». Из нее «выковыривались» отдельные цитаты и обсуждались периферийные вопросы. Выяснилось, что «Философия хозяйства» – совсем не легкое чтение, к которому многие стали привыкать в постсоветский период. Было также определенное разочарование: выяснилось, что она посвящена не столько экономике, сколько философии,

¹ Непосредственное отношение к экономике в «Основах социальной концепции...» имеют разделы VI «Труд и его плоды» и VII «Собственность».

и требовала специальной философской подготовки. А философия, согласно «духу времени», – совершенно ненужный хлам, на копание в котором в нашей динамичной современности совсем нет времени.

Уж не знаю про современных философов, но экономистами Булгаков понят не был. От Булгакова ожидали ответа на вопрос «Какой должна быть экономика?». А вместо четкого ответа в духе привычного рационализма его книга «грузила» читателя новыми вопросами и «антиномиями», весьма далекими от прагматичных запросов нашего времени.

В учебниках по экономике про «Философию хозяйства» Булгакова вообще забывают упомянуть или пишут коротко и невнятно. Даже в учебниках по «Основам философии экономики» (в экономических вузах появилась такая дисциплина) «Философии хозяйства» Булгакова уделяют не более одной страницы¹. В нескольких строках или абзацах изложить суть и своеобразие «Философии хозяйства» Булгакова, конечно же, невозможно. Попытаемся сделать это на двух-трех десятках страниц (но в то же время придерживаясь строгого формата тезисов).

Почти в любой серьезной публикации о Булгакове констатируется противоречивость творчества русского мыслителя. Действительно, трудно найти как абсолютных поклонников, так и абсолютных отрицателей его интеллектуального наследия. То же самое можно сказать и о книге «Философия хозяйства». С учетом этого соображения построим нашу статью по следующему плану: а) очевидные достижения, конструктивные идеи «Философии хозяйства»; б) ее недостатки, ошибки, ереси; в) выводы и предложения.

¹ См., например: А. И. Самсин. Основы философии экономики: Учебное пособие. М.: ЮНИТИ, 2003. С. 79–80.

2. «Философия хозяйства» как философский взгляд на мир через призму хозяйства

1. Булгаков дал метафизическое осмысление хозяйства, хозяйственной деятельности человека и общества, выйдя за узкие, привычные рамки политической экономики (предметом которой, строго говоря, выступает не хозяйство, а «экономические отношения» в обществе по поводу этого самого хозяйства). Как экономист он попытался укрепить фундамент экономической науки (прежде всего политической экономики) за счет философского осмысления экономики.

Приведем несколько определений «хозяйства», разбросанных по разным страницам «Философии хозяйства»¹.

(1) «Борьба за жизнь с враждебными силами природы в целях защиты, утверждения и расширения, в стремлении ими овладеть, приручить их, сделаться их хозяином и есть то, что в самом широком и предварительном смысле слова может быть названо хозяйством. Хозяйство в этом смысле свойственно всему живому, не только человеческому, но и животному миру...» (с. 79).

(2) «Итак, хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечивания природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм. Содержание хозяйственного процесса можно поэтому выразить еще и так: в нем выражается стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело с его органической целесообразностью, поэтому в пределе цель эту можно определить как превращение всего космического ме-

¹ Номера страниц даются по изданию: С. Н. Булгаков. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009.

ханизма в потенциальный или актуальный организм, в преодолении необходимости свободой, механизма организмом, причинности целесообразностью, как очеловечение природы» (с. 79–80).

(3) «...Хозяйство можно определить как трудовую борьбу за жизнь и ее расширение» (с. 82).

(4) «Признак хозяйства – трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению. Это напряженная активность человеческой жизни во исполнение Божьего слова: в поте лица твоего снеси хлеб свой, и притом всякий хлеб, т.е. не только материальную пищу, но и духовную: в поте лица, хозяйственным трудом не только производятся хозяйственные продукты, но создается и вся культура» (с. 83).

(5) «Все хозяйство представляет собой такую объективную деятельность, которая предполагает под собой, очевидно, некоторую объективную деятельность. Оно есть постоянное воздействие хозяина, субъекта хозяйства (пока здесь безразлично, единичного или коллективного) на вещи (природу или материю, как бы она далее философски ни конструировалась), т.е. на объект хозяйства. И всякий хозяйственный акт осуществляет собой некоторое слияние субъекта и объекта, внедрение субъекта в объект, субъективирование объекта, или же выход субъекта из себя в мир вещей, в объект, т.е. объективирование субъекта» (с. 87).

(6) «Хозяйственная жизнь сводится к обмену веществ, к некоторому круговороту или чередованию выдыханий и выдыханий. На языке политической экономии выдыханиям соответствует производство, а выдыханиям – потребление» (с. 111).

(7) «Хозяйство есть творческая деятельность человека над природой; обладая силами природы, он творит

из них, что хочет. Он создает как бы свой новый мир, новые блага, новые знания, новые чувства, новую красоту, – он творит культуру, как гласит распространенная формула наших дней» (с. 173).

В работе «Философия хозяйства», равно как и в других произведениях Булгакова, можно найти еще немало длинных, развернутых, и коротких, лаконичных, как формулы, определений «хозяйства». Они не противоречат друг другу, а высвечивают разные грани сложного явления, называемого «хозяйством». Некоторые определения изложены на сугубо научном (достаточно тяжеловесном) языке, другие не лишены поэтичности и демонстрируют полет творческой фантазии Булгакова. В синтезированном виде понимание Булгаковым хозяйства, хозяйственной деятельности можно свести к следующему: сознательно выстраиваемое человечеством взаимодействия с окружающим природным миром в целях сохранения, воспроизводства и расширения жизни.

2. Хозяйственная деятельность, по Булгакову, имеет своего субъекта и свой объект. Субъектом хозяйства выступает человечество. Именно человечество, а не отдельные люди. Общий хозяйственный процесс складывается из миллионов разрозненных действий отдельных хозяев. Но это лишь кажущаяся разрозненность. Даже если индивидуальные хозяева осуществляют свою деятельность в рамках натурального хозяйства и не связаны формально между собой нитями рыночных товарно-денежных или иных экономических отношений, общий хозяйственный процесс имеет свою внутреннюю логику. Задача философии хозяйства – постичь эту логику и, быть может, обеспечить человечество необходимыми ориентирами планомерного, сознательного управления хозяйственной деятельностью. Человечество как субъект хозяйства – не только совокупность внешне разроз-

ненных людей, живущих в данный момент на Земле, но также сумма всех поколений живших со времен Адама на Земле людей, которые создавали материальную и нематериальную культуру, являющуюся общим наследием человечества. На докторском диспуте при защите диссертации Булгаков отметил: «По вопросу о субъекте хозяйства или хозяине точка зрения, защищаемая в “Философии хозяйства”, сводится к признанию всеобщего (трансцендентального) субъекта хозяйства, носителя хозяйственной функции. Таковым субъектом может быть только человечество как таковое, не коллектив или собирательное целое, но живое единство духовных сил и потенций, к которому причастны все люди, умопостигаемый человек, который обнаруживается эмпирически в отдельных личностях» (с. 370).

Что касается объекта хозяйства, то это не только непосредственные предметы труда (согласно положениям политической экономии), но также весь мир, вся вселенная. В конечном счете в качестве объекта может выступать и выступает сам человек (его духовное, культурное, физическое преобразование). Грань между субъектом и объектом хозяйства достаточно условная, размытая. При этом в процессе производства и потребления (два основных хозяйственных акта) происходит взаимное проникновение субъекта и объекта.

3. Взявшись решать ряд вопросов политической экономии, Булгаков вышел на уровень «вечных вопросов» бытия, смысла жизни и человеческой истории, свободы и необходимости, роли личности в истории и т.п.

Булгаков пришел к выводу, что философия хозяйства – не просто раздел (аспект) философии, а новая версия целостной философской системы со своей онтологией, гносеологией, антропологией, космологией. По мнению Булгакова, его философская система преодо-

левала некоторые недостатки и противоречия философской системы Канта и других немецких философов, идеи которых еще в XIX веке очаровали русскую интеллигенцию. Мыслители разных времен находили свои «калитки», через которые они проникали в бесконечный и таинственный мир бытия. Для Булгакова такой «калиткой» оказалось «хозяйство».

4. Человечество, по образному выражению Булгакова, – живой организм, функционирующий на основе свободных решений и поступков; окружающий мир – механизм, функционирующий по законам механического детерминизма. Вторжение человечества в окружающий природный мир приводит к тому, что последний постепенно из механизма превращается в организм. «Оплодотворенная» человеческим трудом природа становится как бы продолжением живого организма человечества. Жизнь расширяет свои владения, смерть и мертвая материя отступают. Впрочем, между жизнью (организмом) и смертью (каменной природой) идет непрерывная борьба за сферу влияния. Сфера жизни ослабленного организма может сужаться, как шагреновая кожа.

3. Критика «экономизма» и его марксистской разновидности

1. Булгаков дал критику «экономизма», или «экономического материализма», который в конце XIX – начале XX века стал господствующей парадигмой мышления и жизни человечества. Никакого рационального, научного (и тем более философского) осмысления этого феномена на тот момент не существовало. Булгаков не просто дал критику «экономизма», он рассмотрел за этим мировосприятием правду жизни. А именно вечную (с момента грехопадения человека в раю) борьбу челове-

ка и человечества за жизнь. «Экономизм», по мнению Булгакова, – постоянная черта падшего человечества. По мнению Булгакова, «экономизм» отличается от мамонизма – поклонения мамоне; мамонизм – массовое явление новейшей истории, связанное с капитализмом. Кстати, в то время, когда писалась «Философия хозяйства», термин «мамонизм» стал достаточно широко использоваться в немецкой социологической литературе, с которой Булгаков (судя по многочисленным ссылкам в «Философии хозяйства») был хорошо знаком.

2. Вместо религиозно-философского осмысления корней «экономизма» мыслители эпохи Реформации и Просвещения создали прикладную экономическую науку, которая, по сути, стала инструментом мамонистских устремлений нарождающейся буржуазии. Особое внимание в «Философии хозяйства» Булгаков уделяет разбору меркантилизма – предтечи английской политической экономии XVIII века (Адам Смит и Давид Рикардо). «Политическая экономия родилась под знаком меркантилизма, т.е. из вполне практических мотивов, из потребности разобраться в сложности хозяйственного механизма. Она есть дитя капитализма и, в свою очередь, является наукой о капитализме, давая основы правильного хозяйственного поведения. В политической экономии открыто или замаскированно решаются те или иные практические задачи...» (с. 327). Критерием оценки тех или иных экономических решений и проектов, согласно учению меркантилистов, является увеличение богатства, под которым в те времена понималось в первую очередь золото. Меркантилизм как экономическая политика государства (протекционизм, поощрение экспорта, добычи золота и др.) сыграл практическую роль в становлении капитализма в Европе. Меркантилизм как разновидность духа мамонизма сохранился и укрепился в политической эко-

номии XVIII–XX веков (хотя формально он был заменен другими теориями и учениями).

Серьезный вклад в формирование меркантильного духа политической экономии внес Иеремия Бентам с его учением утилитаризма. Булгаков считает, что дух И. Бентама присутствует и в политической экономии начала XX века, в том числе в ее марксистской версии. Булгаков называет бентамизм «моральной арифметикой», стремлением «применения числа к этике». В целом Булгаков констатирует, что этика в современной ему экономической науке заменена числом. Можно сказать, что во многих экономических исследованиях нашего времени (XXI век) математические расчеты и формулы окончательно вытеснили проблемы этики, а заодно и создали видимость того, что это и есть наука. Булгаков писал в «Философии хозяйства»: «Все, что содержит “факты”, особенно же в каббалистической форме статистической таблицы, теперь принимается за науку» (с. 329).

3. Автор «Философии хозяйства» показал противоречия и непоследовательность марксизма как наиболее популярной идеологии «экономизма». Впрочем, ошибки и нестыковки в «Капитале» Маркса Булгаков стал замечать гораздо раньше, до написания «Философии хозяйства». Но в своих предыдущих работах Булгаков занимался критическим анализом марксизма в рамках политической экономии. В «Философии хозяйства» Булгаков показал несостоятельность марксизма как мировоззрения, претендующего на решение любых «вечных» вопросов человеческой жизни. Например, марксизм претендовал на то, что создал свою социологию с «железными» законами (идея детерминизма). При этом марксизм был идеологией классовой борьбы, призывавшей пролетариат к свержению буржуазии. Но подобного рода призывы были адресованы не к «атомам»

общества, а к людям, и апеллировали к их чувствам и разуму. Предполагалось, что в классовой борьбе рабочие перестают быть «атомами» и превращаются в людей, имеющих свободу выбора.

Образно выражаясь, Булгаков показал, что марксизм – «голый король», и попытался сделать все возможное, чтобы этот «король» перестал править умами интеллигенции (работа «Философия хозяйства», безусловно, была адресована наиболее интеллектуальной части русской элиты, которая в начале XX века была заморожена марксизмом).

4. Труд, творчество, культура

1. Ключевым признаком хозяйства является труд, трудовая деятельность человека. Труд – целенаправленное преобразование человеком окружающей его природы, а также познание ее тайн. Раскрытие тайн природы (ее законов, выявление новых объектов, раскрытие связей между отдельными элементами природы и т.п.), в свою очередь, представляет собой необходимое условие для последующего практического покорения природы. Таким образом, в концепции Булгакова труд рассматривается в гораздо более широком смысле, чем в традиционной политической экономии. В последней труд включает лишь такие затраты физического и умственного труда, которые приводят к созданию материальных продуктов: «...политическая экономия хотя с самого своего возникновения не расставалась с принципом труда (под этим принципом понимается, что труд – фактор производства, главный или единственный источник богатства. – В. К.), но вследствие низкой степени философской сознательности и ограниченности ее духовных горизонтов она не знала, как воспользоваться этим принципом,

какое отвести ему место. И ему было предоставлено место, совершенно не соответствующее философскому значению этого принципа. Прежде всего политическая экономия в лице Ад. Смита, фактически же в лице большинства своих представителей – сузила понятие труда до “производительного” труда, выражающегося в материальных благах» (с. 135). В концепции философии хозяйства Булгакова трудом являются даже размышления философа об устройстве мира, вселенной и бытии. По Булгакову, хозяйство – не только материальное производство. Это также наука, в том числе фундаментальная. В состав хозяйства Булгаков также включает творческую деятельность в сфере искусства и культуры. Булгаков подытоживает свое понимание труда: «Хозяйство, по существу, включает в себя человеческий труд во всех его применениях, от чернорабочего до Канта, от пахаря до звездочета» (с. 83).

2. Важным в учении Булгакова является деление труда на: а) принудительный, подневольный; б) свободный, творческий. Он рассуждает о том, как в истории человечества менялось соотношение принудительного и творческого труда. Приходит к выводу, что расширение границ жизни (сферы существования организма) в мире может происходить лишь в том случае, если хозяйственная жизнь будет осуществляться на основе свободного труда. Подневольный труд сужает сферу жизни. Более того, он разрушает созданный Творцом природный мир.

Даже в условиях самого непосильного хозяйственного «плена» (зависимость от природных и социальных условий) человек должен помнить, что он – сын Божий, и сохранять внутреннюю свободу. Христиане должны делать все возможное для того, чтобы: а) труд человека был свободным, творческим (творческий труд уподобляет человека Богу как Творцу); б) строго относиться к своим

трудовым обязанностям (независимо от присутствия или отсутствия творческого начала в труде).

3. Труд преобразует не только окружающий мир, но самого человека. Об этой стороне труда, как отмечает Булгаков, философия до сих пор ничего не сказала, а политическая экономия этой стороны труда вообще не замечает: «...политическая экономия в силу своего “экономического материализма” знает труд только в его продуктах, в объекте, и просматривает его в субъекте» (с. 136). Труд, по мысли Булгакова, имеет «незаменимое значение для человека, как средство воспитания воли, борьбы с дурными наклонностями, наконец, как возможность служения ближним». Он считает, что роль христианства в общественном и экономическом прогрессе трудно переоценить: оно изменило отношение человека к труду, сделало труд признаком доблести и достоинства, преодолело царившее в древнем мире высокомерное и презрительное отношение к труду, преобразило благодаря этому хозяйственную жизнь Европы.

Булгаков призывает христиан выбрать «царский путь» в своей жизни, имея в виду, что как уклонение от труда, так и чрезмерное (добровольное) обременение трудом в равной степени опасны для человека. Он писал: «Поскольку христианство велит каждому блюсти в себе свободу от хозяйства, не допуская заботе до конца овладевать сердцем, повелевая оставаться духовно свободным от хозяйства при всяком хозяйственном строе, настолько же решительно оно никому не позволяет освобождать себя от труда под тем или иным предлогом»¹.

4. Результатом хозяйственной деятельности является культура в самом широком смысле слова. Хозяйственное происхождение имеет не только материальная

¹ С. Н. Булгаков. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 212.

культура, но также культура духовная, включающая произведения искусства, литературы, науки, философии. «Отпечатки» хозяйственной деятельности несет не только материальный мир, непосредственно окружающий человека и человечество, но также космос. Космос, по выражению Булгакова, «оживотворяется», «согревается» жизнью и трудом человечества. Булгаков постоянно подчеркивал, что, какой бы «утонченной» и «духовной» ни была человеческая культура, в своей основе она всегда имеет материально-природное начало: «Культура, то есть трудом или хозяйственно вызываемый или реализуемый рост жизни, предполагает природу... Природа есть поэтому естественная основа культуры, материал для хозяйственного воздействия, вне ее немислимо и невозможно хозяйство, как вне жизни невозможен конкретный опыт» (с. 84–85). Подобного рода высказывания давали основания некоторым комментаторам «Философии хозяйства» называть эту работу Булгакова «религией материализма».

5. Наука. Критика механического детерминизма

1. Булгаков высветил истинную роль и место науки, научной деятельности в жизни человека. С одной стороны, он показал ограниченность науки как средства познания мира. Каждая наука находит свой объект исследования и далее начинает его внимательно изучать, используя наблюдение, эксперименты, расчеты, прибегая к осмыслению собранных фактов с помощью теорий и гипотез. Но у каждой науки есть своя «ахиллесова пята». И даже не одна. Во-первых, каждая из них пользуется набором аксиом, а аксиомы базируются на вере, а вера может ученого подвести. Во-вторых, каждая наука,

с ее конкретным объектом исследования, смотрит на мир не через широкое окно, а через крохотную «форточку». Исследователь может не видеть весь объект целиком, и тем более не видеть связи объекта с другими частями окружающего мира. Результаты наблюдения могут быть неполными и даже искаженными. В эпоху Просвещения началось бурное развитие многочисленных наук, разные группы людей бросились изучать окружающий мир, предварительно расчленив его на части (объекты исследования). Фактически объектом исследования стал разрезанный на кусочки труп. А вот соединить эти части и воскресить труп ученые уже не могли. Итак, отсутствовал целостный, метафизический взгляд на мир. «Скальпели» таких «частичных» ученых наблюдаемый мир умерщвляли. Булгаков считал, что «философия хозяйства» может стать той метафизической базой, на основе которой человечество сможет изучать не расчлененный на куски мир с целью последующего его преобразования.

2. Булгаков считал, что научная деятельность – не просто бездеятельное созерцание мира. Он рассматривал науку как важную часть хозяйственной деятельности человечества. В «Философии хозяйства» он доказал, что «чистой» (находящейся вне хозяйства) науки не бывает. Любая наука появляется лишь как реакция на какую-то потребность человечества. При этом потребности не обязательно должны быть грубо-материальными. Это могут быть потребности культурного и духовного порядка. Но удовлетворение таких «нематериальных» потребностей также необходимо для воспроизводства жизни. В конечном счете, усилия человека в сфере духовной и культурной жизни расширяют сферу его влияния во вселенной, «оживляют» мир.

3. Булгаков дал критику детерминизма в науке – идеи, которая безраздельно господствовала как в есте-

ствознании, так и обществоведении со времен Декарта и Лапласа. Если в естествознании механический детерминизм был еще терпим, то в области социальных наук он выглядел более чем странно. Детерминизм в социологии фактически означал, что единственной причиной любых поступков человека являются условия внешней среды, внешние факторы. Человек как существо, свободно принимающее решения, в социологии просто не существует, рассматривается лишь как некий социальный «атом». Булгаков анализирует эту методологическую несуразность на примере марксизма (о чем мы сказали выше).

6. Критика политической экономии

1. Особое внимание Булгаков уделял рассмотрению детерминизма в политической экономии. Такой детерминизм базируется на концепции «человека экономического», который ведет себя в экономическом пространстве подобно «атому», траекторию которого можно рассчитать. Политическая экономия в качестве объектов своего исследования рассматривает большие совокупности таких «атомов», которые называются социальными группами, классами, социумами. За «человеком экономическим», «классом», «социальной группой» не видно живого человека. Вернее, это уже и не живой человек, а автомат, лишенный какой-либо свободы. Но если автомат лишен свободы, он перестает быть творцом, а если он лишается творческого начала, то экономическое развитие останавливается. Хозяйство тем не менее развивается, появляются новые виды техники, происходит освоение земли и ее недр, человек рвется в космос и т.п. Если бы все люди были автоматами, то хозяйство не только остановилось бы,

но и пришло в упадок. Стало быть, посыл политической экономии о том, что все люди – автоматы и атомы, неверен.

2. Говоря про политическую экономию (особенно ее марксистскую версию), Булгаков отмечает, что она дает «лишь геометрический чертеж человеческих отношений». Она изучает большие «социальные совокупности», за которыми вся индивидуальность человека пропадает. Для Маркса рабочий лишь отвлеченный, совокупный представитель «пролетариев всех стран», люто ненавидящий капиталистов-эксплуататоров. Этот рабочий не реальный человек, противоречивый, многогранный, а, как пишет Булгаков, – некий «методологический призрак».

Политическая экономия базируется на статистике, причем особое значение имеет статистика больших совокупностей и средние величины. При этом неправильное пользование статистикой может приводить к ложным выводам («суеверие цифр») или реальная действительность может сильно огрубляться («классовые маски, социальные схемы и чертежи»). «Интерес к совокупностям, к изучению массового, типического, среднего в политической экономии достаточно объясняет то преобладающее значение, которое имеют здесь статистические наблюдения. Статистика, не как самостоятельная наука, но как метод массового наблюдения и “категорического исчисления”, естественно сделалась подсобной отраслью политической экономии, которая поэтому впадает нередко – впрочем, не она одна – в суеверие цифр, ища в них то, чего в них нельзя найти...

Методом совокупностей, статистическим или иным, конечно погашается все индивидуальное, вместо него выступают классовые маски, социальные схемы и чертежи» (с. 320–321).

3. Политическая экономия представляет ход общественного развития как некий *perpetuum mobile* (вечный двигатель). Такая «линейность» социально-экономического движения общества совершенно не соответствует сложной, отнюдь не прямолинейной траектории исторического процесса. Булгаков писал в «Философии хозяйства»: «Это основоположение политической экономии, что явления хозяйственной жизни обладают качеством повторяемости или типичности (курсив автора. – В. К.), есть общее методологическое предусловие экономических закономерностей. Вместе с тем очевидно, что этим положением наперед исключено не только индивидуальное, но и вообще новое, историческое: и в этом политико-экономическом мире, как и ранее в социологическом, ничего не происходит, не совершается никаких событий, вращается лишь какое-то экономическое *perpetuum mobile*» (с. 322).

Концепция *perpetuum mobile*, или «ничего нового», не только искажает реальную динамику социально-экономического развития, но часто просто оказывается в руках «политэкономов» инструментом откровенного шарлатанства. «Прогноз» Маркса о неизбежной смене капитализма социализмом на основе экстраполяции существовавших тенденций концентрации капитала – типичный пример такого шарлатанства. Булгаков пишет: «Типичен в этом отношении “прогноз” Маркса касательно развития капитализма к социализму: он целиком основан на предпосылке *ceteris paribus* (при прочих равных условиях. – В. К.) и представляет собой мысленное продолжение одной из “тенденций”, т.е. обобщение некоторых сторон современной действительности. И по тому же типу строятся вообще тенденции экономического развития, устанавливаемые как статистикой, так и политической экономией. *Ничего нового* (курсив ав-

тора. – В. К.), или отрицание исторического и индивидуального, есть поэтому боевой лозунг и политической экономии, этой старшей дочери социологии, в такой же мере, как и ее матери» (с. 323).

7. История и социология

1. Любая *социологическая наука* (и политическая экономия в том числе) – большая абстракция, исходящая из того, что человек – «атом», не обладающий свободной волей. Булгаков не доходит до вывода о том, что социологических наук, строго говоря, не может быть по определению. Но читатель сам неизбежно может додуматься до этого. Речь фактически идет не о науках с «железными законами», а о неких моделях, теориях, гипотезах, сценариях общественного развития. Булгаков справедливо отмечал, что такие «науки» не могут ответить на вопрос: что будет завтра? Человеку и человечеству будущее закрыто непроницаемой завесой. Булгаков несколько раз говорит, что такие «науки» могут быть лишь «ориентировкой», которая может и должна учитываться при разработке и реализации политики (в том числе в сфере экономики).

2. Что касается *истории*, то она тем более не может быть детерминистической картиной жизни человечества. История – прежде всего непрерывная череда проявлений свободной воли отдельных людей. Конечно, эта свобода реализуется в рамках необходимости (необходимости как природной, так и социальной). Марксисты (впрочем, не только они) пытались и пытаются втиснуть сложную последовательность исторических событий в прокрустово ложе неких «научных» схем. Марксистская схема истории – смена одной общественно-экономической формации другой. «Двигателем» истории выступает не-

кое таинственное развитие производительных сил. Булгаков показал абсурдность марксистской методологии «экономизма», с помощью которой последователи автора «Капитала» пытались и пытаются объяснить любое историческое событие, равно как и любое явление духовной и культурной жизни.

3. Методологической базой истории во времена бурного расцвета «экономизма» становится политическая экономия. Конечно, прежде всего она концентрирует свое внимание на настоящем и будущем (прогноз социально-экономического развития). Но тем не менее она заставляет по-новому трактовать события прошлого, подгоняя их под свои схемы. Как отмечает Булгаков в «Философии хозяйства», «прошлое освещается здесь рефлектором научных понятий настоящего, впрочем, мы и всегда рассматриваем прошлое через очки современности» (с. 324). Такой подход приводит к огрублению, а нередко и карикатурному искажению истории: «Но очевидно, что хотя такая стилизация истории во вкусе современной политической экономии и представляет немалые удобства в целях ориентировки и экономии мысли, достигаемых применением готовой уже символики понятий, однако эта схематизация и модернизация, в которой многие видят самую квинтэссенцию научности, иногда заслоняет от нас историческую действительность в ее красочной индивидуальности. Это причисывание греков и римлян, вавилонян и египтян под капиталистов и пролетариев нового времени, которое все больше входит в моду, имеет не только свои удобства, но и опасные отрицательные стороны, так что, быть может, придется когда-нибудь чистить историческую науку от этих плевел модернизации» (с. 324). Между прочим, эти «плевелы модернизации» стали активно засорять отечественную историю после ре-

волюции 1917 года, когда главный историк-большевик Н. Покровский переписал заново почти все страницы прошлого России на основе марксистского учения об общественно-экономических формациях и «классовой борьбе» как двигателе исторического процесса. Сейчас происходит мучительно болезненный процесс очищения русской истории от «плевел» «исторической школы» Н. Покровского, постепенно начинает проступать «историческая действительность в ее красочной индивидуальности». Правда, одновременно историческая наука в России начинает засоряться «плевелами» иного рода – схемами экономического либерализма (которые, как и марксизм, пришли к нам с Запада).

4. Хотя основной вопрос «Философии хозяйства» – отношения общества (человечества) и природы (космоса), однако Булгаков некоторое внимание уделил также вопросам отношений между людьми внутри общества. Он, в частности, достаточно определил свое негативное отношение к капитализму. Впрочем, не менее негативно он оценил и марксистскую модель социализма. Что касается достижимого для человечества социального идеала, то Булгаков назвал его социальным христианством. Понятие «социального христианства» в «Философии хозяйства» не получило достаточно глубокой проработки. Вместе с тем из его работы видно, что:

а) наиболее идеальное устройство жизни на Земле возможно лишь на основе христианской веры и христианских устоев;

б) жизнь христиан не должна замыкаться лишь на церковно-обрядовой стороне, они не должны отгораживаться от мира; христиане и Церковь должны проявлять активную социальную позицию в жизни, которая, как показал Булгаков, во всех ее проявлениях является хозяйственной деятельностью.

8. Капитализм, социализм, социальный идеал человечества

1. Один из «периферийных» вопросов «Философии хозяйства» – оценка Булгаковым конкретных типов общества. Прежде всего капиталистического. Его отношение к капитализму – негативно-критическое. Он прекрасно видит противоречия, несправедливость, античеловечность капитализма. Например, в работе «Два града» он жестко обвиняет капитализма в «порабощении человека человеком»¹.

Можно заметить, что уже в «Философии хозяйства» (и тем более в последующих работах) Булгаков крайне редко использует слово «капитализм». Он отходит от марксистских идеологических клише (капитализм, социализм, рабовладельческий строй и т.п.) и пытается описывать социально-политические и социально-экономические феномены человеческой жизни с помощью других терминов, которые ближе не к материальной, а духовной стороне жизни. Так, в своей обширной лекции «Война и русское самосознание» (1915) он прекрасно выявляет социально-экономические причины Первой мировой войны, однако крайне редко использует слово «капитализм» (примерно в это же время В. Ленин писал свою известную брошюру «Империализм, как высшая стадия капитализма», почти на каждой странице которой говорит о капитализме и его высшей, монополистической стадии как главной и единственной причине войны). Булгаков использует понятия «новоевропейская цивилизация», «мещанская цивилизация», «цивилизация меркантилизма» и т.п. По нашему

¹ См.: Булгаков С. Н. Христианство и социальный вопрос // С. Н. Булгаков. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб.: Изд-во РГХИ, 1997.

мнению, такой лексический подбор не случаен: Булгаков стремится показать, что корень всех зол не в социально-экономическом устройстве жизни, а в духовной сфере. Социально-экономическое устройство, которое тогда было принято называть «капитализмом», – лишь следствие духовного устроения общественной жизни.

2. Именно поэтому у Булгакова вопросы оценки различных форм собственности, рабства, прибавочной стоимости, ростовщического процента оказываются на периферии его размышлений. По его мнению, это вопросы вторичные, чуть ли не «технические». Взять, к примеру, отношение христианства к частной и общественной (общей) собственности. В «Философии хозяйства» Булгаков не стал рассматривать этот вопрос как совершенно второстепенный. Через четыре года в специальной работе «Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве», вошедшей в состав книги «История экономической мысли» (Пг., 1916), Булгаков объяснил свою позицию по вопросам собственности, рабства, проценте на капитал и другим «жгучим» на тот момент социально-экономическим проблемам. Вот, в частности, его рассуждения о собственности: «...Поэтому вопрос о формах собственности для христианства превращается в вопрос чистой целесообразности, но не имеет в себе того принципиального острия, какое содержит он для социализма. Христианство столь же мало связано с хозяйственным индивидуализмом, как и социализмом, и одинаково как к тому, так и другому обращается с тем же призывом и предостережением: не погружаться в хозяйство до конца, не давать овладеть собою его инстинктам, но по возможности и живя в хозяйстве осуществлять свою свободу от богатства, подчинять его религиозно-этическим нормам. Одним словом, христианству в вопросах хозяйства и социализма

принадлежит лишь аскетический обертон, религиозно-этический мотив самообуздания и служения ближнему, а не то или иное суждение, касающееся хозяйственного факта, где царит необходимость со своею целесообразностью. И поэтому все разговоры о “христианском социализме”, как единственно нормальной форме христианства в вопросах хозяйства, основаны на недоразумении: утверждать общую собственность как именно христианскую форму собственности – значило бы овеществлять христианство, связывая его с частными формами экономической целесообразности: христианство проповедует свободу от собственности и попускает последнюю лишь при условии этического регулирования пользования ею. И между идеалом Франциска Ассизского и социализмом столь же мало общего, как между коммунистическими мечтаниями какого-нибудь Беллами и аскетическими заданиями, которые ставил себе в пору своего влияния Джироламо Савонарола, подобно Платону стремившийся сделать государство принудительным монастырем для воспитания нравов»¹. Вопрос о форме собственности, по мнению Булгакова, утрачивает свое первостепенное значение, подчиняясь общей цели достижения экономической и социальной свободы человека.

3. Аналогичную по сути позицию занял Булгаков в отношении вопроса о преимуществах капитализма и социализма. Он, в частности, писал, что «абстрактные категории социализма или капитализма, столь удобные для демагогии, оказываются совершенно неприменимы для углубленного рассмотрения вопроса в свете совести. Но есть высшая ценность, при свете которой и нужно давать сравнительную расценку разных хозяйственных форм. Это есть свобода личности, правовая и хозяй-

¹ Цит. по: О. Платонов. Русская экономика без глобализма. М.: Алгоритм, 2006. С. 446–447.

ственная. И наилучшей из хозяйственных форм, как бы она ни называлась и какую бы комбинацию капитализма и социализма, частной и общественной собственности она ни представляла, является та, которая наиболее обеспечивает для данного состояния личную свободу как от природной бедности, так и от социальной неволи. Поэтому в своих суждениях о хозяйственных формах и отношении к ним православие исторично. Это есть область релятивизма средств при неизменности цели»¹.

4. Булгаков – реалист, он понимает, что требовать ниспровержения того строя, который он называл «цивилизацией меркантилизма», до тех пор, пока для этого не созрели необходимые духовные предпосылки, – значит обрекать общество, людей на еще более серьезные испытания. Такую точку зрения Булгакова можно назвать позицией социально-политического реализма. Таковой, по мнению Булгакова, должна быть и позиция христианства в целом. По его мнению, христианство должно считаться «с пределами эластичности социальной ткани, чтобы не совершить ее разрыва или полома скелета во имя стремления придать социальному телу новую форму»².

Подобные высказывания Булгакова некоторые его политически наэлектризованные критики воспринимали как позицию недопустимой социальной толерантности и оппортунизма. Булгаков интуитивно чувствовал, какие жертвы и муки для русского народа может породить революционная борьба по ниспровержению «проклятого» капитализма, которая разворачивалась на его глазах.

5. Булгаков постоянно подчеркивал, что христианин обязан быть социальной личностью, не имеет пра-

¹ С. Н. Булгаков. Православие. Очерки учения православной церкви. М: Терра, 1991. С. 367.

² С. Н. Булгаков. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 96.

ва замыкаться исключительно на вопросах личного спасения. Все вытекает из общего духа «Философии хозяйства», которая апеллирует прежде всего к совести и чувству человека, душа которого по своей природе – христианка (Булгаков часто вспоминает эту крылатую фразу Тертуллиана). Такая душа не может не переживать по поводу несправедливостей и притеснений как близких, так и дальних людей. Подробнее свою точку зрения на социальную сторону жизни христианина он излагает в работе «Христианский социализм». Он, в частности, отмечал в ней: «И если заповедь о всеобщей обязанности труда и помощи нуждающимся в материальной поддержке понималась раньше исключительно как *обязанность личного поведения*, то теперь, после того, что мы знаем из общественных наук, одна она не может успокоить совесть, для нас выясняются, кроме того, и *обязанности социального поведения* (курсив мой. – В.К.)» (там же). Напомним, что Булгаков не только теоретически обосновывал необходимость для христиан активно участвовать в социально-политической жизни, но и сам практически пробовал это делать. Пытался создать свою политическую партию, участвовал в выборах в Государственную думу, был депутатом Думы второго созыва. Впрочем, все это было еще до написания и опубликования «Философии хозяйства». После окончания первой «русской» революции (1905–1907) Булгаков испытал разочарование в политической деятельности. Его взгляды на формы и методы, содержание и смысл социальной деятельности христианина в условиях «цивилизации меркантилизма» были существенно скорректированы. Впрочем, почти все эти соображения оказались за рамками «Философии хозяйства» и нашли свое отражение в других работах Булгакова.

9. Блуждания по лабиринтам философии. Софианство

1. «Философия хозяйства» – некая развилка творческого пути Булгакова. Этой работой он фактически поставил точку на своих изысканиях в области политической экономии. Он окончательно в ней разочаровался, что хорошо видно из той же «Философии хозяйства». Данная работа – апогей творческого увлечения Булгакова «чистой» философией (о чем, впрочем, можно догадаться даже по названию произведения). Но в то же время, как очень требовательный исследователь, Булгаков вынужден был в свою философскую схему ввести некоторые богословские аксиомы (догматы), которые стали краеугольными камнями «Философии хозяйства». Например, положение о падшей природе человека (в результате грехопадения первых людей в раю), о конце человеческой истории (Апокалипсис), о заповеди Бога изгнанному из рая человеку добывать хлеб в поте лица и т.д. Там и сям по работе Булгакова разбросаны ссылки на Ветхий и Новый Завет, на пророков, святых отцов. Было бы неправильно назвать работу Булгакова «чисто философской» (подобно, например, произведениям Платона, Канта, Гегеля). Это философия с «примесями» христианского богословия (то, что принято называть религиозной философией). Некоторые очевидные для христианского мыслителя вещи (вытекающие из Священного Писания или Священного Предания) Булгаков доказывает, используя сложные философские рассуждения. Мне лично это напоминает проведение операции умножения $2 \times 2 = 4$ на мощном компьютере. В русском языке для обозначения этого есть меткое слово: «заумность». Кстати, для отбора теорий, одинаково адекватно отражающих те или иные явления и про-

цессы, ученые применяют предложенный австрийским философом Махом «принцип экономии». Булгаков сам вспоминает про этот принцип. К сожалению (это мое субъективное мнение), философская схема Булгакова в некоторых своих частях не отвечает «принципу экономии». Впрочем, многие представители интеллигенции со своей верой во всеисилие науки и философии двигаются к Истине (Богу) именно такими длинными, окольными тропами. Об этом мы еще скажем ниже.

2. Было бы полбеда, если бы все ограничивалось «заумностями». Есть попытки сделать «открытия», которые противоречат догматам христианского богословия. Речь идет об идее Софии. «Философия хозяйства» – первая серьезная работа Булгакова, в которой он изложил свои мысли по поводу Софии (софиология). Сразу заметим, что тему Софии Булгаков продолжал обдумывать и в последующих своих работах, которые из философских произведений постепенно превращались в богословские. Фактически это была смелая (скорее дерзкая) попытка Булгакова внести свой вклад в богословское учение Православной Церкви. Идея Софии впервые была озвучена русским философом и поэтом Владимиром Соловьевым. У Соловьева это выглядело достаточно красиво и не воспринималось остро как ересь. Ведь Соловьев был не только философом, но также поэтом; многие усматривали в Софии Соловьева лишь поэтические рефлексии. Углублять и развивать идею Софии с философских и богословских позиций стал прот. Павел Флоренский, Булгаков продолжил эту эстафету. Даже в пределах работы «Философия хозяйства» трудно найти однозначную трактовку понятия «София», в переводе с греческого языка означающего «мудрость». Довольно часто автор называет Софию «Премудростью Божией» или просто «Премудростью».

В рассматриваемой нами работе Софию автор трактует как:

идеальную основу мира;
мир идей;
некое начало, стоящее между Абсолютным духом (Богом) и космосом;
душу мира;
«третье бытие»;
демиурга;
основу всеобщей связи;
соединяющую все части мироздания скрепу;
творящую душу природного мира;
правлящий человеческой историей центр (с сокрытыми в нем объективными законами исторического движения человечества);
творящую душу природного мира (в том числе источник эволюции этого мира) и т.п.

Нетрудно заметить, что некоторые определения Софии, которые мы находим у Булгакова, дополняют и повторяют друг друга. Некоторые между собой не «стыкуются». Выше мы давали данное Булгаковым определение «субъекта хозяйства». Им является «человечество», но при этом Булгаков уточняет: «трансцендентальное человечество». Иначе говоря, какое-то «потустороннее человечество». В некоторых фразах Булгакова чувствуется, что София и есть «трансцендентальное человечество», а реально обитающее на земле человечество – лишь некая бледная, размытая тень потустороннего первоначала. При этом тень в разные периоды истории может больше или меньше соответствовать потустороннему первоначалу по имени София.

Из приведенных выше трактовок Софии, содержащихся в «Философии хозяйства», достаточно трудно понять, какое место по отношению к Богу занимает эта са-

мая Премудрость. Если судить по контексту отдельных мест «Философии хозяйства», то в некоторых случаях София – результат творения Бога, часть тварного мира. В других случаях – ипостась Самого Бога («четвертая ипостась»). Свое учение о Софии Булгаков продолжил и углубил в следующем своем крупном произведении «Свет невечерний». Вдохновение при создании своего учения о Софии Булгаков черпал не только из произведений уже упоминавшегося В. Соловьева и П. Флоренского, но также работ древних философов Платона и Плотина, средневекового мистика Якова Бёме.

3. Абсолютно «мертвого» мира, по Булгакову, нет. Признаком «живости» природы выступают происходящие в ней изменения, за которыми следует видеть не хаос, а некую эволюцию с вектором, развернутым на некую таинственную конечную цель. Источником этой эволюции выступает София. Нетрудно заметить, что софиология Булгакова пахнет пантеизмом. Речь идет об учении, согласно которому Бог – в природе, а природа – в Боге; в пантеизме нет грани между Творцом и тварью. Скорее, у Булгакова не «классический» пантеизм (как, например, в философии Спинозы), а «софианская» его разновидность: София – в природе, а природа – в Софии.

В первой главе «Философии хозяйства» Булгаков пишет: «На природе лежит мертвая маска вешности, чуждости, непроницаемости для человека, и лишь избранные тайновидцы знают, что в действительности» это не так (с. 77). А как? Отвечает он строками из *Ф. Тютчева*:

Не то, что мните вы, природа,
Не слепок, не бездушный лик,
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Но если в поэтическом творчестве допустимы (и даже необходимы) различные метафоры, аллегории и фантазии, то для ученого и философа ссылаться на «поэтическое озарение» (ниже он использует это выражение) недопустимо. Видимо, Булгаков относил себя к упомянутым «избранным тайновидцам». Но обычные читатели «Философии хозяйства» (к коим я себя также отношу) не являются «избранными тайновидцами» и воспринимают подобные «откровения» с недоумением.

Упомянутые «откровения» русского философа не столь уже безобидны, как это кажется. В конце прошлого столетия, когда среди интеллигенции обострился интерес к экологии, космизму, теории «большого взрыва», НЛЮ и т.п., пышным цветом стали расцветать еретические теории «живой Земли», «живого космоса», «живой природы». Доморощенные авторы и пропагандисты таких «теорий» в поисках авторитетов уже тогда ссылались на имена ряда русских мыслителей, среди которых обязательно присутствовали В. И. Вернадский, Л. А. Чижевский, Н. Ф. Федоров и С. Н. Булгаков. «Напитавшись» идеями теорий «живой Земли», наиболее «поэтически озаренные» представители нашей творческой и технической интеллигенции эволюционировали в сторону йоги и других восточных философий, теософии, оккультизма, каббалы.

4. Следует иметь в виду, что идеи софиологии – типичный признак Серебряного века с его рефлексиями, мистикой, эпатажами, богоискательствами и другими болезнями русской интеллигенции, которой наскучило ортодоксальное христианство с его «слишком простыми» истинами и законами. Тянуло в оккультные кружки, масонские ложи, на сеансы спиритизма. А наиболее «консервативные» представители «просвещенной» интеллигенции спешили не в храмы, а в религиозно-философские

общества. Религия там была лишь внешним антуражем, а философские «изыски» Платона, Плотина, Бёме или Шопенгауэра, или, на крайний случай, Шеллинга были намного интересней, чем Нагорная проповедь Христа. Та же самая софиология стала повальной болезнью русской творческой интеллигенции. О ней говорили и писали Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, князь Евгений Трубецкой, Андрей Белый, Александр Блок и многие другие поэты, писатели, философы. Впрочем, у поэтов и художников понимание Софии было совершенно размытым (некая поэтическая рефлексия) и не встраивалось ни в какую философскую систему. У «профессиональных» философов София играла роль первоначала всего мира и заменяла им реального Бога как Творца и Промыслителя. Именно так они демонстрировали свою искреннюю любовь к Софии (напомним, что в переводе философия – «любовь к Софии», или «любовь к мудрости»). Можно сказать, что софиология – узкокастовая религия «профессиональных» философов.

5. Не секрет, что слово «София» нередко встречается в работах святых отцов и православных богословов, но имеет иной смысл, чем у Соловьева, Флоренского, Булгакова. Оно берет свое начало в ветхозаветных писаниях в форме олицетворения Премудрости Бога. Там, особенно в местах, близких к новозаветному откровению о Христе, святые отцы единодушно видели прозрение Ипостаси Сына Божия. Таково, например, общецерковное понимание слов о Премудрости, содержащихся в книге Притчей (9:1–9). О том, что наименование «Премудрость Божия» относилось всюю Православную Церковь ко Второй Божественной Ипостаси, свидетельствуют Деяния Первого, Третьего, Шестого и Седьмого вселенских соборов. Так, Первый вселенский собор говорит о непостижимой Премудрости, «Которая

создала... все сотворенное», – о Премудрости несозданной, безначальной, т.е. о Христе, потому что Христос есть Божия Сила и Божия Премудрость (1 Кор. 1:24). О наименовании Второй Божественной Ипостаси Премудростью Божией говорит и факт «посвящения храмов Господу Иисусу Христу именно как Премудрости Божией с самых древних веков и до настоящего времени в разных православных странах... Таким образом, учение святых отцов Церкви об Иисусе Христе как Премудрости Божией и это наименование Второй Божественной Ипостаси было воспринято «всею вселенскою Церковью в качестве ясной и безспорной истины»¹.

Наиболее последовательно и полно критический разбор софиологии Булгакова был дан русским мыслителем В. Н. Лосским в работе «Спор о Софии», а также архиепископом Серафимом (Соболевым) в работе «Новое учение о Софии Премудрости Божией». Архиепископ Серафим, говоря о софийном учении Флоренского и Булгакова, называет его «настоящим еретическим учением с гностическим и языческим мирозерцанием», порождающим «догматический хаос»². Отметим, что строгий критический богословский анализ софианства архиепископом Серафимом стал основанием для его осуждения как лжеучения на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви Заграницей. Ересь была осуждена также Московской Патриархией.

Несмотря на объявление софианства ересью (еще при жизни Булгакова), после Второй мировой войны эти семена дали ядовитые всходы. В интересной книге Л. Перепелкиной «Экуменизм – путь, ведущий в погибель» (Джорданвилль, 1992) говорится о том, что ересь

¹ Архиепископ Серафим (Соболев). Новое учение о Софии Премудрости Божией. София, 1935. С. 121.

² Там же, с. 513.

софианства способствовала развитию экуменизма, а также она стала использоваться церковными модернистами для того, чтобы «феминизировать» Бога и Церковь (введение женского священства), «отредактировать» заново Священное Писание и т.п. Там, в частности, говорится, что «ее создатели – свящ. Павел Флоренский и прот. Сергей Булгаков посредством хитросплетенного учения о Софии (своими корнями связанного с языческой философией Платона, каббалистическим учением, а также с осужденным Церковью гностицизмом, особенно с гностицизмом валентиниан и рядом других позднейших гностиков-теософов) вводят в Божественную Троицу четвертую, женскую ипостась».

6. В последнее время можно наблюдать некоторый ренессанс софиологии в России. Наиболее рельефно он обозначился в вышедшей недавно книге «Ренессанс философии хозяйства»¹. Впрочем, и в сегодняшней России продолжается критический разбор софиологии Булгакова и его последователей².

10. «Религиозный материализм» Булгакова

1. Сергей Булгаков в «Философии хозяйства» несколько раз упоминал имя русского мыслителя Н. Ф. Федорова (1829–1903). Последний прославился своей философией «общего дела» (основная его работа «Философия общего дела» увидела свет почти одновременно с «Философией хозяйства» Булгакова). В своем труде Булгаков просто упоминал Федорова, но при этом с явными уважением и пиететом, не раскрывая притом при-

¹ Ренессанс философии хозяйства / Под ред. Ю. М. Осипова и Е. С. Зотовой. М., 2011.

² В качестве примера можно привести вышедшую недавно статью: И. В. Назаров. Софиология Сергея Булгакова: pro et contra // Философия хозяйства. 2012, № 3.

чин своего преклонения перед этим автором. Главная идея Федорова: конечной целью человечества является постижение тайн и покорение энергий мира и воскрешение с их помощью всех умерших предков. У Федорова постоянно звучала мысль о человечестве как совокупности поколений от начала мира, об отношениях детей и отцов и о воскрешении предков (отцов) как первейшем долге детей. Сам Федоров, хотя и называл себя христианином, не вполне разделял все догматы православия, внося в них свои авторские «коррективы». Впрочем, эти «коррективы» при жизни их автора рассматривались как частное мнение мыслителя; его фантазия о всеобщем воскрешении умерших самим человечеством даже не была квалифицирована как ересь. Справедливости ради следует отметить, что под очарование федоровских фантазий (очень талантливых) попадали многие известные современники Николая Федоровича (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев).

2. Полагаю, что Булгакова в учении Федорова очаровала не столько идея воскрешения на «научной основе», сколько космизм этого оригинального мыслителя. Космизм – религиозно-философское и художественно-эстетическое течение, ставшее популярным среди российской интеллигенции в начале XX века. Основная идея космизма – вера в то, что человечество, опираясь на науку, сможет добиться целенаправленного регулирования природных процессов не только на Земле, но и за пределами нашей планеты, в долгосрочной перспективе выйдя даже за пределы Солнечной системы и покоря бескрайние пространства космоса. Человек станет «гражданином» Вселенной. Н. Федоров считал, что в случае воскрешения наших предков нашей планеты для размещения людей будет явно недостаточно, поэтому космос неизбежно должен стать домом постоянно расту-

щего человечества. В общем, мы имеем дело с еще одной красивой научно-философской утопией, уводящей человека от живой веры в Бога в безусловное поклонение научному знанию. Федорова можно считать основателем русского космизма, а другими его яркими представителями стали К. Э. Циолковский (1857–1935), В. И. Вернадский (1863–1945), А. Л. Чижевский (1897–1964). Не чужды были космизму В. С. Соловьев и о. Павел Флоренский. Наиболее полная (с позиций православия) критика русского космизма содержится в работах наших известных философов Н. О. Лосского и Н. А. Бердяева.

Идеи космизма, безусловно, присутствуют в «Философии хозяйства» Булгакова, который хозяйство рассматривал как покорение человечеством не только и не столько природных сил нашей планеты, сколько бескрайних пространств космоса. Во всех публикациях по проблемам русского космизма в списке основных представителей этого направления религиозно-философской мысли имя Булгакова – на одном из первых мест.

3. Весьма сомнительны некоторые высказывания Булгакова в «Философии хозяйства» по поводу возможности установления Царства Божия на земле (идея т. наз. хилиазма). Примечательно, что в «Философии хозяйства» и других своих работах Булгаков последовательно и убедительно борется с марксистской разновидностью хилиазма (коммунизм как аналог Царства Божия, земного рая без Бога). В разъяснение этого тезиса он пишет: «Социализм – это рационалистическое, переведенное с языка космологии и теологии на язык политической экономики переложение иудейского хилиазма, и все его *dramatis personae* (действующие лица (*лат.*) – В. К.) потому получили экономическое истолкование. Избранный народ, носитель мессианской идеи, или, как позднее в христианском сектантстве, народ “святых”, заменился

“пролетариатом” с особой пролетарской душой и особой пролетарской миссией»¹.

В то же время некоторые высказывания Булгакова, содержащиеся в «Философии хозяйства», можно трактовать следующим образом: Царство Божие на земле – один из вариантов возможного развития человечества. Такую позицию С. Булгакова некоторые исследователи справедливо называют «религиозным материализмом»². Здесь я позволю себе процитировать фрагмент из книги проф. А. И. Осипова: «Идея “Царствия Божия на земле”, т.е. достижения в земной истории всеобщего духовного и нравственного благоденствия, энергично защищаемая почти до конца своей жизни В. С. Соловьевым и идейно близкими ему в этом мыслителями (прот. С. Булгаковым, С. Н. Трубецким, прот. П. Светловым, Н. Федоровым и др.), отсутствует в святоотеческих творениях и принципиально противоречит Откровению Нового Завета (см.: Мф. 24, 5–31; Апокалипсис и др.)»³.

Справедливости ради следует сказать, что в указанном списке последователей хилиазма Булгаков является, пожалуй, наименее последовательным его приверженцем. В его работах можно найти достаточно высказываний, в которых он соглашается с мнением святых отцов о принципиальной невозможности Царства Божия на земле в любых его вариантах и сам критикует наиболее одиозные проявления хилиазма, воцарившиеся в среде русской интеллигенции (Дм. Мережковский, З. Гиппиус и др.). В своей эмигрантской работе «Апокалипсис Иоанна» Булгаков еще раз воз-

¹ С. Н. Булгаков. Апокалиптика и социализм // С. Н. Булгаков. Сочинения: В 2 т. М., 1993. Том 2. С. 424–425.

² См.: Религиозный материализм С. Булгакова // Философия истории / Под ред. проф. А. С. Панарина. М.: Гардарика, 1999.

³ А. И. Осипов. Путь разума в поисках истины. М.: Сретенский монастырь, 2003. С. 206.

вращается к теме хилиазма, давая осторожную и, на мой взгляд, взвешенную его оценку.

4. Автор данной статьи не богослов, поэтому, вероятно, целый ряд отклонений Булгакова от православной догматики им не был замечен. В одном энциклопедическом словаре православного направления, содержащем краткую статью о Булгакове, называется точное количество таких «отклонений»: «В его философских воззрениях, однако, усматривается несколько (а именно 16) личных мнений, не приемлемых Церковью»¹. Впрочем, «отклонения» бывают разного рода и «веса». Думаю, что «отклонение» в виде софианства – главное и корневое. Некоторые же «отклонения» можно отнести к предметам неоконченных богословских дискуссий. Среди них, например, особая трактовка Булгаковым «геенских страданий» и «вечности ада»².

Те «перегибы» и догматические искажения, которые Булгаков допускал в своих богословских и философских трудах, отчасти можно объяснить тем, что он как мыслитель относился к категории не столько «созерцателей», сколько «делателей» и «преобразователей». Булгаков воспринимает человека как существо действующее, активное, обладающее мощным творческим потенциалом. Недаром в своей речи на Съезде православной культуры в 1930 году он вновь вспомнил своего кумира Н. Ф. Федорова, приведя его слова: «...Мир дан человеку не для поглядения, а для действия»³. Вероятно, подобные высказывания дали основание русскому философу Н. Бер-

¹ Букварь. Наука, философия, религия / Под редакцией архимандрита Никона (Иванова) и протоиерея Николая Лихоманова. М., 2001. Т. I. С. 444.

² См.: Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. М.: Сретенский монастырь, 2003. С. 412–414.

³ Булгаков С. Н. Догматическое обоснование культуры // С. Н. Булгаков. Сочинения: В 2 т. Том 2. М., 1993, с. 290.

дядеу говорить о «таинственном родстве булгаковского православия с материализмом». Впрочем, в век расцвета «экономизма» среди философов и иных мыслителей «делатели» и «преобразователи» стали явно преобладать над «созерцателями». В этом отношении Булгаков не был уникальным мыслителем. Его своеобразие в том, что он попытался соединить «посюстороннее» (трудовая хозяйственная деятельность человечества) с «потусторонним» (Богом). Для чего ему и потребовалась София как связующее звено между Богом и тварным миром.

Своеобразие Булгакова (на фоне других русских мыслителей начала конца XIX – начала XX века) в том, что он представлял личность, обладающую многими творческими ипостасями, – ученого, философа, богослова, поэта. Именно это затрудняет использование традиционных подходов к оценке «Философии хозяйства» и других произведений Булгакова.

11. Булгаков: этапы движения к истине

Хотелось поделиться некоторыми мыслями, которые возникли у меня после прочтения «Философии хозяйства» и знакомства с другими работами Булгакова. На примере этого мыслителя видно, каковы логика и алгоритм движения «образованного» человека к истине. На этом пути он преодолевает несколько этапов.

Испытав немалое разочарование политической экономией Маркса, Булгаков попытался осмыслить хозяйственную жизнь преимущественно через призму философии. До конца ему это не удалось. Слишком много противоречий, двусмысленностей, «нестыковок» и «белых пятен». Впрочем, по моему личному мнению, это неизбежно сопровождает любую философскую конструкцию (теорию). Разница лишь в том, что созданные

некоторыми авторами-философами конструкции поначалу могут выглядеть достаточно красиво, убедительно и казаться логичными. Однако по истечении некоторого времени их очарование блекнет, а иногда такие философские конструкции вообще уходят в небытие. В работе «Философия хозяйства» философия преобладает над богословием. Собственно, немногочисленные богословские «вставки» в работе «Философия хозяйства» играют чисто декоративную роль, напоминают то ли самому автору, то ли читателю, что автор исповедует православие. Это уже позднее, особенно когда Булгаков оказался в эмиграции, в его работах богословие стало превалировать над философией.

Здесь я вынужден сделать некоторое отступление. Вопрос о соотношении науки, философии и богословия в деле постижения истин бытия крайне сложен. Неистребимое желание постичь истину заставляет ученого понимать ограниченность своего взгляда на мир с позиций той науки, которой он занимается. Пытливый исследователь рано или поздно приходит к выводу о необходимости взглянуть на объект своего исследования с высоты метафизики, т.е. некоей системы, которая претендует на целостное восприятие мира. Это и есть философия.

Молодой Булгаков занимался политической экономией (особенно марксистской его разновидностью). Он преподавал политическую экономию, написал ряд работ по экономической тематике. Среди них статьи «О некоторых основных понятиях политической экономии» (1898), «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия» (1899). В 1900 году им была подготовлена двухтомная диссертация «Капитализм и земледелие» (в которой он, между прочим, ставил под сомнение правильность общих выводов К. Маркса о тенденциях развития капитализма применительно к аграрному сектору экономики).

Булгаков вскоре понял условность, неточность, а иногда и ошибочность многих положений научной дисциплины, называвшейся «политическая экономия». Из приверженца марксистской политической экономии он стал превращаться в ее критика (за что, кстати, сам подвергся резкой критике со стороны российских марксистов, среди которых был и В. И. Ульянов-Ленин). Итоги его критических размышлений и сомнений были изложены Булгаковым в изданном в 1903 году сборнике «От марксизма к идеализму». Автор стал пытаться разглядеть ответы на мучившие его вопросы, относящиеся к сфере социальной и экономической жизни, с высоты «птичьего полета» философии. Особенно молодой человек увлекся немецкой классической философией (Кант, Гегель, Фихте, Шеллинг). «Философия хозяйства» – результат таких настойчивых поисков экономиста Булгакова. Этому фундаментальному исследованию предшествовали такие работы в области философского осмысления социально-экономической проблематики, как «Церковь и социальный вопрос» (1906), «Загадочный мыслитель» (о Н. Ф. Федорове, 1908), «Народное хозяйство и религиозная личность» (1909) и др.

Взойдя на высоты метафизики, он совершенно по-другому взглянул на многие вопросы экономики. Но, что примечательно, с этих высот ему открылись помимо экономической многие другие сферы бытия, которые были не менее интересными и актуальными, чем экономика. Вероятно, после написания «Философии хозяйства» интерес Булгакова к экономике как науке был в значительной степени утрачен. Философия вышла на первое место. В центре внимания оказались такие вечные предметы, как онтология (учение о бытии), гносеология (учение о познании), антропология (учение о человеке), космология, проблема соотношения свободы

и необходимости и многие другие. Сейчас мы не будем оценивать результаты философских поисков Булгакова, об этом мы скажем позднее.

Отметим, что и увлечение философией также было не слишком продолжительным. Условно его можно определить хронологическими рамками 1903–1913 годов. Булгаков с каждым годом все острее чувствовал ограниченность философских методов постижения истины. Ноты сомнения во всеилии философского знания звучат в заключительной части речи Булгакова на докторском диспуте при защите диссертации «Философия хозяйства» (сентябрь 1912): «Различные философские системы не только смотрят на мир чрез разные окна, но предполагают и различные, хотя и необходимые для них догматические базы, иногда сознательно, иногда бессознательно. Другими словами, они строятся из аксиом, интуитивных и недоказуемых. В основе всякой подлинной философской системы, т.е. имеющей самостоятельный мотив (а не компилятивно строяемой), лежит некоторая внутренняя интуиция, особым образом окачествованное мироощущение. Нельзя спорить об аксиомах, и, однако, различие аксиом с необходимостью ведет и к различию выводов. Ибо по-своему одинаково последовательны и евклидова и неевклидова геометрия, различаются их аксиомы. И, исходя из такого интуитивизма в понимании философских систем, я наперед должен признать, что и системы философии хозяйства могут правомерно различествовать, если расходятся исходные их аксиомы. Здесь заложены возможность неистребимых, по крайней мере средствами теории, разногласий, единство мыслей достигается только жизненным единением. И потому для меня ясно, что наряду с данною философией хозяйства может быть построена и совершенно иная» (с. 376).

Условно можно сказать, что 1913–1923 годы были переходным периодом, временем постепенного превращения Булгакова из философа в христианского богослова. Превалирование богословия над философией хорошо видно уже в работе «Свет не вечерний», вышедшей в 1917 году. Впрочем, вкрапления социально-экономической проблематики присутствуют и в работах переходного периода. Например, в третьей части третьего отдела «Света не вечернего» можно найти много интересных мыслей о хозяйстве и теургии, хозяйстве и искусстве, эсхатологии хозяйства. Достаточно насыщена социальной проблематикой крупная работа «Христианство и социализм» (1917). Примечательно, что в этой работе автор начинает уходить от явно выраженного в «Философии хозяйства» крена в сторону «религии материализма».

От «классической» философии Булгаков почти полностью отошел после своего рукоположения в священника (1918) и вынужденной эмиграции из России (1923). Очевидно, что священническое служение помогало о. Сергию выходить за рамки чисто кабинетного богословия, опираться на личный практический опыт духовной жизни. А революция, Гражданская война и мытарства после прихода к власти большевиков наверняка заставили Булгакова по-новому взглянуть на многое из того, что было им написано и продумано в «Философии хозяйства». После этого начинается «богословский период» жизни, который продолжался до кончины прот. Сергия Булгакова в 1944 году. В эмиграции выходят такие его работы, как «Купина неопалимая» (1927), «Друг Жениха» (1927), «Лествица Иаковля» (1929), «Агнец Божий» (1933), «Утешитель» (1936). Посмертно вышли: «Апокалипсис Иоанна» (1948), «Философия имени» (1953). В 1965 году в Париже на русском языке была издана книга о. Сергия Булгакова «Православие. Очерки учения Пра-

вославной Церкви» – сборник работ разных лет, в том числе и не издававшихся ранее. Последняя из названных книг является наиболее концентрированным изложением богословских воззрений о. Сергия. Примечательно, что в этой книге есть небольшая главка «Православие и хозяйственная жизнь» (правда, ничего принципиально нового по сравнению с написанным ранее она не содержит; в том числе она повторяет целый ряд мыслей, изложенных в «Философии хозяйства»). Конечно, отца Сергия последних лет его жизни нельзя назвать «чистым» богословом, в его произведениях вкрапляются философская и социальная проблематика. Поэтому биографы и исследователи творчества Булгакова чаще всего квалифицируют его как «русского религиозного философа», и с таким определением можно согласиться.

Эволюция мыслителя от философии к богословию не является чем-то уникальным. Многие пытливые умы прошли по этому пути. Например, наш известный подвижник благочестия игумен Никон (Воробьев, † 1963) также прошел этот путь исканий. Еще до революции он имел вкус к наукам, но потом, увидев их ограниченность, обратился к философии. Заметим, что при этом молодой человек был очень далек от Бога. Вот что говорил по поводу философии в конце своей жизни игумен Никон (Воробьев): «Изучение философии показало: каждый философ считал, что он нашел истину. Но сколько их, философов, было? А истина одна. И душа стремилась к другому. Философия – это все суррогат; все равно что вместо хлеба жевать резину. Питайся этой резиной, сыт будешь? Понял я, что, как наука ничего не говорит о Боге, о будущей жизни, так не даст ничего и философия. И совершенно ясен стал вывод, что надо обратиться к религии»¹.

¹ Цит. по: А. И. Осипов. Путь разума в поисках истины. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003. С. 182.

Мы уже упоминали имя русского религиозного философа Н. Бердяева, который достаточно критически оценивал целый ряд идей Булгакова (не только идею социализма, но также «перекос» в сторону материализма, излишнюю толерантность в отношении капитализма и т.п.). Вместе с тем он признавал искренность и страстность Булгакова в поисках истины. А также обратил внимание на то, что Булгаков как мыслитель постоянно духовно и интеллектуально возрастал, проходя последовательно те этапы, о которых мы сказали. По мнению Бердяева, это типичный путь честного русского интеллигента (попавшего в трагические переплеты истории первых десятилетий XX века): «Искания Булгакова имеют большое значение и должны быть высоко оценены. В нем есть подкупающая серьезность и искренность. Он очень русский, и пережитый им религиозный кризис имеет значение для судьбы русского сознания. В лице Булгакова как бы русская интеллигенция порывает со своим атеистическим и материалистическим прошлым и переходит к религиозному созерцанию и христианству. Это процесс большого углубления»¹.

12. От «Философии хозяйства» – к «богословию хозяйства»

Итак, перейдя от размышлений преимущественно философских к размышлениям богословским, Булгаков почти перестал интересоваться вопросами хозяйства. Таким образом, Булгаков не использовал ту интересную возможность, которая открывалась у него. Он так и не заложил камня в здание «богословия хозяйства». Впрочем, у Булгакова были свои приоритеты, вероятно,

¹ Н. А. Бердяев. Возрождение православия (о С. Булгаков) // Н. А. Бердяев. О русской философии. Часть 2. Свердловск, 1991. С. 193–194.

он считал, что другие богословские вопросы были еще более актуальными. Не нам об этом судить. Но замах и смелость автора в «Философии хозяйства» заслуживает уважения. Но, думаю, было бы намного продуктивнее, если бы Булгаков посвятил бы свою работу не философскому, а богословскому осмыслению хозяйственной жизни человека и общества. Мне кажется, что именно на этом пути можно достичь действительно серьезных результатов, которые так нужны православному человеку в современных условиях.

К сожалению, в течение целого века после выхода в свет книги «Философия хозяйства» С. Булгакова так и не появилось фундаментальных работ, которые были бы посвящены осмыслению экономики с позиций богословия (мы имеем в виду – православного богословия; в лоне Католической и протестантских церквей таких работ выходило и выходит достаточно много).

Пожалуй, единственное исключение составляет статья Н. В. Сомина, которая называется «Надо создавать “богословие экономики”»¹. Основная цель богословия экономики, как отмечает автор, – «осмысление всей сферы экономических феноменов с позиций православия». Конкретные задачи богословия экономики, как отмечается в указанной статье, заключаются прежде всего в определении тех нравственных ориентиров, которыми православный человек должен руководствоваться в своей хозяйственной деятельности. В принципе такие ориентиры заложены в Священном Писании и Священном Предании, в работах святых отцов, русских и зарубежных богословов и православных мыслителей. Но большая часть этого духовного и интеллектуального «капитала» лежит под спудом. Современная жизнь, как отмечал Бул-

¹ Интернет. Режим доступа: http://chri-soc.narod.ru/nado_sozdavat_bogoslovie_ekonomiki.htm

гаков, характеризуется духом «экономизма», который заглушает «духовные рецепторы» человека. В атмосфере повальной эпидемии «экономизма», перерастающего в «маманизм», знание этих ориентиров и умение правильно ими пользоваться становится главным условием нашего физического выживания и духовного спасения.

Можно согласиться с постановкой вопроса, содержащейся в статье Сомина, но лишь с одной оговоркой: это должно быть не «богословие экономики», а «богословие хозяйства».

13. Еще раз об «экономике» и «хозяйстве»

Дело в том, что «хозяйство» и «экономика» отнюдь не синонимы, как это принято считать. Обратим внимание, что Булгаков назвал свою работу «Философия хозяйства», а не «Философия экономики». Уже во времена Булгакова марксизм был доминирующей в Европе и России идеологией и философией. Так вот, «экономика» марксизмом (а также некоторыми другими течениями мысли) стала трактоваться как отношения между людьми по поводу производства, обмена, распределения и потребления продуктов труда. Получалось, что «экономика» – нечто невидимое, неосознаваемое, называемое «производственными отношениями». При этом производственные отношения являются составной частью всего спектра общественных отношений, занимая в них главенствующее, определяющее место. Так нас учили в советское время в вузах на занятиях по политической экономии и историческому материализму.

Но ведь экономические (производственные) отношения – лишь одна сторона медали, называемой «хозяйством». Помимо этих отношений хозяйство включает само производство и потребление – процесс непрерывно-

го материально-энергетического метаболизма в системе «природа – общество». Чаще всего в практической жизни люди, употребляя в разных сочетаниях слово «хозяйство», имеют в виду именно вторую, материально-вещественную сторону жизни человека и общества («народное хозяйство», «домашнее хозяйство», «сельское хозяйство», «приусадебное хозяйство», «фермерское хозяйство», «подсобное хозяйство», «мировое хозяйство» и т.п.). И Булгаков, изучавший и преподававший политическую экономию, почувствовал ограниченность предмета этой экономической дисциплины. Поэтому он вышел на метафизический уровень понимания хозяйства как в первую очередь отношений между человечеством (обществом) и миром (природой). В «Философии хозяйства» он сделал акцент именно на этой стороне хозяйства, которой в то время не интересовались толком ни политэкономы, ни философы, ни представители конкретных наук.

В конце XX века в связи с резким обострением экологических проблем в мире возникла острая необходимость осмыслить причины этой глобальной катастрофы человечества. Одна из причин лежала на поверхности и была быстро определена: отсутствие целостного, единого взгляда человечества на свои взаимоотношения с окружающей природной средой. Бросалось в глаза, например, что между естественными и общественными науками за несколько столетий со времени Просвещения была воздвигнута самая настоящая «китайская стена». Об этом в советское время очень убедительно и интересно говорил и писал наш географ профессор В. А. Анучин, лекции которого мне в свое время посчастливилось прослушать¹. В последние десятилетия прошлого века нашим и

¹ Его идеи изложены, в частности, в следующей работе: Анучин В. Основы природопользования. Теоретический аспект. М.: Мысль, 1978.

зарубежным философам был поставлен неприятный диагноз: отсутствие философского осмысления взаимодействия человечества и природы, хозяйственного освоения человечеством окружающего мира. А ведь такой целостный, метафизический подход еще в начале века как раз и предлагал в своей «Философии хозяйства» Булгаков. В этом смысле его работа даже опережала по своим идеям учение другого русского мыслителя – В. И. Вернадского, которого у нас принято считать основателем учения о биосфере и ноосфере, автором общей теории взаимодействия общества и природы.

Итак, мы выступаем с задачей создания именно «богословия хозяйства», предметом которого должны стать в равной степени как экономические отношения в обществе, так и отношения общества с природой. Имея в виду притом, что в процессе хозяйственной деятельности человек прежде всего находится в тех или иных отношениях с Богом. Напомним: в «Философии хозяйства» Булгаков неоднократно подчеркивал, что субъектом хозяйственной деятельности, т.е. хозяином, выступает человечество. В богословии хозяйства происходит смещение: Хозяином выступает Бог, а человечество – лишь управляющим этого Хозяина, которому (управляющему) поручено возделывать землю.

Формирование «богословия хозяйства» – приоритетное направление деятельности недавно созданного Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова (РЭО). Основные задачи в области разработки «богословия хозяйства» зафиксированы в документе, который называется «Концепция деятельности Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова».

Внимательный читатель может заметить некоторое противоречие в изложенной выше позиции. А именно: общество, называемое «экономическим», заявляет, что

будет заниматься «хозяйством». Противоречия нет, поскольку в названии нашего общества слово «экономическое» восходит не к марксистскому узкому пониманию слова «экономика», а к той трактовке, которая была дана еще Ксенофонтом (430–355 до Р.Х.) и Аристотелем (384–322 до Р.Х.) и была общепринятой на протяжении более двух тысячелетий. Тогда под «экономикой» понималось «искусство управления домашним хозяйством», «домашнее хозяйство», «домострой», а позднее – просто «хозяйство».

«Экономика» и «хозяйство» в эпоху расцвета христианства совпадали, они разошлись лишь в Новое время. Сегодня пропасть между «экономикой» и «хозяйством» стала просто громадной. В понятие «экономика» стали включаться разного рода финансовые рынки и спекуляции (также «экономические отношения», но только не по поводу производства, а по поводу бесконечного передела созданного ранее общественного продукта). Связь современной «экономики» с трудом и созиданием общественного продукта исчезает на наших глазах. Мы имеем дело не с созиданием дома, «домостроем», а с разрушением ранее построенного дома. Фактически это «антиэкономика». Впрочем, еще Аристотель предвидел, что экономика может незаметно трансформироваться в свою противоположность, которую он называл «хрестистикой» (искусство накопления богатства) и предупреждал об этой опасности.

Булгаков смутно предчувствовал такую мутацию экономики и порождаемый ею кризис хозяйства и всего человечества. На докторском диспуте при защите диссертации «Философия хозяйства» (сентябрь 1912) он сказал: «Капитализм с его железной поступью, с его неотразимой, покоряющей мощью, влекущей человечество куда-то вперед по неведомому и никогда еще не испы-

танному пути, не то к последнему торжеству, не то к гибельной бездне, – вот тот всемирно-исторический факт, которым мы невольно загипнотизированы, вот ошеломляющее впечатление, от которого мы не можем освободиться. Человек в хозяйстве побеждает и покоряет природу, но вместе с тем побеждается этой победой и все больше чувствует себя невольником хозяйства» (с. 364).

Преодоление кризиса хозяйства возможно лишь на путях возвращения человечества к истинному христианству, только в этом случае исчезнет расхождение между хозяйством и экономикой. И тем более исчезнет «антиэкономика» (она же – «хрематистика»). Будем надеяться, что с Божьей помощью РЭО, отталкиваясь от позитивных идей «Философии хозяйства» С. Булгакова, сумеет продолжить метафизическое осмысление хозяйственной жизни на базе православного богословия.

РАЗДЕЛ III. РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭКОНОМИКЕ В XXI ВЕКЕ

Где выход из нынешних экономических тупиков?

Мы обращаемся в первую очередь к той категории наших соотечественников, кто считает себя одновременно предпринимателями и православными людьми. То есть к тем, кого часто называют православными предпринимателями, а иногда – православными бизнесменами.

Мы против засорения русского языка иностранными словами, поэтому будем воздерживаться от использования слов *бизнес*, *бизнесмен* и их производных. В экономической литературе слово *бизнес* тесно срослось с такими понятиями, как капитал, прибыль, капитализм, конкуренция и всем остальным, что присуще так называемой рыночной экономике. Забегая вперед, обозначим наше отношение к рыночной экономике: это понятие родилось отнюдь не на русской почве, данная модель экономики чужда по своему духу православию, рыночная экономика достаточно себя дискредитировала в тех странах, где она существует уже на протяжении нескольких веков. Поэтому словосочетание *православный бизнесмен* выглядит не вполне корректно. Напомним, что в русском языке слову *бизнес* соответствуют слова *предпринимательство* и *дело*. Именно

поэтому мы решили назвать наш журнал «Наше дело» (понимая под нашим делом русское, или православное, дело; подчеркивая, что речь идет не о бизнесе, нацеленном на получение прибыли и приумножение капитала, а о хозяйственной деятельности, осуществляемой на принципах православия и подчиненной цели спасения бессмертной души).

Соединение в одном человеке двух упомянутых ипостасей (предпринимательство и православие) достаточно сложно реализовать на практике, а по мнению многих, эти две ипостаси вообще несовместимы. Аргумент сторонников последней точки зрения крайне прост: как сказано в Священном Писании, нельзя одновременно поклоняться Богу и мамоне. Надо выбирать. Это только на первый взгляд создается впечатление, что современное общество, с его идеологией рыночной экономики, прав человека, демократии, толерантности, безрелигиозно или занимает нейтралитет по отношению к христианству и другим религиям. Современная так называемая рыночная экономика – общество торжествующего мамоны, то есть бога денег и материального богатства. Все живущие по заветам мамоны рьяно служат этому богу, стремясь делать жертвоприношения в виде прибыли и капитала.

В подавляющем числе случаев прибыли и капиталы, концентрируемые в руках поклонников мамоны (бизнесменов, или капиталистов), используются в первую очередь не для личного их потребления. Лишь небольшая часть их богатства используется для удовлетворения жизненно необходимых потребностей, еще какая-то часть – для удовлетворения потребностей, связанных с обеспечением повышенного комфорта, а также потребностей противоестественных. Большая часть прибыли и капиталов – своеобразное жертвоприношение языче-

скому богу мамоне, хотя бизнесмены этого, как правило, не осознают. За этими прибылями и капиталами – человеческие муки и страдания, человеческие жизни, опустошенные души. В конечном счете за ними – гибель души, и нет ничего страшнее этого для православного человека. Бизнесмены приносят в жертву мамоне жизни и души не только других людей, но и свои собственные. Поклонение Богу – путь к спасению, поклонение мамоне – путь к вечным страданиям и гибели. Православный человек оказывается на развилке и должен принимать решение, по какому пути он последует.

Для любых предпринимателей в России и во всем мире существует множество проблем, сложных, а порой почти непреодолимых. Вместе с тем эти проблемы можно разделить на две группы:

а) проблемы, связанные с решением практических задач (это широкий спектр проблем, начиная от технических и организационных и кончая правовыми, судебными, политическими и т. п.);

б) проблемы мировоззренческие, связанные с ответами на вопросы, как можно совместить предпринимательскую деятельность со спасением души или, по крайней мере, с соблюдением минимальных этических и нравственных норм.

На страницах нашего журнала мы будем обсуждать как первые, так и вторые проблемы. Но справедливости ради следует отметить, что проблемы, относящиеся к первой группе, обсуждаются на страницах многих журналов и газет.

Проблемы второй группы почти не обсуждаются. Во-первых, потому, что многие предприниматели о них вообще не задумываются. Во-вторых, потому, что тем, кто выстраивал и выстраивает рыночную экономику, выгодно, чтобы предприниматели не задумывались о

проблемах мировоззренческого характера. В-третьих, потому, что проблемы мировоззренческие для современного человека намного сложнее, чем проблемы практически-прикладного характера.

Вместе с тем сегодня в России, несмотря на разгул и засилье идеологии рыночной экономики с ее аксиомой о естественном стремлении человека к богатству и максимальной прибыли (как главной цели земной жизни), имеются предприниматели, которые считают себя православными и мучаются вечными вопросами смысла и цели земной жизни. К этой группе предпринимателей примыкают также те, для кого не пустым звуком являются понятия «совесть», «нравственность», «справедливость», «любовь», «сострадание» (но в качестве православных они себя по тем или иным причинам не позиционируют).

Что можно сказать в отношении таких предпринимателей? По большому счету, у них есть несколько путей в этой жизни.

Путь первый. Недостаточный духовный иммунитет части таких предпринимателей приводит к тому, что происходит незаметная, постепенная их мутация в «акул капитализма». Они становятся последовательными адептами религии мамоны, приносящими этому богу свои жертвы.

Путь второй. Предприниматели перестают быть предпринимателями. Они уходят из бизнеса добровольно или против своей воли. Во втором случае речь идет о банкротствах и разорениях компаний. Надо учитывать, что в условиях жесткой конкуренции всякие проявления совести рассматриваются как слабость, как фактор, снижающий конкурентоспособность. Хотя нет соответствующей статистики, но можно предположить, что со-

вестливые люди чаще покидают бизнес, чем настоящие акулы капитализма.

Путь третий. Предприниматели пытаются заниматься благотворительной деятельностью. То есть они пытаются отказаться от того, чтобы приносить жертвоприношения мамоне, и решают служить своим богатством людям и Богу. Этот путь крайне сложен и противоречив. Хотят эти предприниматели или нет, но отчасти они уже в процессе своей деятельности по добыванию капитала такие жертвоприношения совершили (ведь они вынуждены использовать для добывания капитала методы, которые несовместимы с совестью и заветами христианства). Получается по формуле: «Греши и кайся». Но мы знаем, что настоящее покаяние – это сильное желание и твердое решение человека не совершать греха в будущем. Уже не приходится говорить о том, что в нашей грешной жизни благотворительная помощь в конечном счете нередко оказывается в руках не тех, кому она предназначалась. По нашему мнению, данный путь хотя и более предпочтителен по сравнению с первым, но применительно к нему можно использовать известную фразу: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

Путь четвертый. Предприниматели начинают искать пути преобразования общества, называемого рыночной экономикой. Таких предпринимателей немного, но это наиболее думающая и тонко чувствующая часть предпринимательского корпуса. Формула таких предпринимателей проста: «Надо играть на своем поле, по своим правилам, со своими судьями. До тех пор, пока мы будем играть на чужом поле, по чужим правилам и с чужими судьями, мы будем проигрывать». Для таких предпринимателей первые три пути – это проигрыш, как в чисто практическом плане, так и в плане духовном.

Спектр предлагаемых вариантов преобразования общества самый широкий – начиная от чисто политических и кончая образовательными и просветительскими. Начиная от призывов к революциям и кончая долгосрочными программами духовного возрождения общества через общенародные покаяния и молитвенные стояния.

На страницах нашего журнала мы будем так или иначе касаться всех четырех путей, по которым придется двигаться нашим отечественным предпринимателям. Однако не скроем: основное внимание предполагаем сосредоточить на последнем из названных путей, который, по нашему мнению, только и может давать настоящую перспективу и надежду русскому предпринимателю и вообще русскому человеку.

При этом мы планируем обращаться к самим предпринимателям, организуя очные и заочные встречи с ними, активизируя необходимые дискуссии и собирая по крупицам наиболее ценные мысли и предложения, сводя их в предназначенные для общего обсуждения программы и концепции. Программы и концепции не самоцель, а условие консолидации русских предпринимателей в рамках общего движения, которое можно было бы назвать «Русское дело».

Для успеха «Русского дела» необходимы не абстрактные идеи, которые при их воплощении в реальной жизни могут оказаться несостоятельными и даже вредными, а идеи, отражающие реальный позитивный опыт. Впрочем, не меньшего внимания заслуживает и негативный опыт: мы должны учиться на чужих ошибках и не наступать на одни и те же грабли. Опыт этот может иметь три следующих источника.

Во-первых, опыт хозяйственной жизни и предпринимательства наших предков. Прежде всего опыт дореволюционной России с ее традициями общины, артель-

ного труда, кооперации. Кроме того, много интересного и позитивного можно извлечь из опыта советского периода нашей истории. Хотя формально с частным предпринимательством в СССР было покончено еще в 1930-е годы, однако в части организации и управления крупными предприятиями, в части стимулирования творческой деятельности людей труда, в части долгосрочного планирования хозяйственной деятельности нам есть чему поучиться у наших отцов и дедов.

Мы против идеализации отечественной истории хозяйства и предпринимательства – как дореволюционной, так и советской. Если бы не было ошибок и искривлений в экономике нашей страны, то, наверное, можно было бы избежать и февраля 1917 года, и октября 1917-го, и августа 1991-го, и октября 1993-го (хотя мы против голого экономизма, с помощью которого можно объяснить всю нашу историю).

Во-вторых, опыт других стран. В первую очередь тех, которые намного раньше встали на рельсы рыночной экономики. В целом честный и объективный анализ этого опыта показывает, что рыночная экономика – тупиковый путь развития человечества. Путь, который грозит самому существованию человечества. Об этом на страницах нашего журнала будут постоянно публиковаться статьи и материалы, с помощью которых мы попытаемся хоть как-то противостоять агрессивному натиску идеологии рыночной экономики – идеологии не менее назойливой, примитивной и чуждой русскому человеку, чем идеология марксизма-ленинизма, которая навязывалась нашему народу на протяжении более семи десятков лет.

И вместе с тем удивительно, что даже в условиях рыночной экономики в ряде стран (как развитых, так

и развивающихся) наиболее пассионарным личностям удавалось и удастся создавать некоторые оазисы, в которых жесткие и жестокие законы капитализма ослабляют свое действие и в которых честным людям легче выживать и противостоять злу. Безусловно, создание таких оазисов требует не только ума, но также многих других незаурядных качеств – упорства, терпения, смелости, организационных способностей. В России такие оазисы крайне нужны: они могут стать в какой-то момент времени точками роста, закваской, опорными пунктами, обеспечивающими преобразование всей России.

В-третьих, российский опыт нашего времени. Мы знаем о нем мало, а он есть. И он не повторяет буквально опыт дореволюционной России и СССР, опыт других стран. Российские СМИ в подавляющей своей массе обрушивают на наши головы тысячи бомб информационного негатива, стремясь посеять в русском человеке уныние и отчаяние. На страницах нашего журнала мы планируем наладить обмен таким позитивным опытом между русскими предпринимателями.

Забегаая вперед, скажем, что бóльшая часть позитивного опыта основывается на выстраивании устойчивых отношений между предпринимателями, придерживающимися православных традиций и взглядов или, по крайней мере, не приемлющими людоедские принципы рыночной экономики.

Таким образом, задача-минимум нашего журнала – организовать обмен опытом и обсуждение различных взглядов русских предпринимателей на хозяйственную жизнь в нашей стране, формирование идейной основы движения «Наше дело». Задача-максимум – стать точкой кристаллизации для создания сообщества русских предпринимателей на идейной основе «Нашего дела».

Нужно ли России «предпринимательство»? Историко-филологический экскурс (часть 1)

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было вначале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.

Ин. 1, 1–5

Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься.

Мф. 12, 36–37

Сегодня слова «предприниматель», «предпринимательство», «предпринимательский» используются широко в России: в публикациях СМИ, в лексиконе политических и государственных деятелей, в социально-экономической литературе, в лекциях профессоров и учебниках (для студентов уже издано несколько учебников по предпринимательству и истории предпринимательства в России). Указанные слова фигурируют даже в текстах законов и других нормативных документов. В статье 34 Конституции Российской Федерации черным по белому записано: «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности». Из этой формулировки можно заключить, что среди разновидностей экономической деятельности в современной России предпринимательская деятельность – главная.

Все, что не относится к предпринимательству, – всего лишь «иная экономическая деятельность».

Наряду со словом «предпринимательство» также используется слово «бизнес» (и различные его производные). Однако в среде истинных русских патриотов слово «бизнес» не приветствуется как иностранный термин, некий вульгаризм американского происхождения. То ли дело «предпринимательство»! Наше слово! А наиболее патриотически настроенные граждане призывают нас к «православному предпринимательству». Попробуем разобраться в этом слове.

Слово «предпринимательство» в русском языке

Слова «предпринимательство», «предприниматель», «предпринимательский» используются для описания всего многообразия деятельности современного человека в сфере промышленности, бытовых услуг, строительства, транспорта, сельского хозяйства, оптовой и розничной торговли, кредита, страхования, иных финансовых услуг и т.п. Конечно, предпринимателями называют далеко не всех людей, а лишь небольшую часть. А именно – тех, кто выступает работодателем и организатором деятельности остальных людей. Правда, здесь также можно найти исключения, потому что есть понятие «индивидуальное предпринимательство», когда человек сам себе начальник и хозяин.

Наверное, есть какой-то более общий знаменатель, объединяющий различные формы предпринимательства. Практически во всех словарях (толковых, русского языка, финансово-экономических), а также учебниках по предпринимательству такими признаками выступают:

а) принятие человеком на себя рисков задуманной деятельности;

б) ориентация на получение прибыли.

Такое понимание предпринимательства зафиксировано и в нормативных документах Российской Федерации. В статье 2 (п. 1) Гражданского кодекса РФ дано определение предпринимательства как *самостоятельной деятельности, осуществляемой человеком на свой риск, направленной на систематическое получение прибыли*.

Второй из упомянутых признаков (ориентация на получение прибыли) – более важный. Ведь риски существуют в любой деятельности. Даже в советское время хозяйственные руководители брали на себя риски при принятии тех или иных решений. Да и у земледельца во все эпохи были серьезные риски – могли случиться засуха, град, заморозки, проливные дожди и т. п. Однако никто не называл ни советских директоров, ни крестьян предпринимателями, потому что они не ориентировались на получение прибыли. У первых была цель – выполнить план, у вторых – накормить семью.

В советское время слово «предприниматель» имело негативный оттенок. Человека могли назвать предпринимателем, подразумевая, что он махинатор, комбинатор, нечистый на руку. Такой смысл придавался термину и в словарях советского периода (кстати, далеко не во всех словарях слова «предприниматель», «предпринимательство» вообще присутствовали). В толковом словаре Д. Н. Ушакова в статье «Предпринимательство» мы находим такое определение: «Склонность к устройству предприятий, к аферам». Но даже в ряде современных, постсоветских словарей среди других определений сохраняется этот негативный вариант. Например, в Большом толковом словаре русского языка С. А. Куз-

нецова одно из толкований слова таково: «Склонность к устройству выгодных мероприятий, к аферам»¹.

Не надо все списывать на большевиков, которые якобы исковеркали слово. В данном случае советские филологи очень чутко передали тот смысл слова, который в него вкладывался до революции. А слово это в старое доброе время было достаточно редким и не имело однозначно положительного толкования.

В словаре русского языка Владимира Даля есть слово «предпринять», которое он определяет следующим образом: «предпринять или предпринять что, затевать, решаться исполнить какое-либо новое дело, приступать к совершенно чужому-либо значительному». Производными от «предпринять» у Даля являются «предприниматель, предпринимательница, предприниматель, предпринимательница, предпринявший что-либо». Судя по всему, слово «предприниматель» во времена Даля было даже более употребительным, чем «предприниматель». А вот слов «предпринимательство», «предприятие» у Даля нет – слишком редкие для того времени (словарь вышел в 60-е годы позапрошлого века и отражает лексику первой половины XIX века).

Глагол «предпринять» – более современная версия старорусского слова «предпринять». «Предпринять – наперед овладеть, занять, захватить»². Вероятно, слово «предпринять» могло изначально использоваться в военном деле (захват территорий, позиций). А когда Россия вступила в эпоху капитализма, то глагол «предпринять» стал описывать также коммерческие и финансовые операции по захвату чужого имущества.

¹ Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. – Первое издание. СПб.: Норинт, 1998.

² Полный церковно-славянский словарь. Сост. свящ. Григорий Дьяченко. Репринт. изд. 1898 г. М.: Отчий дом, 2011. С. 482.

Слова «предпринимательство», «предприниматель», «предпринимательство» – русского происхождения, но их смысловое наполнение менялось во времени. Главным образом в результате западных влияний. Считается, что в английском языке ближайшими аналогами «предпринимательства» являются слова *business*, *enterprising*, *undertaking* (примечательно, одним из значений последнего слова является «заниматься похоронной деятельностью»). В немецком языке наиболее близкое по смыслу слово – *unternehmung*.

До революции в России, как известно, в моде был французский язык. Поэтому некоторые французские слова без всякого перевода попадали в оборот. Среди них – «антрепренер» (*entrepreneur*), которое было близко к русскому слову «предприниматель», но не совпадало с ним полностью по смыслу¹. Вот пример из А. С. Пушкина: «Критикою у нас большей частью занимаются журналисты, то есть *entrepreneurs*, люди, хорошо понимающие свое дело, но не только не критики, но даже и не литераторы»². Александр Сергеевич чутко улавли-

¹ Кстати, американские экономисты Джозеф Шумпетер и Питер Друкер уже в XX веке писали о том, что антрепренерство не совпадает по смыслу со словами «*business*», «*enterprise*», «*undertaking*». По их мнению, антрепренерство – лишь частный случай, одна из форм предпринимательства. В Америке после Второй мировой войны была написана куча книг по антрепренерству. Среди них – книга Роберта Хизрича и Майкла Питерса «Антрепренерство», Питера Друкера «Инновации и антрепренерство». Если говорить коротко, то указанные авторы рассматривают антрепренерство как инновационную деятельность и считают ее чисто американским явлением. Изначально французские слова «*entrepreneurship*», «*entrepreneur*» сегодня прочно утвердились в Америке и считаются английскими. Уже не приходится говорить о том, что нынешнее понимание антрепренерства в Америке сильно отличается от понимания этого слова в России XIX века. Анализ этих смысловых нюансов выходит за рамки данной статьи.

² Цит. по: Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов. Том 1. М.: Наука, 1981. С. 417.

вал смысл слов и сумел коротко определить, кто такой entrepreneur: человек, хорошо понимающий (знающий) свое дело, профессионал. Получение прибыли не было определяющим признаком деятельности, называвшейся entrepreneurship. По крайней мере, в России XIX века.

Европейские идейные корни и смыслы

Считается, что в литературный и научный оборот слово «предпринимательство» ввел Ричард Кантильон (1680–1734) – английский экономист, банкир и демограф¹. Его перу принадлежит книга «Очерк о природе торговли вообще». В ней он рассуждает о природе богатства и его распределении, законах демографии, излагает свою теорию денежного обращения, а также говорит об особой социальной роли предпринимательства. Работа Кантильона удивительным образом соединила в себе очень разные экономические теории: английского меркантилизма, французской школы физиократов, английской классической политической экономии Адама Смита. Но речь сейчас не обо всей книге, а об ее идеях, касающихся предпринимательства. Европейскую экономику своего времени (начало XVIII века) автор уже называл рыночной. Эта экономика основывалась на постоянных товарных сделках (обменах). Важную функцию в поддержании таких обменов стали играть посредники, которые несли повышенное бремя рисков и неопределенности. Таких торговых посредников Кантильон и назвал предпринимателями. Используя, кстати, слово entrepreneur. Впрочем, круг предпринимателей у Кантильона не ограничивался торговыми посредниками (купцами); к ним он отнес всех, кто не имеет стабильных

¹ Зарубина Н. Н. Социология хозяйственной жизни. Учебное пособие. М.: Логос, 2010. С. 231.

доходов, сталкивается с рисками и неопределенностями: промышленников, спекулянтов, а также разбойников, бродяг и лиц свободных профессий.

Адам Смит (1723–1790) в своем главном труде «Богатство народов» также стал употреблять понятие «предприниматель». Однако у этого англичанина главным, определяющим признаком предпринимательства стало получение прибыли (хотя он также описывает и другие, производные от главного признаки: владение капиталом, наем работников, рациональность и утилитарность деятельности).

Еще один известный европейский экономист – француз Ж.-Б. Сэй (1767–1832). В своей основной работе «Трактат политической экономии, или Простое изложение способа, которым образуются, распределяются и потребляются богатства» этот француз в категорию предпринимателей зачислил людей, действующих как в производстве, так и торговле, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Для него главный признак предпринимателя – способность эффективно выполнять организаторские и административные функции. Он не привязывал предпринимательство исключительно к капиталистической модели хозяйства, полагая, что предпринимательство – внутреннее свойство человека, которое проявляется в любых социально-экономических условиях. Правда, он считал, что при отсутствии гарантированного права частной собственности потенциал человека-предпринимателя раскрыться не может.

Кстати, целый ряд западных экономистов и социологов более позднего времени придерживался точки зрения Сэя о внеисторическом, универсальном характере предпринимательства. Так, известные немецкие социологи М. Вебер и В. Зомбарт (пик их творчества пришелся на начало XX века) полагали, что предпри-

нимательство существовало и в докапиталистических, «традиционных» обществах.

М. Вебер, в частности, писал: «“Стремление к предпринимательству”, “стремление к наживе”, к денежной выгоде, к наибольшей денежной выгоде само по себе ничего общего не имеет с капитализмом. Это стремление наблюдалось и наблюдается у официантов, врачей, кучеров, художников, кокотов, чиновников-взяточников, солдат, разбойников, крестоносцев, посетителей игорных домов и нищих...»¹ Как видим, у Вебера главный, определяющий признак предпринимательства – стремление к наживе. Правда, о наживе он говорит лишь как денежном обогащении. Конечно, Вебер грубо искажает историческую реальность. Во-первых, далеко не все члены традиционного общества были одержимы стремлением к наживе. Особенно в обществе христианском, где отношение к богатству было крайне настороженным. Во-вторых, нажива в традиционных обществах часто имела натуральную форму – в силу слабого развития денежных отношений.

Примечательно, что стремление к предпринимательству люди докапиталистического общества, по Веберу, реализуют прежде всего не в сфере традиционного хозяйства, а за его пределами, там, где можно быстро обогатиться. Например, занимаясь разбоями, пиратством, воровством, кладоискательством, алхимией, разными волшебствами и т. п. Вебер называет такое предпринимательство авантюристическим: «Представители такого предпринимательства – капиталистические авантюристы – существовали во всем мире. Их шансы на успех (вне торговых, кредитных и банковских операций) либо носили обычно чисто иррационально-

¹ Вебер М. Протестантская этика и «дух капитализма» // Избранные произведения. М., 1990. С. 47.

спекулятивный характер либо были ориентированы на насилие, прежде всего на добычу; эта добыча могла извлекаться непосредственно в ходе военных действий или посредством длительной фискальной эксплуатации государственных подданных»¹. Вебер об авантюристическом предпринимательстве говорит в прошлом времени. Фактически он выступает апологетом современного ему капитализма, так как ассоциирует его с «цивилизованным предпринимательством» в сфере производства и обмена товаров. Авантюризма современных ему биржевых спекулянтов, грюндеров, банкиров-ростовщиков он предпочитает не замечать.

Схожее представление о предпринимательстве у В. Зомбарта: «Предпринимательские натуры – это люди с ярко выраженной интеллектуально-волюнтаристической одаренностью, которой они должны обладать сверх обычной степени...»². У него докапиталистический предприниматель – ярко выраженный авантюрист: организатор, первопроходец, завоеватель и торговец в одном лице. И лишь позднее появляется рациональный производственный предприниматель, у которого авантюристические наклонности сглаживаются, замещаются расчетом и маскируются внешней благопристойностью. При капитализме «становится выгодным (из деловых соображений) культивировать известные добродетели или, по крайней мере, носить их напоказ, или обладать ими и показывать их. Эти добродетели можно объединить в одном собирательном понятии: мещанская благопристойность»³. В каком-то смысле капиталистический предприниматель у Зомбарта –

¹ Там же. С. 50.

² Зомбарт В. Буржуа. Этюды по нравственной истории современного экономического человека. М., 1994. С. 154.

³ Там же. С. 99.

прямая противоположность его докапиталистическому предшественнику. Как пишет Н. Н. Зарубина, «особенностью мещанской морали, по Зомбарту, является способность к калькуляции, к сведению многообразия и сложности стоящих за реальным делом отношений к математическим исчислениям прихода и расхода – способность, не развитая в традиционном хозяйстве, где амбарные книги даже крупных купцов напоминали скорее дневники, чем современные финансовые документы»¹ Правда, Зомбарт признает, что и в эпоху капитализма сохраняется авантюристический тип предпринимателя. Только это уже не пираты, а финансовые спекулянты, не разбойники с большой дороги, а государственные чиновники-коррупционеры. Но современные разбойники всячески маскируются, прикрываясь маской благопристойного мещанина. В целом Зомбарт более сдержанно оценивает феномен предпринимательства в эпоху сложившегося капитализма. Предприниматель готов развивать любое дело, даже если оно никак не связано с реальными потребностями людей. Предпринимательство приобретает вид самоценной деятельности, вызывающей у Зомбарта аналогию с «дурной бесконечностью». При всех тонко замеченных Зомбартом различиях двух видов предпринимательства (в традиционном и капиталистическом обществах) у них имеется общий знаменатель – жажда наживы.

В духе Вебера и Зомбарта выступал их современник, итальянский экономист и социолог Вильфред Парето (1848–1923). В своих работах итальянец вообще не делал никакого различия между честными предпринимателями и мошенниками: те и другие, по его мнению, руководствуются в своей профессиональной деятельно-

¹ Зарубина Н. Н. Социология хозяйственной жизни. Учебное пособие. М.: Логос, 2010. С. 246.

сти (и жизни вообще) «комбинационным инстинктом». Предпринимательство, согласно Парето, – наиболее удобная сфера для реализации человеком своего комбинационного инстинкта, то есть, попросту говоря, склонности к жульничеству и аферам. Свои сомнительные социологические аксиомы итальянец прикрывал математическим аппаратом.

Особый взгляд на предпринимательство имел К. Маркс, оказавший, как известно, сильное влияние на умонастроения образованной части общества в Европе и России. Слово «предприниматель» неоднократно встречается в его главном произведении – «Капитале», причем фактически как синоним слова «капиталист»¹. Правда, не любой капиталист у Маркса является предпринимателем. Маркс делит всех капиталистов на две категории:

- а) функционирующие капиталисты;
- б) денежные капиталисты.

Первые создают различные товары и услуги, финансовым результатом их деятельности является прибыль. Вторые обеспечивают первых ссудным капиталом. Прибыль функционирующих капиталистов делится на предпринимательский доход и процент. Первый достается функционирующим капиталистам, второй – денежным. В «Капитале» предприниматель – капиталист, получающий предпринимательский доход. То есть предприниматель олицетворяет производственный и торговый капитал. Денежный капиталист, ростовщик в категорию предпринимателей не входит. Итак, у Маркса и его последователей предприниматель – лицо, получающее часть прибыли, остающуюся за вычетом ссудного процента. Может статься, что предпринимателю вообще

¹ Как известно, «Капитал» был написан на немецком языке. Автор использовал в этом произведении слова «*unternehmer*», «*arbeitgeber*» (второе можно также перевести как «работодатель»).

ничего не останется, и он еще окажется должным ростовщику. Он фактически лишь пользователь капитала, Маркс называет его капиталом-функцией, в противоположность ростовщику, который олицетворяет капитал-собственность. Если погрузиться в тонкости «Капитала», то можно прийти к следующему заключению: предприниматель в концепции Маркса находится на побегушках у ростовщика, истинного хозяина капитала. Маркс старался не выпячивать этот момент. Но все-таки иногда проговаривался, признавая, что истинным капиталистом является ростовщик, а промышленник (то есть предприниматель) по своему положению ближе не к истинному капиталисту, а к наемному работнику: «Промышленный капиталист в отличие от собственника капитала выступает поэтому не как функционирующий капитал, а как лицо, функционирующее даже помимо капитала, как простой носитель труда вообще, как работник, и притом как наемный работник»¹. Однако подобного рода признания не только не реабилитируют институт предпринимательства, но, наоборот, показывают его жалкую (в условиях капитализма) роль.

Слова «предприятие», «предпринимательство», «предприниматель» стали активно проникать из Европы в Россию в XIX веке – через переводы на русский язык работ упомянутых выше (и многих неупомянутых) европейских экономистов и социологов. Однако слова эти обращались в основном в двух столицах, среди профессуры, «прогрессивной» интеллигенции,

¹ Маркс К. Капитал. Том 3. М., 1970. С. 420. Оценка взглядов Маркса на соотношение промышленного, торгового и денежного капиталов содержится в следующей работе: Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». Книга 2. М.: НИИ школьных технологий, 2011. – Глава 26 «Карл Маркс, Ротшильды и механизмы долгового ограбления народа».

представителей зарождающейся буржуазии. Среди основной массы русского народа вплоть до революции эти слова широкого употребления не имели. Благочестивый русский человек не очень любил слово «предпринимательство», поскольку оно несло несколько негативный заряд. «Предприятие» и «предпринимательство», несмотря на многообразие смыслов, ассоциировались лишь с двумя моментами:

- получением барыша;
- авантюризмом и даже аферами.

Истинно русские люди квалифицировали некоторые западные книжки (типа В. Парето) как «социологическую порнографию». Лишь единицы в России по-настоящему увлекались подобной литературой и без зазрения совести пропагандировали ее идеи. У нормального русского человека после знакомства с такой литературой, а также проявлениями «комбинационного инстинкта» со стороны некоторых сверхактивных современников, появлялась устойчивая аллергия к слову «предпринимательство». Примерно такая же, как современная – к слову «демократия».

Нужно ли России «предпринимательство»? Историко-филологический экскурс (часть 2)

«Русский капитализм», или Неудавшаяся попытка «русского предпринимательства»

В России как аграрной стране крестьянин был занят преимущественно в натуральном хозяйстве, которое было ориентировано не на денежный барыш, а

на удовлетворение жизненных потребностей. Лишь во второй половине XIX века, когда страна стала вползать в капитализм, эти слова стали появляться в русском языке. Предприниматель – универсальный человек, который может действовать в любой сфере и отрасли хозяйственной деятельности. А в дореформенной России человек занимался в определенной ему сфере, отрасли. В России были разные типы «людей дела»: заводчики, фабриканты, купцы, процентщики, подрядчики, откупщики, артельщики, лавочники, кабатчики и т. п.

В России среди «людей дела» существовала определенная негласная иерархия, базировавшаяся на нравственном критерии. Как отмечал В. П. Рябушинский, более всего среди деловых людей были уважаемы фабриканты и заводчики. На втором месте стояли купцы. Ниже всех находились так называемые процентщики – банкиры и ростовщики. К ним относились с презрением. Так что люди дела были очень разными, общий знаменатель под них было сложно подвести. Но еще не было универсального предпринимателя, который был готов заниматься любым делом, который был готов с легкостью от заводского производства перейти к торговле, а от торговли – к ростовщичеству и бессовестным спекуляциям. Многие люди дела были представлены в нашей литературе как нравственно поврежденные личности (в пьесах А. Островского, в повестях Л. Толстого, Н. Лескова, П. Мельникова-Печерского, рассказах А. Чехова). Может быть, так оно и было. Но в то же время эти люди дела, оставаясь в душе русскими, не до конца еще забыли нравственно-религиозные запреты и ограничения и не были готовы приумножать свои капиталы любой ценой. А если

и вставали на этот гибельный для души путь, то испытывали невероятные мучения¹.

Как писал Н. Бердяев, «русский купец, который наживался нечистыми путями и делался миллионером, склонен был считать это грехом, замаливал этот грех и мечтал в светлые минуты о другой жизни, например о странничестве или монашестве. Поэтому даже этот купец был плохим материалом для образования буржуазии западноевропейского типа... Русский никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям»². Видимо, в немалой степени именно внутренние духовно-нравственные мучения русских «миллионщиков» вызвали расцвет меценатства в нашей стране накануне революции. В тогдашней Европе (тем более Америке) ничего подобного не наблюдалось.

Русские купцы и фабриканты явно не «вытягивали» на «высокое» звание «предприниматель» (впрочем, были исключения: некоторые становились настоящими акулами капитализма, но это были единицы). В этом отчасти объяснение того, почему русский капитал так стремительно терял свои позиции в российской экономике накануне революции, почему он вытеснялся интернациональным еврейским капиталом и протестантским иностранным капиталом³. Кстати, в знаменитой

¹ Об этой противоречивости и трагичности русских промышленников, фабрикантов, купцов и других людей дела отчасти можно узнать из работ С. Ф. Шарапова, который не дожил до революции 1917 года, но чувствовал, что духовная раздвоенность большей части промышленно-купеческого сословия плохо кончится для России.

² Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 119.

³ Это также объясняется тем, что русский фабрикант, заводчик, купец с самого начала реформ Александра II стал попадать в сети банковского капитала, который русским никогда не был (о чем убедительно поведал нам С. Ф. Шарапов в «Бумажном рубле» и других своих работах).

дореволюционной энциклопедии Брокгауза и Эфрона нет статей «Предпринимательство» и «Предприниматель», что отчасти подтверждает нашу версию о том, что соответствующие слова хотя и были занесены западными ветрами на русскую почву, но толком еще не успели произрасти на этой почве и укорениться.

Можем в качестве примера взять ставшие знакомыми нам работы выдающегося русского экономиста Сергея Федоровича Шарапова – «Бумажный рубль», «Иностранные капиталы и наша финансовая политика», «Финансовое возрождение России» и многие другие. Шарапов пишет о промышленниках, заводчиках, фабрикантах, купцах, торговцах, ростовщиках, банкирах, фермерах, ратье, помещиках, железнодорожных магнатах, биржевиках, спекулянтах, откупщиках, золотодобытчиках, судовладельцах, контрабандистах, арендаторах, кабатчиках, финансистах и проч. и проч. Но при этом он всячески избегает слово «предприниматель». Какое-то оно «мутное», невнятное, невыразительное, лукавое. Не принимает его русская душа.

Глубокий анализ примерно полувекового периода «русского капитализма» (с начала реформ Александра II до начала Первой мировой войны и революции 1917 года) показывает, что искушения русского человека предпринимательством кончаются для него плачевно.

Русский человек предназначен для домостроительства, а не предпринимательства

Для того чтобы разобраться в филолого-исторических аспектах терминов «предприниматель» и «предпринимательство», я также воспользовался однотомным энциклопедическим словарем «Русское хозяй-

ство» (из серии «Большая энциклопедия русского народа “Святая Русь”» под редакцией О. А. Платонова)¹. Обширное библиографическое приложение к тому «Русское хозяйство» содержит сотни названий дореволюционных изданий (книг, сборников, справочников) по разным аспектам русского хозяйства, но в них мы слова «предпринимательство» не находим.

В самом энциклопедическом словаре «Русское хозяйство» имеется обширная статья «Предпринимательство». В ней мы читаем: «Предпринимательство, частная экономическая деятельность путем создания производственных и торговых предприятий и организаций для получения прибыли. Осуществляя экономическую деятельность, предприниматель принимает на себя ответственность и рискует своим капиталом. Русское предпринимательство возникло вместе с Русским государством»².

Далее в статье говорится, что предпринимательство в России с конца XIV до начала XX века существовало в двух основных формах: 1) частное; 2) артельно-товарищеское. Частное, в свою очередь, делилось на следующие виды: 1) **единоличное**; 2) **полное товарищество**; 3) **товарищество на вере (коммандитное товарищество)**; 4) **коммандитное товарищество на акциях**; 5) **акционерное общество**.

В статье бросается в глаза неувязка: с одной стороны, предпринимательство возникло вместе с государством (то есть существовало около тысячи лет); с другой стороны, предпринимательство ассоциируется с капиталом. Получается, что в России капитализм

¹ Энциклопедический словарь «Русское хозяйство» [Большая энциклопедия русского народа «Святая Русь»] / Гл. редактор, составитель О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2006. 1136 с.

² Энциклопедический словарь «Русское хозяйство». С. 732.

появился вместе с государством и имеет тысячелетнюю историю. Но такого не может утверждать не один даже самый экстравагантный и предвзятый экономист или историк. Да и сам О. Платонов в статье «Капитализм» пишет: «Капитализм, антихристианская идеология, основанная на экономическом учении Талмуда и ставшая, по определению философа А. Ф. Лосева, одной из сторон (наряду с социализмом) развертывания сатанинского духа неприятия христианской цивилизации»¹.

Правда, в оправдание (объяснение) определения Платонова могу сказать следующее. В его же статье «Капитал» он дает следующее определение: «Капитал (*нем., фр.* – главное имущество, главная сумма), денежное имущество, богатство в деньгах, наличные деньги, наличность. Понятие “капитал” в России не употреблялось вплоть до XVIII века. В Древней Руси в этом смысле использовалось слово “истиник” (производное от устаревшего значения слова “истина” – наличность, наличные деньги)»².

Нетрудно заметить, что слово «капитал» изначально было связано с ростовщичеством, ибо именно в ростовщичестве есть понятие «главная сумма» кредита, на которую начисляются проценты. В европейские языки слово *capital* попало из Древнего Рима. Там оно означало взрослый скот, стадо. Этот скот дает приплод в виде телят, жеребят, козочек, ягнят и т. п. Приплод скота – некая аналогия процента, получаемого от капитала. Эти аналогии использовались и до сих пор используются апологетами ростовщичества для того, чтобы доказать естественность ссудного процента.

В России ростовщичество презиралось и преследовалось. Фактически в русской цивилизации капитализм

¹ Там же. С. 394.

² Там же.

был неприемлем, поскольку было неприемлемо ростовщичество. Первые послабления ростовщичеству мы видим действительно в XVIII веке (особенно после того, как произошел третий раздел Польши и масса евреев-ростовщиков оказалась на территории Российской империи). Вот тогда и появляется у нас словечко «капитал». А через сто лет появился и капитализм.

Из всех этих рассуждений следует вывод: в определении предпринимательства, содержащемся в энциклопедическом словаре «Русское хозяйство», слово «капитал» следовало бы заменить на слово «деньги». Тогда все встало бы на свои места. Кстати, даже Маркс справедливо подчеркивал, что деньги не всегда капитал. Они становятся капиталом только при определенных условиях (их он раскрыл, достаточно красочно описывая период первоначального накопления капитала). Вот эти условия и были созданы (в значительной степени насильно) в России в 60-е годы XIX века (реформы Александра II, проведенные сверху, – российский вариант «первоначального накопления капитала»). Именно в это время деньги из средства стали превращаться в цель (то есть капитал), а человек – в «наемную рабочую силу». Именно в это время и стало употребляться слово «предпринимательство» теми людьми, кто осознанно приветствовал капитализм или не понимал тех угроз, которые он таил. Остальные относились к слову настороженно. Настороженно – потому что русский православный народ в своей массе оставался благочестивым. Хоть он и не был шибко грамотным, но чутье и духовное зрение имел: слово «предпринимательство» им отторгалось. Кстати, отторгалось оно и частью дворянства, которое не сумело адаптироваться к капиталистической жизни. Интуитивно оно ощущало в нем тот самый протестантский дух капитализма, которым так восхищался немецкий социолог Макс Вебер.

У О. А. Платонова есть книга «1000 лет русского предпринимательства». Очень хорошая, информативная, я лично ею часто пользуюсь. Но обращаю внимание на один нюанс: русские люди, купцы, фабриканты, заводчики и иные организаторы народного и государственного хозяйства на Руси предпринимателями себя не называли. Они просто осуществляли свое служение, каждый на своем месте. Они служили Богу, Царю, Отечеству. Именно благодаря их усилиям, не только физическим и умственным, но также молитвенно-духовным, была построена великая Российская империя. Это было домостроительство (то есть экономика) в самом высоком смысле слова – строительство земного дома для русского православного народа. Просто предприниматель в его протестантском понимании мог, в лучшем случае, что-то захватить и покорить (вспомним английскую колониальную империю), но *создать, построить, обустроить* мог только русский человек.

Говорят, что сегодня – другие времена. Все в России якобы хотят стать «обычными» предпринимателями – не претендующими ни на роль первопроходцев, обустроивающих Россию, ни на роль каких-то авантюристов-захватчиков, захватывающих чужое имущество. Официальная статистика докладывает нам, что в России сегодня несколько миллионов граждан занимаются предпринимательством (преимущественно без образования юридического лица). Это якобы доказывает, что склонность к предпринимательству – универсальное свойство человека, русские не являются исключением. Однако эти цифры статистики ничего не доказывают. В России в основном имеет место так называемое *вынужденное предпринимательство*, целью которого является не нажива, а выживание. Выживание – потому, что государство бросило своих граждан

на произвол судьбы¹. Поэтому данный вид предпринимательства следует поставить в кавычки.

Такое вынужденное предпринимательство обычный русский человек не может рассматривать как идеал жизни. Не может он также принимать предпринимательство как хозяйственную модель, в которой есть работодатель и наемные работники. Русский человек в своей основной массе хочет быть соратником, участвующим в общем деле, имеющем более высокий смысл, чем просто получение барыша.

Слава Богу, что мы сегодня ушли от слова «бизнес». Зато появилось очень «патриотичное» словосочетание: «православное предпринимательство». Конечно, оно не так режет ухо, как «православный бэнкинг»², но все-таки дезориентирует русского человека. Лично у меня возникает ощущение, что использование различных сомнительных слов в сочетании с определением «православный» направлено на дискредитацию православия.

Конечно, специалисты в области языкознания могут мне возразить: мол, в лексике русского человека многие нерусские слова (по корню или по смыслу)

¹ О «вынужденном предпринимательстве» в мире и в России см.: Радаев В. Экономическая социология. М., 1997. Радаев обращает внимание, что «вынужденное предпринимательство» получает особый размах в периоды кризисов. За его счет создается до 2/3 всех новых рабочих мест. Данный вид предпринимательства явился своеобразным страховочным клапаном в России в 1990-е гг. (С. 121).

² «Православный бэнкинг» – не анекдот. Так, в начале 2011 года в рамках XIX Рождественских образовательных чтений проводился круглый стол на тему «Православный бэнкинг и финансовые инструменты в России». В заседании стола участвовал даже некий «Совет по православным финансовым услугам и продуктам», который специально к Рождественским чтениям подготовил презентацию, в которой подробно рассматривался механизм создания и внедрения таких услуг и продуктов в повседневную практику (Писаревский В. Переход на нравственный бизнес - реально ли это? //Интернет. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/44403.html>).

стали русскими в результате использования на протяжении длительного времени и полной их «ассимиляции». Например, слово «кооперация» имеет корень иностранного происхождения. Оно соответствует чисто русскому слову «сотрудничество», но в результате длительного использования стало по смыслу русским. Согласен, «стаж» у слова «кооперация» достаточно солидный, в XIX веке оно уже широко использовалось у нас. А вот «стаж» слова «предпринимательство» намного короче, оно еще не успело войти в генетическую память русского человека.

Есть смысл подумать над тем, каким русским словом описать деятельность человека в рамках православной модели экономики.

Очевидно, можно выделить три основных момента, присущих этой деятельности:

– творчество, создание новых благ в процессе производства или, по крайней мере, удовлетворение естественных потребностей человека и общества с помощью торговли;

– организационный момент (координация и управление людьми в рамках соборной общности);

– ориентация на традиционные, православные принципы жизни (прежде всего ориентация на высшие цели, выходящие за рамки материальных потребностей, а также разборчивость в выборе средств).

Очевидно, что «предпринимательство» не самое удачное слово для описания деятельности русского человека в рамках православной модели экономики. С моей точки зрения, таким словом могло бы быть «домостроительство». Слово хорошо известное русскому человеку. Всем сразу на память приходит «Домострой» – памятник русской литературы, являющийся сборником правил, советов и наставлений по всем направлениям

жизни человека и семьи, включая общественные, семейные, хозяйственные и религиозные вопросы¹.

Впрочем, слово «домостроительство», «домострой» было введено в оборот еще две с половиной тысячи лет тому назад Ксенофонтом (в V–IV вв. до н. э.) – древнегреческим писателем, историком, полководцем и политическим деятелем. Его трактат назывался «Ойкономия» (др.-греч. Οικονομικός), отгреч. oikos – дом и nomos – закон, буквально – правила ведения хозяйства. Другие варианты перевода названия трактата – «Домостроительство», «Домострой», «Экономика». На латынь книга была переведена Цицероном под заголовком «Oeconomicus». На русском языке была опубликована под названием «О хозяйстве» в 1880 году в переводе Г. А. Янчевецкого. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона называется «О домоводстве». В переводе С. И. Соболевского книга издана в 1935 году, а затем неоднократно переиздавалась как «Домострой».

Живший несколько позднее знаменитый философ Аристотель (IV в. до н. э.) оставил глубокие размышления об экономике. Он впервые обратил внимание на то, что «экономика» может переродиться в «хрематистику» – деятельность по накоплению богатства (преимущественно в денежной форме). Современное предпринимательство очень напоминает описанную Аристотелем «хрематистику». Да и вся нынешняя так называемая рыночная экономика, с ее биржевыми спекуляциями, виртуальными финансовыми рынками, банковским ростовщичеством и неумной жадой денег, не имеет ничего общего с домостроительством и

¹ Наиболее известен «Домострой» в редакции середины XVI века на церковнославянском языке, приписываемой протопопу Сильвестру. Написан живым языком, с частым использованием пословиц и поговорок.

экономикой в понимании Ксенофонта и Аристотеля. Правильнее ее называть хрематистикой¹.

Как отмечает в своем словаре В. Даль, производным от «домостроительства» является слово «домостроитель» (его короткий вариант: «домострой»), означающее: «хороший хозяин, приставленный к домостроительству, управитель, дворецкий, эконом»².

Думаю, что звание домостроителя или домохозяина будет более близко и любо сердцу русского человека, чем протестантская кличка предпринимателя. Конечно, к слову «домостроитель» близко по смыслу слово «труженик», но первое из них предпочтительнее, так как указывает на цель трудовой деятельности. К тому же звание «домостроитель» – не удел избранных. Каждый православный человек может и должен найти свое место на строительной площадке по возведению Русского дома.

Конечно, в рамках домостроительства должна существовать своя иерархия, свое разделение функций труда, своя кооперация тружеников, свои принципы взаимодействия домостроителей как «по вертикали», так и «по горизонтали» (включая принципы участия в результатах общей трудовой деятельности). Так, в процессе домостроительства необходимы люди, которые могли бы организовать процесс работы отдельных домостроителей, объединенных общей задачей. Таких людей можно было бы назвать «экономами», «управителями», «управляю-

¹ Подробнее см.: Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». Книга 1. М.: НИИ школьных технологий, 2011. – Глава 7 «Смерть экономики» и кое-что об «экономической филологии».

² Близко по смыслу к «домостроителю» слово «домохозяин», которое в словаре В. Даля определяется как «домодержец, домовладелец, кому принадлежит дом». В «Полном церковнославянском словаре» прот. Г. Дьяченко мы находим еще одно близкое по смыслу слово: «домовладыка» – глава, хозяин дома, главное лицо в семействе.

щими». Для описания всех тонкостей домостроительства важно подобрать нужные слова, которых вполне достаточно в поистине великом и могучем русском языке. Тем более что духовный смысл многих истинно русских слов раскрывается в Священном Писании.

Религия «экономического роста» как мировое и российское явление¹

В известной российской газете «Ведомости» 24 апреля с.г. была опубликована статья Сергея Гуриева и Олега Цывинского «Вера и процветание». Авторы весьма солидные: первый из них – ректор Российской экономической школы (РЭШ), второй – профессор Йельского университета и РЭШ.

Статья посвящена оценке роли и места религии в экономической жизни современного общества, в том числе российского общества. Похвально, что наконец-то экономисты стали выходить из своего «гетто», где до сих пор можно было говорить только о макроэкономических показателях, «финансовых инструментах» и всякой прочей экономической эзотерике с весьма наукообразным, таинственным названием «экономикс». Все остальное почиталось «ненаучной» ересью и строго каралось со стороны «смотрящих» за чистотой «экономической науки». Но жизнь берет свое, и псевдонаучные абстракции «экономикс» начинают вызывать раздражение и протест даже со стороны самых нетребовательных и толерантных членов общества. Достаточно вспомнить историю, которая произошла осенью

¹ Катасонов В. За кулисами международных финансов. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2013. – Раздел «Религия «экономического роста» как мировое явление» (с. 12–18).

прошлого года в самом престижном в Америке Гарвардском университете: тогда двести студентов ногами проголосовали против курса «экономикс», покинув лекцию одного из гуру «экономической науки». В своем письменном обращении они заявили, что преподаваемая им в университете экономическая теория крайне далека от реальной жизни. В российских университетах таких публичных организованных протестов не наблюдается, но зато имеют место массовые «тихие» протесты: наши студенты на занятиях по экономической теории «держат фигу в кармане» (см. мою публикацию «Кризис современного образования как шанс на наше спасение» на «Русской народной линии»¹).

Авторы статьи как работники высшей школы не могут не чувствовать этих настроений, поэтому, не дожидаясь публичных протестов со стороны студенчества, пытаются реагировать на реальные вызовы нашей жизни. Свою статью они начинают с хорошо известного всякому грамотному (даже считающему себя атеистом) человеку тезиса: «Религия формирует социальные нормы – уровень доверия к другим людям, отношение к труду и успеху, принятие или порицание обществом нечестных и незаконных путей обогащения. Социальные нормы определяют социальный капитал, уровень которого сильно влияет на экономический рост». Хотя в этой фразе не все понятно «непосвященным» («социальный капитал», «экономический рост»), однако общая идея улавливается: религия является фундаментом («базисом») общества, а экономика – лишь «надстройка», производная от этого «базиса». Отрадно, что наконец-то эту банальную истину решились

¹ Интернет. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2011/12/08/krisis_sovremennogo_ekonomicheskogo_obrazovaniya_kak_shans_na_spasenie_chelovechestva/

озвучить представители «экономической науки», которые до этого фанатично руками и ногами держались за марксистскую модель общества как общественно-экономическую формацию (в этой модели экономика – базис, а религия – третьестепенный элемент политической надстройки).

Но далее следует целый ряд «откровений» и «открытий» авторов, которые заставляют сильно удивиться даже людей, далеких от «экономической науки» и науки вообще. Их «открытия» показывают, что после длительного нахождения в «гетто» «экономической науки» и выхода впервые за его пределы авторы тут же заблудились. Мир, находящийся за воротами «гетто», для них оказался непостижимым, восприятие – крайне парадоксальным. А точнее говоря – диким и примитивным.

Профессора задают достаточно странный вопрос: «Что знают о религии экономисты?» Экономисты бывают разные: эрудированные и не очень, верующие и неверующие, воцерковленные и невоцерковленные и т.д. Логика здесь не больше, чем в вопросе: «Что знают об искусстве (биологии, истории, географии, семейной жизни, политике и т. п.) экономисты?» Видимо, авторы имели в виду: что знают о религии лично они? А знают они, мягко говоря, очень немного. Судя по статье, свои знания о религии они почерпнули из двух источников: 1) работы Роберта Барро и Рэчела Макклили, посвященной влиянию фактора религии на экономический рост; 2) статьи Паолы Салиенцы и Луиджи Зангалеса «Опиум для народа? Религия и экономические отношения» в *Journal of Monetary Economics*. Обе работы представляют собой обобщение результатов социологических обследований в десятках стран мира среди представителей различных религий, а также атеистов и агностиков.

Авторы статьи в «Ведомостях» озвучивают некоторые выводы указанных выше исследований. Некоторые выводы по своей «глубине» напоминают тезис «Волга впадает в Каспийское море». Например (цитирую): «Результаты работы (второй из названных выше. – В. К.) говорят о том, что религиозные люди значительно отличаются от неверующих. В свою очередь, есть различия и между агностиками и атеистами». Или: «Атеисты по сравнению с агностиками и верующими... имеют более прогрессивное отношение к женщинам». Можно догадаться, что речь идет о внебрачных отношениях и прочих формах «свободных» отношений мужчин и женщин. Трудно только понять, кто определил эти отношения «более прогрессивными» – авторы первоисточника или авторы статьи «Ведомостей»? Примечательно, что авторы статьи «Ведомостей» не оспаривают ни одного тезиса исследования заморских гуру. Так что, скорее всего, оценка «более прогрессивные» принадлежит заморским гуру.

Мы не знаем, как были сформулированы многие вопросы анкет, применявшихся при опросах. Вместе с тем хорошо известно, что исходные формулировки анкет могут очень сильно влиять на количественные результаты (показатели) обследований, а количественные показатели, в свою очередь, могут быть по-разному истолкованы. Например, вызывает серьезное сомнение следующий вывод: «Более религиозные люди считают приемлемым более высокое неравенство при рыночных отношениях (так как успех отражает заслуги и усилия), они чаще считают, что общество не должно отвечать за низкие доходы менее успешных людей». Достаточно любому гражданину России поговорить со своими друзьями, знакомыми и коллегами, относящимся к разным категориям людей (православные, католики, мусульма-

не, буддисты и представители других конфессий, атеисты, агностики и т. д.), чтобы понять, что этот вывод совершенно не соотносится с реальной жизнью. Не будем сейчас углубляться в критический анализ данного вывода, он является типичным для исследований «профессиональных экономистов» (типичным в смысле несоответствия реалиям жизни).

Вместе с тем статья «Ведомостей» лишний раз подтверждает известные евангельские слова: «слепой ведет слепого» (Мф. 15, 14). Речь идет о том, что наши отечественные «профессиональные экономисты» крепко ухватились за слепого поводыря, называемого «западная экономическая наука», а самостоятельно ходить боятся. При этом наши «слепые» экономисты хотят повести за собой народ и привести его в ту самую яму, о которой Христос говорил в Своей притче о слепых.

Еще одно «открытие» авторов статьи «Ведомостей»: «В целом Гуизо, Сапиенца и Зингалес заключают, что протестантизм и иудаизм в значительной степени согласуются с нормами, способствующими экономическому росту». В данной фразе под экономическим ростом понимается, судя по всему, модель экономики, которая на понятном нам языке называется капитализмом. Сформулированное выше «открытие» подается как некая сенсация. Но это сенсация для тех, кто все это время пребывал в гетто «экономической науки». В начале XX века немецкие социологи Макс Вебер и Вернер Зомбарт уже сделали этот вывод, и сегодня он включен даже в учебники. Макс Вебер в известных работах «Протестантская этика и дух капитализма» (1904–1905), «Хозяйственная этика мировых религий» (1920), «Социология религии» (1921) пришел к выводу о том, что толчок быстрому развитию капи-

тализма в Европе дала Реформация, которая породила «протестантскую этику».

Вернер Зомбарт в своих работах «Современный капитализм» (1902), «Евреи и хозяйственная жизнь» (1910), «Буржуа» (1920) пальму первенства отдавал не протестантизму, а иудаизму. На протяжении нескольких десятилетий ведутся дискуссии относительно сильных и слабых сторон теорий указанных двух немецких социологов. Не вдаваясь в эти дискуссии, отметим, что оба немца в целом достаточно неплохо знали догматику указанных двух религий, имели представление о многих нюансах религиозного сознания представителей протестантизма и иудаизма, проводили тонкий сравнительный анализ хозяйственной этики всех основных мировых религий. При этом разногласия между Вебером и Зомбартом не были принципиальными. Ведь в конечном счете протестантизм (особенно кальвинистского толка) является, как образно выражаются православные писатели, внебрачным ребенком, родившимся в результате блудной связи католицизма и иудаизма. Работы Вебера и Зомбарта при всех их неточностях и недостатках выглядят на фоне современных экономико-социологических исследований (тех, на которые опираются наши два профессора) как виртуозные музыкальные произведения Моцарта на фоне «песни узбека», который «поет то, что видит».

В целом поражает крайнее невежество авторов статьи «Ведомостей». Мы уже отчасти объяснили причины этого: они слишком долго пребывали в гетто, называемом экономической наукой. Впрочем, это не только гетто, но и секта. Секта, в которой царит определенный тип религиозного сознания. Любая религия иррациональна. Иррациональность обычно порождается тем, что вера

конкретного носителя религии базируется не только на рациональном знании, но также на интуиции, опыте религиозной жизни, божественных откровениях. Религиозное сознание членов секты экономической науки базируется на иррациональной вере в материю и богатство, а иррациональное начало усиливается откровенным невежеством.

Мне уже приходилось писать о том, что в нашем сегодняшнем мире на передовые позиции выходит так называемая религия денег. Религия, не включенная не в один справочник мировых религий и сект. Она скрывается за вывесками официальных религий. А ее догматика прописана в учебниках по экономике. Если в традиционных религиях человек ищет спасения в Боге, то в религии денег – в денежных знаках, числах, электронных записях. Это разновидность религии золотого тельца, но здесь уровень духовности намного выше: происходит переход от поклонения материальным идолам к поклонению виртуальной «дырке от бублика». Иррациональность сознания (невежество) просто зашкаливает.

Авторы статьи избегают называть объект своего религиозного поклонения прямо (деньги), а используют вместо этого лукавое словосочетание «экономический рост». Сегодня в России после двадцати лет внедрения религии денег (в том числе под видом экономической науки и экономической теории) прямой призыв к поклонению идолу денег у нормальных людей вызывает реакцию отторжения. Но все основные догматы религии денег остаются незатронутыми. Это: ориентация на накопление богатства и денег как главную цель жизни человека и единственное средство его спасения; разрешение на использование любых средств для достижения указанной цели (среди которых особенно приветствуются обман и насилие); священный характер частной

собственности (в первую очередь на средства производства); индивидуализм и воинствующий эгоизм и т.д.

Еще раз повторим: за вывеской экономического роста скрывается капитализм (он же: мамонизм, рыночная экономика, хрематистика и т. п.). Экономический рост – «дурная бесконечность» увеличения валового внутреннего продукта (ВВП) посредством перемалывания природных ресурсов, разрушения окружающей среды, медленного умерщвления человека как наемного раба, уничтожения человека как потребителя опасных для тела и души товаров и услуг, усиления конкуренции между наемными работниками на рынке труда, отчуждения людей, превращения человека в зверя. Но в конечном счете дурной бесконечностью роста ВВП искусно камуфлируется другая, исходная дурная бесконечность – накопления денежного богатства.

Рассмотрение двумя профессорами вопросов религии под углом зрения ее влияния на экономический рост фактически означает оценку и ранжирование религий с точки зрения того, насколько они уживаются с религией экономического роста (т. е. фактически религией денег). Наиболее совместимыми оказываются протестантизм и иудаизм. А вот с истинным христианством она не только не совместима, но и прямо его отрицает. Заканчивается статья призывом авторов к «религии в России» (авторы не очень хорошо владеют русским языком; судя по всему, они имеют в виду Русскую Православную Церковь) – призывом «исправляться» и вносить свой вклад в дело экономического роста. Фактически это призыв к нашей Церкви перестать быть «слишком христианской». А также призывом не отставать от других мировых религий и конфессий, которые на наших глазах превращаются в вывески, за которыми уже полноправно утверждается религия денег. От себя

добавим: в этом в последнее время особенно преуспел католицизм.

Не представляется для меня также случайным выход двух профессоров за пределы своего профессионального гетто (секты). Первый блин у них явно получился комом. Прежде всего это обусловлено тем, что за забором профессионального гетто они уже давно призывали нести всякую чушь, не получая необходимого отпора. Полагаю, что за первым выходом последуют следующие вылазки. Видимо, профессиональным экономистам дан сигнал более активно и агрессивно продвигать в России религию денег под видом научных экономических исследований.

О православных банковских утопиях

«Не можете служить Богу и мамоне»

Две тысячи лет назад Христос сказал: «Не можете служить Богу и мамоне». И никаких сомнений насчет правоты слов Спасителя ни у кого в Христианской Церкви не возникало. Я подчеркиваю: в Христианской Церкви, а не в тех ее частях, которые отпадали от Церкви (сначала католики, позднее протестанты). Те, кто лишь прикрывались христианством, придумывали разные теории, которые обосновывали возможность и даже целесообразность использования процента, – начиная с Фомы Аквинского в Католической церкви в Средние века. Реформация дала мощный толчок ростовщичеству, которое в эпоху становления капитализма получило приличное название «банковское дело», или *banking* (англ.). Впрочем, в новом названии сохранялось напоминание и предупреждение христианам эпохи капита-

лизма. Банк – это прежде всего стол, лавка, на которой в древние времена денежные менялы раскладывали свой товар и занимались спекуляциями и ростовщичеством. Думаю, даже далекие от христианства люди прекрасно помнят историю о том, как Христос вошел в Иерусалимский храм и перевернул столы тогдашних менял-ростовщиков. Эта сцена есть символ отношения истинного христианства к ростовщическим и спекулятивным операциям.

Не стоит идеализировать историю христианства. Нередко церковные организации и церковные иерархи оказывались вовлеченными в те или иные экономические отношения, замешанные на проценте. Уже не приходится говорить о простых прихожанах, иные из которых пускались в откровенно ростовщические авантюры (в истории российского предпринимательства примеров более чем достаточно). Но это не отменяло того, что в православии грех взимания процента оставался грехом. Православие не упраздняет грех, а лишь помогает с ним бороться. В многовековой истории Русской Православной Церкви не было попыток догматического или теоретического обоснования «синтеза» Бога и мамоны.

Зарождение православно-банковских утопий

В прошлом десятилетии в нашей стране зародилась идея так называемого православного банкинга. Случилось это в недрах некоторых организаций православных предпринимателей, клубов православных меценатов и экспертных советов, возникших около Московской Патриархии. Внятного объяснения того, что такое православный банкинг, инициаторы тогда дать так и не смогли. Был разработан даже ряд кодексов хозяйственной и предпринимательской этики. Это были

мертворожденные документы, которые содержали ряд благих намерений. Нередко это было изложение евангельских заповедей, причем порой в весьма искаженном и даже пародийном виде (что-то наподобие «Морального кодекса строителя коммунизма»). Иногда звучали призывы не брать проценты при сделках кредитования и предоставления ссуд. Иногда говорилось о том, что допустим лишь «разумный процент». Наконец, некоторые неопиты бизнеса и православия призывали вспомнить Ветхий Завет, где описаны так называемые юбилеи – периодические списания долга. Некоторые предлагали преобразовать нынешние депозитно-кредитные банки в инвестиционные (если первые получают проценты, то вторые зарабатывают инвестиционную прибыль). И так далее и тому подобное. Реакцией серьезных людей на подобного рода утопии была исчерпывающая критика, попытки изобрести православный банкинг сравнивались с экспериментами по скрещиванию ужа и ежа. Я тогда решил, что это болезнь роста, связанная с появлением среди предпринимателей и интеллектуалов большого количества неопитов, недавно вступивших в пределы церковной ограды. Были также иные версии появления в нулевые годы идеи православного банкинга. Например, вокруг Московской Патриархии тогда вращались итальянские банкиры, которые, вероятно, искали свою «экологическую нишу» в России. Они устанавливали контакты с «православными банкирами», рассказывали про свой «католический банкинг», вдохновляя православных партнеров на совместные бизнес-проекты.

Православный банкинг образца 2014 года

Увы, я ошибся по поводу того, что мы переболеем православным банкингом и больше никогда о нем не

вспомним. В последние дни уходящего 2014 года в российских СМИ большой резонанс вызвала инициатива ряда православных экспертов и предпринимателей. Сообщается, что ими разработана модель так называемого православного банкинга, которую ее авторы будут воплощать в жизнь. Планируется создание банковской организации нового типа, основанной на принципах, соответствующих православию или, по крайней мере, не противоречащих ему. СМИ постарались увязать инициативу православного банкинга с фигурой протоиерея Всеволода Чаплина, возглавляющего Синодальный отдел Московского Патриархата по взаимодействию Церкви и общества. Многие информационные агентства растиражировали следующее сообщение: «По словам Чаплина, у группы российских финансистов есть план по созданию православного банкинга. Проект предполагает выделение средств не под процент, а под прибыль будущего предприятия. Согласно плану, стороны отказываются от участия в денежных потоках от производства табачной и алкогольной продукции, игорного бизнеса, использования труда нелегальных мигрантов и других вещей, которые не одобряются христианством. “Необходимо в мире наращивать роль механизмов, не основанных на ростовщичестве”, – отметил Чаплин». Более того, священнику приписывают слова: «Новая православная финансовая система может защитить российскую экономику от кризиса» (Русская служба ВВС. 22 декабря 2014). Как-то трудно поверить, что многоопытный руководитель Синодального отдела МП мог сказать последнюю фразу. Уж больно эта фраза смахивает на высказывания Остапа Бендера, который предлагал создать шахматную столицу мира под названием Нью-Васюки.

«Православные» авторы проекта не скрывают, что в какой-то мере их инициатива является реакцией на

инициативы наших братьев-мусульман, планирующих в ближайшее время внести поправки в российское законодательство, которые бы легализовали так называемый исламский банкинг. Прежде всего имеется в виду письмо президента Ассоциации российских банков (АРБ) Гарегина Тосуняна директору Департамента банковского надзора Банка России Р. В. Амирьянцу «Об исламских принципах финансирования» от 8 августа 2014 года.

Хотя информационных сообщений о новом проекте православного банкинга много, детального его описания нет. Судя по всему, деталей нет, потому что он еще очень сырой. Скорее всего, это лишь заявка, благие пожелания, которые, как известно, иногда устилают дорогу в очень опасное место. Почему я, в отличие от некоторых православных комментаторов и журналистов, не рукоплещу данной инициативе?

«Православный банкинг» как размывание «русской самоидентификации»

Прежде всего меня удручило то, что наши православные эксперты занимаются подражательством, слишком уж смотрят в рот протестантам, католикам, а сегодня и мусульманам, сих исламской экономикой и исламским банкингом. Россия – самобытная цивилизация. Подражательства часто оказываются малопродуктивными, а иногда и опасными. Разве двадцать с лишним лет реформ российской экономики, основанных на заимствовании западного опыта, нас ничему не научили? К тому же так называемый исламский банкинг, который якобы обходится без процентных ссуд, а занимается лишь операциями, дающими право на участие банка в прибыли, – в значительной степени фикция.

Это не моя оценка. Это оценка представителей исламского экспертного сообщества, которые совершенно справедливо обращают внимание на то, что многие так называемые исламские банки лишь дискредитируют религию и учение Мухаммеда. И это не потому, что там работают злостные нарушители законов шариата (и тем более агенты, изнутри его разлагающие). Нет, потому, что так называемые исламские банки по совокупным своим оборотам не составляют и одного процента в глобальном банковском мире. В начале нынешнего десятилетия, согласно некоторым оценкам, активы всех исламских банков перевалили за 1 трлн долл. А вот активы одного лишь китайского Торгово-промышленного банка, занимающего первую строчку в рейтинге банков мира, в 2013 году превысили 3 трлн долл. Если исламские банки хотят выжить, им приходится конкурировать, используя те же методы, которые используют и банки англосаксонского мира. Может быть, лишь избегая самых криминальных сфер бизнеса (наркотики, например). К тому же замечено, что наиболее успешные исламские банки получают подпитку от богатых (экспортирующих нефть) мусульманских государств, что создает иллюзию конкурентоспособности и успешности исламского банкинга.

Примечательно, что только что с участием Президента России Владимира Путина прошло заседание Госсовета и Совета по культуре и искусству, на котором был принят важный документ «Основы культурной политики». На совещании многие выступавшие с болью говорили о процессе размывания нашей культуры. Одно из ярких проявлений такого размывания – загрязнение русского языка иностранными словами. Такое загрязнение опасно, так как оно разрушает наш цивилизационный код. На заседании принято решение бороться с

таким загрязнением. И тут же, как черт из табакерки, выскакивает «православный банкинг». Возникает подозрение, что вброс термина сделан либо иностранцами, либо гражданами РФ, лишь формально являющимися русскими (как сейчас принято осторожно выражаться – с «размытой русской самоидентификацией»).

**«Православный банкинг» =
«православное ростовщичество»**

Теперь по существу. В любом учебнике по банковскому делу можно прочесть, что банковское дело (*banking – англ.*) – это в первую очередь кредитная деятельность (все другие виды операций – факультативно). И что любой кредит предполагает взимание процента (принцип платности как существенный признак кредита). Для большей убедительности могу сослаться на основополагающие законодательные акты Российской Федерации.

В Федеральном законе «О банках и банковской деятельности» понятие банка следующее: «Банк – это *кредитная организация* (Здесь и дальше в документе курсив мой. – В. К.), которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, *платности*, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц». Итак, никаких сомнений нет, что банк занимается кредитной деятельностью, причем, что подчеркивается особо, на условиях платности, то есть путем взимания процента. В Гражданском кодексе Российской Федерации мы находим дополнительное подтверждение тому, что банковская деятельность и кредитная деятельность –

взаимно пересекающиеся понятия. Кредитом являются денежные средства, предоставляемые банком или иной кредитной организацией (кредитором) по кредитному договору заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором. А условия, согласно ГК РФ, все те же: возвратность, срочность, платность. Итак, любой банк по определению занимается кредитованием. Если организация не занимается кредитованием – это уже не банк, а что-то иное.

Ну и наконец последнее. Ни у кого из здравомыслящих людей не вызывает сомнения, что любая кредитная банковская деятельность – ростовщичество, независимо от того, какова величина взимаемого процента. Наши православные предки это прекрасно понимали (или, по крайней мере, чувствовали). В русском языке для обозначения правоотношений по поводу займа – древнейшего института гражданского обязательственного права России – использовались другие термины: «дача», «купа», «милость», «крута» («покрута»), «займ» и «ссуда». Термин «кредит» (точнее, «кредитные бумаги») появляется в России в середине XIX века в связи с подготовкой и проведением реформы 1861 года. Если ссуды и займы могли предоставляться без начисления процентов (и это даже приветствовалось обществом, государством, Церковью), то кредит по определению был процентным. В 1860-е годы Россия вступила на путь капитализма, кредит и банки стали входить в повседневную жизнь общества.

Истинное лицо так называемого русского банкинга было очень точно и ярко отражено в русской литературе того времени (произведения Ф. Достоевского, А. Островского, Н. Лескова, Л. Толстого и многих других писателей). Вот что, в частности, писал Николай Лесков о тогдашних ростовщиках, которые в капи-

талистической России стали называться банкирами: «Дозволение ростовщикам действовать гласно привело к тому, что теперь многие приучились смотреть на ростовщичество как на простое коммерческое дело, и такое мнение случается не раз слышать от очень порядочных людей».

Тот, кто внимательно изучал историю русского капитализма, не может не признать, что тогдашний русский банкинг внес свой вклад в разрушение православных устоев нашего общества и подготовку революции 1917 года.

Любой так называемый банкинг по определению является ростовщической деятельностью. Величина взимаемого процента при этом не имеет никакого значения. Любой процент – уже ростовщичество. Я об этом подробно написал в своей книге «О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном». Чтобы не ссылаться на самого себя, приведу мнение авторитетного юриста профессора А. Н. Попова: «Но самое главное – такие “ангажированные” словари фактически оправдывают такое опасное явление, “как предоставление денег в долг под проценты (в рост)”, не называя его ростовщичеством. Суть ростовщительства не меняется от того, что процент “считается чрезвычайно высоким”, так же как женщине нельзя быть чрезвычайно беременной, а воде нельзя быть чрезвычайно мокрой, а вору – чрезвычайно вороватым. Оговорка – “под ‘чрезвычайно высокий’ процент” – призвана ввести людей в заблуждение и оправдать теорию и практику ростовщительства» (Попов А. Н. *К вопросу о ничтожности кредитных договоров и других сделок с условиями уплаты процентов за пользование деньгами // Актуальные проблемы науки, практики и вероисповеданий на современном этапе: Сборник материалов восьмой заочной международной*

научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки, практики и вероисповеданий на современном этапе», состоявшейся 6 октября 2011 года (г. Красноярск, Россия) / Под ред. проф., академика РАЮН А. Н. Попова. Вып. 1. Красноярск, 2011).

В переводе на русский язык термин «православный банкинг» может означать только одно: «православное ростовщичество».

Реальная жизнь так называемых православных банков и банкиров

Банковская деятельность – неотъемлемая черта капитализма. Капитализм начинался как ростовщический (денежный) капитализм еще в Древнем Вавилоне, а позднее – в Древнем Риме. Я об этом писал в своей книге «От рабства к рабству. От Древнего Рима к современному капитализму». В другой своей книге «Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма» я показал, что капитализм по своей духовной природе является не просто чуждым христианству, но противоположен ему. Запущенная кем-то идея православного банкинга, по моему мнению, способна лишь дискредитировать Русскую Православную Церковь.

Также медвежьей услугой РПЦ со стороны «искателей православной модели» является желание таких искаателей объявить ряд учрежденных в России банков православными. Недавно протодиакон профессор Андрей Кураев в одном из выступлений сказал, что в России на сегодня есть несколько православных банков. Ничего специфически православного в них нет и быть не может. Может быть, за исключением того, что их учредителями выступали Московская Патриархия РПЦ или какие-то юридические и физические лица, близкие к МП. Также в

некоторых банках часть сотрудников были крещеными, а некоторые из них – и достаточно воцерковленными. А вот с точки зрения методов работы, сфер деятельности, круга клиентов эти банки ничем не отличаются и не могут отличаться от других схожих организаций. Ведь они функционируют в той же капиталистической среде, где действуют жесткие законы конкуренции и естественно-го отбора. Вот и «православный банк» «Софрино», как сообщили СМИ, также оказался банкротом. На сайте Центробанка удалось найти следующее: «Софрино» был лишен лицензии 2 июня 2014 года. Основной причиной закрытия банка выступили невыполнение требований ЦБ и рискованная инвестиционная и кредитная политика. Банк «Софрино» вывел из общих активов компании 4,9 млрд рублей под кредиты организациям с неустановленной платежеспособностью до отзыва лицензии на осуществление банковских операций. Временная администрация обнаружила утечку денежных средств в отчетности. Стоимость активов «Софрино» была оценена в 1,6 млрд рублей – при 6,2 млрд рублей долговых обязательств перед кредиторами.

28 июля Арбитражный суд Москвы установил в банке конкурсное производство, после чего конкурсной управляющей компанией банка стала государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов».

Примерно такие же истории случились и с рядом других так называемых православных банков. Не буду их пересказывать, чтобы не расстраивать наших православных читателей. Отмечу лишь, что все эти истории типичны для российского банковского сектора. Как жизнь, так и смерть православных банков не имеет почти никакой специфики.

Есть и более неприятные истории. Например, долгое время на Олимпе российского банковского бизнеса на-

ходился Сергей Пугачев (глава и совладелец «Межпромбанка», сенатор в 2001–2011 годах), которого услужливо величали главным православным банкиром. Его банк рухнул, деньги Сергеем Пугачевым предусмотрительно были выведены за пределы России, сам он сейчас находится на островах туманного Альбиона. Британские власти «православного банкира» и его деньги России возвращать не собираются. Кроме ущерба, нанесенного клиентам Межпромбанка, налицо также репутационный ущерб, нанесенный РПЦ. Мысль моя очень проста: не надо скрещивать ужа и ежа. Не надо пытаться соединить банкинг и Православие. У меня вообще складывается ощущение, что кто-то ведет целенаправленную работу по дискредитации РПЦ.

Обратимся к нашему национальному опыту

Еще один мой вывод: не следует православным заниматься конструированием каких-то мертворожденных финансовых проектов, которые на поверку оказываются прожектами или утопиями в духе Томаса Мора. В лучшем случае это кончается потраченным впустую временем (а иногда и деньгами). В худшем – потерей репутации и доверия.

Что можно в этой связи посоветовать тем людям, которые считают себя православными и которые занимаются предпринимательством? Занятие это крайне тяжкое, поскольку православным людям приходится действовать в неправославной и откровенно антихристианской среде. Наиболее очевидный выход из этой сложной ситуации – создание сообществ православных предпринимателей. А также в более широком контексте – малых социумов православных людей, включающих не только предпринимателей, но также тех,

кто является потребителем товаров и услуг. В истории русского капитализма конца XIX – начала XX века средством противодействия агрессивной капиталистической среде были такие хозяйственные формы, как потребительская и даже производственная кооперация. А если говорить про денежную сферу, то это кредитные кооперативы и общества взаимного кредитования. Для защиты от удушающего давления ростовщиков-банкиров использовались также региональные и местные деньги. Достаточно вспомнить историю обращения на территории ряда уездов Брянской и Смоленской губерний во второй половине XIX века так называемых мальцевских денег. Кстати, на уровне отдельных приходов действовали так называемые кассы взаимопомощи (КВП). Старшее поколение помнит, что в советское время на предприятиях и в организациях также повсеместно использовались КВП. Сам помню, что ежемесячно делал взносы в эту кассу, которая была организована на нашей кафедре (правда, ссудой КВП ни разу не пользовался). Современное российское законодательство не выставляет никаких препятствий для того, чтобы воссоздать практику КВП. Вот конкретное дело для тех, кто хочет внедрять принципы православия в нашу экономическую и финансовую жизнь. Организуйте КВП по месту работы, жительства, а лучше всего – в рамках своего прихода!

России нужно не реформирование банкинга, а его ликвидация

А если говорить об идеале той экономики, которая соответствует принципам христианства и православия, то это экономика без процентов, без кредита, без банков. В этой экономике банкинг исключается вообще.

Неужели такое возможно? – Такое не только возможно, имеется богатейший опыт жизни общества без процента и банкинга. Читатель подумал, наверное, что речь идет о каком-то древнем обществе, где еще и денег не было. Нет, мы порой не видим то, что совсем рядом с нами. Я имею в виду экономику СССР. Читатель мне возразит: даже в Советском Союзе были банки, правда их было немного. Согласен: банки были. Их всего было три: Государственный банк СССР, Промстройбанк СССР, Банк для внешней торговли (Внешторгбанк). Госбанк СССР фактически был эмиссионным подразделением Минфина СССР и выпускал денежные знаки, которые назывались казначейскими билетами и банковскими билетами. Но по сути все выпускаемые советские рубли были казначейскими деньгами, а не кредитными деньгами (которые сегодня являются единственной формой денег и выпуск которых создает долг). Промстройбанк преимущественно занимался финансированием, а не кредитованием капитальных вложений. Что касается Внешторгбанка, то он выполнял функции государственной валютной монополии, осуществлял все международные расчетные и платежные операции. Он соприкасался с миром капитализма, миром ростовщиков, и он действительно занимался кредитными операциями. Формально Госбанк и Промстройбанк могли выдавать ссуды предприятиям, но под символический процент (1,5–2,0%). Но это был не ростовщический, а технический процент. Два названных банка не ставили перед собой цели получать прибыль, процент играл стимулирующую роль для предприятий, пользователей заемных средств. А технический процент через бюджетную систему возвращался в хозяйственный оборот, что предотвращало возникновение долга и дисбалансов в экономике¹.

¹ Подробнее см.: Катасонов В. Экономика Сталина. М., 2014.

Одним словом, денежная система СССР, созданная в основном в период первых пятилеток и годы индустриализации, является уникальным проектом, доказавшим свою жизнеспособность и соответствующим принципам христианства. А вот нынешний прожект православного банкинга по своей сути является антихристианским. Таковы парадоксы истории. Вернее, парадоксы нашего замутненного либерализмом сознания.

Кудрин, кризис и Суд Божий

В июне текущего года министр финансов Алексей Кудрин на Петербургском экономическом форуме заявил о вероятности второй волны кризиса в России. На прошлой неделе Кудрин, выступая на конференции, посвященной 20-летию начала экономических реформ в России, вновь вернулся к этой теме: «Сегодня ситуация несколько ухудшилась. Я даю больший процент вероятности повторения кризиса».

Подобного рода пророчества нашего главного финансиста всегда вызывают у меня целую гамму чувств и эмоций. Постараюсь выразить их в рациональной форме.

Во-первых, министр наконец стал немного разбираться в том, что такое капиталистическая экономика и что такое Россия в этой экономике. В мае 2009 года, когда на Западе бушевал экономический кризис, Кудрин легкомысленно назвал Россию островом стабильности. И сел в лужу, потому что примерно через три месяца после этого заявления кризис захлестнул «остров стабильности», причем для России кризис оказался серьезней, чем для стран Запада. Постигнув азы «политической экономии капитализма», Кудрин теперь стал осторожнее и трезвее в своих оценках и прогнозах.

Во-вторых, министр до конца не сумел разобраться в том, что такое капиталистическая экономика и что такое Россия в этой экономике. Для этого ему еще надо сдать не один зачет и экзамен по «политической экономике капитализма». Дело в том, что кризис и в мире, и в России не оканчивался, а просто проходил и продолжает проходить свои последовательные фазы. Например, ни один серьезный врач не скажет пациенту, что если у него упала высокая температура, то он выздоровел. Просто болезнь перешла в другую фазу. В учебниках по экономике это называется теорией циклического развития рыночной экономики, при этом в рамках капиталистического цикла выделяется несколько фаз. Но кроме циклического кризиса, который мы наблюдаем и переживаем, есть еще общий кризис капитализма, который начался с рождением этого типа хозяйства и общества. Он длится по крайней мере уже двести лет (если отсчитывать от английской промышленной революции конца XVIII – начала XIX века). Именно тогда начались приступы болезни под названием «кризис перепроизводства». Очень тяжелым был, в частности, кризис 1825 года, который начался в Англии, а потом перекинулся на континентальную Европу.

Более неэффективной экономической системы в истории человечества не было. Почему же она сохраняется? – Потому что она обеспечивает прибыли и богатство очень узкой группе людей. А эти люди используют такие «неэкономические» средства сохранения капитализма, как обман и силу. А как же очень немногим удастся подчинить силой и обманом очень многих? Если говорить коротко, то благодаря тому, что эти многие отошли от Бога и в результате утратили силу и разум. Именно по этой причине и нас, безбожников, материалистов и атеистов, Запад сумел затянуть в сети рыночной экономики.

Конференция, на которой выступал Кудрин, была посвящена как раз двадцатилетию рыночных реформ. На самом деле это было *двадцатилетие перманентного социально-экономического кризиса в России*.

В-третьих, Кудрин вряд ли сумеет разобраться, что такое капиталистическая экономика и что такое Россия в этой экономике. По той причине, что Кудрин очень узкий экономист и ярко выраженный материалист. Он, судя по всему, не понимает истинных первопричин экономического кризиса. Причины кризиса, по Кудрину, – цены на нефть и курс американского доллара. Глубже он не копает. С кризисом он пытается бороться исключительно финансовыми методами (борьба с дефицитом бюджета, создание разных стабилизационных фондов, выпуск государственных ценных бумаг и т. п.). Но это все равно что лечить пневмонию с помощью примочек или горчичников. Узкий взгляд на кризис рождает иллюзию того, что в 2009–2010 годах мы сумели его преодолеть и что на данный момент кризиса нет, а существует лишь вероятность его возобновления. Между тем Россия пребывает в кризисе уже два десятилетия. А то, что Кудрин называет второй волной – лишь очередная ступенька лестницы, ведущей вниз. Россия за два десятилетия прошла уже очень много ступенек по этой лестнице.

Многие беды Алексея Леонидовича от того, что он не до конца понимает смысл слов, которые любит использовать в своих выступлениях. Например, он любит словосочетание «рыночная экономика». А почему бы ему не использовать более точное слово «капитализм»? Тогда не надо было бы министру ломать голову над выяснением причин кризиса: открыл бы он учебник «Политическая экономия капитализма» и нашел бы ответы на все свои вопросы.

А теперь вот слово «кризис» прочно вошло в лексикон нашего министра. Но есть сильное подозрение, что Алексей Леонидович не до конца понимает его смысл. Слово это греческого происхождения, и изначально оно означало не падение фондовых индексов, рост дефицита бюджета, банкротства банков и предприятий или обесценение валюты, а – «суд Божий».

В XIX веке, когда Европу начали лихорадить экономические кризисы, некоторые жившие там граждане (даже несмотря на свое протестантское понимание христианской веры) это улавливали. В протестантизме даже появилось направление с очень выразительным названием: «теология кризиса». В XX веке с этим пониманием стало намного хуже даже среди верующих и воцерковленных христиан. Когда наступил кризис 1929 года, святитель Николай Сербский (1881–1956) вынужден был обратиться к православным христианам с напоминанием об истинном смысле слова «кризис». Приведем письмо святителя, содержащее это напоминание:

«Спрашиваешь меня, человек Божий, о причине и значении наступившего кризиса. Кто я такой, что ты спрашиваешь меня об этой великой тайне? “Говори, если есть у тебя нечто большее молчания”, – сказал святитель Григорий Богослов. И хотя я нахожу, что сейчас молчание выше всякого слова, но из любви к тебе напишу, что я думаю об этом вопросе.

“Кризис” – слово греческое, в переводе оно означает “суд”. В Священном Писании слово “суд” употребляется многократно. Так мы читаем у псалмопевца: “Сего ради не воскреснут нечестивии на суд” (Пс. 1, 5). Далее опять: “Милость и суд воспою Тебе, Господи” (Пс. 100, 1). Мудрый царь Соломон пишет, что от Господа придет суд всякому (см.: Притч. 29, 26). Сам Спаситель сказал: “Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну”

(Ин. 5, 22). Апостол же Петр пишет: “Время начаться суду с дома Божия” (1 Пет. 4, 17).

Замени слово “суд» словом “кризис” и читай: “Милость и кризис воспою”, “от Господа придет кризис всякому”, “Отец весь кризис отдал Сыну”, “Время начаться кризису с дома Божия”.

Прежде европейцы, если постигало их какое-то несчастье, употребляли слово “суд” вместо слова “кризис”. Сейчас слово “суд” заменили словом “кризис”, понятное слово менее понятным. Наступала засуха, говорили: “Суд Божий!”, наводнение – “Суд Божий!”. Начиналась война или эпидемия – “Суд Божий!”; землетрясения, саранча, другие бедствия, всегда одно – “Суд Божий!” Значит, кризис из-за засухи, кризис из-за наводнения, из-за войн и эпидемий. И на теперешнюю финансово-экономическую катастрофу народ смотрит как на суд Божий, но называет ее не “судом”, а “кризисом”. Дабы умножилась беда от неразумия! Ибо, пока произносилось понятное слово “суд”, была понятна и причина, которая привела к беде, был известен и Судия, попустивший беду, и цель, ради которой беда была попущена. После подмены слова “суд” словом “кризис”, малопонятным для большинства, никто не может объяснить, ни от чего он, ни от кого, ни для чего. Только этим и отличается теперешний кризис от кризиса, происходящего из-за засухи и наводнения, войны или эпидемии, саранчи или другой напасти.

Ты спрашиваешь о причине настоящего кризиса, или суда Божиего? Причина всегда одна. Причина всех засух, наводнений, эпидемий и других бед та же, что и нынешнего кризиса, – богоотступничество. Грех богоотступничества вызвал и этот кризис, и Господь попустил его, чтобы пробудить, отрезвить людей, чтобы они опомнились и вернулись к Нему. По грехам и кризис. В самом деле, Господь использовал современные средства,

чтобы вразумить современных людей: Он нанес удар по банкам, биржам, по всей финансовой системе. Опрокинул столы менял всего мира, как когда-то Он сделал это в Иерусалимском храме. Произвел небывалую панику среди торговцев и менял. Возмутил, низверг, смешал, смутил, вселил страх. И все для того, чтобы надменные европейские и американские мудрецы пробудились, опомнились, вспомнили Бога. Для того чтобы они, утвердившиеся в гавани материального благополучия, вспомнили о душах, признали свои беззакония и поклонились Богу Вышнему, Богу живому.

Как долго продлится кризис? До тех пор пока надменные виновники не признают победу Всесильного. До тех пор, пока люди не догадаются непонятное слово “кризис” перевести на свой родной язык и с покаянным вздохом не воскликнут: “Суд Божий!” Назови и ты, честный отче, “кризис” “судом Божиим”, и все будет тебе понятно»¹.

К сожалению, наш министр финансов не называет кризис в России судом Божиим, а, следовательно, не в состоянии понять ни его причин, ни правильных методов его преодоления. Очевидно, что, пока главным движущим мотивом в нашей экономике будут деньги и богатство, пока в нашей стране будет сохраняться капитализм, суд Божий над Россией будет продолжаться.

Под гипнозом каббалистических символов

Сейчас интерес к рейтинговым агентствам и рейтингам повысился, но эти агентства существуют

¹ Николай Сербский. Священнику К. о мировом кризисе // Интернет. Режим доступа: Интернет. Режим доступа: <http://www.stranamam.ru/post/8126742/>

давным-давно, и на рынке рейтинговых услуг уже десятки лет монопольные позиции занимают три следующих агентства – Standard & Poor's, Moody's и Fitch. Они дирижируют рынками и, я бы даже сказал, дирижируют миром. Если у нас много говорят о «мировой закулисе» (например, о Трехсторонней комиссии, Бильдербергском клубе), то почти ничего не говорят про инструменты управления, которые находятся в руках этих закулисных структур. Рейтинговые агентства, с моей точки зрения, – это важнейший инструмент не только управления рынками и обогащения людей, но и управления политическими процессами.

Рейтинговые агентства сильно эволюционировали. Во времена, когда я еще учился на экономическом факультете, нам говорили, что они в основном занимаются рейтингованием банков, страховых обществ и т.д. Где-то в конце прошлого века центр их деятельности переместился в сторону рейтингования стран – в первую очередь, стран третьего мира, затем стран социалистического лагеря. Сейчас мы наблюдаем последний этап, когда в сферу деятельности рейтинговых агентств попали уже развитые страны. За примерами далеко ходить не надо – Standard & Poor's в августе 2011 года даже рискнуло понизить рейтинг экономики США.

Указанные три агентства представляют собой некое картельное соглашение, которое разделяет сферы своего влияния. Но, как в любом картеле, участники соглашения имеют свои личные интересы, и внутри самого картеля имеются свои противоречия и конфликты. Одно агентство может повышать рейтинги, другое – понижать. Поэтому сложно сказать, какое именно агентство представляет определенную политическую группу интересов.

Кроме большой политики здесь есть, видимо, и шкурные интересы получения сиюминутной прибыли. Впервые общественность обратила внимание на рейтинговые агентства, по крайней мере в Америке, более 10 лет назад, когда случился скандал с крупным энергетическим конгломератом Enron. У него было несколько крупных подразделений, и его рейтинговали все три агентства. Потом выяснилось, что они не давали объективной картины. Вместо предупреждения акционеров и общественности о том, что компания находится на грани краха, они своими рейтингами говорили о том, что она процветает. Когда Enron потерпел крах, стали разбираться, и этот вопрос даже обсуждался в Конгрессе США. Однако вскоре его быстро замяли и спустили на тормозах, потому что компания была связана с кланом Бушей и другими высшими лицами США. Стало понятно, что рейтинговые агентства прикрывали некоторые сделки, а руководство США прикрывало деятельность этих агентств.

Через некоторое время похожий скандал случился в Европе с итальянской компанией Parmalat. Недавний ипотечный кризис в США, по сути дела, тоже был спровоцирован рейтинговыми агентствами.

В США нет никакого законодательства, которое регулировало бы деятельность рейтинговых агентств. В Европе осенью уже обсуждался вопрос, чтобы как-то регламентировать их деятельность или создать альтернативные рейтинговые агентства. Заявления делаются, но конкретных шагов пока не видно. Понятно, что, как и любой картель, любое монопольное объединение, хозяева этих трех упомянутых агентств делают все возможное, чтобы не допустить появления конкурента.

Миром управляют каббалисты. Нужно иметь в виду, каким мировоззрением руководствуется мировая

закулиса. Она опирается на каббалистику. Это некая языческая философия, которая предполагает управление миром через управление символами и знаками. Мы акцентируем свое внимание на финансовой, технической стороне, но необходимо религиозное осмысление этих вещей. Это управление осуществляется не только через рейтинговые агентства, но и через кредитно-банковскую систему. Финансовые рынки, биржа, которая управляет котировками, – это также своеобразные каббалистические символы. Рейтинговые агентства являются гораздо более эффективным и оперативным инструментом, чем те же банки. Символы, которые ими используются, например ААА, – в чистом виде каббалистика.

Мир находится под гипнозом каббалистических символов. Это вызвано тем, что общество окончательно утрачивает свои христианские корни и погружается в язычество, если не сказать антихристианство.

Кризис современного экономического образования как шанс на спасение человечества

Недовольство современным экономическим образованием на протяжении многих лет глухо вызревало в университетах разных стран мира. Наконец это недовольство прорвалось наружу. В СМИ прошло сообщение о беспрецедентном случае: в университете Гарварда (США) – мировой цитадели подготовки экономистов, финансистов и управленцев – в конце ноября 2011 года несколькими сотнями студентов была устроена забастовка в виде демонстративного ухода с лекции. Лекцию читал профессор Грегори Мэнкью в рамках курса

«Экономикс 10». Цель забастовки – выразить протест против предвзятости курса, его оторванности от реальной жизни, неспособности сформировать критическое и одновременно конструктивное отношение студента к экономическим реалиям. Основные идеи протестующих были выражены в открытом письме профессору Мэнкью. Помимо прочего в письме обозначена социальная и нравственная позиция студентов: они протестуют против экономической теории, которая откровенно занимается апологетикой социального неравенства, защищает существующую финансово-банковскую систему, обосновывает коммерциализацию высшего образования, камуфлирует истинные причины экономического и финансового кризиса. Протестующие недвусмысленно продемонстрировали свою солидарность с участниками движения «Оккупируй Уолл-стрит».

Справедливости ради следует сказать, что в ряде стран отдельные протесты подобного рода имели место и раньше. Но, во-первых, они не были столь массовыми. Во-вторых, они происходили в периферийных университетах и институтах, которые не могли конкурировать по известности с Гарвардом. Вот лишь один пример. В 2003 году происходил выпуск студентов Школы экономики при Тель-Авивском университете. Окончивший с отличием Школу студент Хагай Кот выступил перед аудиторией со словами, которые повергли в шок профессоров и преподавателей. В частности, он отметил: «Нам преподают науку с ложечки и ожидают, что мы реализуем ее на экзамене, не подвергая никакой критике ее саму и ее основы. Однако эта система вызывает намного более тяжелые последствия. Она не вызывает студента на критический разбор и самостоятельное мышление. Знакомясь с одним-единственным экономическим подходом, студент может подумать, что

другого просто нет и что он изучает истину в последней инстанции. Без критического разбора и самостоятельного мышления студент не сможет в будущем сам разрабатывать инструменты для решения проблем, не изучавшихся в Школе, или новых проблем, с которыми теория еще не сталкивалась». Некоторые израильские СМИ назвали выступление Хагая Кота обличением системы экономического образования как закамуфлированной «полиции мыслей».

К большому сожалению, подобных примеров публичных протестов со стороны студентов, изучающих экономику в российских вузах, я привести не могу. В университете, где я лично преподаю (МГИМО), некоторые студенты в личных беседах со мной высказывают недовольство и неудовлетворенность тем, как преподаются некоторые экономические дисциплины. Однако это лишь глухое недовольство.

На протяжении всего XX века мировая финансовая олигархия придавала особое значение экономическому образованию как способу сохранения и укрепления своей власти. Экономическое образование было поделено на две неравные части. Первая часть – штучная подготовка финансовой элиты, которую посвящали в тайны финансов и бизнеса, эзотерическое знание. Это так называемая экономика хозяев. Вторая часть – массовая подготовка всех остальных, плебса. Это так называемая экономика клерков. Эта экономика клерков на 10% предполагала (и предполагает) изучение прикладных дисциплин типа бухгалтерского учета, а на 90% состоит из разного рода идеологических дисциплин, направленных на промывку мозгов. В своей книге «О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном» (М., 2011) я утверждаю, что такое экономическое образование фактически формирует новый тип религиозно-

го сознания. А сами учебники по экономике – это различные катехизисы всемирной религии денег, религии, носящей ярко выраженный деструктивный и антихристианский характер.

Одна из главных идеологических (религиозных) дисциплин – курс «Экономикс», против которого взбунтовались студенты Гарварда. Системе нужны биороботы, а не творческие и думающие личности. Я постоянно говорю: самым ценным ресурсом так называемой рыночной экономики (кодовое название капитализма) являются дураки (в «экономикс» они носят кодовое название *homo economicus*). Поскольку число дураков (умственно отсталых) от общего количества рождающихся составляет доли процента, то мировая финансовая олигархия в XX веке поставила их производство на массовую, конвейерную основу. Основные предприятия по производству этого товара – университеты, особенно экономические факультеты, и разного рода экономические школы при университетах.

Нынешний экономический кризис, захвативший почти весь мир, несет человечеству большие страдания и материальные потери. Но не даром в переводе с греческого языка «кризис» означает «суд Божий». Бог не желает человеку зла, Он его учит и помогает его спасению. И я лично вижу позитивное влияние кризиса в том, что даже в мировой цитадели подготовки финансистов и управленцев обозначились первые признаки выздоровления человечества.

Забастовка в Гарварде – проявление начинающегося кризиса системы экономического образования, которая складывалась на протяжении последнего столетия. Но именно этот кризис может дать человечеству шанс на спасение. Будем надеяться, что этот кризис придет и в Россию, уставшей за двадцать лет от непрерывной

промывки мозгов пришедшим с Запада «экономическим образованием».

**«Это была не денежная,
а идеологическая реформа»**

Экономист Валентин Катасонов
об истории национального девиза США
«In God We Trust» и борьбе с ним...

100 лет тому назад президент США Теодор Рузвельт выступил против использования девиза «In God-WeTrust» на центах, сославшись на то, что Ветхий Завет запрещает использовать имя Божие всуе. Эта инициатива вызвала массовые протесты. Тогда 26 ноября 1907 года Рузвельт разместил в New York Times письмо, в котором обстоятельно обосновывалась необходимость этой реформы. «Мои собственные чувства по этому вопросу связаны с моими убеждениями, поскольку я полагаю, что размещение подобных фраз на монетах или использование их подобным образом не только нехорошая задумка, но и так называемый положительный вред; по сути, это непочтительность, которая близка к святотатству», – писал Рузвельт.

Однако в связи с тем, что волнения так и не улеглись, в 1908 году Конгресс США обязал чеканить девиз «In God We Trust» на всех монетах без исключения.

По мнению научного сотрудника Манхэттенского института политических исследований, редактора «Сити-Журнала» Брайана Андерсона, использование этого девиза на монетах не является святотатством. «Фраза “В Бога мы верим” – “In God We Trust” – отнюдь не обожествляет деньги. Она говорит не о приро-

де денег, а о природе Америки. Этой фразой мы хотим показать, что власть американского правительства, казначейства, денег, человека, который владеет этими деньгами, – эта власть ограничена», – считает он.

Согласно записям министерства финансов США, в 1861 году преподобный М. Р. Уоткинс, священник из Пенсильвании, написал министру финансов Салмону П. Чейзу, умоляя его, чтобы новые монеты имели на себе свидетельство «признания всемогущего Бога». Чейз был настолько тронут письмом Уоткинсона, что попросил монетный двор США разработать девиз для того, чтобы укрепить религиозную направленность государства в эпоху гражданской войны. «Вера нашего народа в Бога должна быть зафиксирована на наших национальных монетах», – писал Чейз в послании на имя директора монетного двора в США. 22 апреля 1864 года Конгресс США принял закон, который предусматривал, что монеты в один цент, два цента и три цента должны содержать фразу «In God We Trust».

«Закон, который разрешил печатание на бумажных деньгах этого девиза, вышел в 1955 году», – напоминает представитель американского Бюро печати Клаудия Диккенс. В 1956 году Конгресс принял закон, который сделал фразу «In God We Trust» официальным национальным девизом США.

В 1970 году был подан первый иск против размещения девиза «In God We Trust» на национальных деньгах, но окружной апелляционный суд постановил, что «использование девиза носит патриотический и торжественный характер и не имеет ничего общего с правительственным спонсорством религии». С тех пор это утверждение неоднократно оспаривалось в федеральных судах, но безуспешно.

1 ноября 2011 года члены Палаты представителей США поддержали резолюцию, подтверждающую за фразой «In God We Trust» статус национального девиза Соединенных Штатов. Причиной для составления документа стала явная потеря в американском обществе уважительного отношения к девизу. В частности, отметил автор резолюции республиканец Рэнди Форбс, одной из целей резолюции является пресечение попыток оспорить статус фразы, регулярно предпринимаемых как простыми гражданами в судах, так и чиновниками, использующими административный ресурс.

В настоящее время девиз «In God We Trust» изображен не только на американских деньгах, но также начертан над креслом спикера Палаты представителей США и над входом в зал Сената.

Своими размышлениями на данную тему делится в интервью «Русской народной линии» известный экономист, доктор экономических наук, профессор МГИМО Валентин Катасонов.

Это была не денежная, а идеологическая реформа. Надо быть хорошим знатоком английского языка, чтобы почувствовать оттенки слова «trust». Мне приходилось разговаривать с американцами на эту тему. Они не всегда сами хорошо чувствуют свой язык. Между ними разгорелась дискуссия, какой оттенок имеет слово «trust», потому что некоторые считали, что это значит «вкладывать, инвестировать в Бога», а другие считали, что эта фраза означает «верим в Бога», «вверяем Ему». Нам, неанглоязычным людям, трудно улавливать эти нюансы.

Эту лингвистическую реформу могли лоббировать и представители иудаизма, потому что они очень ревниво относятся к этому догмату, который присутствует

у иудеев. Вполне вероятно, что представители каждой конфессии, проживающие на территории США, имеют в виду своего собственного бога.

Мой ограниченный опыт общения с американцами показывает, что им немножко стыдно за эту фразу. Может быть, я контактировал не с той частью Америки, с какой надо, но они считают, что на банкноте неуместно размещать подобного рода надписи. Что за этим стояло? Личная позиция президента Теодора Рузвельта или требования какой-то части электората – я не знаю. Но удивительно, что в 1955 году не только не убрали эту надпись с монет, но и добавили ее на бумажные банкноты.

Я же полагаю, что слово «trust» в контексте данного выражения означает не «верю в Бога», а «доверяю Богу», «полагаюсь на Него». Не так много примеров в бонистике и нумизматике, чтобы на знаках присутствовали какие-то признаки божественного начала, либо в виде изображений, либо в виде надписей. В иудаизме вообще не приветствуется размещение каких-то изображений Бога.

Я думаю, что публичное выражение религиозности для американских лидеров стало столь привычно, что оно уже не наполнено сакральным смыслом. Оно превратилось в обыденный светский ритуал. В общем-то, это модель протестантского поведения. Протестанты не смущаются проявлением религиозности, но это религиозность в кавычках, то есть они скорее демонстрируют свое благочестие в отношении не к Богу, а по отношению к окружающим. Так что ссылки на Бога и молитву довольно часто встречаются у американских президентов. К этому часто прибегал Буш-младший, который остается протестантским фанатиком. У них подобная «религиозность» проявляется на бытовом уровне, как у нас в русском языке восклицание «О Го-

споди!». Произносящие эти слова, как правило, не задумываются над смыслом призыва.

Христианство и экономика: разные миры?

Ведущий передачи «Русский ответ» на канале «Царьград» Андрей Афанасьев недавно (30 июня) обсудил с Владимиром Легойдой, главой Синодального отдела по взаимоотношениям с обществом и СМИ Русской Православной Церкви, итоги так называемого «Всеpravославного» Собора на Крите. Помимо прочего в беседе были затронуты такие понятия, как «консерватизм», «либерализм», «традиционализм» в контексте церковной жизни, их понимание с христианской точки зрения. В ходе разговора В. Р. Легойда вышел на крайне актуальный для православных вопрос о том, насколько взгляды человека на экономику, политику, социальную жизнь соотносятся с его христианством, принадлежностью к Церкви. Эти вопросы крайне редко затрагиваются официальными представителями Московской Патриархии, поэтому я специально выделил эту часть беседы и воспроизвожу ее ниже.

«Владимир Легойда: И Церковь, можно сказать, что она традиционна. А это все-таки категория, которая отличается, безусловно, или от либерализма, категории либерализма, и категории консерватизма в том числе. Человек, например, придерживающийся либеральных взглядов в экономике, совершенно спокойно может быть православным верующим, приходить в храм, причащаться, и никто, никакой батюшка, перед тем как причастит, у человека не спросит: а ты случайно не либеральный экономист?

Андрей Афанасьев: За Кейнса или за кого?

В. Л.: Да. Отойди, пожалуйста, Святые Дары я тебе не преподам. Конечно, так нельзя считать. С третьей стороны, если говорить о таком философском либерализме, как вот принципиальном отходе культуры, философии какой-то, мировоззрения от Бога, от веры, принципиальной, то здесь, конечно, Церковь с этим никак согласиться не может. Но вопрос такой непростой, потому что если не определять точно, что имеется в виду, то очень много таких смысловых сразу коннотаций, которые могут просто дезориентировать. И главное, с чем я, конечно, как человек не соглашусь никогда, это с тем, что если человек придерживается в экономической или политической плоскости тех или иных взглядов, то это автоматически его делает или не делает православным. Это, конечно, не так. То есть главное – это вера, вера во Христа».

Теперь мой комментарий.

Слава Богу, что эта животрепещущая тема соотношения социальных взглядов (не только экономических) и религиозных убеждений христианина хоть как-то попала в «кадр» беседы. Еще раз повторю: эта тема очень редко затрагивается в проповедях священников, современных богословских трудах, выступлениях нашего священноначалия и представителей аппарата МП РПЦ.

Трудно не согласиться с В. Легойдой, что «вопрос такой непростой», «очень много таких смысловых сразу коннотаций, которые могут просто дезориентировать». Тем более это делает актуальным широкое обсуждение вопроса о том, как соотносится христианство человека и его социальное мировоззрение. Действительно ли политические, экономические и социальные взгляды человека независимы от его христианской совести. Конечно, я далек от того, чтобы утверждать, что какие-то соци-

альные взгляды могут человека автоматически делать православным, а другие взгляды, наоборот, лишать его такого статуса. Но то, что одни взгляды могут человека приближать к Богу и Церкви, а другие – отдалять, – для меня очевидно. Некоторые из них могут постепенно превращать человека сначала в номинального христианина, затем в агностика, и в конце концов – в безбожника и даже богоборца. Все это наглядно видно на примере эволюции католицизма, разложение которого в Средние века началось именно на хозяйственно-бытовом уровне. Внутри католицизма возникало толерантное отношение к ростовщическому проценту, прибыли, эксплуатации человека человеком, индальгенциям и т. п. Евангельская фраза «Не можете служить Богу и мамоне» становилась все более формальной, центр тяжести постепенно незримо перемещался от Бога к мамоне, что и породило протест Лютера, Реформацию, протестантизм с его духом капитализма. Все это достаточно наглядно описано в работе Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Еще раз повторю: революция Лютера произошла не потому, что в католицизме в то время появились какие-то догматические новации. Их не было. Все происходило на хозяйственно-бытовом уровне. Незримо менялось мировоззрение людей, находившихся в лоне католицизма. В своей книге «О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном» я пишу, что вирус ростовщического процента подтачивал души людей, все больше удалял их от Бога.

В другой своей книге, «Религия денег», я утверждаю, что сегодня за вывесками многих традиционных религий скрывается строительство единой мировой религии. Она очень многогранна. Одной из ее граней является поклонение мамоне. Поэтому одно из ее на-

званий – религия денег. Именно в социальной и экономической сфере происходит повседневная жизнь христианина. Именно здесь у него является возможность проявить себя истинно верующим человеком, живущим по Христу. Да, мы сегодня слабы. Да, мы сегодня не только не живем по Христу, но даже нарушаем те десять минимальных заповедей, которые были даны Богом через Моисея жестоковейному еврейскому народу. Но мы, даже будучи слабыми, должны остро чувствовать наше отхождение от Христа, остро переживать наши грехи. Не только по части нарушения поста или еще каких-то бытовых нарушений, а именно в сфере социальной и экономической, где мы пребываем большую часть своей жизни.

В своих работах (основная из них: «Капитализм. История и идеология “денежной цивилизации”») я пытаюсь донести до читателя очевидную мысль: современная либеральная экономическая модель – новое название того общественного порядка, который называется капитализмом. Тот самый капитализм, который разрушал устои христианства в Европе, а позднее стал разрушать их в и России. В красивых упаковках экономического либерализма заложен смертельный яд материализма, богоборчества, антихристианства.

Это очевидная вещь. Именно для того, чтобы как-то помочь православному человеку ориентироваться в современной социальной жизни, и был принят в 2000 году документ «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». К сожалению, в нем много недомолвок и даже двусмысленностей. Думаю, что следует продолжить работу над документом. Он должен стать важной подмогой для христиан, желающих спастись в эти непростые времена, для мира и России.

О конкуренции. Продолжение разговора

Только что в рамках Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова (РЭОШ) прошло заседание, темой которого была определена *конкуренция*. С докладом выступил профессор д. э. н. Михаил Иванович Гельвановский. С докладом я читателей знакомить не буду, надеюсь, что в ближайшее время видео с выступлением нашего гостя было выложено на сайте РЭОШ. Доклад Михаила Ивановича вызвал активную дискуссию. Участвовал в ней и я. Доклад и дискуссия дали обильную пищу для размышлений, бóльшая часть которых в силу ограниченности времени заседания не была высказана. Думаю, что любой участник дискуссии может наверстать упущенное и высказать недосказанное в письменном виде. Именно этой возможностью продолжения разговора я и пользуюсь. Сразу определяю свою позицию по докладу. С основными положениями его я согласен. Моя цель в данном комментарии к докладу – уточнить некоторые акценты и углубить некоторые тезисы выступления Михаила Ивановича. А также расшифровать некоторые собственные тезисы, которые я обозначил в своем коротком выступлении в прениях.

1. Конкуренция – понятие, которое стало внедряться в сознание наших соотечественников в последние тридцать лет. С того времени, когда началась «перестройка», когда М. Горбачев, А. Яковлев и другие партийные идеологи стали нам навязывать «новое мышление» и «общечеловеческие ценности». Сегодня, в XXI веке это внедрение сильно продвинулось вперед. Большинство наших сограждан воспринимают понятие конкуренция как нечто естественное. Важным каналом и механизмом внедрения понятия и его закрепления в

сознании человека является система высшего образования. Особенно образования экономического. В учебниках по экономике термин «конкуренция» – один из основных. Понятие конкуренции – важнейший элемент идеологии общественного устройства, которое чаще всего называют капитализмом. «Конкуренция» идет в одном ряду с такими понятиями, как «демократия», «гуманизм», «рынок», «права человека». Если с демократией и правами человека наши люди малость уже разобрались, то в отношении конкуренции этого сказать нельзя. Даже многие православные думают, что конкуренция – понятие техническое. Мол, самое главное состоит в том, как пользоваться этим инструментом. Может быть хорошая и плохая, честная и нечестная конкуренция. Нам, православным (предпринимателям), нужна, мол, конкуренция, но хорошая, честная¹.

2. Вместе с тем понятие конкуренции – важнейший элемент идеологии общественного устройства, которое чаще всего называют капитализмом. Я уже достаточно писал, что капитализм – не только определенная социально-экономическая модель, это в первую очередь определенный тип духовно-религиозного устройства общества². Современный капитализм – конкретно-историческая форма каинитской цивилизации. Последняя противостоит Авелевой цивилизации. Вся история человечества, начиная с момента убийства Авеля Каином, – история сосуществования и борьбы этих двух цивилизаций. Эта борьба будет продолжаться до последних времен земного существования человечества. Эти две цивилизации не могут смешиваться, также не

¹ См.: Катасонов В. Моральный кодекс строителя капитализма (<http://pereprava.org/jurnal-pereprava-article/1353-moralnyy-kodeks-stroitelya-kapitalizma.html>)

² Катасонов В. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». – М.: Институт русской цивилизации, 2015.

может произойти полной победы одной над другой. Современная Авелева цивилизация выступает в форме христианства. Таков замысел Бога о человечестве, тайны которого открываются в Священном Писании¹. В контексте сказанного можно утверждать, что введенное в наш оборот слово «конкуренция» может быть переведено на понятный язык как «убийство». Конкуренция – смысл и символ капитализма. Экономическая сущность капитализма – получение прибыли, накопление капитала. Социальная его сущность – разделение общества – на капиталистов и наемных рабов. Политическая сущность – завоевание капиталистической элитой мировой власти. Духовная его сущность – борьба с христианством, поклонение дьяволу, приведение к власти в мире антихриста. А если поклонение дьяволу, то значит возведение в норму жизни лжи и убийства. Напомню слова Христа, которые Он обращал к иудеям (фарисеям и книжникам): «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8, 44). Восприятие современным человеком конкуренции как чего-то естественного означает, что он воспринимает убийство как норму жизни.

3. На тему конкуренции и конкурентоспособности написаны сотни книг и тысячи статей. В подавляющем большинстве работ конкурентоспособность рассматривается как синоним, эквивалент эффективности. Если убрать словесную шелуху из работ современных экономистов, то выясняется, что единственным критерием и показателем конкурентоспособности и эффективности в условиях современной капиталистической экономи-

¹ См.: Катасонов В. Метафизика истории. М.: Институт русской цивилизации, 2017.

ки является прибыль, которая может также называться рентой, маржой, спредом, процентом. Что прибыльно, то и конкурентоспособно. И наоборот: убыточное по определению неконкурентоспособно. Все мы помним слова из «Капитала» Карла Маркса: «Обеспечьте капиталу 10% прибыли, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы».

Вся экономическая наука в ее прикладном варианте интересуется только двумя вопросами: оценкой «эффективности капитала» (показатели могут называться: норма прибыли, рентабельность, доходность и т. п.) и оценкой «риска» (вероятность «сломать голову»). Все. Остальное – бесплатное приложение, «бла-бла-бла». А экономическая наука в ее теоретическом варианте убеждает молодого человека, что кроме этих двух вещей (прирост капитала и угроза наказания) в жизни ничего интересного и заслуживающего внимания нет.

Конкуренция, конкурентоспособность – понятия, которые органично вписываются в идеологическую конструкцию капитализма и каинитской цивилизации. Мысль моя проста: нельзя выдергивать отдельные понятия из чуждой нам идеологии и пытаться вмонтировать в свою. Имплантация их в тело христианского мировоззрения либо заканчивается отторжением чуждых элементов (здоровая реакция), либо эти чуждые элементы, подобно раковым клеткам, начинают разрушать наше мировоззрение.

4. Даже в Советском Союзе понимали значимость правильного употребления терминов. Конкуренцию воспринимали как важнейший атрибут капитализма.

При социализме по определению конкуренции быть не могло. Антонимы слова «конкуренция» – кооперация, сотрудничество, взаимопомощь. Недаром интеграционную группировку социалистических стран назвали Советом экономической взаимопомощи (создана в 1949 году, распущена в 1991 году). В 1963 году страны СЭВ учредили международную организацию для проведения международных расчетов на основе многостороннего клиринга, которая получила название «Международный банк экономического сотрудничества» (МБЭС). Слово «сотрудничество» использовалось во многих других названиях организаций, проектов, программ. Во внутреннем обороте широко применялось слово «соревнование». На первый взгляд, слова «соревнование» и «конкуренция» близки по смыслу. Но различие принципиальное. Конкуренция нацелена на уничтожение соперника. Соревнование такого не допускает. Более того, бенефициаром конкуренции является единоличный победитель. При соревновании обычно выигрывают все или многие. В современных учебниках допускается небрежность (или сознательное искажение): «конкуренцию» и «соревнование» часто представляют в качестве синонимов.

5. Итак, конкуренция предполагает уничтожение соперника. Современные учебники по экономике много пишут про операции **М&А**. **По-русски: слияния и поглощения.** 90% всех операций М&А в мире – поглощения. Таков закон экономических джунглей. Одни компании поедают других. Профессиональные экономисты нас убеждают, что это «прогрессивно», «повышает эффективность», «снижает издержки» и т. п. Мол, возникает эффект «масштаба производства», также наиболее передовые технологии и формы организации распространяются на все предприятия, вошедшие в состав новой ком-

пании и т. п. В чистом виде пропаганда операций M&A. Все с точностью до наоборот. Происходит образование гигантских монополий. Чем выше монополизация производства, тем больше возможностей устанавливать монопольные цены, тем меньше стимулов что-либо менять в производстве, управлении. Конкуренция ведется не для того, чтобы повысить качество продукции и снизить цены на товары и услуги. Конкуренция ведется ради того, чтобы уничтожить соперников, установить на рынке монополию. Еще сто лет назад Ленин справедливо писал в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»: где монополия, там и технический застой¹. После обретения доминирующего положения на рынке монополия может приступить к следующему шагу – установлению контроля над потребителями.

6. Наши учебники создают ложное представление, что основным средством повышения конкурентоспособности компании, производящей товары и услуги, является снижение издержек производства. Мол, следует совершенствовать технологии производства, внедрять новые методы управления, повышать квалификацию персонала и т. д. Резерв такого повышения конкурентоспособности крайне ограничен сегодня.

На первое место выходят менее популярные и более привычные методы: снижение заработной платы наемных работников, уклонение от налогов (используя как легальные, так и нелегальные средства уклонения), экономия на природоохранных издержках и социальных программах и т. п. В результате борьба за конкурентоспособность оборачивается появлением и обострением многих проблем. Таких, как снижение жизненного уровня населения, уход бизнеса в офшоры, недополучение

¹ См.: Катасонов В. Империализм, как высшая стадия капитализма. Метаморфозы столетия (1916–2016 годы). М.: Кислород, 2016.

налоговых поступлений в бюджеты, загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов. Происходит «повышение конкурентоспособности» бизнеса за счет роста так называемых внешних издержек, которые возлагаются на все общество.

Но еще более серьезным последствием «борьбы за конкурентоспособность» становится то, что бизнес вообще перестает заниматься производством жизненно необходимых благ, так как самую высокую рентабельность обеспечивают такие виды бизнеса, которые преступны по своей природе – например, наркобизнес, – или абсолютно бесполезны с точки зрения удовлетворения нормальных человеческих потребностей – например, спекуляции на финансовых рынках.

7. Разве такая борьба за конкурентоспособность не является убийством? Пусть это не всегда физическое убийство, подобное тому, какое устраивают бандиты на темной улице. Убийство во имя конкурентоспособности – более серьезное. Пусть оно не всегда осознается, пусть оно невидимо, но это убийство. «Оптимизация издержек» компании, ведущая к увольнению работников и росту безработицы, – разве это не убийство? Продажа наркотиков и медленная смерть их потребителей – разве это не убийство? Загрязнение окружающей среды – разве это не массовое и медленное убийство тысяч (иногда миллионов) людей, живущих рядом с «конкурентоспособными» предприятиями? Прожигание молодым человеком лучших годов своей жизни на бирже и фанатичная игра с ценными бумагами и валютой – разве это не духовное убийство? Отравление миллионов людей так называемыми пищевыми продуктами, содержащими химические добавки (опять-таки с целью снижения издержек производства) – разве это не массовое убийство? Техногенные катастрофы в результате экономии

на технике безопасности (взрывы, обрушения, затопления, пожары) – разве не убийство? Смерть больных людей, которым всучили вместо лекарства фальсификат, – разве не убийство?

Итак, с какого боку ни посмотреть на конкуренцию – везде убийство. Причем массовое, постоянное, не афишируемое. Везде смерть, болезни, страдания, смерть (иногда мгновенная, иногда незаметная, медленная), разрушения, душевное опустошение – все ради «повышения конкурентоспособности». Тема конкуренции очень многогранна, можно выделить такие ее ипостаси, как «конкуренция и разрушение», «конкуренция и ограбления», «конкуренция и убийства» и т. п. Кстати, об одной из граней этой темы повествует получившая международный резонанс книга Дж. Перкинса «Исповедь экономического убийцы». Автор работал «экономическим убийцей», насаждая по всему миру идеи рыночной экономики, которые получили название «Вашингтонского консенсуса». Подобные экономические убийцы под видом консультантов МВФ, МБРР, Агентства международного развития США и других организаций активно работали у нас в России в 90-е годы прошлого века, и последствия их преступной деятельности мы чувствуем на себе.

Напомню, что все это происходит в условиях каинитской цивилизации. Каин решил конкурировать с Авелем за благорасположение со стороны Бога. И это, казалось бы, мотивированное благочестием устремление Каина закончилось убийством. Разве это не доказывает, что суть каинитской цивилизации – убийство и смерть?

8. В современном мире «абсолютной конкурентоспособностью» обладают те, кто получил право выпускать деньги. Прежде всего это акционеры Федеральной резервной системы США (ФРС), которые имеют моно-

польные права на «печатный станок», выпускающий доллары. С помощью долларов ФРС, получивших статус мировой валюты, акционеры ФРС (хозяева денег) могут скупать весь мир. На фоне хозяев денег даже наркобизнес выглядит не очень конкурентоспособным. На этом фоне все другие «конкурентоспособные субъекты» (компании, банки, целые государства) выступают лишь в качестве объектов, которые будут поглощены (съедены) хозяевами денег. Это лишь вопрос времени. Поэтому все программы и проекты «повышения конкурентоспособности» (компаний, банков, государств), которые не учитывают этой «мелочи», выглядят лишь утопиями. Причем не безобидными, поскольку канализируют энергию людей в ложном направлении.

Мировая экономика с ее рыночной конкуренцией напоминает «пищевую пирамиду»: самые неконкурентоспособные находятся внизу и обречены на съедение (на этом уровне между прочим находится малый и средний бизнес России, который, по замыслу нашей власти, должен стать оплотом отечественной экономики). Средние уровни – те бизнесы, которые выжимают нещадно соки из наемных работников, превращая их, по сути, в рабов. Также те, кто занят нелегальным бизнесом и поддерживают себя на плаву за счет офшоров и разных серых схем. Средний уровень – вотчина транснациональных корпораций, которые нам представляют в качестве образцов конкурентоспособности. На вершине пирамиды находятся хозяева денег. Со временем они рассчитывают пожрать всех. Правда, чем они будут питаться потом, хозяева денег представляют себе смутно. Не вдаваясь в эту тему, скажу, что если это произойдет, то будет настоящей пирровой победой.

9. Вернусь к докладу М. И. Гельвановского. Михаил Иванович полагает, что конкуренция – и зло и добро

одновременно. Когда он имеет в виду конкуренцию как положительное явление, он считает, что «нам» (видимо, Российской Федерации) надо укреплять свои позиции на мировом рынке. Это выглядит как благое пожелание, повисающее в воздухе. Дело в том, что в современном виде Россия является крайне зависимым государством. Зависимым от кого? – От США? От Европейского союза? От Китая? Нет, страновой подход при поиске ответа в данном случае малопродуктивен. Мы видим, что Америка как государство слабеет на глазах. ЕС еще слабее, чем Америка, стремительно теряет свой суверенитет. Россия зависит от хозяев денег. Более конкретно: Россия управляется Банком России, который, в свою очередь, выступает в роли филиала ФРС. Без выхода России из-под контроля хозяев денег все разговоры о повышении конкурентоспособности России – пустопродукция болтовня и утопии. Отдельные компании и банки, формально находящиеся в юрисдикции Российской Федерации, могут «повышать конкурентоспособность». Но бенефициарами такого повышения будет не народ России, не государство «Российская Федерация», а отдельные олигархи. Да и те являются бенефициарами лишь на время (это средний уровень «пищевой пирамиды», о чем я сказал выше). Бенефициарами «последней инстанции» всегда оказываются те, у кого печатный станок, то есть хозяева денег. Находясь в составе капиталистической цивилизации, наивно думать, что она может стать субъектом конкуренции, она была и остается объектом этой конкуренции, которую между собой ведут транснациональные корпорации и банки, отдельные кланы, составляющие корпорацию хозяев денег¹. Нам надо сначала решить сложную и жизненно важную задачу: *перестать быть объектом транснациональной*

¹ См.: Катасонов В. Ограбление России. М.: Книжный мир, 2015.

конкуренции. А вот надо ли нам после этого становиться *субъектом международной конкуренции*? – У меня на этот счет есть серьезные сомнения.

10. В советское время я имел некоторый опыт работы в сфере внешней торговли. ВТ решала важные политические и народнохозяйственные задачи. Не помню, чтобы государственное и партийное руководство страны когда-то ставило задачу повышения конкурентоспособности нашей страны, или наших предприятий, или наших внешнеторговых объединений (в системе Министерства внешней торговли СССР действовало около 50 всесоюзных объединений, которые имели свою товарную специализацию). Все было устроено принципиально по-другому (по сравнению с сегодняшним днем). С первых лет существования советского государства был установлен режим государственной монополии внешней торговли, который дополнялся режимом государственной валютной монополии. Советская экономика как единый народнохозяйственный комплекс была гигантской корпорацией, которая и выступала в качестве партнера всех зарубежных компаний¹. Какими бы большими они ни были, они все равно выглядели карликами на фоне советского Гулливера. Запад в начале 20-х годов прошлого века поднял вой по поводу государственной монополии внешней торговли. На Генуэзской конференции Запад был даже более озабочен не долгами царского и временного правительств, которые большевики отказались платить, а именно государственной монополией внешней торговли. Но мы от нее не отказались, а потому выстояли². Итак, во внешней торговле

¹ См.: Катасонов В. Экономика Сталина. М.: Институт русской цивилизации. 2014.

² См.: Катасонов В. Россия и Запад в XX веке. История экономического противостояния и сосуществования. М.: Институт русской цивилизации. М., 2015.

была монополия, но это не означало, что внутри страны предприятия имели статус монополистов. Впрочем, как работала наша внутренняя экономика, я достаточно подробно описал в своей книге «Экономика Сталина». В том числе рассказал и о механизме функционирования экономики, который позволял снижать издержки производства. Но для этого не использовалась пресловутая конкуренция.

Важно иметь в виду, что СССР был страной с само-достаточной экономикой. Сталинская индустриализация была нацелена на то, чтобы минимизировать нашу зависимость от внешних рынков. Поэтому внешняя торговля закрывала потребности лишь в тех товарах и ресурсах, которые по тем или иным причинам не могли производиться внутри страны. Планирование внешней торговли (годовые и пятилетние планы) начиналось после того, как на основе межотраслевых балансов определялись узкие места и определялись потребности в импорте. Лишь после этого начинали планирование экспорта. Экспорт не был самоцелью. Он был средством получения валюты для закупок товаров по импорту. «Экономика Сталина» была ориентирована на удовлетворение конкретных потребностей людей в тех или иных товарах и услугах, поэтому важнейшие плановые показатели и задания для предприятий содержали натуральные показатели. Показатель прибыли был чисто контрольным – стоял, образно выражаясь, на 101-м месте.

Соответственно в эпоху сталинской экономики никому и в голову не приходило ставить перед внешней торговлей задачу повышения конкурентоспособности. Когда я учился в МГИМО на отделении «Экономика внешней торговли» (конец 1960-х), преподаватели давали нам очень простую формулу-ориентировку: «Продать подороже, купить подешевле». Помню, что мы даже рас-

считывали показатель «валютная эффективность сделки». Но ведь это иная задача, нежели повышение конкурентоспособности. Или, тем паче, задача конкурентного захвата новых рынков. Да, Министерство внешней торговли СССР занималось (весьма профессионально) изучением конкурентов на мировых товарных рынках. Да, мы искали самые оптимальные и минимально рискованные варианты покупки и продажи товаров. Но все-таки это не была конкурентная борьба в форме звериной грызни и установление контроля над рынком. Картина тех лет была очень интересной. С одной стороны, большинство товарных рынков контролировалось западными монополиями (концерны, тресты, синдикаты, но все-таки, в первую очередь, картели). С другой стороны, нас очень уважали и по-своему любили (более надежных и аккуратных в выполнении своих обязательств партнеров трудно было найти). Но по-настоящему конкурентной борьбы с нами никто не вел. Ведь – напомним еще раз – конкурентная борьба предполагает уничтожение другого субъекта. Никому из «мелких зверей» на мировом рынке и в голову не могло прийти посягнуть на Советский Союз, который был в весовой категории «льва» или «слона». Лишь в 80-е годы, когда подули новые ветры, у некоторых внешнеторговых организаций на первое место вышел показатель валютной выручки. Появились соблазны влезть в конкуренцию на мировых рынках. Здесь появились риски, соблазны, досадные ошибки. Мое мнение таково: на мировом рынке выходить можно, но лишь в крайнем случае, когда нет иной альтернативы. Ведь это вопрос национальной безопасности. А она, как выясняется, стоит очень дорого, просто бесценна. Как бесценна человеческая жизнь. Кроме того, почему-то некоторые думают, что выход на мировой рынок означает: «С волками жить, по-волчьи

выть», то есть участвовать в конкурентной борьбе на этом рынке. Можно выстроить внешнюю торговлю таким образом, что конкуренция будет, но не мы будем в ней участвовать, а они – конкурируя за право торговать с нами. Без восстановления государственной монополии внешней торговли и монополии валютной любые попытки повышения нашей конкурентоспособности будут оканчиваться «сухими» проигрышами.

11. Еще раз возвращаюсь к вопросу о конкуренции. Я полагаю, что мы должны понять, что это слово не из нашего лексикона. Михаил Иванович предложил завоевывать экономический суверенитет России путем повышения конкурентоспособности. Я не согласен с такой постановкой задачи. И даже не только потому, что она сформулирована крайне абстрактно. Главное не в этом. Наши победы возможны лишь на пути сотрудничества и взаимной помощи. Прежде всего внутри нации. И если нам удастся консолидироваться (а это возможно лишь на пути возвращения к православию), тогда многое чудесным образом сложится само, Бог найдет способ помочь нам. Пока же мы наивно пытаемся бороться со злом, используя его же метод – конкуренцию. Это игра на чужом поле, по чужим правилам, с чужими судьями. Финальный итог такой игры заранее могу предсказать: проигрыш «всухую». Будет у нас внутри России сотрудничество и взаимная помощь, тогда и другие страны (по крайней мере некоторые) захотят с нами выстраивать экономические отношения на таких же принципах. Добро заразительно. Но для этого нам в России надо покончить с капитализмом. Нынешний компрадорский капитализм в нашей стране не только аморален, но и абсолютно неконкурентоспособен.

12. Научное обоснование конкуренция получила еще в работе Адама Смита «Исследование о природе

и причинах богатства народов» (опубликована в 1776 году). Там были заложены теоретические основы той самой рыночной экономики, которую сегодня преподают в российских вузах. Именно в этой работе появился образ «невидимой руки», которая дирижирует рынком и всеми его участниками. Участники рынка грызут друг друга глотку в безжалостной конкурентной борьбе. «Ничего страшного, – говорят поклонники Адама Смита. – Каковы бы ни были помыслы и нравственные установки участников рынка, рынок все их усилия и труды преобразует в благо для всего общества». Адам Смит, будучи философом, занимавшимся вопросами этики, положил начало изгнанию этой самой этики из сферы хозяйства. И оно превратилось в рыночную экономику. Это было окончательное «научное» оформление и обоснование духа капитализма, поклонения мамоне. Свою лепту в обоснование конкуренции внес и Томас Мальтус, который в самом конце XVIII века выпустил книгу «Очерк о законе народонаселения». В ней он доказывал, что экономика и производство благ растут в арифметической прогрессии, а народонаселение – в геометрической. Последствием этого дисбаланса, как он полагал, являются войны и обострение конкуренции за ограниченные ресурсы. Это «открытие» было крайне на руку тогдашнему английскому капитализму, который на «научной основе» завоевывал мир. Подробно капиталистическую конкуренцию описал в своем «Капитале» Карл Маркс. Он был несказанно рад, когда узнал о выходе в свет работы Чарльза Дарвина «О происхождении видов» (1859). Классик марксизма даже хотел посвятить «Капитал» Чарльзу Дарвину. Почему? – Дарвин объяснил, что человек произошел от обезьяны и что живая природа живет по законам эволюции, а движущей силой эволюции является борьба между видами, которая ве-

дет к «естественному отбору». Конкуренция – частный случай такого «естественного отбора», происходящего в человеческом обществе. Дарвин усилил «научный» характер многих тезисов Маркса: о капиталистической конкуренции, о классовой борьбе, об эволюции общества (от первобытно-общинного строя до коммунизма), о «прогессе» и т. п. С энтузиазмом встретила учение Дарвина и буржуазия, получив от англичанина «справку», что капиталистическая эксплуатация, уничтожение конкурентов, подавление рабочего движения и профсоюзов, социальная поляризация общества – закономерности, присущие всему живому миру, и никаких грехов отныне за капиталистами не числится. Так зародился социал-дарвинизм, который в XX веке породил евгенику, национал-социализм, газовые камеры и привел к человеческим жертвам, которые не поддаются учету. Конкуренция, подобно войнам, сеет смерть по всему миру. К тому же грань между конкуренцией и войной достаточно условная. Когда у конкурентов кончаются мирные аргументы и средства, они на помощь призывают пушки.

13. Можно без преувеличения сказать, что современная теория конкуренции – совместное дитя английской политической экономики, мальтузианства, марксизма и дарвинизма. Все эти исходные учения (обращу внимание: все они родились на островах туманного Альбиона) несут в себе дух материализма, атеизма и нигилизма. В конечном счете, это идеология каинитской цивилизации, своим острием направленная против Авелевой цивилизации, против христианства. А их дитя (современная теория конкуренции) в полной мере унаследовало все эти качества. С учетом всего выше сказанного полагаю, что нам на заседаниях Российского экономического общества им. С. Ф. Шарапова в первую

очередь следует раскрывать духовную сторону феномена конкуренции, разоблачать лженаучные обоснования теории конкуренции, показывать ее человеконенавистническую и антихристианскую сущность.

Вполне вероятно, что многие с недоверием отнесутся к сказанному мной. Но я не «изобретаю велосипеда», не «открываю Америку». Еще в XIX веке наши русские мыслители и общественные деятели – В. А. Кокорев, С. Ф. Шарапов, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. П. Гиляров-Платонов писали о том, что в русскую жизнь ворвалось чуждое нашему понятию слово «конкуренция»¹. Вроде бы одно слово. Что оно может сделать? – А ведь это крючок. Человек его заглатывает и полностью оказывается во власти дьявола.

¹ См.: Катасонов В. Русская социологическая мысль на рубеже XIX – XX веков. М.: Родная страна, 2015; Катасонов В. Пора возвратиться домой! Становление капитализма в России как история «экономических провалов». По воспоминаниям русского промышленника и купца Василия Александровича Кокорева. М.: Родная страна, 2017.

РАЗДЕЛ IV. КОММЕНТАРИИ ДОКУМЕНТОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ПРАВОСЛАВНОМУ ТОЛКОВАНИЮ ЭКОНОМИКИ

«Моральный кодекс строителя капитализма»

Уважаемые читатели! Напомним, что одна из основных задач «Нашего дела» – обсуждение духовно-нравственных проблем современной хозяйственной жизни, поиск ответов на вечные и «проклятые» вопросы, которые сегодня задают все чаще (прежде всего самим себе) наиболее вдумчивые представители нашего бизнеса. Учитывая это, редакция не могла пройти мимо такого важного документа, который называется «Свод нравственных принципов и правил хозяйствования» (далее – «Свод принципов»).

Он был принят несколько лет назад (в 2004 году) VIII Всемирным Русским народным собором, имеет статус рекомендательного документа. В разработке «Свода принципов» принимали участие самые разные специалисты и организации. Среди них назывались: ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ Владимир Мау, заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата прот. Всеволод Чаплин, член-корреспондент РАН Сергей Глазьев, представители Торгово-промышленной пала-

ты, Российского союза промышленников и предпринимателей, Федерации независимых профсоюзов России и др. В течение первых месяцев после опубликования документа в СМИ очень активно обсуждались основные его положения. В целом реакция была очень позитивная, хотя в некоторых публикациях (в основном малотиражных изданиях, а также в интернет-отзывах) звучали ноты далеко не хвалебного свойства.

Сегодня о «Своде принципов» время от времени вспоминают, но не очень часто. Вместе с тем его никто не отменял, то есть формально он остается неким полуофициальным ориентиром для предпринимателей и других субъектов экономической деятельности. Попытаемся еще раз взглянуть на этот документ, тем более что с момента его появления скоро уже минет семь лет. Мы приглашаем к обсуждению документа всех заинтересованных читателей. Начинаем дискуссию с комментариев «Свода принципов», сделанных профессором, д. э. н. Валентином Юрьевичем Катасоновым¹.

1. Двусмысленность документа. Истинный смысл Свода. Свод как бы абстрагируется от тех условий, в которых сегодня оказываются субъекты хозяйственной жизни. А эти условия таковы, что они не позволяют людям не только выполнять нравственные принципы и правила, но и вообще хозяйствовать. Речь идет прежде всего о людях труда. Люди поставлены в положение рабов. А разве можно от раба требовать соблюдения нравственных принципов и правил? Конечно, какой-то нравственный выбор остается даже и у раба, но диапазон выбора резко сужается.

¹ Не имея возможности перепечатать сам свод, отсылаем всех интересующихся его содержанием по ссылке: <http://www.mospat.ru/archive/church-and-society/30427>

Может быть, свод апеллирует к совести олигархов, которые эксплуатируют этих рабов? Но тогда этот документ надо было писать как «Обращение» или «Призыв» (к богатым олигархам). Но на олигархов такие документы не действуют. С помощью Свода из волка вегетарианца не сделаешь. Тут нужно использовать другие методы воспитания олигархов – начиная с того, что волкам-олигархам надо пройти через исправительно-трудовые учреждения, и кончая тем, что в постепенно улучшающейся духовно-нравственной среде нашего общества рождаемость «волков» начнет резко падать (тема методов борьбы с волками-олигархами выходит за рамки наших комментариев).

В каком-то смысле *Свод молчаливо дает «добро» на существование сегодняшней модели хозяйствования – модели, которую можно назвать по-разному: «рыночная экономика» (политически корректный термин), «дикий капитализм», «новое рабство» и т. п.*

Строго говоря, речь идет даже не о хозяйствовании, потому что под хозяйствованием понимается деятельность человека, направленная на удовлетворение его нормальных (естественных) потребностей. В современной рыночной экономике подавляющая часть людей занята совсем другим (наркотики, биржевая игра, игорный бизнес, различные виды посредничества и т. д. и т. п.). О какой нравственности идет речь? Надо иметь в виду, что в преступных сообществах также имеются свои «моральные кодексы».

2. Дух законничества. Чем-то он напоминает свод иудейских норм, которые регламентируют жизнь евреев (613 правил). Евреям и думать не надо: за них уже подумали книжники, раввины и другие «мудрецы» и сказали, что можно делать, а чего нельзя. Совесть (главный

орган души человека) при этом может отдыхать. Для православных людей такой подход опасен.

3. Непонятно: с позиций какой религии авторы свода определяют набор принципов и правил? С позиций православия? Христианства в целом (включая католиков и протестантов)? Всех «традиционных» религий России (кроме христианства – ислам, иудаизм, буддизм)? Всего человечества, включая сатанистов? Поликонфессиональный подход малопродуктивен и даже вреден. Это что-то вроде «общечеловеческих ценностей». Данный документ представляет собой попытку экуменистического «освящения» нынешней «рыночной экономики».

4. У авторов свода носителями нравственности выступают не только отдельные люди, но также группы людей и институты (профсоюзы, государственные органы, общественные объединения). Нравственный выбор может делать только отдельно взятый человек, а не организация или коллектив людей. В этой связи вызывают удивление не только многие части текста документа, но и названия отдельных разделов. Например, раздел 5 называется «Государство, общество, бизнес должны вместе заботиться о достойной жизни тружеников, а тем более о тех, кто не может заработать себе на хлеб. Хозяйствование – это социально ответственный вид деятельности».

5. Вызывает сомнение необходимость разработки нравственных принципов и правил, которыми необходимо пользоваться в хозяйственной сфере жизни человека. Нравственные принципы и правила универсальны, и ими следует руководствоваться во всех сферах

жизни человека: семейной, государственной, культурно-просветительской и т. п. Попытка наплодить документы в виде «сводов», «кодексов», «правил» и т. п. напоминает иудаизм, католицизм, протестантизм и другие конфессии, которые совесть человека пытаются заменить законом (в виде Талмуда, энциклики, решения шариатского суда и т. п.). Разработка подобных «сводов» – такая же глупость (небезобидная), как и призывы к поиску (разработке) «русской идеи».

6. Вызывает удивление стиль документа, некоторые фразы лишены смысла, являются тавтологией или же мысль выражена не вполне внятно; русский язык документа оставляет желать много лучшего. Оставляем без комментариев такие фразы из документа: «Чем больше собственность, тем значительней власть человека над другими людьми»; «Собственность дает максимальную отдачу, когда она употребляется эффективно»; «Дело – настоящее, захватывающее целиком – вот богатство предпринимателя». Примеры можно продолжать...

7. Ключевым в названии свода является словосочетание «этические принципы». Непонятно, сколько же принципов в документе (а так же сколько «этических правил»). Разделов в документе десять, а вот сколько принципов и правил, сказать невозможно. Судя по всему, авторы документа не очень ясно представляют, что такое принцип вообще и этический принцип в частности.

Заголовки разделов на звание принципов и правил явно не «тянут». Они напоминают выдержки из далеко не перворазрядных учебников по антропологии, экономике, физиологии, обществоведению и т. п. Вот, например, название третьего раздела: «Культура деловых

отношений, верность данному слову помогает стать лучше и человеку, и экономике». Уже лет сорок занимаюсь экономикой, но никогда не слышал такого: «экономика стала лучше» или «экономика плохая». Экономика бывает эффективной и неэффективной, растущей, развивающейся, зависимой, управляемой и неуправляемой и т. п. А вот что такое «плохая» и «хорошая» экономика, я не представляю.

Или название четвертого раздела: «Человек – не “постоянно работающий механизм”. Ему нужно время для отдыха, духовной жизни, творческого развития». Напоминает фразу из учебника по физиологии человека.

Раздел шестой называется «Работа не должна убивать и калечить человека». Судя по всему, это «нравственный принцип», адресованный некоей особе по имени Работа. Это в шутку. А если всерьез, то убивать и калечить могут только люди.

Фраза из девятого раздела – «Конкуренция – один из двигателей экономики» – напоминает фразу из учебника по экономике, написанного на деньги господина Дж. Сороса. И т. д. и т. п.

В то же время в тексте то и дело наталкиваешься на какие-то новые «принципы», которые не анонсированы в заголовках разделов. Например, на многих страницах встречается «принцип справедливости». Что это за принцип? Документ об этом умалчивает. Загадочной является следующая фраза: «В экономике нужно сочетать принципы справедливости и эффективности». Что это за «принцип эффективности»? Он тоже относится к разряду нравственных принципов?

8. Очень отраднo констатировать, что некоторые положения Свода наиболее «продвинутые» предприниматели начали брать на вооружение еще задолго до того, как данный документ появился на свет. Например,

в разделе 8 есть такое «правило»: «Хищение у партнера по бизнесу, лишение его оговоренной части общей прибыли должно становиться общеизвестным и непременно вести к санкциям со стороны предпринимательского сообщества». Мы были и остаемся свидетелями того, как в «предпринимательских сообществах» осуществляются «санкции» при дележе прибыли. По негласной статистике, на боевых полях бизнеса за годы существования рыночной экономики в результате «санкций предпринимательского сообщества» полегли сотни тысяч «братков». Правда, далеко не все случаи осуществления таких «санкций» стали общеизвестными.

* * *

В общем, данный документ представляет собой еще один из письменных памятников новейшей истории, демонстрирующий умственную, нравственную и духовную деградацию современного общества (ибо авторы документа безусловно отражают в той или иной мере состояние этого общества).

Не дай Бог, если наших детей в школах (а также вузах, бизнес-школах и т. п.) начнут заставлять изучать его и сдавать на зачетах, а кадровые службы компаний и организаций различной формы собственности начнут проверять кандидатов на работу не по профессиональным признакам, а на предмет знания Свода...

«Моральный кодекс строителя коммунизма» на фоне рассматриваемого нами документа выглядит просто шедевром человеческого интеллекта. Даже евангелие от Толстого не выглядит так убого, как данный документ. По замыслу его анонимных создателей, он должен стать евангелием для современных олигархов и их рабов. Видимо, со временем Евангелие (с большой

буквы) вообще окажется анахронизмом и его чтение станет уделом избранных.

А наши интеллектуалы займутся увлекательным делом разработки новых (улучшенных) версий Свода и бесчисленных к ним толкований. Таким образом, мы можем оказаться свидетелями рождения православного талмуда, разъясняющего бестолковым христианам, что им нельзя делать, а что – «льзя». Возникнут некие саморегулирующиеся сообщества граждан, которые будут проводить свои суды чести и выносить приговоры в отношении нарушителей «православного талмуда» (в третьем разделе документа уже предлагается списочек таких наказаний: отказ в личном общении, публичный бойкот, исключение из профессиональных сообществ). Вам, читатель, это ничего не напоминает? Очевидно, что совесть в условиях расцвета «талмудического православия» станет неким рудиментом или атавизмом, мешающим делать деньги...

Данный свод следовало бы назвать «Моральный кодекс строителя капитализма». Независимо от субъективных мотивов тех людей, которые его писали, данный документ направлен на защиту именно нынешней системы, называемой капитализмом, и окончательное уничтожение православного духа в русском народе.

Р.С.: Чтобы меня не обвинили в том, что моя критика неконструктивна, предложу способы использования данного документа в нашем «хозяйствовании» (все-таки жаль, ведь анонимные авторы наверняка потратили на его написание время):

– Нарезать его на отдельные кусочки, и эти кусочки развесить в соответствующих местах (на фасадах зданий, в производственных помещениях, на рабочих местах, в местах общественного пользования и т.п.).

Помните, в советское время в магазинах висели призывы «Покупатель и продавец – будьте взаимно вежливы»? Так вот, в третьем разделе документа есть абзац: «Обман покупателя в сфере услуг и торговле ведет к потере доверия и нередко к банкротству предприятия. Хамство, лень, небрежность, неопрятность работника, соприкасающегося с клиентом, отталкивают последнего и тем наносят ущерб делу». Предлагаю эту фразу в виде обрамленного в золотую рамку щита вывешивать в супермаркетах, на рынках, кафе и прочих местах общественного питания.

А для помещений судов и нотариальных контор подойдет щит с такой надписью: «Соблюдение устных и письменных договоренностей служит основой гармоничных отношений в экономике. Напротив, невыполнение обязательств приводит к снижению авторитета делового сословия, да и авторитета всей страны» (из раздела 3).

Для Государственной думы и органов исполнительной власти можно было бы предложить такой транспарант: «Государство призвано принимать законы, развивающие культуру исполнения обязательств. При этом оно само должно быть примером такой культуры, особенно в сфере экономики и управления, в области исполнения политических обещаний» (там же).

На промышленных объектах повышенной опасности, специальной технике, транспортных средствах целесообразно разместить металлические таблички со следующей надписью: «... Работник должен ответственно относиться к требованиям безопасности, не допускать халатности, пьянства, особенно при обращении с опасной техникой. Он должен помнить, что своей безответственностью подчас ставит под угрозу жизнь и здоровье других людей» (раздел 6).

Вообще можно таким образом утилизировать до 70% всего текста документа. Почему 70, а не 80 или 100? Потому что, по нашему мнению, 30% текста постичь русскому (особенно православному) человеку достаточно сложно или даже невозможно. Впрочем, можно организовать подготовку (на деньги Сороса или еще какого-нибудь олигарха) с участием ведущих российских и зарубежных интеллектуалов комментариев и толкований к Своду. Даже сделать это нашим национальным проектом. Тогда процент утилизации документа можно довести до 100%.

Об экономике, глобализации и православии

Размышление по поводу проекта документа

«Экономика в условиях глобализации.

Православный этический взгляд»

О документе

В конце мая текущего года на официальном сайте Межсоборного присутствия, на портале «Богослов.ру» и ряде других православных сайтов и порталов был размещен проект документа под названием «Экономика в условиях глобализации. Православный этический взгляд». В преамбуле отмечается, что проект документа «после обсуждения на пленуме Межсоборного присутствия в январе 2015 года дорабатывался профильной комиссией Присутствия под руководством митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, а затем специальной группой под руководством В. Р. Легойды».

Дополнительно сообщается, что «данный проект направляется в епархии Русской Православной Церкви

для получения отзывов, а также публикуется с целью дискуссии... Возможность оставлять свои комментарии предоставляется всем желающим... Комментарии к проекту документа собираются аппаратом Межсоборного присутствия до 1 сентября сего года».

Предварительные замечания

Что же, воспользуемся предоставленной возможностью принять участие в обсуждении упомянутого проекта документа Московской Патриархии (далее: документ МП), имея в виду, что итогом дискуссии станут замечания и предложения, которые будут направлены по обозначенным адресам. В данном случае я выступаю как член Русской Православной Церкви, как экономист (доктор экономических наук) и как руководитель Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова (РЭОШ).

Замечу, что указанное общество существует уже почти пять лет. В его «Положении» записано, что РЭОШ занимается осмыслением экономики с позиций христианства (православия), возвращением нашему народу духовного и интеллектуального наследия выдающихся русских мыслителей прошлого, выработкой предложений по возрождению экономики России на христианских началах. На заседаниях РЭОШ была организована целая серия докладов и круглых столов по вопросам, поднятым в документе (духовная природа экономики, социально-экономическая и духовная сущность глобализации, хозяйственная этика христианства). Таким образом, излагаемые мною соображения не являются экспромтом, они опираются на результаты пятилетних дискуссий в рамках РЭОШ и ставшие их итогом публикации (статьи и монографии). Деятельность РЭОШ носит открытый характер, поэтому в инициированных Обществом дискус-

сиях (которые МП начать лишь предлагает) фактически на протяжении уже нескольких лет участвуют тысячи людей, преимущественно православных.

Судя по всему, подготовка документа МП ведется уже как минимум два года. И тут возникает серия закономерных вопросов. Кто и как готовил его? Почему о самом документе стало известно лишь в конце мая? По каким причинам ни один из участников дискуссий, организованных РЭОШ, не был привлечен к работе по документу? Увы, возможные версии ответов на поставленные вопросы не очень утешительны и обнадеживающи: аппаратная келейность, бюрократизация, отсутствие минимальной гласности и нарушение принципов соборности. По ходу замечу: аппарат МП, конечно же, знает о существовании РЭОШ, но предпочитает нас не замечать. Для нас же он выглядит как «государство в государстве», которое живет своей таинственной жизнью.

Келейный способ подготовки документа МП не мог не привести к тому, что по нему возникает ряд принципиальных вопросов.

Вопрос первый. Не очень понятно, каково назначение документа. В нынешнем виде и объеме он мне напоминает научную статью в специализированном журнале для весьма неширокого круга читателей. Большинству из потенциальных читателей и так все понятно и очевидно (духовная природа экономики, замыслы мировой финансовой олигархии по установлению нового мирового порядка с помощью глобализации, паразитический характер экономики Запада, виртуализация экономики и т. п.). Другой категории потенциальных читателей это непонятно или неинтересно.

Впрочем, не стоит судить данный материал очень строго. Его можно было бы включить в список литературы для студентов, изучающих экономику в вузах.

Я уже несколько раз пытался доводить до внимания церковных иерархов свои опасения по поводу того, чему и как учат в вузах на экономических факультетах. Разрушительный потенциал (в духовном плане) этих программ экономического образования страшнее, чем десятка самых вредных тоталитарных сект. Но, увы, документ нигде не намекает на то, что восстановление экономики следует начинать с правильной организации экономического образования. Над документом как минимум два года трудились какие-то «бойцы невидимого фронта». А ведь за это время можно было бы написать хороший учебник по экономике, базирующийся на православном мировоззрении. Учебник, который бы мог стать альтернативой нынешнему экономическому либерализму, давно уже превратившемуся из идеологии в разновидность религии. Наверное, можно было бы предложить и иные способы использования энергии анонимных авторов «в мирных целях».

Вообще, в преамбуле (вводной части) подобного рода «программных» бумаг всегда требуется объяснение того, чем обусловлено написание документа, какие цели преследует и кому он адресован. Увы, ничего этого в рассматриваемом нами документе нет, поэтому бумага получается «обо всем и ни о чем». Или «письмо Ваньки Жукова на деревню дедушке».

Вопрос второй, вытекающий из первого. Достаточно странным является название документа: «Экономика в условиях глобализации. Православный этический взгляд». Обычно формулировка названия объясняется в преамбуле документа, но, как мы отметили, преамбулы с объяснением актуальности, цели и задач, практической значимости и адресатов нет.

Когда студенты и аспиранты предлагают мне формулировки тем своих дипломных работ и диссертаций

с использованием нескольких ключевых слов и словосочетаний, я обычно отклоняю такие варианты, ибо непонятно, что главное, а что – второстепенное. В рамках таких размытых формулировок можно писать что угодно. В данном случае в названии документа три важных элемента: 1) экономика; 2) глобализация; 3) православная этика. Какой из этих элементов является главным, какие находятся на втором плане? Это трудно понять, даже перечитав весь документ несколько раз. И опять в итоге получается: «Обо всем и ни о чем».

Пятнадцать замечаний по тексту документа

Теперь хотелось бы перейти к рассмотрению отдельных положений документа (идем по тексту, огрехи редакционного характера пропускаем, концентрируемся на главном).

1. Первая фраза документа: «Глобализация – вовлечение народов и государств Земли в единые экономические, культурные, информационные, политические процессы – превратилась в главную отличительную черту наступившей эпохи».

Во-первых, у наступившей эпохи имеется много особенностей. Например, в экономической сфере – превращение реальной экономики в виртуальную (финансовую) экономику, в валютной – переход от золотого стандарта к бумажному (бумажно-долларовому) стандарту и т. д. Наверное, для документа, разрабатываемого МП, на первом месте должны стоять характеристики духовно-религиозного порядка. Главная особенность современной эпохи – отход человечества от христианства, переход мировой истории в постхристианскую стадию. Экономическая, культурная и прочая глобализация –

лишь внешнее проявление этого процесса духовной энтропии. Это процесс «всесмешения» по К. Леонтьеву.

Во-вторых, неясно, что такое «наступившая эпоха». Если брать экономическую глобализацию, то она началась не вчера. Еще в начале XX века наблюдалась экономическая глобализация, которую тогда называли другим термином: «интернационализация хозяйственной жизни». Вторая волна экономической глобализации берет свое начало в 70–80-е годы прошлого столетия, когда Бреттон-Вудская мировая валютно-финансовая система была заменена на Ямайскую систему.

Думаю, что правильнее было бы определять хронологию современной эпохи качественными изменениями в духовной сфере. Именно они первичны по отношению к процессам глобализации в сфере экономики, информации, культуры и политики. В начальные века нашей эры христианство распространилось по всей Европе и за ее пределами. Образно выражаясь, это была *христианская глобализация*. Нынешняя глобализация по своему характеру является *глобализацией антихриста*, ее основные признаки и черты описаны в последней книге Священного Писания – Апокалипсисе. Если смотреть на историю через призму предложенного понятия «глобализация», то суть современной эпохи я определил бы следующим образом: «Активное замещение христианской глобализации на глобализацию антихристианскую». В рамках этой эпохи можно и нужно выделять отдельные этапы.

В-третьих, я бы не стал увлекаться термином «глобализация», вынося его в название документа и постоянно используя в тексте. Термин достаточно лукавый, привнесенный к нам извне. Он зародился в недрах Римского клуба в 60–70-е годы прошлого века. Именно Римский

клуб предложил определение глобализации, подобное тому, которое дано в первом предложении документа МП (при этом подчеркивался «объективный» и «прогрессивный» характер глобализации). За этим внешне наукообразным термином скрывается борьба антихристианских сил за мировую власть и подготовку прихода антихриста. Это повторение той «глобализации», которая имела место во времена царя Нимрода и построения башни в Вавилоне. Между прочим, известный американский политик и политолог Збигнев Бжезинский не стесняясь определяет глобализацию как продвижение интересов США на мировой арене.

2. «В силу секулярных и материалистических тенденций, довлеющих над современными обществами, важнейшей движущей силой глобализации стали экономические мотивы». Смущает термин «экономические мотивы». По определению, экономика – созидательная деятельность. А есть хрематистика – искусство накапливать богатство (термин, предложенный еще Аристотелем). К сожалению, сегодня сплошь и рядом имеет место подмена понятий. То, что в чистом виде является хрематистикой, называется по инерции экономикой. В приведенном выше предложении правильнее использовать термин «хрематистические мотивы». Проще говоря, это страсть наживы, стяжания богатства, сребролюбия, накопления капитала.

3. «Потому наш долг – соизмерять всякую экономическую деятельность с незыблемыми категориями нравственности и греха, содействуя спасению и препятствуя падению человечества». Звучит излишне пафосно. Нам ли, грешным и слабым, спасти человечество? Спасать его может лишь Бог. Я бы сконцентрировал внимание на спасении отдельного человека. Пусть каждый христианин подумает о том, какие нормы он нарушает в контек-

сте своей личной экономической деятельности. А через личное спасение отдельных людей может прийти и спасение других (слова Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся»).

4. «Важнейшим социально-психологическим явлением, сопутствующим глобализации, стало повсеместное распространение культа потребления... Гедонизм превращается в разновидность гражданской религии, определяющей поведение людей, извиняющей безнравственные поступки, заставляющей посвящать все душевные силы и драгоценное время одной лишь потребительской гонке...» Совершенно правильно говорится о гедонизме как разновидности гражданской религии. Но было бы уместно сказать, что религия денег (сребролюбие, стяжание богатства, мамонизм) еще более всеобъемлюща. Страсть гедонистического потребления существовала еще в древнем мире, а вот страсть капиталистического накопления – явление современного общества. Эта общественная модель называется «капитализм». Авторы почему-то стыдливо уклоняются от использования очевидных и понятных миллионам наших граждан понятий.

5. «...Одни страны являются поставщиками безусловных ценностей, прежде всего человеческого труда или невозполнимого сырья, а другие – поставщиками условных ценностей в виде финансовых ресурсов». Предлагаю в данной фразе использовать более устоявшиеся термины: «реальные ценности» (вместо «безусловных») и «виртуальные ценности» (вместо «условных»). Во вторую категорию кроме финансовых ресурсов еще включаются многие виды «нематериальных активов» (например, бренды компаний и товаров).

6. «Если человечеству необходимы денежные единицы, свободно обращающиеся по всей террито-

рии планеты и служащие универсальным мерилom при экономических расчетах, выпуск таких единиц должен находиться под справедливым международным контролем, в котором будут пропорционально участвовать все государства земного шара. Возможные выгоды от такой эмиссии можно было бы направлять на развитие бедствующих регионов планеты». Данное предложение является более чем спорным. Такой вариант организации мировой валютной системы предлагал еще Джон Кейнс в 1944 году на конференции в Бреттон-Вудсе. Его проект предполагал создание мирового центробанка (многостороннего международного клирингового центра), акционерами которого были бы все государства мира и который бы эмитировал наднациональную денежную единицу под названием «банкор». Сформулированное в документе МП предложение является практически нереализуемым на данном этапе. И слава Богу! Это проект «хозяев денег» по созданию мирового правительства, частью которого был бы мировой центробанк. Как известно, благими намерениями дорога вымощена в ад. И сегодня центробанки большинства стран неподконтрольны своим государствам, замыкаясь непосредственно на высшую инстанцию – Федеральную резервную систему США. А в случае с мировым Центральным банком этот институт будет тем более под непосредственным контролем хозяев денег. Чтобы понять, почему будет именно так, предлагаю посмотреть на опыт европейской интеграции. Брюссельская бюрократия, которую никто не выбирал, фактически навязывает свои решения всей Европе. Европейский центральный банк, выпускающий наднациональную валюту – евро, даже формально не подчиняется парламенту ЕС. Эту бюрократию назначили и поставили не народы Европы, а хозяева денег. Неужели авторы документа МП не понимают, что свои-

ми предложениями они в конечном счете расчищают дорогу хозяевам денег, которые, в свою очередь, являются предтечами антихриста?

7. «Сильные мира сего, увлекшись потребительской гонкой, все более пренебрегают интересами слабых...» Это не потребительская гонка, а гонка накопительская. Гонка *накопления капитала*. Закрадывается подозрение, что авторы документа пытаются вывести из-под удара капитализм, сведя все недостатки нынешней социально-экономической модели к страсти гедонизма. Так называемый гедонизм не является особенностью современной эпохи. Он существовал и в Древнем Вавилоне, и в Древнем Риме.

8. «В контексте глобализации значительно окрепла транснациональная элита, способная уклоняться от социальной миссии, в частности путем перевода средств за рубеж в офшорные зоны...» Тут хотелось бы сделать некоторые уточнения с учетом недавно разразившегося «панамского скандала». Мои изыскания привели к выводу, что американские корпорации и банки уводят свои капиталы в тень, не прибегая к офшорам. Америка – страна сплошной «тени». Это и ряд штатов с особым режимом налогов и финансовой отчетности, и «благотворительные фонды», куда «хозяева денег» закачивают сотни миллиардов долларов. Офшоры – лишь одно из проявлений так называемой теневой экономики. Сегодня бóльшая часть мировой экономики (почти 100%) – сплошная «тень». «В тени» находятся не только деньги и активы, но также финансовые и коммерческие операции. Это, кстати, одна из важных особенностей современной эпохи.

9. «Люди, работающие по найму, должны получать достойное вознаграждение. Поскольку они совместно с работодателями участвуют в создании общественных

благ, то уровень жизни работодателя никак не может расти быстрее уровня жизни работников».

Не совсем понятно, что понимается под «работодателями». Если это владельцы капитала, то так и надо говорить. Но владельцы капитала никогда не будут добровольно увеличивать долю наемных работников в общих доходах предприятия. Там, где существуют отношения «работодатель – наемный работник», социально-экономическая (имущественная) поляризация неизбежна. Должен действовать принцип: «Единственным источником дохода может быть только труд». Капитал (в денежной, товарной или производственной форме) – кража. Доход, получаемый на капитал, – кража в квадрате. По всему документу встречаются подобные оговорки «по Фрейду», которые свидетельствуют, что авторы доклада исходят из того, что нормативной моделью общества для них является капитализм. Предложения сводятся к тому, чтобы лишь несколько облагородить капитализм, сделать его «социально ориентированным». Это подобно попыткам заставить волка питаться травой или капустой.

10. «Если эти простые и нравственно обоснованные принципы не могут быть реализованы в отдельно взятом государстве из-за его чрезмерной зависимости от условий мирового рынка, правительствам и народам надо совместно совершенствовать международные правила, ограничивающие аппетиты транснациональных элит и не позволяющие развиваться теневым глобальным механизмам обогащения».

Здесь все перевернуто с ног на голову. Если вы не можете навести порядка у себя дома, как вы можете наводить порядок в мире? Здесь сквозит такая логика: если национальные государства недееспособны, тогда им на помощь кто-то должен прийти. Уж не наднациональные

ли структуры и мировое правительство? Между строк читается идея примата наднационального над национальным. Попахивает мондиализмом.

11. «Еще одним способом искусственного завышения жизненных стандартов становится “жизнь займы”». Здесь и далее авторы документа совершенно справедливо критикуют современное ростовщичество. Но основной акцент критики делается на том, что ростовщичество выступает средством обогащения денежных капиталистов, источником паразитического существования стран «золотого миллиарда», подпиткой страсти гедонизма во всем мире. Но, к сожалению, не раскрывается главная цель ростовщичества – превращения людей в рабов и завоевание мировой власти (подготовка условий для прихода антихриста). Финансовый капитализм в ближайшее время будет трансформироваться в новый рабовладельческий строй. Вот об этом надо было бы напомнить нашим православным. Впрочем, все это было сказано еще почти две тысячи лет назад евангелистом и апостолом святым Иоанном Богословом в его посланиях и Откровении. Документ МП вполне мог бы представлять собой лишь иллюстрацию и подтверждение того, что мы читаем в Апокалипсисе на примерах современной жизни.

12. «Церковь... призывает... всех православных христиан развивать экономические отношения, восстанавливающие связь богатства с трудом...»

Фраза, допускающая разные толкования. Авторы предлагают дружить волкам и овцам? Наемным работникам рекомендуется развивать и углублять свои отношения с работодателями, то есть капиталистами? Мировой опыт показывает, что такая дружба иллюзорна и временна. Вот, например, последние события во Франции (волнения и забастовки, грозящие перерасти в

«майдан» с французской спецификой) показывают, что наемные работники не желают добровольно выступать в качестве корма для волков-работодателей-капиталистов. Если же авторы имели в виду, что единственным источником богатства является труд, тогда совсем другая ситуация. Но тогда непонятно, кто такие работодатели. На каком основании они получают бóльшую и все увеличивающуюся долю общественного богатства?

13. «Научно-технический прогресс, призванный научить нас жить в гармонии с Божьим миром, беречь природную энергию и материалы, обходиться малым для создания большего, пока не может уравновесить растущие аппетиты потребительского общества». Первый раз встречаю такую странную мысль, что научно-технический прогресс (НТП) может чему-то учить человека, тем более «гармонии с Божьим миром». Вся история человечества, начиная с создания городской цивилизации Каина, показывает, что НТП лишь отдаляет человека от Божьего мира и способствует разрушению этого Божьего мира. Об этом писали многие христианские богословы и философы, в том числе русские мыслители (особенно ярко и убедительно – Константин Леонтьев).

Что значит в приведенной фразе слово «пока»? НТП – это постоянная попытка грешащего человека обмануть Бога. НТП, по мнению падшего человека, в состоянии защитить его от Божьей кары. НТП – дорога к обрыву, называемому Апокалипсис.

Напомню, что в пункте 5 документа речь идет об «экологическом кризисе». А «кризис», как нам напоминает святитель Николай Сербский, в переводе с греческого означает «суд Божий». И никакие научно-технические ухищрения не в состоянии защитить человека от этого суда. Человек может лишь исправиться. А он об этом даже не думает. Остатки своего скудного

ума направляет не на анализ своих ошибок и грехов, а на изобретение различных научно-технических «палочек-выручалочек», которые порождают, в свою очередь, еще более серьезные проблемы.

14. «Следует развивать инициативы, подобные Киотскому протоколу, предусматривая компенсации со стороны стран – чрезмерных потребителей в пользу стран – источников ресурсов». Киотский протокол, увы, был порожден политическими играми, его инициаторы меньше всего думали о судьбах биосферы и человечества. И реализация Киотского протокола оказалась заблокированной хозяевами денег. История с Киотским протоколом как раз показывает, что нам лучше не втягиваться в эти экологические игры мондиалистов (Киотским протоколом я профессионально занимался в конце прошлого века и при случае могу об этом рассказать отдельно).

15. «Церковь считает необходимым в максимальной сфере вывести культурную жизнь из сферы коммерческих отношений...» С этим я полностью согласен. Но почему только культурную жизнь? А образование, медицину, спорт, средства массовой информации? Хозяева денег пытаются сделать объектами товарно-денежных отношений и всю без исключения природу. Кроме того, объектом купли-продажи стал сам человек.

Комментарий по заключительной части документа.

Заключительный абзац документа: «Церковь призывает народы стран, не находящихся на вершине мировых экономических рейтингов, и прежде всего интеллектуальный класс этих наций, не впускать в свое сердце зависть и не предаваться кумиротворчеству. Тщательно изучая и используя успешный мировой опыт,

надо бережно относиться к наследию предков, почитая предков, имевших свой уникальный опыт и свои причины построить именно такой жизненный уклад. В отличие от неизменности и универсализма нравственных заповедей, в экономике не может быть единого решения для всех народов и времен. Разнообразии народов, созданных Богом на Земле, напоминает нам о том, что каждый народ имеет свое задание от Творца, каждый ценен в очах Господа и каждый способен внести свою лепту в созидание нашего мира».

В последнем абзаце мы наконец находим ответ на вопрос «кому адресован документ». Это:

- а) народы стран, не находящихся на вершине мировых экономических рейтингов;
- б) интеллектуальный класс этих наций.

Мне кажется, что это несерьезно. Такое обращение напоминает декларации и воззвания, которые готовились в недрах ЦК КПСС и запускались по каналам Всемирного совета мира, Всемирного совета церквей, Движения неприсоединившихся стран, «Группы 77» и т. п. В преамбуле таких документов адресатом всегда стояло «прогрессивное человечество». Если документ выходит из недр Московской Патриархии, то он должен быть адресован *христианам*. Причем именно *православным христианам*, поскольку у тех же протестантов иной взгляд на мир экономики, капитализм для них – естественный социально-экономический порядок, вытекающий из «протестантской этики» (об этом писал Макс Вебер в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма»). Прежде всего – *православным христианам России*.

А оценки рейтинговых агентств лучше вообще не упоминать. Каждый свой рейтинг получит на Божьем Суде. Других рейтингов у христиан быть не может.

А теперь насчет «интеллектуального класса». Опять оговорка «по Фрейдю». Авторы подсознательно исходят из восприятия общества как совокупности «классов». Видимо, они понимают современное общество как совокупность «работодателей» (класс капиталистов) и «наемных работников» (по терминологии классиков марксизма-ленинизма, класс пролетариев). К сведению авторов документа: у «классиков» интеллектуалы никогда не рассматривались в качестве класса, интеллигенция именовали «социальной прослойкой».

В общем документ МП очень напоминает продукцию Международного отдела ЦК КПСС. Только должен сказать, что качество продукции ЦК было несоизмеримо выше, чем качество рассматриваемого нами продукта. К тому же очень уж он пахнет экуменизмом, капитализмом и оппортунизмом.

Предложения в адрес инициаторов документа

В порядке конструктивных предложений могу высказать следующее пожелание. Чем тратить столько времени, сил и нервов на написание нескольких страниц экуменистическо-просветительской листовки, было бы лучше наладить хотя бы в православных вузах обучение студентов экономике. Не той экономике, которая называется «mainstream», а экономике, базирующейся на православном мировоззрении. Наверное, правильно, что в духовных академиях и семинариях изучают различные деструктивные секты, угрожающие российской государственности и каждому отдельному человеку. Но разрушительный потенциал экономических программ, базирующихся на идеологии экономического либерализма, как я сказал в начале своих комментариев, превышает потенциал всех тоталитарных сект вместе взятых.

К сожалению, слушатели духовных учебных заведений порой получают некоторые дозы «инъекций» экономического образования. Слава Богу, что там объемы часов, выделяемых на изучение экономики, значительно меньше, чем в светских вузах (где дозы бывают смертельными – например, в Высшей школе экономики). Мой опыт общения со священниками, окончившими духовные семинарии и академии, показывает, что они далеко не всегда могут правильно оценить события современной экономической жизни. Они признают, что в духовных учебных заведениях не было должной (в духе православия) подготовки по экономическим вопросам.

Прежде чем спасать и просвещать все человечество, предлагаю навести элементарный порядок у себя дома. А уж после этого можно думать и о судьбах человечества.

Сталин был прав, когда положил конец пропаганде мировой революции и вопреки классикам марксизма-ленинизма выдвинул теорию строительства социализма в отдельно взятой стране. Давайте попытаемся построить нормальную экономику хотя бы у себя в России. А для этого нужны строители. Их надо готовить. Их сегодня никто не готовит. Вот и начнем с того, что наладим обучение экономике с позиций христианства в наших высших учебных заведениях. Для начала хотя бы в духовных академиях и семинариях.

РАЗДЕЛ V. ДВА ВЗГЛЯДА НА ЭКОНОМИКУ

Обманы западной экономической «науки»

Экономика и хрематистика

В хозяйственной жизни все перевернулось с ног на голову. По сути, с приходом капитализма наступила «смерть» экономики. Ведь смысл слова «экономика», как мы выше сказали, – это «домостроительство», то есть человеческая деятельность, направленная на удовлетворение естественных потребностей людей в товарах и услугах. Ее можно также определить как систему жизнеобеспечения общества.

Несколько веков назад на смену экономике пришла «хрематистика», что в переводе с греческого означает «искусство накапливать запасы». Термин ввел в оборот Аристотель (IV век до н. э.). Этот мыслитель древности различал два вида хрематистики:

- а) накопление запасов, необходимых для ведения нормального хозяйства (экономики);
- б) накопление запасов сверх необходимых потребностей.

При этом оно объяснял, что накопление материальных запасов сверх необходимых потребностей имеет свои пределы: такие запасы портятся, они требуют места и расходов на хранение, могут быть похищены или

уничтожены и т. п. Одним словом, чрезмерное увеличение таких запасов порождает лишь убытки и головную боль.

Однако этот вывод не распространяется на запасы в виде денег: накопление денег не имеет той естественной границы, которая присуща материальным запасам. Исходя из этого Аристотель сделал очень важное заключение: «Все занимающиеся денежными оборотами стремятся увеличить количество денег до бесконечности»¹. Иначе говоря, деньги из средства, обслуживающего экономику, могут превратиться в цель – если они оказываются в руках лиц, занимающихся деньгами «профессионально». К «денежному» варианту хрематистики отношение Аристотеля было резко негативным: бесконечное накопление денег уводит человека от «благой жизни» (выражение Аристотеля). В Греции того времени стремление к накоплению денежного богатства еще не стало нормой жизни, но Аристотель уже видел опасный вирус, который таился в деньгах (вернее – в душах людей, профессионально занимавшихся деньгами), и понимал, что при определенных условиях этот вирус может начать быстро размножаться, уничтожая устои «благой» (благочестивой) жизни.

Аристотель был резко настроен против ростовщичества как главной угрозы устоям «благой» жизни: «...С полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые таким образом утрачивают свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к ростовщичеству... Как дети

¹ Цит. по: История экономических учений/Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 16–17.

похожи на своих родителей, так и проценты являются денежными знаками, происшедшими от денежных же знаков. Этот род наживы оказывается по преимуществу противным природе»¹.

Более понятным для современного человека является слово «капитализм», которое вполне можно использовать в качестве синонима слова «хрематистика». Выше мы уже сказали, что термин «капитализм» стал популярным с легкой руки основателя марксизма, который рассматривал его как общественно-экономическую формацию, пришедшую на смену феодализму. На первых порах слово «капитализм» использовалось достаточно широко, апологеты этого строя рассматривали его с гордостью, как «самую совершенную организацию общества», особенно на фоне «отсталого» и «реакционного» феодализма и еще более «отсталого» и «реакционного» рабовладельческого общества.

Капитализм по Марксу

Кстати для обоснования прогрессивности капитализма Марксу пришлось сконструировать схему исторического процесса как последовательной смены общественно-экономических формаций (ОЭФ): первобытно-общинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм (с социализмом как первой фазой коммунизма). Надо сказать, что Маркс не утруждал себя изобретением этой схемы исторического процесса, а заимствовал ее у основоположника «научного» (или «утопического») социализма Сен-Симона. Маркс просто-напросто использовал данную схему в партийно-пропагандистских целях. А многочисленные факты (и даже выводы), которые Маркс позднее делал в своих

¹ Аристотель. Соч. в 4-х т. Том 4. М., 1984. С. 395.

фундаментальных работах (прежде всего «Капитале»), противоречили учению об ОЭФ.

В первой половине прошлого столетия в буржуазных североамериканских штатах рабов было больше, чем в Древнем Египте, Греции и Римской империи вместе взятых. А если к этому еще прибавить рабов в Индии и других колониях Англии, Франции, Испании, Португалии и других капиталистических стран Европы, то получается, что капитализм зиждется прежде всего на рабском труде.

Более того, рабы в так называемых докапиталистических ОЭФ составляли, как правило, далеко не основную часть населения.

Вот что по этому поводу пишет Ю. Бородай: «Конечно, и до капитализма все традиционные общества знали так называемое патриархальное рабство (дворцовые слуги больших господ, наложницы, евнухи, личная гвардия и т. д.), но что касается производства, то все эти общества, как правило, держались на труде самостоятельных производителей – крестьянских и ремесленных общин (редкие исключения – такие эпизоды, как, например, производство рабами товарного хлеба для римской армии на сицилийских плантациях). И только капитализм начинает с подлинно массового производственного применения рабского труда на своих колониальных плантациях и в горном деле. Та же самая картина и с крепостничеством – в странах, втянутых в систему мирового рынка, но сохранивших свою независимость и элементы традиционной структуры»¹. Факт: европейское крепостничество – явление относительно позднее. В своей классической форме оно устанавливается в Германии под воздействием мощного спроса на

¹ Бородай Ю. Кому быть владельцем земли // Наш Современник. 1990. № 3. С. 107.

хлеб в переживающей «чистку земли» Англии, что был вынужден зафиксировать в «Капитале» и сам Маркс: «В XV веке немецкий крестьянин, хотя и обязан был почти всюду нести известные повинности продуктами и трудом, но вообще был, по крайней мере фактически, свободным человеком... но уже с половины XVI века свободные крестьяне Восточной Пруссии, Бранденбурга, Померании и Силезии, а вскоре и Шлезвиг-Гольштейна были низведены до положения крепостных»¹.

В России помещичье настоящее крепостничество появилось еще позже, чем в Европе – в эпоху «реформ» Петра I, – и продержалось полтора столетия.

Если внимательно читать «Капитал» Маркса, то приходишь к выводу, что даже у «классика» под вывеской «капитализм» скрывается самое откровенное рабство, причем классик для характеристики отношений «капиталист – наемный работник» использует слово «рабство» достаточно часто (почти также часто, как слово «эксплуатация»). То, что сегодня словосочетание «рабовладельческий строй» употребляется еще реже, чем слово «капитализм», можно объяснить все теми же «партийно-пропагандистскими» соображениями. Трудно представить себе проведение в России реформ под флагами и лозунгами построения нового рабовладельческого строя (еще раз повторим: наши реформаторы тщательно избегали даже таких слов, как «капитализм» и «капиталистический»).

Правда, оппозиция новому рабовладельческому строю достаточно часто прибегала и прибегает к использованию слов «капитализм» и «капиталистический», но не всегда к месту. Например, достаточно широко известен термин «капиталистическая экономика». Получился «гибрид ужа и ежа»: «капитализм» и «экономика»

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 248.

являются противоположными, взаимоисключающими понятиями. Это что-то вроде «сухой воды», «отстающего отличника» или «тощего толстяка».

Кстати, у наших реформаторов последнее время пошла мода на конструирование новых достаточно бессмысленных, но небезобидных терминов, относящихся к сфере «экономики»: «православный бизнес», «исламский бэнкинг», «этические фонды инвестирования», «справедливый процент» и т. п. Суть их одна – облагородить и замаскировать неприглядный имидж капитализма и отдельно взятых его институтов.

«Профессиональные экономисты» – создатели нового языка

С учетом только что сказанного, уважаемый читатель, дальше по тексту слова «экономика», «экономический» применительно к реалиям нашей жизни я буду ставить в кавычки. Кстати, слово «экономист» сегодня также надо употреблять с кавычками, так как люди, которые себя так называют, занимаются в основном не «домостроительством», а ретранслируют и пропагандируют идеи хрематистики. Настоящее их название – *хрематисты*. Конечно, слово не очень удобопроизносимое. Поскольку эти люди чаще всего обременены разными дипломами, степенями и званиями, то их можно называть *профессиональными экономистами*. Человеку со стороны вход в этот «закрытый клуб» (или «профессиональную гильдию») строго запрещен.

Слава Богу, сегодня в нашем обществе некоторые люди уже начинают осознавать, что под видом «экономики» нам всучивают совсем другой товар, который не имеет ничего общего с домостроительством, или системой жизнеобеспечения общества.

М. Ю. Медведев в книге «Альтернативная экономика. Критический взгляд на современную науку и практику» пишет: «Современная экономика только прикидывается экономикой, а на самом деле таковой не является. Ну что может быть истинно экономического в бирже, олигархах и других подобных хозяйственных парадоксах, которыми наполнена современная жизнь? Ничего экономического. Когда я вижу на прилавках магазинов книги с названиями “Как играть и выигрывать на бирже”, “Маркетинг”, “Банковское дело” и другие подобные, то закрываю глаза, и словно по мановению волшебной палочки названия меняются на: “Как ловчее ограбить ближнего”, “Как впарить покупателю некачественный товар”, “Ростовщичество” и т. п. Замена настолько зримая, что хочется хохотать. Отсрочить осознание того довольно элементарного факта, что современная экономика таковой – имею в виду экономикой – на самом деле не является, может только крайнее нежелание людей осознавать данный факт: так действительно проще. Однако прятать голову в песок подобно страусу возможно не всегда – иногда приходится раскрывать глаза на окружающий мир и, убедившись в его несовершенстве, предъявлять доказательства своей правоты: сначала самому себе, а затем и читателям»¹.

Для обозначения всего того, что «профессиональные экономисты» называют по недоразумению или сознательно «экономикой», данный автор предлагает термин: *не-экономика*. Продолжая ход мысли М. Медведева, мы могли предложить еще более точный термин: *антиэкономика*, поскольку капитализм не создает, а разрушает то, что называется экономикой (система жизнеобеспечения общества).

¹ М.Ю.Медведев. Альтернативная экономика. Критический взгляд на современную науку и практику. М.: КноРус, 2010. С. 6.

При использовании точных слов все сразу становится на свои места. В этом случае уже не требуются толстенные тома, нудно объясняющие (а на самом деле запутывающие понимание) тех или иных процессов в современной «экономике». Например, для описания тех изменений, которые происходили в нашей «экономике», нам назойливо предлагают слово *реформа*. Однако если в ходе таких реформ производственный потенциал страны уменьшился даже в большей степени, чем за годы Великой Отечественной войны, то, наверное, требуется другое слово или словосочетание. Например, «экономическая война» или «экономические диверсии в особо крупных размерах». Или просто: «разрушение экономики». Предлагаю читателю самому выбрать то слово, которое наиболее точно опишет разрушения, произошедшие в нашей стране за последние 20–25 лет.

Центральный банк в нашей стране почему-то называют *Банком России* (так записано в федеральном законе), хотя, когда начинаешь разбираться в «кухне» этого института денежной власти, то приходишь к неожиданному выводу: к России он имеет очень опосредованное отношение. Правильнее его было бы назвать *филиалом Федеральной резервной системы США*. А тогда все становится на свои места. Наши журналисты и «профессиональные экономисты» любят пожурить руководство центрального банка страны за его различные ошибки и просчеты. Не поймешь: то ли хорошо разыгранный спектакль, то ли беспробудная слепота наших критиков. А если посмотреть на так называемый Банк России как на филиал ФРС США, то тогда все встает на свои места: данный институт очень последовательно и дисциплинированно реализует на территории Российской Федерации денежно-кредитную политику ФРС США

(то есть мировых ростовщиков), не допустив за почти два десятилетия своего существования ни одной серьезной ошибки или просчета.

Незаметно происходит тихая, незаметная подмена одних слов другими. Например, тех, кто играет на финансовых рынках, всегда именовали *спекулянтами*. Теперь они получили очень благопристойное название – *инвесторы*. Под *инвестициями* раньше понимали, в первую очередь, капитальные вложения в строительство предприятий и других объектов, их расширение и техническую реконструкцию. В то же время СМИ еще недавно с большим энтузиазмом сообщали нам, что в страну пришли «инвестиции» на сумму в десятки миллиардов долларов. Но что-то новых заводов и фабрик в нашей стране так и не появилось. А с чего бы им появиться? Ведь нынче под инвестициями понимается покупка уже существующих заводов и фабрик, а то и вовсе каких-то бумажек, не связанных с активами реального сектора (например, обязательства Минфина типа пресловутых ГКО).

Уже на протяжении длительного времени среди «профессиональных экономистов» ведется интересная, но отнюдь не безобидная «игра в слова». Эта каста «профессионалов» считает, что она занимается *экономической наукой*. Но это очередной обман. И не только потому, что уже давно нет экономики, но и потому, что никакой науки нет (и не было). Любая наука помимо всего прочего имеет устойчивый понятийный аппарат, который позволяет общаться ученым на понятном им языке и передавать свои знания ученикам и последующим поколениям ученых. Ничего этого в «экономической науке» нет. Мы уже выяснили, что под видом экономики «профессиональные экономисты» нам незаметно подсовывают *антиэкономику*.

О том, что «экономика» (в современной ее трактовке, то есть как хрематистика) не является наукой, достаточно много сказано и написано людьми, которые не относятся к гильдии «профессиональных экономистов». Соответственно, таким людям легче давать трезвые оценки указанной профессии, которая появилась сравнительно недавно, но имеет много общего с «самой древней профессией».

Айвор Бенсон об «экономической науке» и «профессиональных экономистах»

Дадим, например, слово известному шведскому политическому деятелю и журналисту Айвору Бенсону, перу которого принадлежит ряд интересных статей и книг по новейшей истории европейской и мировой истории. Один из вопросов, который его волновал, – роль «профессиональных экономистов» в жизни западного общества. Он задает справедливый вопрос: «...Как объяснить, что западноевропейский интеллект, который на деле показал свою способность послать человека на Луну, не сумел распознать, что ростовщичество используется для того, чтобы развратить и силой привести Запад к рабскому подчинению?.. как насчет экономистов и финансовых экспертов? Разве они не используют все достижения разных дисциплин и все методы исследования современной науки, пытаясь решить проблемы распределения и обмена товарами, продуктами человеческого труда, в чем им помогает компьютерная техника, которая может во сто крат увеличить возможности человеческого интеллекта?»

Айвор Бенсон пытается дать ответ на поставленный вопрос: «Частично это можно объяснить тем, что в течение более чем столетия западный интеллект сосредото-

чил свое внимание почти исключительно на проблемах науки и техники, был сполна вознагражден и получил новый стимул благодаря достигнутым результатам.

Вторая половина ответа на вопрос заключается в том, что доходы этой мошеннической денежной системы так велики, что полчища в общем-то невинных людей с благими намерениями, активно вовлеченных в надувательство, могут быть щедро вознаграждены – среди них политики, банкиры, академики и журналисты. Человек устроен так, что очень немногие могут устоять перед искушением получить явную личную выгоду или в материальной форме, или в плане карьеры. Зло это усугубляется явно выраженным у европейцев инстинктом накопительства, наиболее ярко проявляющимся в современной мании приобретательства, которая еще крепче привязывает массы к системе ссуд, так как сиюминутная эйфория от обогащения делает их абсолютно нечувствительным ко всем другим соображениям...»

Бенсон также обращает внимание на отсутствие в «экономической науке» нормального понятийного аппарата и грамотно и фундаментально сформулированных целей: «Ее (экономической науки. – В. К.) надуманность проявляется в том, что она не пытается, как положено, разработать свою терминологию, например объяснить термины “деньги” или “кредит”. От экономистов сложно ожидать решения проблем, которые они не могут даже поставить и четко сформулировать...»

Также подчеркивается, что «экономическая наука» крайне умозрительна, она не очень интересуется фактами реальной жизни, да и факты эти зачастую оказываются информацией «за семью печатями»: «Послав человека на Луну, американские ученые доказали, что они владели всеми фактами, имеющими отношение к проблеме высадки человека на Луну и его возвращения

на Землю. Если бы те ученые действовали как экономисты, то астронавты или сгорели дотла на Земле, или бы были запущены в космос, но никогда не вернулись на Землю. Экономисты не в состоянии собрать всю необходимую информацию, потому что самая важная информация намеренно изымается...»

Современные «экономисты», по мнению Бенсона, крайне зашоренные люди, у которых отсутствует интуиция и понимание духовной природы многих проблем, которые они пытаются «исследовать»:

«У авторов книги Второзакония, пророка Мохаммеда, Шекспира и других не было даже малой доли той информации, которой владеют современные экономисты, но они могли решать проблему ростовщичества, довольствуясь имеющейся информацией, потому что у них не было недостатка в тех знаниях, которые являются ключом к решению всей проблемы, а именно *знания о человеке и его нравственной природе* (выделено мной. – В. К.)».

Успех или неуспех в любой настоящей науке определяется экспериментом, опытом, практикой. Но в «экономической науке» этот принцип оценки истинности знания не работает. Кроме того, человек, зараженный различными страстями (а «профессиональные экономисты» ими сильно заражены), не может быть объективным и познать истину: «Таким образом, предмет научной “непредвзятости” и “беспристрастности”, которыми так похваляются экономисты, при этом исключая самого человека, его жажду приобретательства и власти, как и его неспособность устоять перед искушением несправедливости, не только не дает положительных результатов, но является контрпродуктивным, умножающим и укрепляющим пороки ростовщичества, вместо того чтобы разоблачать их. Именно то, что придает телескопиче-

скую или микроскопическую силу интеллектуальному взгляду ученого, укрепляет и утверждает экономиста в его непонимании – непонимании, не наказуемом естественными последствиями, как это имеет место в точных и технических науках, а награждаемом престижем и высокими доходами».

Бенсон акцентирует внимание на том, что «профессиональные экономисты» особенно ревниво охраняют такой столп современной «экономики», как ростовщичество: Экономисты видят в ростовщичестве неотъемлемую часть финансового механизма, который, как они надеются, однажды заработает. Во все века мудрые люди видели в ростовщичестве то, что неизбежно будет наращивать несправедливость, станет орудием агрессии против «чужаков» и «проклятием разрушения», когда это практикуется по отношению к другу или брату.

Окончательный вывод Айвора Бенсона звучит как приговор: *«Коротко можно ответить так: экономика – лженаука (выделено мной. – В. К.)»*¹.

«Экономическая наука» и «профессиональные экономисты» на службе ростовщиков

Слава Богу, сегодня и некоторые отечественные авторы выходят из-под влияния «профессиональных экономистов». Они прямо говорят, что «король – голый», то есть что «экономическая наука» не имеет никакого отношения к умственной деятельности, нацеленной на постижение истины. Вот лишь одна цитата: «Оказывается, “экономическая наука” лжива и продажна. Она не столько занята постижением истины, сколько защи-

¹ Айвор Бенсон. Фактор сионизма: влияние евреев на историю XX века. М.: Русский вестник, 2001. С. 184–186.

той интересов своего главного спонсора – финансового капитала»¹.

Так называемая экономическая наука находится под жестким контролем финансового капитала давно. Есть также мнения, что «экономическая наука» появилась одновременно с капитализмом (то есть 300–400 лет назад) и что к постижению истины или решению проблем общества она с самого начала не имела никакого отношения. Некоторые более осторожные авторы говорят, что изначально «экономическая наука» была достаточно объективна и независима, а ее перерождение произошло позднее.

Например, на стыке XIX и XX веков, когда в Чикагском университете появилась группа экономистов, финансируемая Рокфеллерами, Морганам и другими «денежными мешками», – так называемая *Чикагская школа*. По оценкам некоторых авторов, Уолл-стрит инвестировал в Чикагскую школу миллиарды долларов – для того, чтобы она стала тем, что сегодня принято называть *mainstream*. В вольном переводе на русский язык это можно трактовать как «единственно верное учение» (что-то наподобие марксизма-ленинизма – единственно верного учения в Советском Союзе). Можно также сказать: *генеральная линия партии ростовщиков*.

Наиболее известный представитель чикагской школы – Милтон Фридман, который дал начало монетаризму – новому течению в «экономической науке». Рецепты монетаризма легли в основу экономической политики многих стран мира в последние два-три десятилетия и сильно укрепили власть мировых ростовщиков². А вот Александр Лежава считает, что грехопадение «экономи-

¹ Соломатин А. А. Уравнение обмана. // Профиль. №11. 2008.

² Подробнее см.: Гэффин М., Титова Г., Харрисон Ф. За кулисами становления экономических теорий. От теории к коррупции. СПб.: Б.&К., 2000.

ческой науки» произошло позднее, примерно полвека назад: «Когда-то полвека назад они (экономисты. – В. К.) были оптом и в розницу куплены банками. Начало этому процессу положили небезызвестный “Манхеттен Бэнк” (Manhattan Bank), слившийся впоследствии в “Чейз-Манхеттен” (Chase Manhattan), а затем в “Дж. П. Морган-Чейз” (J. P. Morgan-Chase). Он учредил кафедру экономики для Джона Кеннета Гэлбрейта (John Kenneth Galbraith) в Гарвардском университете. Гэлбрейт был одним из целой группы предприимчивых экономистов, если не сказать жуликов, который уверял, что если банкирам будет дано право на законных основаниях подделывать деньги (автор, видимо, имеет в виду эмиссию денег без полного их покрытия, о чем мы еще скажем ниже. – В. К.), то это станет дорогой к процветанию всего общества. У Гарварда в то время не было особого желания принимать за свой счет Гэлбрейта на работу, но тут появился “Манхеттен Бэнк”, помахал перед носом у университетского начальства своими деньгами, и те купились, ну или, если хотите, продались. Используя престиж Гарварда (который только что был куплен и оплачен), банкиры не стали останавливаться на достигнутом. В такой же легкой и непринужденной манере затем были куплены экономические факультеты и во всех других университетах и экономических школах США»¹.

То, что А. Лежава написал о послевоенной «экономической науке», – это, по нашему мнению, уже последняя стадия давно начавшегося процесса создания системы управления «экономическим» общественным сознанием в интересах мировых ростовщиков. Эта система, которая поставила под жесткий контроль общество, включает следующие важнейшие элементы:

¹ Лежава А. Крах «денег» или как защитить сбережения в условиях кризиса. М.: Книжный мир, 2010. С. 74–75.

а) «экономическую науку», разрабатывающую нужные ростовщикам «экономические теории»;

б) высшие учебные заведения, осуществляющие «экономическое просвещение» входящих в жизнь новых поколений; они обеспечивают углубленное изучение «экономических теорий»;

в) средства массовой информации (радио, телевидение, газеты и журналы, книжные издательства, интернет), осуществляющие формирование «экономического сознания» у всего населения, включая грудных младенцев, школьников, домохозяек, безработных, академиков, дворников, полицейских и т. п.

В советское время власти были озабочены тем, чтобы к достижениям марксизма-ленинизма было приобщено 100% населения. Для этого в школах, вузах, техникумах преподавали «научный коммунизм», «научный атеизм» и т. п. В рабочее время и после работы люди занимались в различных школах, кружках и университетах марксизма-ленинизма. Издательства печатали миллионные тиражи книг по марксизму-ленинизму. При жэках также функционировали клубы и пункты, где пенсионеры продолжали штудировать основы «единственно верного учения». Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академия общественных наук при ЦК КПСС, институты Академии наук СССР продолжали развивать и углублять положения «единственно верного учения», на что тратились громадные средства из бюджета.

Сегодня у нас также есть «единственно верное учение» – *mainstream*. Оно фигурирует под разными названиями: «макроэкономика», «экономикс», «монетаризм», «экономическая теория» и т. п. Задача заключается в том, чтобы также добиться 100-процентного охвата населения этим «учением» – включая младенцев, гастарбайтеров, безработных, бомжей, проституток и наркоманов.

Несмотря на титанические усилия «экономической науки», доказывать «прогрессивность» капитализма стало сложно: эта общественно-экономическая формация достаточно сильно себя дискредитировала. Процесс дискредитации достиг своего апогея в период затяжной депрессии 1930-х годов. Примечательно, что об этом достаточно откровенно на излете своей длинной жизни написал даже Джон Кеннет Гэлбрейт (1908–2006) – тот самый, ради которого, как пишет А. Лежава, была учреждена кафедра экономики в Гарвардском университете. В своей последней книге «Экономика невинного обмана: правда нашего времени» он констатирует: «Слово “капитализм” по-прежнему употребляют лишь наиболее радикальные и откровенные защитники капиталистической системы, да и то не часто»¹.

«Профессиональные экономисты» стали активно подыскивать синонимы «неприличного» слова «капитализм». На смену ему стали приходиться различные словосочетания, сегодня естественный отбор выдержали термины *рыночная система*, *рыночная экономика*, *рыночное хозяйство* и т. п. Вот как описывает этот процесс «научных» поисков Дж. Гэлбрейт: «Были начаты поиски неопасной альтернативы термину “капитализм”. В США предприняли попытку использовать словосочетание “свободное предпринимательство” – оно не прижилось. Свобода, подразумевавшая принятие свободных решений предпринимателями, не являлась убедительной. В Европе появилось словосочетание “социал-демократия” – смесь капитализма и социализма, одобренная состраданием. Однако в США слово “социализм” вызывало в прошлом неприятие (да и в настоящем это неприятие осталось). В последующие годы

¹ Гэлбрейт Дж. К. Экономика невинного обмана: правда нашего времени. М.: Европа, 2009. С. 20.

стали использовать словосочетание “новый курс”, но все же его слишком отождествляли с Франклином Делано Рузвельтом и его сторонниками. В итоге в научном мире прижилось выражение “рыночная система”, так как оно не имело негативной истории – впрочем, у него вообще не было истории. Вряд ли можно было отыскать термин, более лишенный всякого смысла...»¹

С самого начала «реформ» в нашей стране термины «рыночная система», «рыночная экономика» оказались самыми употребительными. Ведь вдохновить бывших советских людей на строительство «светлого капиталистического будущего» по целому ряду причин (надеюсь, понятным читателю) было сложно или даже невозможно. К слову «капитализм» в наших условиях «неполиткорректные» граждане начнут добавлять всякие «нехорошие» определения типа «криминальный», «бандитский», «компрадорский», «колониальный» и т.п.

Идеологи «реформ» с самого начала наложили «табу» на употребление слова «капитализм». Для «нейролингвистического программирования» сознания (проще говоря: зомбирования) наших людей стали использоваться благозвучные термины: «рынок», «рыночная экономика», «рыночная система». В современных учебниках по экономике вы можете вообще не обнаружить слова «капитализм», зато термин «рыночная экономика» встречается на каждой странице, иногда несколько раз. При этом смысл термина толком не объясняется.

Между тем термин «рыночная экономика» не менее абсурден, чем «капиталистическая экономика». О том, что это мы имеем не экономику, а антиэкономику, мы уже сказали выше. Но никаких признаков «рынка» мы также не наблюдаем ни в «самой рыночной» стра-

¹ Там же. С. 22–23.

не мира – США, ни у себя дома. Важнейшим признаком рынка, как нам объясняют учебники по «экономике», является конкуренция, которая обеспечивает «автоматическое» («стихийное») формирование цен. Последние являются «равновесными», «справедливыми» и т. п. При рыночных отношениях продавцы и покупатели имеют свободу (и возможность) выбора контрагентов, право прямого общения между собой и т. д. и т. п. Не хочу утомлять читателя пересказом учебников по «экономике», а задам вопрос: «Где вы видели такой рынок?»

И сам же отвечаю: такого рынка давно уже нет нигде в мире. Может быть, он был во времена Адама Смита, а может быть, даже до него. Рынок, также как и экономика, давно умер. Главная причина его смерти в том, что *в «экономике» стали господствовать монополии (тресты, концерны, синдикаты, картели), которые стали диктовать свои условия другим участникам «рынка».* О монополиях и смерти рынка можно почитать в уже упоминавшейся книге Дж. Гэлбрейта, поэтому слово «рынок» для описания современного общества также следует использовать только в кавычках. Добавим, что смерть рынка наступила также потому, что сегодня участники рынка давно уже утратили возможность свободного общения между собой. Между ними образовались мощные кордоны разных посредников, в том числе «финансовых посредников» в лице банкиров. Сегодня они не только «посредники», но также монополисты, причем самые главные. Почему? Потому что «производят» самый дефицитный в «рыночной экономике» «товар» – деньги.

Вообще на роль термина, который может более или менее точно отразить сущность современного западного общества, претендует целый ряд слов и словосочетаний. Вполне вероятно, что они лишь дополняют

друг друга, раскрывая ту или иную сторону общественного устройства.

Вот, например, американский общественный деятель Линдон Ларуш (достаточно известная в США фигура – несколько раз баллотировался на пост президента страны) полагает, что наиболее точно современное общество (западное, но особенно американское) можно охарактеризовать словом *фашизм*. На первый взгляд, это кажется слишком неожиданно, резко и, может быть, несправедливо. Но вот как называл фашизм Бенито Муссолини в 1920-е годы (этот термин изначально появился не в Германии, а в Италии): «Фашизм следовало бы более правильно называть корпоратизмом, поскольку это слияние государства и корпоративной власти».

В 20–30-е годы прошлого столетия термины *фашизм* и *корпоратизм* часто использовались в качестве взаимозаменяемых понятий в ходе общественных дискуссий. В послевоенной марксистской экономической литературе стал широко использоваться термин *государственно-монополистический капитализм (ГМК)*. Это еще один термин, который отражает тот же самый тип общества, называемый *фашизм* или *корпоратизм*. Современное западное (особенно американское) общество можно охарактеризовать любым из вышеназванных терминов. Основные признаки этого общества:

- сращивание государства и крупнейших корпораций (монополий);
- перераспределение общественного богатства в пользу очень узкой группы людей (мировых ростовщиков);
- осуществление насилия верхушки над подавляющей частью населения, причем насилие исходит как от государства, так и корпораций (законы перестают действовать, репрессивный аппарат получает гипертро-

фированное развитие, всеобщая слежка за населением становится нормой, усиливается духовное насилие и прямое «зомбирование» людей и т. п.).

Таким образом, американское общество – фашистское, но верхушка США не хочет в этом признаваться. Например, в 2003 году президент США Джордж Буш-младший в одной из своих речей назвал три основных «зла XX века»: гитлеризм, коммунизм, милитаризм. Он использовал слово «гитлеризм» и избежал слова «фашизм», поскольку иначе ему пришлось бы признать, что США – «империя зла».

Тему филологии мы подняли в связи с тем, что современный человек живет в «королевстве кривых зеркал». Понять, как устроена современная «экономика» и «рынок», что такое «деньги» и «банки», каковы причины экономических, финансовых и банковских кризисов, сегодня крайне сложно. Для этого надо оторваться от «букварей», которые писали «профессиональные экономисты» под диктовку экспертов из Международного валютного фонда по заказу тех, кто правит в этом «королевстве». А правят в этом королевстве ростовщики. Те самые ростовщики, о которых писал еще Аристотель и прихода которых к власти он так боялся.

Дух «экономизма» и религия «денежной цивилизации»

Об «экономизме» современного мира

Сегодня в России (да и во всем мире) экономика находится в центре внимания общества. В СМИ, согласно различным экспертным оценкам, не менее половины всех информационных сообщений и материалов

напрямую посвящены экономической проблематике: международной и внутренней торговле, промышленности, сельскому хозяйству, сфере услуг, деньгам, банкам, финансам, товарным и финансовым рынкам, лидерам бизнеса, выступлениям представителей экономической науки, экономическим и финансовым форумам, курсам валют, ценам и тарифам и т. п.

Сообщения и материалы, формально относящиеся к другим сферам общественной жизни (политика, культура, спорт, вооруженные силы, образование, наука и т. п.), также нередко оказываются тесно привязанными к экономической тематике. В сфере высшего образования России примерно 1/3 всех студентов обучаются по разным экономическим специальностям. Впрочем, студенты, формально обучающиеся по другим специальностям, также получают знания и навыки, имеющие непосредственное отношение к сфере экономики. Например, студенты юридических вузов и факультетов основное внимание уделяют изучению гражданского права, охватывающего разные сферы экономических отношений. Некогда далекие от экономики сферы общественной жизни и институты – спорт, культура, наука, искусство, и даже армия (вооруженные силы) подвергаются коммерциализации, активно втягиваются в сферу товарно-денежных отношений. Возникла привычка оценивать все и вся (любые решения, проекты, объекты материальной и нематериальной культуры, природные объекты и даже человека) в стоимостных (денежных) показателях. А информация о текущем валютном курсе рубля сегодня востребована рядовым гражданином не меньше, чем прогноз погоды.

Мы имеем такой феномен общественной жизни, как «экономизм», – превалирование экономики над другими сферами этой жизни. В этой связи возника-

ет потребность ответить на некоторые фундаментальные вопросы:

- Что такое экономика?
- Почему происходит столь резкое возрастание интереса общества к вопросам экономики?
- Каковы роль и место экономики в жизни общества?
- Каковы связи экономики с другими сферами общественной жизни?
- Насколько нынешнее экономическое устройство России отвечает интересам нашего общества?
- И если не отвечает в полной мере, что мы можем сделать для корректировки (или кардинального изменения) нынешнего экономического устройства России?

Осмысление этих и других подобных вопросов является необходимым хотя бы по той простой причине, что в современных учебниках по экономике (как это ни парадоксально) подобные вопросы часто не ставятся вообще. А если ставятся, то ответы зачастую являются невнятными. Попытаемся дать ответы на данные вопросы с учетом:

- православного понимания мира, общества, человека (основы этого понимания заложены в Священном Писании, творениях святых отцов Церкви, документах Вселенских Соборов);
- национальных интересов России;
- творческого наследия русских мыслителей, которые в свое время уже занимались осмыслением этих вопросов.

Русская мысль о феномене «экономизма»

Упомянутый выше «экономизм» – явление, которое возникло не вчера. Еще в конце XIX – начале XX века

русские философы и экономисты (В. С. Соловьев, Л. А. Тихомиров, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и другие) обратили внимание на «экономизм» как явление мировой и российской жизни. Под экономизмом они понимали резкий взлет интереса современного им общества к экономической сфере жизни человека и общества. Вся жизнь типичного человека Нового времени стала посвящаться экономической деятельности – производственной, торговой, банковской, финансовой и т. п. Экономика оказалась в центре внимания обществоведов, появилась «экономическая наука», в университетах возникли экономические кафедры и факультеты. Главным критерием оценки любых событий социальной, политической, культурной и даже духовно-религиозной жизни становилась экономика. Вернее, даже не экономика, а некоторые показатели, имеющие денежное измерение. Можно сказать, что в обществе произошел разворот на 180 градусов, поскольку раньше, в традиционном обществе, экономические решения, проекты, отношения, наоборот, оценивались на основе духовно-нравственных критериев. В новых условиях наблюдался процесс быстрой эмансипации экономической сферы жизни общества от духовно-нравственной сферы. Экономика как бы освобождалась от предрассудков прошлого, пут традиционного общества. С целью подчеркнуть автономность экономической жизни от неких «субъективных» влияний человеческих отношений экономическая теория получила сегодня название «economics» (по аналогии с науками, имеющими дело с «мертвой» природой, – physics, mechanics).

На первый взгляд, «экономизм» Нового времени противоречил логике и реалиям жизни. В течение XIX века наблюдался беспрецедентный в истории человечества рывок в развитии производительных сил («промышленная революция»). Происходила интернационализация

хозяйственной жизни, углубилось международное разделение труда, сложился мировой рынок. Человечество на протяжении многих веков и даже тысячелетий боролось со стихиями и покоряло природу для того, чтобы выживать. Считалось, что именно в традиционном обществе человек посвящал свою жизнь исключительно хозяйству, то есть имел место «экономизм» в чистом виде. А в конце XIX века появились все условия для того, чтобы человек вырвался из «царства необходимости» в «царство свободы». Он же неожиданно отказался от этого «царства свободы» и впал в состояние еще большего «экономизма», чем его дальние предки. На этот парадокс, в частности, обратил внимание С. Булгаков в своей известной работе «Философия хозяйства».

Русские мыслители пытались осмыслить этот феномен «экономизма». Л. А. Тихомиров, объясняя этот феномен, совершенно справедливо отметил, что речь идет не просто об «экономизме», а об «экономическом материализме». «Экономизм», по его мнению, есть результат отхода человека от Бога и его духовного оскудения. На смену поклонению Богу приходит поклонение бездушной мертвой материи. В конце XIX – начале XX века хозяйство действительно можно было воспринимать как «бездушную материю», оно ассоциировалось с производительными силами (средствами производства), предметами труда (природными ресурсами) и продуктами труда (товарами), которые имели вполне материальную природу. Конечно, все машины и инструменты, составлявшие материальную часть производительных сил, приводились в движение и управлялись человеком. Но человек, как главная производительная сила, оставался «за кадром» буржуазной экономической науки. Он был, выражаясь словами К. Маркса, лишь продолжением, или придатком, машины.

С. Н. Булгаков рассматривал хозяйство как процесс вещественно-энергетических обменов между обществом и природой, то есть также обращал внимание на материальный характер тогдашней экономики. В отличие от Л. А. Тихомирова С. Н. Булгаков тяготел к философскому течению «русского космизма» и считал возможным и даже необходимым дальнейшее освоение и покорение человеком природы, причем не только на нашей планете, но также в бесконечном космосе. Впрочем, С. Н. Булгаков также оценивал тогдашний «экономизм» как проявление и следствие отхода человечества от христианства. Он критиковал тогдашнюю экономику с ее капиталистическими извращениями и даже предложил использовать вместо термина «экономика» слово «хозяйство». Если экономика – сфера общественных отношений, то хозяйство – сфера отношений общества и природы. В процессе развития отношений общества с природой, по мнению С. Булгакова, происходит «очеловечивание» вселенной, что является главной миссией человека в его земной жизни. С нашей точки зрения, справедливо критикуя капитализм, Булгаков тем не менее сам не избежал искушений экономическим материализмом. Что, впрочем, неудивительно, поскольку Булгаков достаточно долго увлекался марксизмом, для которого было присуще восприятие мира и общества с позиций экономического материализма.

Что касается Л. А. Тихомирова, то он рассматривал «экономизм» как важный признак окончательного отхода человечества от христианства, переход его к атеистическому и материалистическому мировоззрению. Впрочем, по мнению Тихомирова, такое состояние общества не может продолжаться долго, ибо человек по своей природе существо духовное, он не может долго довольство-

ваться «чистым» материализмом, в том числе в такой его форме, как экономический материализм. На смену ему неизбежно должна прийти какая-то духовность. Это может быть возвращение к христианству. А может быть и увлечение мистикой, имеющей оккультно-эзотерические корни. В начале XXI века мы видим возрождение духовности преимущественно по второму варианту.

**Лукавая подмена наших дней:
хрематистика выдается за экономику**

То, что происходило в мире в конце XIX – начале XX века, можно лишь очень условно назвать «экономизмом». Напомним, что слово «экономика» – греческого происхождения. Чаще всего его переводят как «искусство ведения домашнего хозяйства». Иногда – как «домостроительство», «домоустройство», «домохозяйство». Считается, что в широкий оборот это слово вошло после того, как его использовал греческий философ Ксенофонт (IV в. до н.э.). На протяжении примерно двух тысячелетий слово «экономика» означало разные виды человеческой деятельности, направленные на удовлетворение жизненно необходимых потребностей человека. Причем круг жизненно необходимых потребностей очень незначительно варьировал в зависимости от времени и места жизни человека. Сама человеческая деятельность охватывала сферы производства, обмена, распределения различных жизненно необходимых благ.

Греческий философ Аристотель (IV в. до н. э.) заметил, что внешнее сходство с экономикой, экономической деятельностью может иметь другой вид деятельности, который он назвал хрематистикой. В переводе это озна-

чает «искусство накапливать запасы». Аристотель выделял два вида хрематистики:

- а) накопление запасов, необходимых для обеспечения нормальной экономической деятельности;
- б) накопление запасов сверх необходимых потребностей.

Грань между необходимыми запасами и запасами, превышающими необходимость, достаточно условная. Аристотель справедливо обратил внимание, что отчасти уровень необходимого запаса определяется свойством накапливаемого материального блага. Ведь любое материальное благо имеет свойство портиться, гнить, ржаветь, амортизироваться. В современной экономике есть понятия «страховых фондов», «резервов», «амортизационных отчислений» и т. п. Все они отражают ту сторону хозяйственной деятельности, которая связана с поддержанием стабильного уровня производства и потребления, вполне разумна и оправданна. Это все еще экономика, а не хрематистика.

Но может быть и накопление сверх разумных норм, привязанных к естественным потребностям. Здесь начинается хрематистика. В качестве объектов такой хрематистической деятельности могут выступать любые предметы материального мира. Но они, как мы выше отметили, имеют свойства портиться, разрушаться или амортизироваться. Даже египетские пирамиды не вечны. Правда, есть некоторые предметы материального мира, которые не меняют или почти не меняют своих физико-химических свойств. К таким предметам прежде всего относятся драгоценные металлы (золото, серебро) и изготовленные из них деньги (монеты, стандартные слитки). С помощью полноценных денег преодолеваются естественные ограничения накопления запасов. Аристотель увидел угрозу того, что деньги из средства

обращения превратятся в средство образования сокровищ. Следствием этого станет концентрация богатства в руках немногих собственников, нарушение нормальной экономики. Кроме того, он предвидел, что концентрация металлических денег в руках немногих и дефицит денег у большинства приведет к расцвету ростовщичества, последствия чего трудно даже оценить. Еще двадцать пять столетий назад Аристотель предупреждал человечество об угрозе подмены, вытеснения экономики хрематистикой. На протяжении многих веков действовали сдерживающие механизмы, которые не позволяли хрематистике занять доминирующие позиции в обществе. Прежде всего действовали религиозные ограничения и запреты на ростовщичество. В христианстве любостяжание рассматривалось как грех.

С XVI века в Европе стал устанавливаться новый порядок, который обычно называют «капитализмом» или «буржуазным строем». Стал происходить процесс быстрой мутации экономики в хрематистику. Если слово «экономика» прижилось в разных странах и в разных языках, то слово «хрематистика» так и осталось раритетом, известным лишь узким специалистам. Фактически же произошла подмена понятий. Коль скоро слово «хрематистика» не прижилось в современном лексиконе, то без особого ущерба его можно заменить словом «капитализм». Оно означает искусство накопления капитала, в первую очередь в денежной форме.

Таким образом, все становится на свои места. «Экономизм», о котором писали русские мыслители конца XIX – начала XX века, – не что иное, как обычный капитализм. А всеобщее увлечение «экономизмом» означает, что люди оказались винтиками капиталистической машины. Одни являются пассивными винтиками (наемными работниками, обеспечивающими накопление капи-

тала), другие – активными винтиками (организующими процесс накопления капитала), третьи – бенефициарами (концентрирующими накопленный капитал в своих руках). Капитализм – антипод экономики, поэтому победа капитализма означает смерть экономики. Ученые, политики, журналисты, описывая современный мир, постоянно используют слово «экономика». Иногда – абсурдное словосочетание «капиталистическая экономика». Следует помнить, что любое слово должно максимально точно описывать, отражать соответствующее явление, предмет, объект природного, социального, духовного мира. Для человека слово – не только средства коммуникации (общения с другими людьми), но и средство мышления. То, что мы по инерции и по привычке называем экономикой, на самом деле зачастую таковой не является. Скорее речь идет об «антиэкономике» или «квазиэкономике». В крайнем случае можно использовать слово «экономика», но при этом необходимо ставить его в кавычки, подчеркивая условный смысл слова.

Вместо экономики – виртуальный мир. «Капиталистический идеализм»

Наши русские философы воспринимали ту «экономику», которая сложилась к началу XX века, как явление материальной жизни. Но уже тогда часть «экономики» была нематериальна, это касается прежде всего ее финансового сектора. Вместе с тем еще сто лет назад финансовый сектор «экономики» был тесно связан с реальным сектором, что и создавало иллюзию абсолютной материальности «экономики». Сегодняшняя «экономика» в значительной мере виртуальна. Поэтому об «экономическом материализме» (выражение Л. Тихомирова) сегодня говорить не приходится. Чтобы описать

современное состояние «экономики», больше подойдет выражение «капиталистический идеализм». Впрочем, Тихомиров предвидел, что увлечение материализмом (в том числе «экономическим материализмом») современного ему человечества может быстро пройти. Человек остро нуждается в удовлетворении своих духовных потребностей, на голодном пайке материализма он долго существовать не может. Бывают истинные духовные потребности, связанные со стремлением человека к своему Создателю, Богу, Отцу, Источнику Вечной Жизни. Но могут быть и ложные потребности, которые затягивают человека в сети inferнального мира. Л. Тихомиров, опираясь на труды святых отцов, говорил, что накануне последних времен мир преодолет «экономический материализм». Человечество может увлечься разного рода псевдодуховными, мистическими философиями и практиками. Современная виртуальная «экономика» с ее финансовыми рынками, финансовыми инструментами, фондовыми биржами – яркое проявление современно «капиталистического идеализма». Но этот «идеализм» не безобиден и не безопасен. Человек попадает в псевдодуховный мир, где хозяином является «князь мира сего», тот, кого Иисус Христос называл лжецом и человекоубийцей. Понятие «виртуальный мир» становится сегодня крайне популярным. Если говорить коротко, то виртуальный мир – мир, отличный от того, который создан Богом или который создается совместно Богом и человеком. О виртуальном мире святые отцы писали еще много веков тому назад. Это мир иллюзий, «оптический обман», который создается дьяволом. Дьявол – «обезьяна Бога», сам он ничего творить не может, но он мистификатор, он создает видимость творения, занимается фокусами и подделками. Он может в лучшем случае заниматься перераспределением того, что уже создано

Богом. Сам он творить «из ничего» не в состоянии. Зато он очень любит ломать и крушить то, что создали люди в виде различных объектов материальной культуры. Но это не «искусство ради искусства», это способ увлечь этим «искусством» людей, обмануть их, оторвать их от реального мира, от Бога, с целью погубить их души. Дьявол заражает других людей желанием обманывать, лжесвидетельствовать, манипулировать, фальсифицировать, подменять, уничтожать, убивать, заворазивать непосвященных и неискушенных гипнозом цифр и символов, добывать золото из воздуха. В наиболее концентрированном и ярком виде вся эта «черная магия» проявляется в той сфере, которую мы условно называем «экономикой». Еще раз повторим, что это не экономика, а пародия на экономику, подобно тому, как дьявол является пародией на ангела.

О марксистском понимании места экономики в обществе (обобщественно-экономической формации)

Для понимания глубинных причин нынешнего экономического кризиса, который охватил практически все страны мира, необходимо выяснить, каковы место и роль экономики в общественной жизни. Несмотря на то, что марксизм давно уже формально утратил роль авторитетной идеологии, большинство специалистов и неспециалистов в области экономики воспринимают общество как общественно-экономическую формацию (одна из ключевых категорий марксизма). В общественно-экономической формации есть экономический базис и надстройка. Надстройка включает в себя политику, идеологию, право, государство, религию, культуру и различные общественные институты.

При таком понимании общества формируется перевернутая картина, возникают непреодолимые препятствия для понимания долгосрочных процессов и качественных изменений в экономике (включая экономические кризисы). Причины таких экономических изменений и кризисов ищут в сфере самой экономики. Соответственно там же ищут и путей выхода из экономических кризисов. К сожалению, такое искаженное понимание роли и места экономики в обществе нередко заводит поиск в тупик, экономического выздоровления не происходит. На самом деле именно экономика может быть отнесена к надстроечному институту, а в основе общества лежит духовный базис. И причины, и пути преодоления экономических кризисов лежат вне экономики – в духовном базисе, который определяет цели общественной и индивидуальной жизни, ценности, нормы отношений между людьми.

Экономика как элемент цивилизации

Марксистскому представлению об обществе как об общественно-экономической формации противостоит понимание общества как цивилизации. Основы учения о цивилизации заложил в XIX веке русский мыслитель Н.Я. Данилевский (учение о культурно-исторических типах), оно возникло на фундаменте трудов наших славянофилов. Распространенное мнение, что концепция устройства общества как цивилизации была разработана западными учеными (прежде всего называются имена Тойнби и Шпенглера), ошибочна. Суть учения о цивилизации заключается в том, что существуют различные типы общества, а различия определяются прежде всего его религиозно-духовными особенностями. Религиозно-духовный код определяет особен-

ности организации жизни общества во всех сферах: культуре, политике, государстве, экономике – а также на всех уровнях общества: индивидуальном (личностном), семейном, корпоративном, региональном, общенациональном.

Исторический процесс представляет собой смену не общественно-экономических формаций, а культурно-исторических типов (типов цивилизации). В марксистском, материалистическом представлении исторического процесса его двигателем являются некие абстрактные, безликие производительные силы, которые наделяются некоей внутренней мистической способностью саморазвития. Фактически мы имеем дело с разновидностью слегка закамуфлированной разновидности религиозного сознания. Оно имеет признаки пантеизма: бог растворен в природе, материи, он «программирует» ее развитие; человек есть часть материального мира и изменяется вместе с этим миром. Учение о цивилизации представляет историю не как эволюцию, а как последовательный дискретный ряд различных типов цивилизации, причем у каждого типа имеется свой религиозно-духовный генетический код. Очевидно, что в этом случае экономика производна от этого кода. Одновременно в мире могут сосуществовать различные типы цивилизаций, но смешиваться они не могут. Возможно лишь уничтожение или поглощение одного типа цивилизации другим.

Если прибегать к понятийному аппарату марксизма, то в учении о цивилизации под обществом следует понимать общественно-духовную формацию, базисом которой является упомянутый выше религиозно-духовный генетический код, а надстройкой – политические, правовые, семейные, экономические и иные отношения. По сути, учение о цивилизации

(культурно-исторических типах) излагает светским языком простые истины Священного Писания, которые на протяжении многих веков комментировались и растолковывались святыми отцами.

Из учения о цивилизации можно сделать следующие очевидные выводы, касающиеся экономики.

1. Экономика – одна из сфер общественной жизни, которая (также как и все остальные) детерминирована духовно-религиозным кодом.

2. В обществе существует несколько связанных между собой сфер: право, экономика, политика, культура. Вопреки господствующему в общественном сознании уже более века «экономизму», экономика не может иметь первенства по отношению к другим сферам общественной жизни. Видимость доминирования экономики над другими сферами в сегодняшнем мире возникает в силу особого духовно-религиозного кода общества (современное язычество, основанное на поклонении деньгам, – «цивилизация денег»).

3. Каждому типу цивилизации соответствует свой тип (своя модель) экономики. В марксистской терминологии это называется способом производства, в рамках концепции цивилизации – культурно-хозяйственный тип. В рамках цивилизации возможны лишь частичные корректировки действующей модели экономики. Они осуществляются посредством корректировок в сферах права, политики, культуры. Переход к другой модели экономики возможен лишь в результате смены духовно-религиозного кода общества. На языке марксизма, а также современной политологии и социологии это называется политической и/или социальной революцией. Однако настоящая революция (а не простая смена власти, дворцовый переворот) всегда представляет собой смену духовно-религиозного кода.

4. В силу дискретного характера разных типов цивилизаций между ними не может происходить конвергенции (сближения, соединения, взаимопроникновения, слияния). Из этого следует, что сосуществование разных культурно-хозяйственных типов (способов производства) в рамках одной цивилизации является невозможным. Авторы теорий смешанной экономики и многоукладного хозяйства либо этого не понимают, либо сознательно работают на разрушение существующей цивилизации. В рамках каждой данной цивилизации возможно сосуществование лишь различных модификаций одного культурно-хозяйственного типа.

Две метацивилизации – два культурно-хозяйственных типа

При всем многообразии цивилизаций в современном мире (некоторые современные исследователи насчитывают несколько десятков цивилизаций) их можно свести к двум основным видам, или двум метацивилизациям. Одну из них можно назвать цивилизацией Каина, другую – цивилизацией Авеля. Это две линии мировой истории, которые берут свое начало от первого разделения общества на две антагонистические группы. Каждой из этих цивилизаций можно дать и другие названия. Первую назвать цивилизацией денег, капитализмом, буржуазным строем и т. п. вторую – цивилизацией Царства Божия. Последнее название мы встречаем в работе Л. А. Тихомирова «Религиозно-философские основы истории» (она первоначально имела подзаголовок «В борьбе за Царство Божие»).

Первая метацивилизация сегодня является доминирующей в мире (если судить по чисто формальным признакам). Ее духовно-религиозным кодом является

вера в материю, поклонение богатству (маманизм), упование на деньги, надежда на возможность создания рукотворного рая на Земле. Она по своей сути является богоборческой и антихристианской.

Вторая метацивилизация формально находится на обочине исторического процесса. Ее духовно-религиозным кодом является вера в единого Бога, поклонение Христу, упование на благодать и ожидание Царства Божия. Если говорить коротко, то это христианская цивилизация.

Двум метацивилизациям соответствует два культурно-хозяйственных типа (уклада). Хотя в работах по истории, социологии, экономике называется большое количество различных моделей экономики, все они могут и должны сводиться к двум основным культурно-хозяйственным типам.

Человек и экономика. Христианская антропология – ключ к пониманию экономики

Сегодня делается попытка свести понимание экономики к решению неких прикладных задач по оптимизации распределения ограниченных ресурсов. Между тем даже западная экономическая наука до последнего времени признавала, что экономика – это в первую очередь не машины, техника, другое «железо» (материальные производительные силы), а отношения между людьми по поводу производства, обмена, распределения и потребления общественного продукта. Следовательно, изменения в экономике (в том числе кризисы) возникают либо по той причине, что меняются сами люди, либо меняется характер отношений между ними, либо происходит изменение того и другого одновременно. А из этого вытекает простой и очевидный вывод: для по-

нимания причин изменений в экономике и для управления этими изменениями (в том числе в целях выхода из кризиса) необходимо понимание изменений в человеке и в характере отношений между людьми. С нашей точки зрения, наиболее глубокое понимание сущности человека и причин изменения его сознания и его поведения дает христианская (православная) антропология.

В рамках этой антропологии особое внимание уделяется трудовой деятельности человека: целям, мотивам, стимулам, способам, видам. Человек создан Богом по Своему образу и подобию. В первую очередь, Бог выступает как Творец. Следовательно, человек, стремящийся уподобиться Богу, также призван прежде всего быть творцом. Творчество человека реализуется через трудовую деятельность. Труд может быть как физическим, так и умственным.

В православии преодолевается презрительное отношение к физическому труду и стремление к праздной жизни, что было характерно для древнего языческого мира. Труд в православии рассматривается как соработничество человека и Бога, как некий синергетический процесс соединения творческой энергии человека и творческой энергии Бога. Труд – не только некий энергетический процесс (этот тезис присутствует во многих современных учебниках по экономике), но также целеполагание и проектирование. Святыми отцами подчеркивается, что максимальная синергия человеческой и Божественной энергии достигается в том случае, если в деятельности человека присутствуют высшие цели, приближающие его к Богу. Трудовая деятельность, лишенная таких высших смыслов, ведет к утрате Божественной помощи, грозит человечеству серьезными потрясениями, разрушением экономики, природы, войнами, уничтожением человека.

В трудах отцов Православной Церкви раскрывается смысл труда не только как процесса создания экономических благ, но также духовного созидания самого человека. В православии впервые появляется понятие труда не как некоего принуждения или осознанной необходимости, но как жизненно необходимой потребности, как свободной творческой деятельности.

Нормы, определяющие экономические отношения

Отношения между людьми крайне редко находятся в состоянии неуправляемого хаоса (полная анархия). Они обычно регулируются определенными писаными и неписаными нормами. Это нормы: а) религиозные; б) общепринятые морально-этические; в) правовые; г) особые нормы отдельных социальных групп и обществ (нормы, определяющие жизнь членов групп «по понятиям»). Нормы имеют иерархический характер, наиболее фундаментальными, базисными являются религиозные нормы.

Тора, Талмуд, Новый Завет, Коран – книги мировых религий, содержащие нормы отношений между людьми. Причем многие нормы распространяется на сферу экономических отношений. Если в современном иудаизме набор норм крайне обширен (согласно Талмуду, Тора содержит 613 заповедей), то в христианстве их количество незначительно. Они содержатся в Нагорной проповеди (Новый Завет) в виде заповедей блаженства (всего девять заповедей). Даже это ограниченное количество заповедей христианства сводится к двум основным (главным) заповедям: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая

же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 37–39, см. также: Мк. 12, 30–31). В Коране обычно выделяют десять главных заповедей.

Следует обратить внимание на то, что в мировых религиях нормы носят универсальный характер, они в равной степени распространяются на все сферы общественных отношений. Специального выделения норм хозяйственной жизни нет. Исключение составляет Талмуд, где отдельные нормы имеют непосредственное отношение к торговле, кредиту, налогам и др. Впрочем, Талмуд (в отличие от Торы) нельзя рассматривать как некое божественное откровение. Это – плод человеческого творчества, причем в Талмуде некоторые высокие идеи (метафизика) причудливо смешиваются с правилами и предписаниями, регулирующими самые мелкие бытовые вопросы повседневной жизни.

В светском секуляризованном обществе религиозные нормы (законы, заповеди, табу) приобретают форму морально-этических норм. Чаще всего – неписаных норм, но иногда предпринимаются попытки их обобщения и кодификации в целях образования и воспитания. В качестве примера можно назвать «Моральный кодекс строителя коммунизма», который существовал в СССР. Были даже товарищеские суды, на которых человека могли судить на основе морально-нравственных норм.

По мере ослабления религиозных и морально-этических норм они дополняются и замещаются нормами юридическими. Юридические нормы базируются на наказании, опираются на методы силового принуждения, которыми располагает государство. Они апеллируют уже не к совести человека, а к такому чувству, как страх. На этом уровне уже появляются специальные нормы, которые относятся исключительно к сфере экономических отношений. Возникают торговое, финансо-

вое, налоговое права и другие его отрасли, регламентирующие разные сферы экономических отношений. Чем более общество секуляризуется, тем больше оно нуждается в юридических нормах и государственном аппарате, обеспечивающем их выполнение членами общества. Так называемое правовое государство отнюдь не признак цивилизованности, как нас пытались убедить в последние два десятилетия, а индикатор еще большей духовно-нравственной деградации общества.

В какой-то момент времени при сохраняющейся тенденции деградации перестают действовать даже юридические нормы. Наглядно это видно на примере России, где процессы духовно-нравственной деградации накладываются на процесс ослабления государства. Реакцией на эти процессы становится появление «теневых» норм, которые действуют параллельно с формальными юридическими нормами. В экономической сфере роль таких «теневых» норм очень велика. Они имеют некоторое формальное сходство с морально-этическими нормами: и те и те являются неписаными.

Но если морально-этические нормы апеллируют к совести человека, то «теневые» нормы чаще всего по своей сущности аморальны, они базируются на силе и страхе.

Если морально-этические нормы имеют достаточно универсальный характер (распространяются на всех членов общества и действуют во всех сферах общественной жизни), то «теневые» нормы регламентируют отношения внутри отдельных социальных групп (корпораций).

Они получили особое развитие в сфере финансов и бизнеса, «теневой» экономики. Нередко их называют понятиями. В этих сферах существуют свои неписанные кодексы, регламентирующие в социумах жизнь «по понятиям».

Впрочем, можно заметить очевидную закономерность: чем дальше общество отходит от Бога и религиозных норм отношений, тем дальше оно отходит от экономической, созидающей деятельности. Экономика незаметно подменяется хрематистикой.

Исходя из этих общих посылок, можно сделать вполне очевидный и простой вывод: экономика – категория духовная. Она нуждается в глубоком осмыслении с позиций православия, лишь такое осмысление позволяет нащупать корни нынешнего экономического кризиса и понять пути его преодоления. Роль Православной Церкви в преодолении современного экономического кризиса трудно переоценить. К сожалению, порой мы, православные люди, не до конца осознаем эту миссию Церкви.

Экономика и политика

Безусловно, что из всего спектра вопросов взаимодействия экономики с другими сферами общественной жизни наибольший интерес представляет вопрос взаимодействия экономики и политики. К сожалению, в современных учебниках по экономике вопросы взаимодействия, взаимосвязи экономики и политики почти полностью выпадают из поля зрения. Студентам рассказывают про «чистую экономику», абстрагируясь от всех остальных сторон общественной жизни – внутренней и внешней политики, религии, культуры, национальных отношений, доминирующих в обществе норм нравственности, семейных отношений, криминальной обстановки и т. п. Любые тенденции и закономерности развития экономики авторы таких учебников выводят из самой экономики. В наиболее ярком, завершенном виде подобная картина «чистой экономики» представлена в учебниках по economics, которые пришли в Рос-

сию с Запада. Довольно часто такие учебники бывают насыщены графиками и формулами, что создает иллюзию научного подхода к изучению экономики. На самом деле привнесенная с Запада дисциплина *economics* является даже шагом назад по сравнению с дисциплиной, которая преподавалась в советских вузах и называлась «политической экономией». Из самого названия дисциплины видно, что в ее рамках рассматриваются отношения между экономикой и политикой. Конечно, политическая экономия также была привнесена в нашу страну с Запада, она берет свое начало с английской политической экономии Уильяма Петти, Адама Смита, Давида Рикардо (XVIII – начало XIX века). Английская политическая экономия, из которой затем выросла политическая экономия марксизма, – интеллектуальный продукт протестантского общества с его духом рационализма, атеизма, индивидуализма и прагматизма. Политическая экономия была «портретом» английского капитализма конца XVIII – начала XIX века. Она абстрагировалась от духовной сферы общественной жизни и претендовала на то, чтобы быть универсальным средством описания и объяснения экономики любой страны. Тем не менее политическая экономия (особенно ее марксистская версия) не абстрагировалась от политики. Маркс, в частности, занимался анализом капиталистической экономики для того, чтобы прийти к выводу политического характера: о неизбежности смены капитализма социализмом и смены политической власти буржуазии властью пролетариата. По поводу подобного рода рассуждений и выводов можно (особенно сегодня, в начале XXI века) высказать много сомнений и даже возражений. Но сам подход, основанный на рассмотрении экономики и политики как единого целого, вполне продуктивен.

В разных цивилизациях, на разных этапах развития общества характер этих отношений имел свои отличительные особенности. Политика – прежде всего вопрос власти (захват власти, ее сохранения, укрепления). Известны крылатые фразы В. Ленина о том, что «политика есть концентрированное выражение экономики», «политика не может не иметь первенства перед экономикой» и т. п.

Три основных вида власти

Хорошо известно, что в истории человечества было три модели власти: власть духовная, власть политическая, власть экономическая.

Духовная власть предполагает наличие духовных авторитетов в обществе, а главное – соответствующего религиозного сознания большей части людей. Духовная власть может предусматривать наличие определенной организации и религиозных институтов (прежде всего это Церковь как земная организация).

Политическая власть базируется на государстве с его тремя ветвями власти (законодательная, исполнительная, судебная), юридических законах и силе (вооруженные силы, полиция, тюрьмы, спецслужбы, вооруженные силы и т. д.). В принципе сила является необходимым, но недостаточным условием политической власти. Необходим минимальный авторитет лиц, которые находятся в государственной власти.

Экономическая власть базируется на экономических ресурсах, находящихся в руках отдельных лиц, социальных групп или всего общества. Если экономические ресурсы рассредоточены в обществе, то экономическая власть может играть заметную роль только

на нижних, местных уровнях. И наоборот, чем выше концентрация экономических ресурсов в немногих руках, тем экономическая власть более заметна, более активно вмешивается во все стороны жизни общества.

В реальной жизни имели место различные комбинации указанных трех видов власти. Трудно найти примеры чисто духовной, политической или экономической власти. Если говорить о сегодняшнем обществе, которое мы обозначили как денежную цивилизацию, то в нем также просматриваются три вида власти. Один вид власти может трансформироваться (или конвертироваться) в другой вид власти.

О денежной власти

Наибольшей способностью такой трансформации сегодня обладает экономическая власть. Правда, следует сделать уточнение: экономическая власть заменяется властью денежной. Субъектом этого вида власти выступает капиталистическая олигархия, которая сосредотачивает в своих руках денежный капитал. Это высшая форма капитала (по отношению к производственному и торговому капиталу). Деньги становятся универсальным инструментом для капиталистической олигархии. С его помощью она устанавливает контроль над следующими объектами:

- а) физическим миром (природные ресурсы, основные производственные фонды, любые другие объекты материальной культуры);
- б) людьми как экономическим ресурсом;
- в) институтами политической власти;
- г) институтами духовной власти.

Одним из важных признаков «денежной цивилизации» является свободная купля-продажа любых

объектов реального и виртуального, физического и духовного мира.

Контроль над физическим миром. Объектами такого контроля со стороны денежной власти становятся:

– основные производственные фонды и все то, что называется средствами производства (производительный капитал, в котором овеществлен прошлый труд);

– иные объекты материальной культуры человечества (прошлый труд, овеществленный в имуществе домашних хозяйств, государственном имуществе самого разного назначения, произведениях искусства и т. п.);

– природные ресурсы (то, что человечество получило от Бога).

Контроль над людьми как экономическим ресурсом. На протяжении двух-трех последних столетий (после установления буржуазного строя) одним из основных товаров стал человек, вернее рабочая сила, обеспечивающая капиталисту получение прибыли. Капиталист осуществляет власть над физической природой человека. Денежная власть не может обеспечить напрямую власть над душой человека. Чтобы денежной власти всецело овладеть человеком, ей (власти) надо сначала стать властью духовной. Лобовая атака капитала на душу человека должного эффекта не дает.

Сегодня и на человеческом рынке возникли новые явления. Объектами коммерческих сделок становятся люди, но уже не как рабочая сила, а как некий актив, имеющий свою капитализацию. Такими объектами сегодня являются спортсмены и «звезды» мировой эстрады. Не исключено, что завтра в эту же категорию могут попасть «звезды» экспертного сообщества, некоторые журналисты, известные телеведущие и т. п.

Продвижение основного принципа «рыночной экономики» – «Все продается и покупается» обеспечило и

продолжает обеспечивать капиталистической олигархии покупку, удержание и укрепление политической и духовной власти. Высшая мировая олигархия осуществляет инвестиции не только и не столько в различные физические и финансовые активы (различные товарные и финансовые рынки), сколько во власть, политиков, СМИ, институты культуры и образования, различные НПО и т.п. По сути, сложились новые рынки, о которых в учебниках по экономике ничего не говорится. Это рынок информации и рынок политических услуг и политических активов. Использование термина «рынок» в данном случае достаточно условное. Свободной конкуренции на этих рынках нет, они контролируются крупной капиталистической олигархией. Остальные представители капиталистического класса на эти рынки почти не допускаются. Им предлагается работать на традиционных рынках физических и финансовых активов в качестве младших партнеров крупного капитала. У капиталистов среднего калибра денежная власть слабо конвертируется или вообще не конвертируется во власть политическую и духовную.

Что касается рынка информации, то на этом рынке крупная капиталистическая олигархия у компаний, действующих в сфере СМИ, покупает отдельные информационные услуги и продукты, помогающие решению каких-либо текущих проблем политического характера. Но в основном преобладают долгосрочные соглашения об информационном обеспечении политических интересов капиталистической олигархии. Цель таких долгосрочных соглашений – поддержание в обществе необходимой информационной атмосферы, изменение общественного сознания, проведение масштабных информационных кампаний (интервенций). На рынке информации сложился достаточно узкий круг

компаний (агентств), обеспечивающих политические интересы капиталистической олигархии. Многие мировые олигархи предпочитают покупать не информационные услуги и продукты, а компании, действующие на этом рынке. Это повышает политическую эффективность инвестиций в информацию.

Рынок политических услуг и политических активов. Подобные понятия раньше отсутствовали как в специальной политологической литературе, так и популярных изданиях. Сейчас даже в некоторых учебниках по политологии появляются термины «избирательный рынок», «политический маркетинг», «политический рынок». Правда, указанным понятиям придается достаточно узкий смысл. Например, под политическим рынком иногда понимают услуги политтехнологов и консультантов. На самом деле политический рынок включает себя очень многое. Здесь крупная капиталистическая олигархия приобретает услуги профессиональных политических лоббистов, политтехнологов, «политических убийц» (специалистов по дискредитации неугодных политиков), голоса избирателей, также осуществляет подкуп отдельных депутатов, министров, судей, других чиновников. Кроме политических услуг крупный капитал также покупает политические активы: отдельных «народных избранников», фракции в парламентах и целые политические партии. В качестве наглядного примера можно привести нынешнюю Украину, там большая часть парламента была скуплена несколькими местными олигархами.

Контроль над институтами политической власти. Мы уже сказали, что денежная власть стремится стать одновременно властью политической, что резко расширяет сферу влияния и контроля денежной власти. Во многих работах достаточно подробно описаны тех-

нологии и механизмы установления контроля денег над законодательной, исполнительной и судебной властями. Эти технологии и механизмы действуют по-разному в странах Запада и в странах периферии мирового капитализма. Для этого используется рынок политических услуг и политических активов.

«Религия денег» как инструмент денежной власти

Контроль над институтами духовной власти. Создание новой религии. Мировая финансовая олигархия, стремясь к глобальной власти, осознает, что ее власть может стать абсолютной лишь при одном условии – если мир добровольно поклонится этой элите. Но добровольное поклонение предполагает наличие у мировой финансовой олигархии духовной власти. Мы привыкли к тому, что духовная власть предполагает наличие неких религиозных институтов, религиозных авторитетов, религиозной иерархии. Так было и во времена язычества, так было и в древней истории еврейского народа, так было и в истории мировых религий (иудаизма, христианства и ислама). Считается, что сегодня, в XXI веке, мир становится атеистическим, наблюдается ослабление религиозного духа народов, количество верующих в большинстве стран мира неумолимо падает.

Но смеем предположить, что это не исчезновение веры и религии, а лишь их преобразование. Или замещение. Возникает новая религия, которую можно назвать религией денег. Она имеет все признаки религии, но факт ее присутствия в жизни современного человека не замечается по той причине, что она не является официальной религией, она не зарегистрирована ни в одной стране. Она сосуществует с традиционными

религиями, причем оказывает на них свое сильное, но невидимое влияние. Более того, некоторые традиционные религии и конфессии сохранили лишь свои вывески, за которыми фактически скрывается религия денег. Миллионы (если не миллиарды) людей становятся активными приверженцами религии денег, а такая приверженность и нужна мировой финансовой олигархии, которая претендует на роль духовных лидеров, жрецов религии денег.

Итак, в начале XXI века денежная власть стала универсальной и всеохватывающей. Субъекты этой власти – финансовая олигархия, узкая группа людей, которые сумели создать мировую финансовую систему, основанную на долларе. Объяснить успех мировой финансовой олигархии в реализации этого проекта чисто рационально почти невозможно.

Современная денежная власть как результат перманентной денежной революции

Эта система создавалась на протяжении многих веков в процессе перманентной денежной революции. Основными этапами этого проекта были следующие.

1. Легализация ростовщического процента, которая началась еще в недрах средневекового европейского общества и завершилась после победы буржуазных революций.

2. Превращение обычных ростовщических контор в депозитно-кредитные организации, получившие название банков. Легализация неполного (частичного) покрытия обязательств банков, что создало условия для делания денег «из воздуха».

3. Создание центральных банков, которые стали организаторами банковских картелей и «кредиторами

последней инстанции». Это создало дополнительные возможности для производства денег «из воздуха» и усилило влияние банков на всю экономику.

4. Организация фондовых рынков, что привело к появлению новых институтов – фондовых бирж и расширило возможности финансовой олигархии по влиянию на экономику и другие стороны общественной жизни.

5. Навязывание финансовой олигархией миру золотого стандарта, что усилило ее возможности по закабалению многих стран мира, поставило государство под жесткий контроль тех олигархов, в руках которых находилось золото.

6. Отказ от золотого стандарта, переход к денежной системе, основанной на выпуске и использовании необеспеченных денег. Переход к неограниченной денежной эмиссии Федеральной резервной системой доллара. Полная экономическая, торговая и валютная либерализация в глобальных масштабах. Такая либерализация обеспечила неограниченный спрос на доллары и скупку хозяевами ФРС всех физических и нематериальных активов в мире, установление эффективного контроля над институтами политической и духовной власти.

7. Следующим этапом борьбы мировой олигархии за власть становится замена этих институтов власти новыми институтами в соответствии с ее планами мирового господства. Институты политической власти, которые изначально были национальными, замещаются институтами наднациональной власти. Институты традиционных религий замещаются институтами откровенно сатанинского, богоборческого характера.

Возникает вопрос: каким образом средневековым ростовщикам удалось превратиться в мировую финансовую олигархию, добиться успехов в реализации своих планов мирового господства?

Безусловно, многие представители цеха ростовщиков были людьми неглупыми. Но объяснить успехи перманентной денежной революции их гениальностью, умственным превосходством невозможно. Было не меньше, а гораздо больше людей, которые прекрасно понимали планы ростовщиков, раскрывали эти планы, предупреждали общество о пагубных последствиях «денежной революции», призывали общество к противостоянию указанным планам.

Можно попытаться объяснить их успехи силой. Действительно, важной вехой перманентной денежной революции стали буржуазные революции и эпоха первоначального накопления капитала. На этом этапе ростовщики особенно активно прибегали к насилию. Вместе с тем также не совсем понятно (если руководствоваться чисто рационально логикой), каким образом сравнительно небольшой группе алчных «революционеров» удалось добиться силового перевеса над миллионами и десятками миллионов людей.

После буржуазных революций и экспроприаций наступил период сравнительно мирного развития денежной цивилизации. Конечно, новыми хозяевами жизни использовалась и сила, но чаще – угроза применения силы против недовольных и бунтарей. Наряду с силой все большее значение стали играть обман и манипуляция сознанием людей. Но для того чтобы обман и манипуляции были эффективными, следовало изменить сознание людей. Кардинальное изменение сознания людей происходит лишь путем замены одной системы религии на другую.

О двух важных особенностях «религии денег»

Для укрепления своих позиций капиталистическая олигархия стала создавать свою рукотворную религию,

которую можно назвать религией денег. Следует иметь в виду, что указанная религия имеет некоторые особенности, отличающие ее от традиционных религий.

Статус религии денег. Мы уже отметили, что религия денег существует де-факто. Ни в одной стране мира мы не найдем прецедентов регистрации церквей, сект, общин, которые бы официально заявляли, что они исповедуют религию денег (или что-то подобное). Указанная религия утверждает себя явочным порядком. Более того, делается все возможное для того, чтобы люди даже не подозревали о существовании религии денег. Тут невольно вспоминается популярный афоризм, гласящий, что первой задачей дьявола является доказать людям, что его нет. Понятно, что в этом случае ему будет легче действовать.

В частности, для насаждения религии денег используется уже имеющаяся социальная, экономическая и информационная инфраструктура: СМИ, учреждения образования и культуры, банки, торговые центры, реклама, государственный аппарат, общественные организации самого разного профиля. Наиболее тонким и в то же время эффективным средством продвижения религии денег является использование институтов традиционных религий. Происходит ползучая оккупация духовного пространства традиционных религий, при этом вывески этих религий на церквях, кирхах, костелах, мечетях, синагогах остаются прежние. Можно сказать, что происходит конвергенция религии денег и традиционных религий. Но хорошо известно, что любая конвергенция обычно заканчивается поглощением одного участника другим. Существует угроза полного поглощения традиционных религий религией денег. Можно провести определенную параллель с миром бизнеса, где довольно часто происходят «ползучие» (или, наоборот,

внезапные) захваты и поглощения компаний внешними инвесторами. Происходит полная или частичная смена собственников, о которой иногда даже старые хозяева узнают не сразу. При этом название компании может оставаться прежним. Так, в первой половине XX века ключевые позиции в автомобильной промышленности США принадлежали компании «Форд моторз», которая находилась под полным контролем Генри Форда, талантливого предпринимателя, со своей философией бизнеса и своими оригинальными взглядами на мир экономики и политики. Форд был достаточно заметной и самобытной фигурой, он оказывал определенное влияние на общественное сознание и бизнес Америки. После его смерти владельцами компании стали люди совершенно другой философии и других взглядов, но бренд компании остался прежним – «Форд моторз».

Дифференцированный характер религии денег.

Религия денег, в отличие от традиционных религий, не предусматривает универсального подхода ко всем людям, которых она вовлекает в свои ряды. Действует принцип дифференцированного подхода. Его еще можно назвать принципом двойных стандартов. Впрочем, исключение составляет современный (талмудический) иудаизм, в котором также в ярко выраженном виде присутствует принцип двойных стандартов. Он основан на убеждении в избранности еврейского народа и неполноценности всех остальных людей. Религия денег сконструирована мировыми ростовщиками, которые на протяжении многих веков создавали мировую финансовую систему. Эта мировая финансовая система имеет пирамидальную иерархическую структуру, в которой каждый ярус находится в жестком подчинении у стоящего выше. А всеми ярусами управляет мировая олигархия, которая находится на вершине пирамиды.

В самом основании пирамиды находятся миллиарды простых людей, выступающих в качестве первичных объектов эксплуатации. Одной из основных функций религии денег является поддержание конструкции мировой финансовой пирамиды.

Религия денег имеет ряд модификаций, каждая из которых адресована соответствующему ярусу пирамиды. Имеется «элитная» модификация, которой руководствуется высшая финансовая олигархия («избранные»). Эта версия не афишируется, на ней стоит гриф «секретно». Имеются «широкие» версии, или версии для «широкого пользования», адресованные «плебсу», то есть низам и среднему классу. При этом следует различать версии, предназначенные для «плебса» стран «золотого миллиарда», и версии, предназначенные для «плебса» стран периферии мирового капитализма (куда входит и Россия). Примечательно, что мировая «элита» в качестве «плебса» рассматривает и местных олигархов из стран периферии мирового капитализма. Об этом убедительно свидетельствовали события на Украине, когда местные миллиардеры действовали как биороботы по командам, поступавшим из Вашингтона.

Видно невооруженным глазом, что религия денег имеет сходство с талмудическим иудаизмом. При более внимательном изучении обнаруживается, что многие элементы религии денег заимствованы из талмудического иудаизма. Можно даже предположить, что религия денег – модифицированный талмудический иудаизм. Впрочем, есть и некоторые различия. Конечными бенефициарами талмудического иудаизма по определению являются лишь евреи, исповедующие талмудический иудаизм. А конечными бенефициарами религии денег выступают лица, которые не обязательно являются последовательными приверженцами талмудического

иудаизма. Среди «избранных» могут быть, например, лица, формально придерживающиеся протестантизма. Но это лишь формально. Все «избранные» – космополиты, в той или иной мере склонные к сатанизму, ярые ненавистники истинного христианства.

Ключевые положения (представления) «религии денег»

В любой религии содержатся ключевые параметры (матрица, генетический код) сознания и цивилизации. Генетический код человека и общества включает представления о таких ключевых понятиях, как:

- цель человеческой жизни;
- происхождение и устройство мира;
- жизнь и смерть человека;
- движущие силы и тенденции общественного развития и истории;
- принципы отношений между людьми;
- добро и зло;
- высшие авторитеты (объекты поклонения) и т. п.

Человек порой может не задумываться о фундаментальных вопросах бытия, но даже у самого неграмотного или легкомысленного человека на подсознательном уровне заложены интуитивные представления, касающиеся этих вопросов. Давайте посмотрим, какие представления закладываются в сознание человека религией денег. Эти представления будут разными (даже диаметрально противоположными) в «элитной» и «широких» версиях.

Цель человеческой жизни. В «широких» версиях – стяжание богатства, накопление капитала. Накопление не имеет никаких количественных пределов. На поздних стадиях развития религии денег целью стано-

вится накопление денежного капитала. В современных условиях деньги утрачивают свою связь с товарным миром, становятся виртуальной категорией. Следовательно, цель становится также в значительной степени виртуальной. По цели религия денег имеет некоторое внешнее сходство с традиционной религией. Бесконечное накопление невестественного начала адептами религии денег очень напоминает стяжание Святого Духа в христианстве. Кроме стяжания богатства другой целью может выступать получение максимального удовольствия (гедонизм). Частный случай цели гедонизма – потребление. Вернее – потребительство.

В «элитной» версии деньги выступают не целью, а средством. Высшей целью является мировое господство финансовой олигархии.

Происхождение и устройство мира. Религия денег в своей «широкой» версии исходит из постулатов материализма о вечном существовании нынешнего мира, включающего Землю, другие планеты, космос. Впрочем, она допускает также версию деизма: мир был создан Богом, однако после создания мира Бог отошел в сторону, а мир стал развиваться по своим законам. То есть Бог не управляет миром (в том числе человеком и обществом). Признается лишь материальная, видимая часть мира. Невидимый мир, духовная сфера отрицаются или, в крайнем случае, не замечаются. «Широкая» версия допускает объяснение мира с позиций агностицизма. «Широкая» версия поощряет строительство человеком своего собственного мира – мира информации, денег, финансов. Это виртуальный мир, который существует параллельно миру материальному. Человек в этом виртуальном мире чувствует себя богом, поскольку занимается созданием информации, чисел, знаков. В «элитной» версии присутствует синтез различных оккультных,

эзотерических и языческих представлений о мире. Эта версия не допускает сосуществования с христианством, рассматривает христианство главным препятствием к достижению финансовой олигархией своей стратегической цели – установления мирового господства.

Жизнь и смерть человека. Религия денег, стоящая на платформе материализма, полагает, что человек – это прежде всего физическое тело, а его ум, воля, чувства – функции физического тела, а отнюдь не составные части души, существующей отдельно от тела (как это трактуется в христианстве). Человеческая жизнь конечна, смерть – прекращение функционирования физического тела, вслед за этим следует разложение тела. Поскольку человек – лишь физическое тело, согласно догматам религии денег, то после смерти от него больше ничего не остается. Никакой «жизни после смерти» быть не может. Человек должен успеть в пределах короткого срока своей жизни накопить максимально большое количество капитала и получить максимальный объем удовольствий. «Элитная» версия религии денег основывается на вере в то, что человек благодаря достижениям в сфере науки и техники может обрести бессмертие. В начале XXI века особое внимание мировой элите уделяется трансгуманизму – рационалистическому мировоззрению, основанному на вере в науку и технику, которые способны значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека, ликвидировать страдания, а главное – старение и смерть. Трансгуманизм особенно контрастирует с планами той же самой «элиты» по сокращению численности населения путем так называемого контроля над рождаемостью, а также использования более откровенных способов геноцида.

Движущие силы и тенденции общественного развития и истории. В христианстве история творится Богом и человеком совместно. Бог выступает в истории как Промыслитель. Согласно религии денег, движущей силой истории выступает лишь человек. «Широкая» версия всячески обосновывает учение о демократии, согласно которому управление обществом осуществляет народ, используя для этого механизмы выборов и парламентской власти. Согласно «элитной» версии, в качестве главного инструмента управления обществом и историческим процессом выступает капитал, с помощью которого финансовая олигархия осуществляет политическую и духовную власть. Решающую роль в истории имеют отдельные личности, которые обладают капиталом. Мировое общественное развитие не является хаотичным, оно планируется и проектируется. Это не исключает того, что управление общественным развитием осуществляется через хаос (управляемый хаос). Конкретными проявлениями такого хаоса выступают войны, экономические кризисы, революции, перевороты и беспорядки (последний пример – события на Майдане и на Украине в целом).

Принципы отношений между людьми. Обществом управляют «избранные», а степень «избранности» определяется размерами капитала. Между «избранными» и «плебсом» существуют отношения строгого подчинения второго первой. Но если в «элитной» версии это один из центральных постулатов, то в «широкой» версии это всячески замазывается, камуфлируется.

По горизонтали между людьми выстраиваются антагонистические отношения. Их базой являются эгоизм, конкуренция, зависть, злоба, обман, лжесвидетельства, вражда и другие страсти. Религия денег

в «широкой» версии всячески обосновывает и поощряет эти страсти. Они помогают элите проводить в жизнь политику «разделяй и властвуй». Люди превращаются в отдельные атомы.

Добро и зло. В «элитной» версии зло воспринимается как идеал, как главный ориентир (критерий) истинного последователя религии денег. Соответственно, культивируется вражда по отношению к христианству как религии добра и любви. В «широкой» версии проповедуется релятивизм, размывающий грань между добром и злом, истиной и ложью, светом и тьмой, жизнью и смертью. Благодаря такому релятивизму происходит постепенное замещение идеалов добра идеалами зла.

Высшие авторитеты и объекты поклонения. В «узкой» версии проповедуется поклонение злым началам – сатане, Люциферу, Каину, Мамоне, Бафомету, Деннице и другим героям inferнального мира. В «широкой» версии культивируется поклонение богатству в его земных проявлениях (поклонение вещам, числам и символам, золоту и т. п.). В качестве кумиров и примеров для подражания «плебсу» предлагаются различные лица, которые фигурируют в списках «Форбс» и «Форчун» (пародия на святых в христианстве). Как в «узкой», так и в «широкой» версиях используется оккультно-сатанинская и антихристианская символика, которая также рекомендуется в качестве объектов поклонения и проведения различных ритуалов.

Некоторые итоги

Роль экономики в жизни общества сегодня остается такой же, какой она была в прошлом, в том числе в традиционном обществе. Экономика – деятельность по обеспечению общества и человека жизненно необ-

ходимыми предметами и услугами. Конечно, потребности общества и человека со временем меняются под влиянием научно-технического прогресса, углубления общественного разделения труда, а также в результате того, что меняется мировой порядок и социальная организация общества. Резко возрастает роль общественных потребностей (например, потребность в обороне, обеспечении общественного порядка, транспорте). Таким образом, меняется набор необходимых материальных и нематериальных благ, которые экономика создает и доводит до конечного потребления человеком и обществом (государством). Однако за последние несколько десятилетий рядом с этой реальной экономикой появилась вторая экономика, которую еще можно назвать виртуальной экономикой. Это мир финансов, который имеет дело с деньгами, финансовыми инструментами, финансовыми продуктами. Причем финансовые инструменты и финансовые продукты имеют очень опосредованное отношение к реальной экономике, а иногда вообще не имеют с ней никакой связи. Об этой финансовой экономике уже сказано и написано достаточно. Она в чистом виде является хрематистикой, или антиэкономикой. Финансовая экономика не только не способствует, но, наоборот, тормозит и подавляет развитие реальной экономики. Это факт очевидный, мы его не будем развивать. Но вместе с тем финансовая экономика резко повышает возможности «элиты» оказывать воздействие на все стороны жизни общества, поскольку в руках «элиты» находится печатный станок, причем почти никаких ограничений для эмиссии денег у его хозяев нет. Если понимать под экономикой именно финансовую экономику, хрематистику, то действительно ее влияние на все стороны жизни усилилось. Учитывая, что стратегической целью элиты является мировое господство, следует признать, что

она за последние десятилетия заметно продвинулась на пути к этой цели. В немалой степени по причине того, что человек утратил правильные представления о том, что такое экономика и какое место она должна занимать в жизни человека и общества.

Христианское понимание причин денежного рабства

Христианские авторы также уделяют большое внимание проблеме денежного рабства. Правда, они чаще используют традиционные богословские понятия, связанные с видами грехов и страстей: сребролюбие, поклонение золотому тельцу, любостяжание, корыстолюбие, лихоимство и т. д. Иногда используются термины «поклонение мамоне», «мамонизм».

Красной нитью через размышления христианских авторов о вреде любостяжания проходит мысль, имеющая отношение к нашей теме: там, где царит дух любостяжания и сребролюбия, неизбежно будут возникать отношения рабства: одни будут рабовладельцами, другие – рабами. Но при этом первые будут хотеть стать еще большими рабовладельцами, вторые – рабовладельцами. В царстве любостяжания труд не будет восприниматься в качестве потребности, все будут от него отвращаться.

Исходным пунктом размышлений христианских авторов являются слова Спасителя: «Никто не может служить двум господам... Не можете служить Богу и мамоне»¹. Также важны следующие слова Спасителя: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»². Когда человек «заземляет» сердце свое на золото, то он ли-

¹ Мф. 6, 24.

² Мф. 6, 21.

шается связи с Богом – источником вечной жизни, а лишившись этой связи, он лишается спасения. Священное Писание наполнено историями и притчами о богатстве и бедности, которые разъясняют смысл указанных выше слов Спасителя.

Перечислим кратко некоторые ключевые моменты христианского учения о богатстве и бедности.

1. Богатство и бедность не несут в себе ни зла, ни добра. Все зависит от самого человека и от того, как он пользуется своим материальным положением.

2. То богатство, которым располагает человек, – это не его имущество, это имущество Бога, а человек лишь пользователь. Прежде всего это земля и природные ресурсы, которые были созданы Творцом еще до того, как был создан человек. Образно выражаясь, Бог как хозяин природы является принципалом, а человек, который трудится на земле, – Его вассалом. У святых отцов много размышлений на тему того, почему христианин не может не быть рабом Божиим. У некоторых людей такое звание христианина, как раб Божий, вызывает недоумение, возмущение, вопросы. Мы не будем сейчас погружаться в эту интересную тему, а приведем лишь одну причину такого высокого (с точки зрения христианина) звания: потому что работник на земле является вассалом Бога как хозяина этой земли. Причем, в отличие от многих земных хозяев (принципалов) в лице римских патрициев или средневековых феодалов, которые часто проявляли жестокость к своим рабам или вассалам, Бог является любящим хозяином.

3. Богатство свободы не дает. Богатство (желание богатства, труды по его добыванию, обладание богатством, утрата богатства) создает дополнительные проблемы и духовные риски для человека. Богатство может человека погубить, как духовно, так и физически. Из-

вестный духовный писатель епископ Петр пишет о вреде богатства для спасения души: «Как желание обогатиться, так и обладание богатством погружают наш дух в бесчисленные заботы житейские, охлаждают, очерствяют сердце, питают, усиливают гордость, утучняют чувственность, открывают путь к целому полчищу пороков, всегда доставляют средства к ним. А хотя бы и не было грубых пороков, однако приобретение богатства почти всегда бывает соединено с большими трудами и заботами, обладание соединено со страхом, а потеря сопровождается скорбью»¹. Премудрый Соломон, богаче которого не было никого в подлунном мире, хорошо прочувствовал ту тяжесть, которая ложится на плечи богатого: «Лучше немногое при страхе Господнем, нежели большое сокровище, и при нем тревога»².

Иоанн Златоуст прямо говорит, что деньги могут доводить богатого до рабства: «Нет никого богаче человека, избравшего бедность добровольно и охотно. Кто же богат: тот ли, кто каждый день забоится, старается собрать как можно больше и боится, чтобы в чем-нибудь не оказалось недостатка, или тот, кто ничего не собирает, живет в совершенном довольстве и ни в чем не нуждается? Добродетель и страх Божий сообщают дерзновенные перед Богом; деньги же доводят до рабства»³.

Погоня человека за богатством подобна желанию безумного человека догнать свою тень: чем быстрее бежит человек, тем быстрее она от него удаляется. Накопле-

¹ Епископ Петр. Указание пути к спасению. ТСП, 1905. С. 63–64 // Цит. по: Протоиерей Вячеслав Тулупов. Игольные уши, или О том, как стать нестяжательным. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2002. С. 18.

² Притч. 15, 16.

³ Иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, избранные творения. Собрание поучений. Т. 2. ТСП, 1993. С. 238.

ние богатства может делать человека беднее, поскольку страсть любостыжания не стоит на месте, она опережает накопление богатства: «Приращение богатства более и более возжигает пламя страсти и делает богачей беднее прежнего» (Иоанн Златоуст)¹.

4. Богатство может не только истязать человека, лишать его мира и душевного спокойствия, но также может подталкивать его к совершению различных грехов. Как говорит Иоанн Златоуст, «богатство для невнимательных служит средством к порокам». А вот еще его высказывание на эту тему: «Над богатыми диаволу нет нужды много трудиться, богатство делает их совершенно готовыми к падению». А святитель Григорий Богослов предупреждает: «Богатство – самый проворный приспешник в худом, потому что при могуществе всего сподручнее сделать зло»².

5. Любовь к деньгам и имуществу вредна не только для души отдельного человека. Любостыжание может быть губительно для целых народов. Вот что говорит пророк Иеремия: «Домы их (Израиля) перейдут к другим, равно поля и жены, потому что Я простру руку Мою на обитателей сей земли, говорит Господь. Ибо от малого до большого каждый из них предан корысти»³.

6. Предназначение богатства. Богатство – это излишек имущества, которое человеку посылает Бог. Поэтому богатый человек должен правильно распорядиться этим имуществом: для него это средство спасения, спасательный круг, который ему бросает Господь. В евангельской истории о богатом юноше Христос прямо говорит: «Про-

¹ Цит. по: Православное отношение к деньгам. М.: Дарь, 2006. С. 176.

² Цит. по: Православное отношение к деньгам. М.: Дарь, 2006. С. 122, 123, 128.

³ Иер. 6, 12–13.

дай имение и раздай нищим»¹. Столь радикальный шаг сегодня вряд ли готовы совершить многие богатые люди, но вот передавать излишек своего имущества бедным они должны, если, конечно, хотят «быть совершенными», «иметь сокровища на небесах»².

7. Бедные, не менее чем богатые, могут быть одержимы страстью любостяжания. Достаточно вспомнить события почти вековой давности, когда «революционеры» грабили и убивали богатых. Бедные хотят стать богатыми, то есть из рабов они хотят превратиться не в людей свободного труда, а в рабовладельцев. Святые и благочестивые люди боялись и боятся принимать дары (или, по крайней мере, оставлять их у себя), потому что «при получении по какому-нибудь случаю ценной вещи или значительного числа денег тотчас же является в сердце упование на это имущество, а упование на Бога хладеет или ослабевает. Если не остеречься, то не замедлит явиться и привязанность к имуществу. Привязанность или пристрастие к имуществу легко может обратиться в страсть, по причине которой совершается незаметным образом отречение от Христа в сердце, хотя уста и продолжают исповедовать Его»³.

8. Стремление к богатству приводит к тому, что стяжатель часто использует такие средства, которые представляют собой прямое нарушение главных заповедей. Например, заповедей «Не убий», «Не укради». Такое богатство несправедливо, оно духовно губительно для стяжателя. Особенно часто на несправедный характер значительной части богатства обращал внимание Иоанн Златоуст: «Глаза корыстолюбца не успокаиваются до тех пор, пока не похитят у других всего, потому что

¹ Мф. 19, 21.

² Там же.

³ Епископ Игнатий (Брянчанинов). Сочинения. СПб., 1905. Т. 5. С. 285.

смотрят не по-человечески, но по-звериному»¹. «Кто у другого отнимает деньги и ввергает его в нищету, тот себя предаёт смерти; другого в этом мире изнуряет нищетой, а себе приготовляет вечное наказание»².

Иоанн Златоуст в своих проповедях постоянно подчеркивал, что стяжатель даже хуже вора и разбойника, так как отнимает имущество других людей не таясь: «Нет ничего опаснее любостяжания; хотя бы ты к своим хранилищам приделывал цепи и запоры, напрасно будешь делать все, если заключил внутри любостяжания, этого злейшего разбойника, который может отнять у тебя все. Как же, скажешь, многие любостяжатели не подвергаются этому? Непременно подвергнутся, хотя и не вдруг; а если избегнут теперь, то тем страшнее будет тогда; они соблюдают для большего наказания. Притом если они сами избегнут, то наследники их испытают заслуженное ими. Но, скажешь, справедливо ли это? Весьма справедливо. Получивший наследство, приобретенное несправедно, хотя сам и не похищал, но владеет чужой собственностью, знает это хорошо и поэтому справедливо может пострадать. Ибо если бы ты взял что-нибудь от грабителя, а потом ограбленный пришел бы к тебе и стал требовать свое обратно, то могли бы ты оправдываться тем, что не ты ограбил его? Отнюдь нет. Что отвечал бы ты, скажи мне, против обвинения? Что другой отнял? Но ты владеешь. Что другой ограбил? Но ты пользуешься. Это известно и из законов внешних, которые, не касаясь похитителей и грабителей, повелевают взыскивать с тех, у кого кто найдет свою собственность. Итак, если ты знаешь обиженных, то вознагради их и сделай так, как сделал Закхей, с великим избытком; а если не знаешь, то я укажу тебе дру-

¹ Цит. по: Православное отношение к деньгам. М.: Дарь, 2006. С. 180.

² Цит. по: Православное отношение к деньгам. М.: Дарь, 2006. С. 114.

гой путь и не лишу тебя врачевства: раздай все бедным и таким образом исправишь зло. Если же иные передали такое имущество детям и внукам, то они испытали вместо одного другое зло. От имущества все будут одинаково обнажены, но одни из людей будут покрыты грехами, нажитыми с имуществом. Что мы сделаем в тот день, когда обнаженный и лишившийся всей собственности предстанет перед страшным судилищем, и никто не будет защищать нас? Что ты скажешь Судии? Теперь ты можешь обмануть суд человеческий, а тогда человеческого суда уже не будет; или, лучше, не можешь и теперь, ибо и теперь тот суд – в своей силе»¹.

9. Православие не призывает к добровольной бедности. Более того, оно призывает к созиданию богатства (тех, кто к этому способен духовно, умственно и физически) для того, чтобы можно было исполнять заповеди Бога. Например, учитель раннего христианства Климент Александрийский восклицает: «Каким образом тот, кто сам ничего не имеет, насытит алчущего, напоит жаждущего, примет странника? Богатство есть орудие... Если орудие употребляют с умением и как следует, оно будет полезно»². Православие – это не только молитва и созерцание, православие – это действие и труд. Труд как физический, так и умственный. Для того, чтобы уподобившись Богу как Творцу видимого и невидимого мира, создавать богатства – материальные и культурные. Вспомним, в частности, русское монашество. Именно монахи были первопроходцами, которые осваивали пространства Русского Севера и

¹ Цит. по: Православное отношение к деньгам. М.: Дарь, 2006. С. 116–117.

² Цит. по: Христианин и деньги. Нужны ли православному деньги и можно ли их честно заработать. Сборник статей. М.: Образ, 2007. С. 40.

создавали там обители. А после этого рядом с обителями возникали города, ярмарки, строились заводы. Протоиерей Сергей Булгаков заметил по этому поводу: «Духовная энергия подвижников перековывалась в материальное богатство края»¹.

10. Для того чтобы успешно трудиться и создавать богатства, человек должен всегда прибегать к помощи Бога. Успешный труд – всегда синергия (соединение) энергии человека и энергии Бога. Недаром слово «богатство» имеет происхождение от слова «Бог». Во-первых, человек получает свое основное имущество (землю, природные ресурсы) от Бога. Бог – собственник, человек – пользователь этого имущества. Во-вторых, человек производит что-то новое (того, чего в окружающей природе нет) также с помощью Бога. Как говорил Спаситель, «ничего без Меня творить не можете».

Святые отцы рассматривали вопрос о страсти любостыжания в контексте общего христианского учения о страстях. Соответственно, их волновало два основных вопроса: а) какова природа данной страсти? б) как предотвратить заражение человека этой страстью или как ее искоренить (если она уже поразила душу человека)?

Выше мы уже сказали, что зло заключено не в самом богатстве, а в отношении человека к нему. Спаситель прямо предупреждает: «Смотрите, берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения»². Это и другие места Евангелия, относящиеся к теме любостыжания и сребролюбия, подробно растолковывает святитель Иоанн Златоуст.

¹ Цит. по: Христианин и деньги. Нужны ли православному деньги и можно ли их честно заработать. Сборник статей. М.: Образ, 2007. С. 40.

² Лк. 12, 15.

Во-первых, он отмечает, что сребролюбцы – больные люди, они похожи на пьяниц или чревоугодников, которых постоянно тянет к вину или к яствам. Причем страсть эта имеет свойство нарастать, она не имеет грани: «Ибо как эти (пьяницы. – В. К.), чем больше пьют вина, тем более распалют в себе жажду и тем сильнее разжигают огонь, так и предавшиеся сильной страсти к деньгам никогда не успокаиваются, но чем более получают, тем более в них поднимается пламень страсти»¹. «Сребролюбие есть ненасытность души, которая поглощает много, но никогда не удовлетворяется и постоянно мучается желанием. Нет такого обилия богатства, которое могло бы наполнить ненасытное чрево»².

Во-вторых, страсть любостыжания не относится к разряду врожденных (в отличие, например, от страсти гнева или похоти). Она приобретается уже в сравнительно взрослом состоянии. Однажды войдя в душу человека, эта страсть уже там поселяется надолго и всерьез: она «не врождена нам и не происходит от нашей природы; иначе она была бы в нас с самого начала; но в начале не было золота и никто не любил золота»³.

В-третьих, страсть любостыжания передается от человека к человеку, как заразная болезнь: «Каждый, соревнуя прежде жившим прежде его, увеличивал эту болезнь, а предшественник возбуждал страсть к приобретению в своем преемнике даже против его воли. Люди, как скоро видят светлые дома, множество полей, толпы слуг, серебряные сосуды, большое собрание одежд, – всячески стараются иметь еще больше, так что первые бывают причиною этого зла для вторых, эти для

¹ Иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, избранные творения. Собрание поучений. Т. 2. ТСП, 1993. С. 207.

² Там же. Т. 2. С. 262.

³ Там же. Т. 1. С. 39.

последующих. Между тем, если бы первые хотели жить скромно, то не были бы учителями для других»¹.

В-четвертых, страсть любостяжания связана с целым рядом других страстей и греховных чувств. Например, со страстью властвовать над другими людьми или с желанием чужого имущества, что, как известно, относится к одному из десяти основных грехов: «Любовь к богатству бесконечна, и чем дальше ты будешь идти, тем дальше будешь отстоять от конца, и чем больше будешь желать чужого, тем сильнее будут увеличиваться мучения»².

Христос не апеллировал ни к государственным деятелям, ни к «народным массам» с призывом изменить существующий социально-экономический строй (во времена Христа этот строй, мягко выражаясь, был несправедливым). И это, надеюсь, понятно сегодня и нам, живущим в стране, в которой был проведен неудачный социалистический эксперимент. Он был неудачным по очень простой причине: здание социализма пытались строить на песке неверия, которое стало питательной почвой для любостяжания. Да, мы жили достаточно скромно, но мы жили в затхлой атмосфере материализма, а такая атмосфера идеальна для размножения червей любостяжания. И эти черви стали поселяться в сердцах людей. Внешне все было пристойно, и с материалистической точки зрения даже внушительно. Но эта внушительность была внешней, а нутро нашего общественного организма было изъедено червями. Многие были готовы с радостью приветствовать новый, капиталистический строй «молодой России», рассчитывая, что потаенные мечты любостяжания наконец-то будут реализованы. Господь прямо предупреждал

¹ Там же. Т. 1. С. 39.

² Цит. по: Православное отношение к деньгам. М.: Дарь, 2006. С. 40.

каждого отдельно взятого человека против накопления капитала, то есть против индивидуального капитализма: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»¹. Из этих слов следует очевидный ответ на вопрос: как надо бороться с нынешним капитализмом? Не посредством подготовки очередной революции (лимит на революции в России вышел), а через очищение своих сердец, прежде всего очищение от страсти любостяжания.

Каждый из нас может внести свою лепту в борьбу со страстью любостяжания. Вот что по этому поводу пишет прот. Вячеслав Тулупов: «...Вина за то, что в мире утвердился культ золотого тельца, лежит на многих поколениях людей. В том числе и на вашем с нами поколении. Когда нас охватывает дух сребролюбия, это отражается и на наших близких. Беря с нас пример, они начинают подпадать под власть любостяжания. И наоборот, когда мы искореняем в себе страсть сребролюбия, тогда вносим свою лепту во всеобщую победу над поклонением идолу богатства»².

Христианская аскетика дает ответы на то, как бороться со страстями, в том числе со страстью сребролюбия, как предотвратить превращение денег из хорошего слуги в плохого хозяина, как противостоять денежному рабству³.

¹ Мф. 6, 19–21.

² Протоиерей Вячеслав Тулупов. Игольные уши, или О том, как стать нестяжательным. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2002. С. 13.

³ См.: Священник Павел Гумеров. Православная аскетика, изложенная для мирян. О борьбе со страстями / 2-е изд. М.: Сретенский монастырь, 2010; Православное отношение к деньгам. М.: Дарь, 2006; Протоиерей

Экономическая жизнь современного христианина: между «малым» и «большим» социумами

Вопрос о взаимоотношении религии и экономики – один из ключевых в современной России.

Во-первых, понимание этих взаимоотношений позволяет нам получить правильное представление о том обществе, в котором мы оказались. Собственно, этому и была посвящена данная работа. Самый общий вывод нашего рассмотрения, сделанный на базе православного мировоззрения: общество, в котором мы живем и которое называется капиталистическим, можно оценить как антихристианское общество.

Во-вторых, такое понимание необходимо для того, чтобы обеспечить России как минимум выход из нынешнего кризисного состояния, а как максимум – переход с капиталистического (антихристианского) пути развития на путь христианского развития. Сегодня много и красиво говорится о возрождении Святой Руси. Такое возрождение нужно и возможно. Но оно возможно лишь при условии отказа от капиталистического развития. Как Россия может быть святой, если ее экономика будет функционировать на антихристианских принципах и каждодневно заражать православный народ духом капитализма, духом антихриста?

Исследователь капитализма А. Г. Махоткин писал: «Код русской цивилизации – совесть. Код запад-

Вячеслав Тулупов. Игольные уши, или О том, как стать нестяжательным. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2002; Христианин и деньги. Нужны ли православному деньги и можно ли их честно заработать. Сборник статей. М.: Образ, 2007; Священник Александр Захаров. О богатстве и бедности. М.: Глагол, 2000.

ной цивилизации – выгода. Эти коды несовместимы и взаимоисключающи»¹. Несколько переиначивая эти слова применительно к нашему предмету – экономике, – можно сказать: «Код православной экономики – совесть. Код капиталистической экономики – выгода. Эти коды несовместимы и взаимоисключающи». Все попытки произвести синтез этих двух типов экономик так же бесплодны, как попытки синтезировать различные цивилизации². Имеющие сегодня место разговоры о «православном капитализме», «социальном капитализме», «народном капитализме», «кооперативном капитализме» сеют опасные для души христианина иллюзии о практической возможности синтеза капитализма и христианства, усыпляют его бдительность и лишают энергии борьбы. Истинный христианин не может бесконечно долго находиться в чуждой ему среде капиталистических отношений. Его христианский код может сломаться под воздействием жесткой капиталистической радиации, в его душе произойдет необратимая мутация.

Мы уже писали о том, что на протяжении большей части истории христианства характерной его чертой было наличие раздвоенности в сознании и повседневной жизни большей части тех людей, которые себя причисляли к христианам. В христианских странах Европы такая раздвоенность была присуща большей части населения с тех пор, как христианство стало в этих странах официальной религией, и до времен, когда началась Реформация, а в некоторых странах она продлилась еще на какое-то время. Суть раздвоенности проистекала из

¹ Махоткин А. Г. Анатомия капитализма. Советская альтернатива // Интернет. Режим доступа: http://www.kprf.org/showthread-t_2611.html

² Еще основатель учения о цивилизации Н. Я. Данилевский отмечал самобытность каждой цивилизации и невозможность синтеза различных цивилизаций (подобно тому, как не могут скрещиваться отдельные биологические виды).

того факта, что жизнь обычного взрослого и дееспособного христианина складывалась из двух частей.

Первая часть условно может быть названа церковной. В этой части (сфере) жизни христианин более или менее последовательно следует предписаниям христианской Церкви: молится, посещает храм в воскресные дни и в праздники, регулярно исповедуется и причащается, читает Евангелие (если он грамотный), крестит детей и совершает погребение усопших сродников в соответствии с установленными ритуалами, раздаст милостыню, совершает паломничества на Святую Землю и в другие святые места (это для наиболее религиозно настроенных членов Церкви), платит церковную десятину показывает иную благотворительность в пользу Церкви, поет на клиросе и иными способами помогает совершать службы в храме, рассказывает детям душеполезные истории и воспитывает их в христианском духе, оказывает родственникам помощь согласно христианской заповеди о любви к ближнему и т. д. Церковная жизнь захватывает личную (внутреннюю) жизнь христианина, а также распространяется на малый (узкий) круг его общения. Этот малый круг включает семью данного христианина, его близких родственников, друзей и знакомых (в первую очередь прихожан того храма, который посещает данный христианин), ближайших соседей. И это в основном все.

Вторая часть условно может быть названа внецерковной. Она охватывает большой (широкий круг) общения христианина. В значительной мере большой круг включает отношения, связанные с хозяйственной жизнью христианина. Первоначально большой круг был не очень широким, т. к. хозяйство было преимущественно натуральным. При общинном землевладении в этот круг включались трудовые и распределительные отношения

внутри общины (причем во многих случаях отношения внутри общины были похожи на семейные отношения, и их правомернее относить к малому кругу). Это также отношения между рабовладельцем и рабом (в раннем христианстве), отношения крестьянина с феодалом (по поводу трудовой повинности, натурального и денежного оброка с крестьян; в некоторых случаях в эти отношения входила также помощь со стороны феодала крестьянам в неурожайные годы), экономические отношения между феодалами разных иерархических уровней и монархом; отношения граждан с государственными чиновниками (налоги, прочие сборы, в некоторых случаях – получение государственной помощи) и т. д. По мере развития и углубления общественного разделения труда, развития товарно-денежных отношений большой круг расширялся и стал включать в себя отношения, в которых христианин выступал попеременно как продавец и покупатель различных товаров и услуг, причем часто его контрагентами были абсолютно ему незнакомые люди. К этому добавились отношения, связанные с получением и предоставлением кредитов, другими банковскими операциями; отношения купли-продажи рабочей силы (в которых один христианин выступал в качестве работодателя, а другой – наемного работника), отношения аренды и т. п. Все эти экономические отношения дополнялись судебными отношениями (судебные споры), которые приобретали все бóльшую роль в жизни христианина по мере расширения большого круга, участники которого были плохо между собой знакомы или вообще друг друга не знали.

Сегодня в рамках большого круга протекает не только бóльшая часть экономической жизни христианина. Там сосредоточена практически вся политическая жизнь. В традиционном обществе бóльшая часть

вопросов власти решалась в малом круге. Это была модель так называемой представительной демократии, при которой члены малого социума (общины, села, деревни, города) избирали местную власть из людей, которых знали лично. Затем представители местной власти отчитывались перед членами малого социума. При необходимости представители власти отзывались и заменялись другими.

Сегодня вся политическая жизнь протекает в большом круге, причем она (политическая жизнь) не только не организована по христианским принципам, но, наоборот, им противоречит. Это модель так называемой избирательной демократии, в которой царят обман, лицемерие, неумное властолюбие, алчность и т. д.

Короче говоря, отношения христианина внутри малого круга – его отношения с ближними. Здесь христианин старается соблюдать заповеди Бога и жить согласно церковным предписаниям. Отношения христианина внутри большого круга – его отношения с дальними. Христианская церковь всегда предписывала и предписывает, что у последователей Христа не должно быть деления на ближних и дальних, все должны быть ближними. Для того чтобы христианину было легче исполнять заповедь о любви к другим людям, которые оказались за пределами малого круга, она разрабатывала различные нормы хозяйственной этики. Однако большая часть христиан не смогли преодолеть столь высокую для них планку – относиться к дальним также, как они научились относиться к ближним.

Отсюда и возникло такое раздвоение христианского сознания и христианской жизни.

Примеров такого раздвоения более чем достаточно. В ранней христианской Церкви, например, некоторые христиане не стеснялись иметь рабов. Рабы, за редким

исключением относились не к близким, а к дальним, поэтому факт рабовладения не рассматривался как существенный грех. Лишь наиболее последовательные христиане того времени добровольно принимали решение о том, чтобы отпустить своих рабов на свободу. Церковь не пыталась активно бороться с рабством и ограничивалась осуждением фактов жестокого обращения с рабами. В средневековой Европе начинается закабаление крестьян феодалами, причем порой крепостная зависимость мало чем отличалась от рабской. Примечательно, что христианином был как феодал, так и зависимый крестьянин.

Еще один пример, который мы подробно рассматривали в нашей работе, – ростовщичество. Католическая церковь очень рьяно осуждала дачу денег в рост. Несмотря на эти осуждения, ростовщичество процветало в средневековой Европе. При этом ростовщичеством занимались не только евреи (ростовщическая деятельность которых осуждалась, но не преследовалась), но также лица, которые принадлежали к Католической церкви. Просто свое ростовщичество они не афишировали. В некоторых случаях Римский престол выводил таких ростовщиков из сферы действия своих запретов и ограничений (орден тамплиеров, банкиры Северной Италии). В ростовщических операциях были задействованы даже иерархи Католической церкви – не только как заемщики, но и как кредиторы.

Эту раздвоенность христианской жизни в свое время обличал в своих ярких проповедях св. Иоанн Златоуст. Русские христианские мыслители (А. С. Хомяков, В. С. Соловьев) также обращали внимание на эту противоречивость христианства. Исследователь хозяйственной этики христианской Церкви Н. В. Сомин, говоря о раздвоении христианской жизни в Римской империи, –

как Западной, так и Восточной (Византии), подчеркивал, что экономика империи оставалась языческой: «Но императоры, хотя и были в большинстве своем искренне православными, вовсе не собирались выстраивать социум по заповедям Христовым. Экономика остается вполне языческой. Рабство хотя и смягчается, но остается легитимным институтом вплоть до падения Византии (1453). Рабов имеют все слои населения – от крестьян до епископов. Процветает зависимость крестьян от землевладельцев, причем формы этой зависимости становятся все более кабальными. Расслоение на бедных и богатых ничуть не меньше, а даже больше, чем в окружающих Империю языческих странах.

Налицо двойственная ситуация. С одной стороны, христианство господствует, Церковь занимает самое почетное место, страна называет себя христианской империей, развивается высокое богословие и процветает практика монастырского аскетизма. Учение Христово проповедано каждому и стало господствующей идеологией. Но с другой стороны, социальная сфера остается непросветленной, фактически языческой. Христианство не подчиняет себе всю жизнь человека. Оно обитает в храмах и монастырях, оплодотворяет культуру, но повседневная экономическая жизнь, социум остаются не только не воцерковленными, но существуют в дохристианском состоянии»¹.

Как пишет Сомин, на протяжении многих веков раздвоение христианской жизни существовало в виде «своеобразного паритета храмового христианства и экономического язычества». Однако со временем возникли предпосылки для нарушения этого паритета. Под

¹ Сомин Н. В. Трансформация общества: очерк христианской социологии // Интернет. Режим доступа: http://www.chri-soc.narod.ru/transformacia_obshestva.htm

влиянием развития производительных сил и углубления общественного разделения труда сфера экономики стала занимать все большее место в жизни человека. Центр жизни человека постепенно переходил из малого круга в большой, в котором господствовали не христианские, а языческие принципы жизни. Человек большую часть времени стал проводить не в малом, а большом круге.

Обстоятельством, усилившим раздвоенность жизни христианина, стало широкое внедрение в его жизнь денег, которые привели к окончательному *обезличиванию экономических отношений* между людьми. В малом круге отношения чаще всего безденежные и основаны на прямом общении людей. В большом круге – отношения преимущественно денежные и безличные. Например, сегодня человек как потребитель товаров отделен длинной цепочкой различных посредников от производителя товаров (раньше они общались напрямую). Кстати, на обезличивание хозяйственных отношений при капитализме обратил внимание М. Вебер: «Чем больше космос современного капиталистического хозяйства (то есть большого круга. – В. К.) следовал своим имманентным закономерностям, тем невозможнее оказывалась какая бы то ни было мыслимая связь с этикой религиозного братства (то есть малого круга. – В. К.). И она становилась все более невозможной, чем рациональнее и тем самым безличнее становился мир капиталистического хозяйства»¹.

Дополнительным фактором обезличивания экономических отношений становится то, что человек в большом круге общается преимущественно не с людьми, а *юридическими лицами*; последние в своей хозяйствен-

¹ Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 14.

ной деятельности руководствуются не этическими нормами, а юридическими. Юридическое лицо лишено таких нравственных ориентиров, как любовь, сострадание, взаимопомощь; у юридического лица по определению нет совести и страха Божия.

Обезличивание (расчеловечивание) экономических отношений достигает своего апогея на финансовых рынках, где отдельно взятому участнику рынка противостоят тысячи или даже миллионы других невидимых участников. Такой участник фактически общается не с людьми, а с цифрами, отображающими рыночные котировки валюты или ценных бумаг. Развитие товарно-денежных отношений ведет к сужению малого круга и стремительному расширению большого круга. Обезличивание экономических отношений и вытекающее отсюда отчуждение способствовали и способствуют атрофии нравственных чувств человека, в большом круге он не только не проявляет любви, жертвенности, сострадания к другим людям, но, наоборот, культивирует в себе чувства противоположного свойства: жестокость, безжалостность, алчность.

Это неизбежно ослабляло и ослабляет христианский дух человека.

В своей социальной энциклике «*Centessimus Annus*» Папа Иоанн Павел II достаточно четко обозначил отношение Ватикана к жизни католиков в большом круге: «У современной деловой экономики есть положительные стороны. Основа ее – свобода человека, осуществляемая в экономической сфере»¹. Это означает, что экономическая сфера выведена за пределы сферы действия христианских заповедей и этических норм,

¹ *Centessimus Annus* // 100 лет христианского социального учения. М.: Дом Марии, 1991. С. 46.

в современной деловой экономике католик позволил себе полностью эмансипироваться от Бога.

Христианин хорошо помнит, с чего начинается одна из самых важных книг Священного Писания – Псалтирь: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых, и не стоит на пути грешных, и не сидит на собрании развратителей» (Пс. 1, 1). Большой круг, или социум с его антихристианскими законами капитализма, – это и есть тот самый совет нечестивых и то самое собрание развратителей, от общения с которыми псалмопевец Давид страстно призывал воздерживаться благочестивых мужей. Слова этого псалма сразу же стали заповедью для благочестивых евреев. Однако со временем она стала забываться и нарушаться. Затем эта заповедь была воспринята христианами. Однако со временем и христиане стали забывать и нарушать ее. В результате сегодня и евреи, и христиане стали заложниками совета нечестивых и собрания развратителей и вынуждены проводить большую часть своей жизни на этом совете и на этом собрании. Еврей лишь в субботу, а христианин лишь в воскресенье отдыхают от совета и собрания, наивно полагая, что этого достаточно для того, чтобы оставаться правоверным иудеем и правоверным христианином. Впрочем, если для иудея эта двойная жизнь стала уже вполне привычной (она продолжается примерно 25 веков), то для православного христианина в России она является достаточно новой ситуацией; она стала источником внутренних душевных переживаний, толкающих его на поиск преодоления своей раздвоенности.

О преодолении раздвоенности

По большому счету, у русского человека было два пути преодоления своей раздвоенности.

Путь «сверху» – посредством преобразований большого социума на христианских принципах (равенства, справедливости, общественной собственности, обязательности труда и т. д.); это путь революционных преобразований.

Путь «снизу» – восстановление малых социумов, базирующихся на христианских принципах, и перемещение жизни христианина из большого социума в малый; это путь эволюционных преобразований.

После того как Россия встала на путь капиталистического развития, малые социумы начали разрушаться. Наиболее верующая и думающая часть русского общества осознавала те угрозы, которые таил в себе этот путь развития. Она делала все возможное для того, чтобы не допустить распада малых социумов, и предлагала проекты создания новых типов малых социумов. Некоторые из таких проектов практически реализовывались. Немалую лепту в разработку и практическую реализацию проектов малых социумов внесли русские предприниматели, экономисты и помещики Н. Н. Неплюев, С. Ф. Шарапов, А. Н. Энгельгардт и многие другие.

Однако паритет храмового христианства и экономического язычества все больше нарушался в пользу экономического язычества (капитализма). В немалой степени именно это привело к событиям октября 1917 года – стихийной попытке преодоления русским народом своей раздвоенности «сверху» и революционным путем.

Раздвоенность христианской жизни всегда была и в России. Но по сравнению с европейцами у русского человека бóльшая часть жизни приходилась на малый круг, поэтому раздвоенность не носила критического характера. Особенно у крестьянина, который жил и трудился в сельской общине, которая по сути и была его малым кругом. Ярко выраженная раздвоенность на-

блюдалась у элиты русского общества, особенно той ее части, которая соприкасалась с Западом, где уже развивался капитализм со всеми его соблазнами. В XIX веке у части элиты раздвоенность исчезла полностью: в результате постоянного пребывания в большом круге западной капиталистической цивилизации она утратила всякие связи с Православной Церковью и стала исповедовать атеизм и материализм. Но даже к 1917 году Россия оставалась преимущественно некапиталистической страной (несмотря на быстрое развитие капитализма после отмены крепостного права). 85% всего населения страны составляли крестьяне, которые продолжали трудиться семейно, на общинных землях (несмотря на реформы Столыпина, который стремился перевести деревню с общинного ведения хозяйства на капиталистическое). Даже по завышенным оценкам, численность наемных работников не превышала 20% трудоспособного населения страны. Именно отсутствие необходимых социально-экономических, а главное – религиозно-духовных предпосылок для капитализма привело к тому, что Россия после неудавшейся буржуазной революции в феврале 1917 года неожиданно повернула в сторону социализма после революции Октябрьской. Русский народ с подорванным, но не до конца уничтоженным православным сознанием из двух зол – Февраля 1917 года и Октября 1917 года – выбрал второе. Созвучную мысль об этом выборе русского народа в 1917 году я нашел у талантливого отечественного ученого А. Г. Махоткина (1946–2008): «Острота антикапиталистического накала, проявившегося в ходе Октябрьской революции и Гражданской войны, была обусловлена не столько удельным весом капиталистических отношений в экономике России, сколько их органической несовместимостью с русской традицией, с самими основаниями русской цивили-

лизации, явной гибельностью капиталистических начал для традиционной народной жизни. Октябрь 1917 года стал ответом русской цивилизации на смертельную угрозу со стороны капитализма – ответом, облеченным в мифологию диктатуры пролетариата»¹.

Сегодня, спустя почти столетие, ситуация в России изменилась радикальным образом. Из крестьянской (деревенской) страны она стала городской. Сельская община ушла в небытие. Семьдесят лет атеизма привели к тому, что большинство населения сегодня лишь формально называет себя православным, а фактически от Церкви очень далеко. Подавляющая часть жизни современного жителя России (даже православного, даже воцерковленного) приходится на большой круг. Малый круг, как шагреновая кожа, сжался до пределов семьи. К сожалению, даже семья сегодня сплошь и рядом оказывается неполной и ущербной. К тому же ее пытаются окончательно разрушить разные «ювенальщики» и специалисты по планированию семьи.

Но для того чтобы жизнь человека в экономической сфере была воцерковлена, необходимо прежде всего определить, каков *христианский идеал хозяйственной жизни*. Мы уже отмечали, что в истории христианства существовало несколько *парадигм хозяйственной жизни*: «святоотеческая», «умеренная», «протестантская». Под парадигмой хозяйственной жизни понимается выработанное Церковью и принимаемое всеми ее членами (или большинством членов) представление о нормах христианской этики в сфере имущественных, трудовых и товарно-денежных отношений. Идеалом христианской хозяйственной жизни является «святоотеческая»

¹ Махоткин А. Г. Анатомия капитализма. Советская альтернатива // Интернет. Режим доступа: http://www.kprf.org/showthread-t_2611.html. См. также: Махоткин А. Г. Преодоление капитала. СПб.: Серебряный век, 2006.

парадигма¹. Однако христианство от нее постепенно отходило, перейдя сначала к «умеренной» парадигме, а затем – к «протестантской». Такой переход произошел даже в католицизме, а сегодня он наметился также в православии. Поэтому в России, если она действительно хочет возродиться как Святая Русь, необходимо не допустить скатывания к «протестантской» парадигме (задача-минимум) и вернуться от «умеренной» парадигмы (де-факто существующей на сегодняшний день) к парадигме «святоотеческой».

Одна из серьезных потерь нашей Церкви заключается в том, что «святоотеческая» парадигма хозяйственной жизни, о которой мы говорили выше, почти начисто забыта (а может быть, сознательно кем-то скрыта).

Следует вернуть нынешнему поколению христиан незаслуженно сданное в архив наследие святых отцов Церкви. В этом наследии содержатся прямые указания, как нам, живущим в XXI веке, подобает относиться к богатству и бедности, труду, деньгам, благотворительности и милостыне, собственности общественной и частной и многому другому, что составляет материальную сферу человеческой жизни.

¹ См.: Зейпель И. Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви. М., 1913; Экземплярский В. И. Учение древней Церкви о собственности и милостыне, Киев, 1910; Эрн В. Христианский идеал хозяйства // Эрн В. Христианское отношение к собственности. М., 1906. (Статья имеется также в следующем источнике: Большая энциклопедия русского народа. Русское хозяйство. М.: Институт русской цивилизации, 2006.); Булгаков С. Н. Два града. М., 1911. (Выдержка из этой книги под названием «Христианское хозяйство» приведена в следующем источнике: Большая энциклопедия русского народа. Русское хозяйство. М.: Институт русской цивилизации, 2006.); Антонов М. Ф. Этико-экономическое учение святых отцов // Православная Тверь. 1996, №1–8; Архимандрит Иероним (Я. В. Тестин). Развитие этико-экономического учения Церкви // Интернет. Режим доступа: http://itestin.narod.ru/clauses-ie-1_1.html; Сомин С. Н. Социальные идеи Ветхого и Нового Заветов. Курс лекций // Интернет. Режим доступа: http://www.chri-soc.narod.ru/soclect_main.htm

Представление о «святоотеческой» парадигме следует также черпать из практического многовекового опыта христианской жизни. Первым таким опытом было создание апостолами *христианской общины в Иерусалиме*, о чем мы узнаем из Деяний апостолов, а также из трудов святых отцов раннего христианства¹. Иоанн Златоуст говорил об этом первом христианском проекте малого социума: «Когда апостолы начали сеять слово благочестия, тотчас обратились три тысячи, а потом пять тысяч человек, и у всех них *бе сердце и душа едина*. А причину такого согласия, скрепляющею любовь их и столько душ соединяющею в одно, было презрение богатства. *Ни един же*, говорится, *что от имений своих глаголаше свое быти, но бяху ин вся обща* (Деян. 4, 32). Когда был исторгнут корень зол – разумею сребролюбие, – то превзошли все блага и они тесно были соединены друг с другом, так как ничто не разделяло их. Это жестокое и произведшее бесчисленные войны во вселенной выражение *мое и твое* было изгнано из той святой церкви, и они жили на земле, как ангелы на небе: ни бедные не завидовали богатым, потому что не было богатых, ни богатые не презирали бедных, потому что не было бедных, *но бяху им вся обща: и ни един же что от имений своих глаголаше быти*; не так было тогда, как бывает ныне. Ныне подают бедным имеющие собственность, а тогда было не так, но, отказавшись от обладания собственным богатством, положив его пред всеми и смешав с общим,

¹ См.: Зейпель И. Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви. М., 1913; Эрнст фон Добшюц. Древнейшие христианские общины. Культурно-исторические картины // Раннее христианство. Т. 1. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001; Макарец В. С. Общая собственность в Церкви. Особенности Апостольской Иерусалимской общины, или идеал для Церкви во все времена // Интернет. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/1684219.html>

даже и незаметны были те, которые прежде были богатыми, так что, если какая может рождаться гордость от презрения к богатству, то и она была совершенно уничтожена, так как во всем у них было равенство и все богатства были смешаны вместе»¹.

После опыта иерусалимской христианской общины появился богатейший опыт организации монастырского хозяйства – на Востоке, в Западной Европе, в России². Далее последовал опыт хозяйственной жизни крестьянских общин³, артелей⁴ и «трудовых братств»⁵ в России. Нетрудно заметить, что практическая реализация «святоотеческой» парадигмы нигде не была осуществлена в масштабах всей страны (всего государства) – так называемого большого социума. Однако на уровне малых социумов – монастырской общины, крестьянской общины, артели или «трудового братства» – это сделать удавалось. Каждый из перечисленных типов малого социума заслуживает того, чтобы о нем писать отдельную книгу. Практический опыт по организации жизни христианства в рамках малого социума – богатейший. Причем чем больше размеры малого социума – тем ощутимее его позитивное влияние на жизнь большого социума.

Несмотря на некоторые специфические особенности отдельных видов хозяйственных малых социумов,

¹ Иоанн Златоуст. Собрание сочинений... Т.III. С. 257–258.

² См.: Антонов М. Ф. Монастырское хозяйство // Большая энциклопедия русского народа. Русское хозяйство. М.: Институт русской цивилизации, 2006.

³ См.: Платонов О. А. Община // Большая энциклопедия русского народа. Русское хозяйство. М.: Институт русской цивилизации, 2006.

⁴ См.: Платонов О. А. Артель // Большая энциклопедия русского народа. Русское хозяйство. М.: Институт русской цивилизации, 2006.

⁵ См.: Авдасев В. Н. Трудовое братство Н. Н. Неплюева, его история и наследие // Интернет. Режим доступа: http://chri-soc.narod.ru/av_trudovoe_bratstvo.htm.

все они преодолевали присущее капитализму разъединение работников и средств производства. Труд переставал носить характер наемного, становился свободным и творческим. Соответственно, продукт труда, произведенный в рамках малого социума, являлся совместной собственностью всех членов трудового коллектива. Наконец, распределение продукта труда между членами коллектива происходило на основании принципа справедливости (это могло быть уравнительное распределение или в соответствии с трудовым вкладом каждого члена коллектива). Все это освещалось духом христианской любви и христианской верой – неизменным атрибутом всех этих малых социумов...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ НЕМЫСЛИМО БЕЗ ДУХОВНОГО

Безусловно, для практической реализации «святоотеческой» парадигмы в масштабах «большого социума» необходим очень высокий уровень воцерковленности населения страны; в любом случае внедрение «святоотеческой» парадигмы в жизнь должно происходить не сверху, а снизу, и постепенно. То есть через создание истинно христианских хозяйственных ячеек, или общин, через все больший охват населения страны такими ячейками. Таким образом, в жизни каждого христианина должно меняться соотношение малого и большого круга в пользу малого. В пределе малый круг должен слиться с большим кругом.

С учетом сказанного можно предложить следующий алгоритм восстановления России как Святой Руси через христианизацию ее хозяйственной жизни.

Первый шаг. Преодоление опасной тенденции к скатыванию нашей Церкви к «протестантской» парадигме хозяйственной жизни путем раскрытия ее антихристианской сущности. Одновременно восстановление «святоотеческой» парадигмы хозяйственной жизни, включение ее в качестве важнейшей части в социальную доктрину Русской Православной Церкви (РПЦ), преобразование социальной доктрины в *социально-экономическую доктрину РПЦ*.

Второй шаг. Формирование сознания христиан на основе социально-экономической доктрины РПЦ всеми доступными средствами: через высшее духовное образование, миссионерскую и катехизаторскую работу; проповеди и другие формы работы в приходах. Параллельно должна продолжаться работа по разъяснению среди христианского сообщества идеи, что ныне господствующая в России экономическая модель (капитализм) по своей сути не только не соответствует христианским идеалам, но по своей сути является антихристианской; это активизирует переход христианского сообщества к третьему этапу христианизации хозяйственной жизни в России.

Третий шаг. Создание христианских хозяйственных ячеек на основе социально-экономической доктрины РПЦ и с учетом исторического опыта в этой области; распространение и пропаганда соответствующего опыта во всем православном сообществе. Подготовка условий для практического внедрения «святоотеческой» хозяйственной парадигмы в масштабах всей России (это могло бы стать четвертым шагом, но перспектива такого шага столь отдаленная, что мы об этом сейчас даже не будем говорить).

Полагаю, что беда многих наших православных экономистов, политологов и социологов в том, что они предлагают начать преобразование и возрождение России сразу в масштабах большого социума. Выдвигаются очень интересные проекты православной экономики, в которых порой очень детально прорабатываются отдельные элементы модели организации хозяйственной жизни России. Не умаляя профессиональных знаний и талантов авторов таких проектов и моделей, отметим их общий недостаток: они действуют по принципу «все и сразу», к тому же экономические преобразования, по их замыслу, должны начинаться «сверху». Выражаясь

языком современной экономической науки, подобные проекты базируются на *макроэкономическом* подходе к преобразованиям. А это уже социальные утопии. По нашему мнению, сегодня единственно реальным может быть лишь *микроэкономический подход*.

В качестве примера проекта, базирующегося на макроэкономическом подходе, можно назвать предложения по преобразованию российской экономики под названием «Русская доктрина (Сергиевский проект)»¹. Этот довольно хорошо разрекламированный проект предполагает использовать в качестве главного рычага экономических преобразований России государство (подробно формулируются предложения в области инвестиционной, бюджетной, денежно-кредитной, налогово-бюджетной, валютной и внешнеэкономической политики государства). Следовательно, все реформы, как мы уже привыкли, должны исходить «сверху». Впрочем, у данного проекта есть еще более серьезный недостаток. В первых его частях провозглашается, что все преобразования должны осуществляться на основе православного мировоззрения и традиционного опыта России. Однако на 120 страницах экономического раздела работы авторы умудрились обойти стороной ключевой вопрос: на основе какой экономической парадигмы христианства они предлагают экономические преобразования? Внимательный анализ экономического раздела показывает, что, скорее всего, речь идет о некоей модели «социального капитализма»,

¹ Русская доктрина (Сергиевский проект). М.: Центр динамического консерватизма, Фонд «Русский предприниматель», 2005. Экономическим преобразованиям посвящена часть IV «Русское хозяйство». Авторами и членами редколлегии указанного издания являются: В. В. Аверьянов, А. И. Анисимов, И. Л. Бражников, Я. А. Бутаков, П. В. Калитин, А. Б. Кобяков, В. А. Кучеренко, Е. С. Холмогоров, К. А. Черемных. В подготовке раздела «Русское хозяйство» участвовали также эксперты: С. И. Гавриленков, С. А. Егишянц, М. В. Леонтьев, С. П. Макаров, А. Ф. Самохвалов, М. Л. Хазин, В. Е. Хомяков.

которая сегодня, к сожалению, находит поддержку даже в Московской Патриархии РПЦ. То есть по умолчанию авторы проекта используют хозяйственную парадигму «протестантской этики».

Наши «православные» экономисты, а также не менее «православные» «эксперты» при Московской Патриархии пытаются всячески предать забвению «святоотеческую» хозяйственную парадигму (а может быть, она им неизвестна?). Если социальным идеалом в рамках «протестантской» парадигмы является капитализм (слово «социальный» принципиально ничего не меняет), то социальный идеал в рамках «святоотеческой» парадигмы – социализм. И здесь необходимо уточнить: «христианский социализм», чтобы его не путать с марксистским социализмом. *Христианский социализм (он же – православный социализм) одинаково несовместим как с капитализмом (как бы его ни называли: социальный, государственный, рыночный, государственно-монополистический и т. п.), так и с марксистским социализмом (он же – атеистический социализм).*

Вот как Вячеслав Макаревич определяет принципиальное отличие христианского (православного) социализма от марксистского (атеистического) социализма: «Критики православного социализма чаще всего обвиняют православных социалистов в том, что они в случае начала его построения в России рано или поздно прибегнут к насильственному обобществлению имущества. Здесь имеет место нежелание увидеть различие между социализмом атеистическим и православным. Если в основе атеистического социализма лежит “диктатура пролетариата”, то основой православного социализма является страх Божий, любовь к Нему и к ближнему. А любовь, по слову апостола, “долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордит».

ся, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит” (1 Кор.13, 4–7)». Одним словом, любовь совершенно исключает насилие над волей человека. В православном социализме предполагается лишь “диктатура” любви. И “пролетариат” православного социализма – это все те, кто желает идти под главою Христа дорогою, которую проложила Новорожденная Церковь, где “все... верующие были вместе и имели все общее... продавали имущества и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого” (Деян. 2, 44, 45)»¹.

Для того чтобы христианский социализм появился в России, не надо совершать никаких революций и свергать правительства. Он может зародиться невидимо и развиваться постепенно. Христианская община, живущая по заповедям Божиим, – это уже Царствие Божие, ибо здесь Христос, и Он управляет этим малым стадом. Мы помним слова Спасителя: «Вот, Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 21). Это Царствие Божие приходит неприметным образом, как это сказано в притчах о закваске и о семени горчичном (Мф. 13, 31–33). Точно также появляется христианский социализм – в виде малых социумов типа православного трудового братства. Эти малые социумы будут расти подобно тесту из евангельской притчи о закваске: люди добровольно будут присоединяться к православным трудовым общинам. Нам ничего здесь не надо придумывать: за образец малых социумов можно взять Православное трудовое братство Н. Н. Неплюева. Устав этого братства исключал возможность насильственного присоединения человека к нему или на-

¹ Макарец В. Православный социализм как альтернатива «глобализации по-американски» // Интернет. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2011/05/25/pravoslavnyj_socializm_kak_alternativa_globalizacii_poamerikanski/.

сильственного удержания в нем уже вступивших людей. Устав предусматривал возможность добровольного выхода, а также исключения из братства. В случае выхода человека из братства ему возвращалась причитающаяся часть имущества. Кстати, за все время существования Православного трудового братства Неплюева не было ни одного случая выхода из него.

В какой-то момент времени малые социумы могут слиться в один большой социум – Единую православную трудовую общину, которая и станет практическим воплощением христианского социализма в масштабах всей России. Для того чтобы воссоздавать Святую Русь, надо постоянно держать в уме и сердце, что дух христианства должен существовать не только в малом круге (задача-минимум), но также и в большом круге человеческой жизни (задача-максимум). А большой круг – это прежде всего *общенациональная экономика*. Н. В. Сомин совершенно справедливо пишет: «Христиане должны всегда и везде жить по-христиански, и обязательно сфера экономико-хозяйственная должна быть воцерковлена, иначе... мамона вытеснит Христа»¹. Малые социумы должны постоянно расти, приближая нас к цели создания большого христианского социума.

Святитель Иоанн Златоуст прямо говорит о том, что жизнь христиан по образу той, что имела место в иерусалимской апостольской общине, будет самой эффективной миссионерской деятельностью, будет той закваской, которая преобразит все общество: «Но если бы мы сделали опыт, тогда отважились бы на это дело. И какая была бы благодать! Если тогда, когда не было верных, кроме лишь трех и пяти тысяч, когда все по всей вселенной были врагами веры, когда ниоткуда не ожидали утешения, они столь смело приступили к это-

¹ Там же.

му делу, то не тем ли более это возможно теперь, когда, по благодати Божией, везде во вселенной пребывают верные? И остался ли бы тогда кто язычником? Я, по крайней мере, думаю, никто: таким образом мы всех склонили бы и привлекли бы к себе»¹.

В рамках нашей книги была сделана скромная попытка решить лишь небольшую часть тех задач по христианизации хозяйственной жизни в России, которые сформулированы выше. А именно, показать антихристианскую сущность ныне господствующей в России капиталистической экономики, в которую оказались втянутыми в той или иной степени все христиане – независимо от их социального статуса, степени воцерковленности и места, занимаемого в Церкви (прихожане, священники, монашество, епископат). Хотелось бы верить, что данная работа заставит хотя бы некоторых читателей задуматься о сегодняшнем бытии в условиях враждебного христианству капиталистического окружения и начать предпринимать усилия по преодолению существующей раздвоенности христианского сознания и христианской жизни.

¹ Иоанн Златоуст. Собр. соч. Т.IX. Книга 1. Беседа XI.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Концепция деятельности Русского экономического общества им. С. Шарапова

В начале 2012 года в Москве инициативной группой православных граждан было принято решение о создании общественной организации «Русское экономическое общество им. С. Шарапова». Сделан лишь первый шаг.

Русскому экономическому обществу им. С. Шарапова (далее – Общество) как только что родившейся организации, предстоит решить ряд ключевых задач: определить цели, основные направления, принципы и основные методы деятельности. Со временем все это найдет свое отражение в Уставе и Программе Общества. Осознавая сложность указанных задач и понимая, что они не могут быть реализованы в короткие сроки, предлагаем на первых порах руководствоваться временным документом, который может быть назван «Концепция деятельности Русского экономического общества им. С. Шарапова» (далее – Концепция). Основные положения Концепции сводятся к следующему:

Предпосылки и причины создания Общества

Российское общество уже на протяжении двух десятилетий существует в совершенно новых (по сравнению с советским периодом истории) условиях. Должного

осмысления того, что собой представляет наше сегодняшнее общество, до сих пор нет. В том числе нет глубокого понимания и внятного объяснения экономической жизни как важнейшей составляющей российского общества. Равно как нет адекватного понимания и объяснения того экономического порядка, который сложился на сегодняшний день в мире и который в значительной мере определяет жизнь нашего общества.

Свои представления об экономике в мире и в России гражданин Российской Федерации вынужден черпать из таких источников, как средства массовой информации, учебники по экономике, научно-популярная и специальная экономическая литература, лекции в высших учебных заведениях (которые преимущественно базируются все на тех же учебниках). Несмотря на многообразие источников информации, в Российской Федерации сложилась монополия на объяснение того, что такое экономика, каковы законы и механизмы ее функционирования, каково ее место в индивидуальной жизни человека и общества в целом, какие требования предъявляет современная экономика к человеку и т. п. В первом приближении это монопольное представление об экономике можно назвать экономическим либерализмом. Экономический либерализм ошибочно относят к одному из направлений научной мысли. На самом деле к науке он не имеет ни малейшего отношения, представляя собой идеологию, активно и агрессивно навязываемую русскому человеку. Идеология экономического либерализма чужда русскому человеку, разрушает его внутреннюю самобытность, подрывает нашу государственность, способствует превращению России в колониальный придаток стран Запада.

Главное же – экономический либерализм нацелен на формирование определенного типа религиозного созна-

ния, чуждого православию. Фактически речь идет о религии денег, сознательном поклонении мамоне. С нашей точки зрения, экономический либерализм в виде так называемого экономического образования, экономической науки, экономических знаний наносит нашей Церкви и православию ущерб больший, чем все секты вместе взятые. Все это предопределяет актуальность формирования альтернативного экономического мировоззрения и активного его распространения в российском обществе.

Главная цель деятельности Общества

Итак, главной целью деятельности Общества является формирование альтернативного экономического мировоззрения и активного его распространения в российском обществе. Вместе с тем следует уточнить: на сегодняшний день существует несколько альтернативных взглядов на экономику. Например, взгляд, базирующийся на марксизме, который доминировал в нашем обществе на протяжении семидесяти лет и в конечном счете привел нашу страну к коллапсу.

Напомним, что Русское экономическое общество им. С. Ф. Шарапова создано в рамках духовно-просветительской организации «Переправа», духовным и нравственным ориентиром которой является православие. Очевидно, что и наше Общество может действовать только в рамках православия. Поэтому *главной целью Общества является формирование православной альтернативы, православного представления об экономике.*

Формирование такого представления предполагает прежде всего возвращение русскому человеку того богатейшего духовного и интеллектуального наследия, которое на протяжении многих веков накапливалось в христианском мире. К такому наследию относятся:

1. Труды святых отцов по вопросам богатства, бедности, труда, милостыни, денег и иным аспектам хозяйственной жизни. Среди них особое место занимают труды святителей Иоанна Златоуста, Василия Великого, Климента Александрийского, Симеона Нового Богослова.

2. Труды русских богословов и философов дореволюционной России. Особое место среди них занимали славянофилы, которые наиболее последовательно определяли место хозяйственной жизни в обществе, формулировали социальный и экономический идеал христианской жизни, последовательно критиковали и обличали западные богословские и философские взгляды на экономику, западные теории капитализма.

3. Труды русских мыслителей и практиков, непосредственно относящиеся к устройству хозяйственной жизни России. Среди них – И. Посошков, М. Ломоносов, С. Шарапов, А. Нечволодов, Н. Данилевский, В. Кокорев, Д. Менделеев, П. Оль, А. Шипов, Ф. Чижов, А. Энгельгардт, Г. Бутми, А. Щербатов и многие другие.

Таким образом, Общество не собирается «изобретать велосипед», его цель – вспомнить хорошо забытое мировоззрение наших православных предков по вопросам хозяйственной жизни.

Задачи деятельности Общества

Формирование православного взгляда на экономику как главная цель деятельности Общества, в свою очередь, предполагает решение следующих конкретных задач:

1. Формирование представления о православном идеале экономики.

2. Оценка и критика с позиций православия нынешней капиталистической модели экономики, господствующей в мире и в России.

3. Оценка и критика нехристианских альтернатив современному капитализму.

4. Разработка предложений о выходе России из нынешнего тяжелого экономического состояния с учетом исторического опыта нашей страны и других стран.

5. Разработка предложений по организации хозяйственно-трудовой жизни православных людей на местах на основе отечественного и зарубежного опыта.

6. Распространение православных представлений об экономике в нашем обществе, противодействие разрушающему действию на русского человека идеологии экономического либерализма (религии денег).

Особо хотелось бы сказать о первой задаче. Мы понимаем, что наше общество больно, в том числе в духовно-нравственном смысле. Поэтому о практическом воплощении христианского идеала экономики в жизнь речи быть не может. Современный человек (независимо от его вероисповедания, образования, убеждений и т. п.) большую часть своей жизни проводит в сфере экономики – как работник и работодатель, как продавец и покупатель, как кредитор и заемщик, как производитель и потребитель и т. д. Да и мысли у современного человека сегодня также в основном имеют «экономическую» направленность. Даже человек, считающий себя православным (крещеный, регулярно посещает храм, исповедуется и причащается и т. д.), незаметно для себя самого становится «человеком экономическим» (*homo economicus*), поклонником мамоны.

Имея перед глазами идеал христианской экономики, русский человек будет понимать, насколько греховной является наша сегодняшняя экономическая жизнь. Без такого идеала и ориентира у современного человека вряд ли появится чувство покаяния, а без покаяния, как известно, никакого преображения человека не произойдет. Без

этого все наши проекты преобразования экономики будут подобны безрассудным попыткам строить дом на песке.

Формы и способы деятельности Общества

1. Реализация цели и задач (пункты 1–5) Общества осуществляется посредством проведения исследований приоритетных тем, подготовки отчетов (докладов) по результатам исследований и их обсуждения на общих собраниях членов Общества.

2. Список приоритетных тем в виде плана-графика на очередной календарный год обсуждается и утверждается общим собранием Общества.

3. Обсуждение отчетов (докладов) по результатам исследований осуществляется на общих собраниях Общества на основе плана-графика и Регламента обсуждений.

4. Для реализации задачи п. 5 Общество может опираться на общины, с которыми АНО «Переправа» уже имеет устойчивые связи. Такие общины могли бы стать полигонами для практической апробации результатов исследований Общества.

5. Реализация задачи п. 6 осуществляется посредством размещения результатов исследований в информационных органах АНО «Переправа»: сайтах «Переправа» и «Наше дело», журналах «Переправа» и «Наше дело». Также целесообразно распространять результаты исследований Общества, используя иные средства массовой информации, а также осуществляя публикацию монографий, учебных пособий, сборников выступлений и т. п.

6. Реализация задачи п. 6 также осуществляется путем организации обучения молодежи силами членов Общества по программам, одобренным общим собранием Общества. В рамках Общества целесообразно создание молодежной секции, в рамках которой могло бы быть ор-

ганизовано обучение по ключевым проблемам экономики с позиций православия.

7. Члены Общества должны обеспечивать продвижение идей Общества по месту своей работы (преподавание, издательская, общественно-политическая, предпринимательская деятельность и т. д.).

Организационные вопросы

1. Общество входит в состав АНО «Переправа» и не является юридическим лицом.

2. Деятельность Общества не должна противоречить уставу и принципам АНО «Переправа», вместе с тем Общество имеет автономный статус.

3. Руководство Обществом осуществляет Председатель, который избирается общим собранием.

4. Обсуждение результатов исследований на общих собраниях происходит на основе утвержденного Регламента.

5. Общие собрания проводятся на основе Плана работы Общества на очередной календарный год.

6. Членами Общества могут быть граждане России и других стран православного вероисповедания. Иные граждане допускаются в Общество в качестве наблюдателей (или кандидатов в члены).

7. Через определенный период времени, когда Общество накопит опыт работы, данная Концепция будет заменена Уставом и Программой деятельности Общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенсон А. Фактор сионизма: влияние евреев на историю XX века. М.: Русский вестник, 2001. С. 184–186.
2. Гэлбрейт Дж К. Экономика невинного обмана: правда нашего времени. М.: Европа, 2009.
3. Гэффин М., Титова Г., Харрисон Ф. За кулисами становления экономических теорий. От теории к коррупции. СПб.: Б.&К., 2000.
4. Ефимов В. А. Экономическая азбука. Для участников производительного труда и домохозяек, для студентов и школьников, для министров экономики и финансов // Интернет. Режим доступа: <http://kob-media.ru/?p=9924>
5. Иванов С. Экономика как реакционная лже-наука // Интернет. Режим доступа: <http://www.hrono.ru/text/2006/ivan0106.html>.
6. Кара-Мурза С. Идеология и мать ее наука. М.: Алгоритм, 2002.
7. Кара-Мурза С. Потерянный разум. М.: Алгоритм, 2005.
8. Медведев М. Ю. Альтернативная экономика. Критический взгляд на современную науку и практику. М.: КноРус, 2010.

Список рекомендуемой литературы по теме «Православное понимание экономики»

I. Тематические сборники текстов Священного Писания, толкования Священного Писания, творения святых отцов и древнехристианских учителей, решения вселенских и поместных соборов

1. Климент Александрийский. Кто из богатых спасется? М.: Сибирская благовонница, 2011.
2. Книга Правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. Сергиев Посад: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992.
3. Помоги, Господи, изжить мое сребролюбие. М.: Сибирская благовонница, 2011. [Даруй, Господи, мне зрети мои прегрешения].
4. Православное отношение к деньгам. М.: Дарь, 2006.
5. Святитель Николай (Велимирович) Сербский. О воровстве и неправедном богатстве. М.: Ковчег, 2003.
6. Слово Божье о богатстве материальном и духовном. Экономическая симфония на Ветхий и Новый Завет. Тематический указатель / Сост. Лукин С. В. Минск: Братство в честь Святого Архистратига Михаила, 2012.

II. Работы дореволюционных авторов

1. Бердяев Н. А. О хозяйстве / Бердяев Н. А. Философия неравенства / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012.
2. Булгаков С. Н. Философия хозяйства / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009.

3. Бутми Г. В. Золотая валюта. Сб. ст. и речей. СПб., 1904. (Современное переиздание с некоторыми сокращениями: Бутми Г. В. Золотая валюта. К пониманию макроэкономики государства и мира. СПб., 2000).

4. Бутми Г. В. Кабала или свобода / Под ред. О. Платонова. М.: Алгоритм, 2005.

5. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006.

6. Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение / Сост. и комм. Ю. В. Климакова. Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

7. Домострой. СПб.: Наука, 1994. [Литературные памятники].

8. Заветные мысли Дмитрия Менделеева / Предисл., сост. Т. А. Соколовой. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010.

9. Зейпель Игнац. Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви / Пер. с нем. Предисл. Булгакова С. Н. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

10. Зомбарт Вернер. Евреи и хозяйственная жизнь / Пер. с нем. М.: Айрис-Пресс, 2004. [«Человек и мир»].

11. Кокорев В. А. Миллиард в тумане // С.-Петербургские ведомости. 1859. №5.

12. Кокорев В. А. Экономические провалы. М.: Общество купцов и промышленников России, 2005. [Экономическая история России].

13. Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2011.

14. Лютостанский И. Криминальная история иудаизма. М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2005.

15. Менделеев Д. И. К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002.

16. Нечволодов А. Д. От разорения к достатку. М.: Концептуал, 2013.

17. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.

18. Русская философия собственности (XVII–XX вв. / Сост. Исупов К., Савкин И. СПб.: СП «Ганза», 1993.

19. Соловьев В. С. Оправдание добра / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – Глава 16. «Экономический вопрос с нравственной точки зрения».

20. Тихомиров Л. А. Вопросы экономической политики. М., 1900.

21. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. – Глава 3. «Экономическая политика».

22. Третий путь – есть ли он у России. К истории русской политэкономической мысли. М.: Современник, 2004. (Выдержки из работ И. Т. Посошкова, В. Н. Майкова, А. Н. Миклашевского, С. Н. Булгакова, Н. В. Калачова, С. Н. Федорова).

23. Шарапов С. Ф. После победы славянофилов / Под ред. и с предисл. О. А. Платонова. М.: Алгоритм, 2005.

24. Шарапов С. Ф. Россия будущего / Сост., предисл., примеч., именной указатель А. Д. Каплина. Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011.

25. Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности / Сост., предисл., комм. И. А. Настенко. Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010.

26. Экземплярский В. И. За что меня осудили? Киев, 1912.

27. Экземплярский В. И. Учение древней Церкви о собственности и милостыне. Киев, 1910.

III. Работы современных авторов

1. Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек / Сост., введение В. В. Аверьянов. Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

2. Антонов М. Ф. Капитализму в России не бывать! М.: Яуза, Эксмо, 2005.

3. Антонов М. Ф. Ложные маяки и вечные истины: Пути выхода страны из кризиса и русская общественная мысль. М.: Современник, 1991.

4. Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

5. Володихин Д. М., Федорец А. И. Традиции православной благотворительности. М.: Вече, 2010.

6. Катасонов В. Ю. За кулисами международных финансов. М.: Кислород, 2014.

7. Катасонов В. Ю. Иерусалимский храм как финансовый центр. М.: Кислород, 2014.

8. Катасонов В. Ю. Империализм, как высшая стадия капитализма. Метаморфозы столетия (1916–2016 годы). М.: Кислород, 2016.

9. Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / Научный редактор О. А. Платонов. Изд. 4-е, доп. М.: Институт русской цивилизации, 2015.

10. Катасонов В. Ю. Метафизика истории / Предисл. С. Г. Лаковский. Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2017.

11. Катасонов В. Ю. Мировая кабала. Ограбление по... М.: Алгоритм, 2013.

12. Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. «Денежная цивилизация» и современный кризис. М.: Кислород, 2014.

13. Катасонов В. Ю. От рабства к рабству. От Древнего Рима к современному капитализму. М.: Кислород, 2014.

14. Катасонов В. Ю. Пора возвратиться домой! Становление капитализма в России как история «экономических провалов». По воспоминаниям русского промышленника и купца Василия Александровича Кокорева / Отв. ред. Н. Н. Бойко. М.: Родная страна, 2017.

15. Катасонов В. Ю. Православное понимание общества. Социология Константина Леонтьева. Историософия Льва Тихомирова / Отв. редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015.

16. Катасонов В. Ю. Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма. М.: Кислород, 2014.

17. Катасонов В. Ю. Россия и Запад в XX веке: История экономического противостояния и сосуществования / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015.

18. Катасонов В. Ю. Русская социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков. К. Леонтьев, Л. Тихомиров, В. Соловьев, С. Булгаков, С. Шарапов / Отв. ред. Н. Н. Бойко М.: Родная страна, 2015.

19. Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия. «Бумажный рубль» Сергея Шарапова. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

20. Катасонов В. Ю., Тростников В. Н., Шиманов Г. М. История как Промысл Божий / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

21. Крыленко А. К. Денежная держава. Тайные механизмы истории / Пер. с англ. Е. С. Бехтеревой. Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009.

22. Молотков А. Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке. СПб.: Русский остров, 2008.
23. Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
24. Платонов О. А. Воспоминания о народном хозяйстве. М.: Советская Россия, 1990.
25. Платонов О. А. Уроки русской экономической мысли. М.: Родная страна, 2014.
26. Платонов О. А. Экономика русской цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
27. Прот. Владимир Воробьев, диакон Андрей Кураев, диакон Давид Джеймс и др. Христианин и деньги. Нужны ли православному деньги и можно ли их честно заработать. М.: Образ, 2007.
28. Прот. Вячеслав Тулупов. Игольные уши, или Как стать нестяжательным. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2002.
29. Рахимов Т. В. Экономика и провидение, или Воспитание душ человек. М.: Издательство Московского университета, 2016.
30. Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русское хозяйство/ Гл. редактор, составитель О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2006.
31. Священник Александр Захаров. О богатстве и бедности. М.: Глаголь, 2000.
32. Сомин Н. В. Евангельская имущественная этика. Русская социальная мысль. Цикл публичных лекций. М.: Кислород, 2016.
33. Сомин Н. В. Обижать заставляет любостыжание. Учение св. Иоанна Златоуста о богатстве, бедности, собственности и милостыне. М.: Современная музыка, 2014.

34. Сомин Н. В. Православный социализм как русская идея. М., 2015.

35. Шарапов С., Улыбышева М.. Бедность и богатство. Православная этика предпринимательства. М.: Ковчег, 2011.

36. Юдина Т. Н. Новый Домострой. Конституирующая универсальная перспективная экономическая система России. М.: ТЕИС, 2014.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
-----------------------	---

РАЗДЕЛ I. ЭКОНОМИКА В СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ

Книга Бытия: об экономике и Каине	8
Была ли экономика в раю?	9
Первый кризис в истории человечества: изгнание людей из рая	11
Второй кризис: убийство Авеля Каином	13
О «печати Каина»	15
Становление городской «цивилизации»	17
Дополнительные сведения и размышления о городской «цивилизации» до Потопа	20
О «цивилизации» и «цивилизованном мире»	22
Капитализм – новое название каинитской «цивилизации»	24
О «кризисе окружающей среды»	25
Каинитская «цивилизация» и христианство	28
Об изгнании Христом торговцев и менял из храма	31
Нашим «богатым юношам»: кое-что о бедности	38
О добровольной бедности	40
О добровольной бедности в современной России	43
О «богатых юношах» в России и принудительной бедности	46
О динарии кесаря	48

**РАЗДЕЛ II. РУССКИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ
МЫСЛИТЕЛИ ОБ ЭКОНОМИКЕ
И «ТУМАНЕ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Василий Кокорев о «тумане» европейской финансовой науки.....	58
Василий Кокорев об образовании как «экономическом провале».....	95
Василий Кокорев о созидающей силе русского человека	108
Сергей Шарапов: взгляд на экономику и экономическую науку	131
Главный славянофил среди экономистов, главный экономист среди славянофилов	131
С. Ф. Шарапов: особый взгляд на реформы в России во второй половине XIX века	133
Какие экономические идеи легли в основу реформ?.....	134
«Теория» конкуренции как экономическая версия социал-дарвинизма	136
О теории и практике государственного невмешательства.....	140
О государственной бюрократии и пренебрежении отечественным опытом.....	146
О ядовитых плодах западной финансовой науки ...	151
Не наука, а гимн золоту	155
Единомышленники и последователи С. Шарапова о «тайне золота»	161
Российские финансовые реформы: беспечность, продажность и невежество	169
Незатейливое финансовое правило, или удушение России на «научной» основе	176
Уроки финансовых реформ: предупреждение С. Шарапова нынешней России	181

О западных «семенах» экономического «просвещения» в России	184
Наука вместо Бога	188
Святитель Феофан Затворник о «западной тьме» ...	192
С. Ф. Шарапов: экономика как парадокс русской мысли и культуры.....	197
Константин Леонтьев об экономике.....	200
Ответы Леонтьева на вызовы «экономического материализма»	200
Гипнотический эффект западной экономической науки	201
Западная экономическая мысль – разновидность либерализма	204
Технический и экономический прогресс – детище либерализма	205
«Прогресс» и разрушение внутренней природы человека	206
Прогресс и разрушение природы, окружающей человека	208
Социальная энтропия и подвижность капитала ...	209
Сословность общества как преграда для всевластия капитала.....	210
О рабстве вообще и рабстве капиталистическом ...	211
О русской крестьянской общине и «закрепощении» дворянства	212
Предчувствие «пугачевщины» и «феодального социализма»	214
«Монархический социализм»: социальная утопия или социальный идеал?	215
Владимир Соловьев о нравственности и экономике	217
Введение	217
Коротко об «Оправдании добра» Владимира Соловьева.....	223

О нравственных и экономических корнях национального и уголовного вопросов	227
О необходимости выработки позиции Восточной Церкви по социальным вопросам	229
Отделение экономики от нравственности на «научной» основе	231
Экономическая «наука» – источник нигилизма и анархизма	232
Ното есопотісис – идеал и продукт экономической «науки»	234
О так называемых экономических законах	236
Какие законы действуют в хозяйственной сфере?	239
Приговор Владимира Соловьева экономической науке	242
О сфере действия законов нравственности	244
Две стороны медали под названием «экономический материализм»	246
Адам Смит как идеолог «экономического материализма»	246
О фантомах «социалистической нравственности»	249
Плутократия (капитализм) и социализм: единство и борьба противоположностей	253
Плутократия, социализм и каинитская цивилизация	257
Порочный круг плутократии и социализма	258
Три основных принципа нравственности – ключ к совершенствованию социальной жизни	261
Фредерик Бастиа как идеолог экономического индивидуализма и либерализма	262
Парадокс экономического целеполагания	268
О смысле и условиях труда	269
Об условиях нравственной экономики	274
О происхождении капитала, праве собственности и праве наследования	278

Проявление экономической нравственности:	
отношение к земле	281
Об одушевлении природы, «религиозном материализме» и «еврейском вопросе»	284
О главных проявлениях зла в экономике	288
О трех «зловредных стволах» капиталистического «дерева» в XXI веке	291
О необходимости симфонии властей для организации экономической жизни	298
«Смысл войны» (глава 18). Конспект с комментариями	300
«Нравственная организация человечества в целом» (глава 19). Конспект с комментариями.....	304
Некоторые обобщения	309
Сергей Булгаков: попытка осмысления мира и истории через «Философию хозяйства»	312
1. Сергей Булгаков: «Философия хозяйства»	312
2. «Философия хозяйства» как философский взгляд на мир через призму хозяйства	314
3. Критика «экономизма» и его марксистской разновидности	318
4. Труд, творчество, культура	321
5. Наука. Критика механического детерминизма	324
6. Критика политической экономии	326
7. История и социология	329
8. Капитализм, социализм, социальный идеал человечества	332
9. Блуждания по лабиринтам философии. Софианство	337
10. «Религиозный материализм» Булгакова	344
11. Булгаков: этапы движения к истине	349
12. От «Философии хозяйства» – к «богословию хозяйства»	355
13. Еще раз об «экономике» и «хозяйстве»	357

**РАЗДЕЛ III. РАЗМЫШЛЕНИЯ
ОБ ЭКОНОМИКЕ В XXI ВЕКЕ**

Где выход из нынешних экономических тупиков?	362
Нужно ли России «предпринимательство»?	
Историко-филологический экскурс (часть 1)	370
Слово «предпринимательство» в русском языке	371
Европейские идейные корни и смыслы.....	375
Нужно ли России «предпринимательство»?	
Историко-филологический экскурс (часть 2)	382
«Русский капитализм», или Неудавшаяся попытка «русского предпринимательства».....	382
Русский человек предназначен для домострои- тельства, а не предпринимательства.....	385
Религия «экономического роста» как мировое и российское явление	394
О православных банковских утопиях	402
«Не можете служить Богу и мамоне».....	402
Зарождение православно-банковских утопий	403
Православный банкинг образца 2014 года.....	404
«Православный банкинг» как размывание «русской самоидентификации»	406
«Православный банкинг» = «православное ростовщичество»	408
Реальная жизнь так называемых православных банков и банкиров	411
Обратимся к нашему национальному опыту	413
России нужно не реформирование банкинга, а его ликвидация.....	414
Кудрин, кризис и Суд Божий.....	416
Под гипнозом каббалистических символов.....	421
Кризис современного экономического образования как шанс на спасение человечества	424

«Это была не денежная, а идеологическая реформа»	428
Христианство и экономика: разные миры?	432
О конкуренции. Продолжение разговора.....	436

РАЗДЕЛ IV. КОММЕНТАРИИ ДОКУМЕНТОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ПРАВОСЛАВНОМУ ТОЛКОВАНИЮ ЭКОНОМИКИ

«Моральный кодекс строителя капитализма»	453
Об экономике, глобализации и православии.....	462
О документе	462
Предварительные замечания.....	463
Пятнадцать замечаний по тексту документа	466
Комментарий по заключительной части документа.	475
Предложения в адрес инициаторов документа.....	477

РАЗДЕЛ V. ДВА ВЗГЛЯДА НА ЭКОНОМИКУ

Обманы западной экономической «науки»	479
Экономика и хрематистика	479
Капитализм по Марксу	481
«Профессиональные экономисты» – создатели нового языка.....	484
Айвор Бенсон об «экономической науке» и «профессиональных экономистах»	488
«Экономическая наука» и «профессиональные экономисты» на службе ростовщиков	491
Дух «экономизма» и религия «денежной цивилизации».....	499
Об «экономизме» современного мира.....	499
Русская мысль о феномене «экономизма»	501
Лукавая подмена наших дней: хрематистика выдается за экономику.....	505

Вместо экономики – виртуальный мир. «Капиталистический идеализм»	508
О марксистском понимании места экономики в обществе (обобщественно-экономической формации).....	510
Экономика как элемент цивилизации	511
Две метацивилизации – два культурно- хозяйственных типа	514
Человек и экономика. Христианская антропология – ключ к пониманию экономики.....	515
Нормы, определяющие экономические отношения	517
Экономика и политика.....	520
Три основных вида власти.....	522
О денежной власти	523
«Религия денег» как инструмент денежной власти	527
Современная денежная власть как результат перманентной денежной революции	528
О двух важных особенностях «религии денег».....	530
Ключевые положения (представления) «религии денег».....	534
Некоторые итоги.....	538
Христианское понимание причин денежного рабства	540
Экономическая жизнь современного христианина: между «малым» и «большим» социумами.....	551
О преодолении раздвоенности.....	560
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ НЕМЫСЛИМО БЕЗ ДУХОВНОГО	568

ПРИЛОЖЕНИЕ	575
Концепция деятельности Русского экономического общества им. С. Шарапова.....	575
Предпосылки и причины создания Общества	575
Главная цель деятельности Общества.....	577
Задачи деятельности Общества	578
Формы и способы деятельности Общества	580
Организационные вопросы	581
ЛИТЕРАТУРА	582
Список рекомендуемой литературы по теме «Православное понимание экономики».....	583
I. Тематические сборники текстов Священного Писания, толкования Священного Писания, творения святых отцов и древнехристианских учителей, решения вселенских и поместных соборов.....	583
II. Работы дореволюционных авторов	583
III. Работы современных авторов	586

Редактор Д. В. Орлов
Корректор Г. А. Островская
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Русский исследовательский центр. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 09.08.2017 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 24,2 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ISBN 978-5-426-10172-2

9 785426 101722

**РУССКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация (*вышел*)
- Русское Православие в трех томах (*вышли*)
- Русское государство (*вышел*)
- Русский патриотизм (*вышел*)
- Русское мировоззрение (*вышел*)
- Русский образ жизни (*вышел*)
- Русская география
- Русское хозяйство (*вышел*)
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература (*вышел*)
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах (*вышли*)
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ РУССКИМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ ЦЕНТРОМ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.

Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Нелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Трицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолубие, 752 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоценский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.
Уваров С. С. Государственные основы, 608 с.
Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским, 768 с.

- Панарин А. С. Православная цивилизация, 1248 с.
Говоруха-Отрок Ю. Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея, 768 с.
Ушинский К. Д. Русская школа, 688 с.
Распутин В. Г. У нас остается Россия, 1200 с.
Митрополит Платон (Левшин) и его учено-монашеская школа. К чести духовного чина, 896 с.
Вельтман А. Ф. Древности и сокровища российские, 1152 с.
Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века, 1200 с.
Русская доктрина, 1056 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.

- Ганичев В. Н. О русском, 832 с.
Миронов Б. С. Русский национализм, 560 с.
Шевцов И. М. Тля. Антисоциалистский роман. Соколы. Воспоминания о деятелях русской культуры., 816 с.
Тимофей Буткевич, протоиерей. Верую разумеваем, 704 с.
Любомудров М. Н. Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство, 816 с.
Душенов К. Ю. Православие или смерть, 960 с.
Крушеван П. А. Знамя России, 720 с.
Ивашов Л. Г. Геополитика Русской цивилизации, 800 с.
Аверьянов В. В. Наш дух не сломлен, 688 с.
Бегунов Ю. К. Тайные силы в истории России, 944 с.
Ямщиков С. В. Горький дым Отечества, 976 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

- Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.
Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, 688 с.
Фаминцын А. С. Божества древних славян, 736 с.
Терещенко А. В. Быт русского народа в 2-х томах, т. 1 – 944 с.; т. 2 – 864 с.
Азадовский М. К. История русской фольклористики, 1056 с.
Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, 528 с.
Шергин Б. В. Отцово знание. Поморские были и сказания, 704 с.
Сумцов Н. Ф. Народный быт и обряды, 688 с.
Буслаев Ф. И. Русский быт и духовная культура, 1008 с.
Русские люди XVIII века, 784 с.
Токарев С. А. История русской этнографии, 656 с.
Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, 672 с.
Орлов А. С., Пропп В. Я. Героическая тема в русском фольклоре, 864 с.
Бурцев А. Е. Народный быт великого севера, 624 с.
Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов, 160 с.
Нидерле Л. Славянские древности, 784 с.
Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке, 752 с.

Мэкензи Уоллэс. Традиции и быт России глазами иностранца. Этнографические очерки, 800 с.

Прыжов И. Г. Очерки русского быта, 640 с.

Август Гакстаузен. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, 672 с.

Русский Народ. Полное собрание этнографических трудов Александра Бурцева в 2-х томах, т. 1 – 592 с.; т. 2 – 592 с.

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 3-х томах, т. 1. – 1120 с.; т. 2. – 1120 с.; т. 3. – 1280 с.

Воспоминания о Михаиле Каткове, 624 с.

Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском, 464 с.

Иван Аксаков в воспоминаниях современников, 544 с.

Ягодинский В. Н. Александр Чижевский, 496 с.

Алексей Хомяков в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 608 с.

Николай Краинский. Психофильм русской революции, 624 с.

Михаил Чижов. Константин Леонтьев, 640 с.

Личутин В. В. По морю жизни – на русском челне, 976 с.

Краинский Д. В. Записки тюремного инспектора, 896 с.

Станислав Куняев. Воспоминания, 688 с.

Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах, 624 с.

Крупин В. Н. Море житейское, 752 с.

Славянофилы в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 656 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.

Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.

Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.

Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.

Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.

Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.

Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.

Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.

Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.

Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.

Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.

Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.

Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.

Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.

- Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
- Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
- Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
- Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
- Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
- Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
- Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
- Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
- Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
- Очерки истории русской иконы, 592 с.
- Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
- Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
- Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
- Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
- Русский государственный календарь, 728 с.
- Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
- Русская артель, 672 с.
- Русская община, 1376 с.
- Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
- Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
- Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
- Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
- Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
- Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.
- Катасонов В. Ю. Экономика Сталина, 416 с.
- Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек, 688 с.
- В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов. История как Промысл Божий, 640 с.
- Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове, 1120 с.
- Катасонов В. Ю. Православное понимание общества, 432 с.
- Катасонов В. Ю. Россия и Запад в XX веке: История экономического противостояния и сосуществования, 736 с.
- Куняев С. Ю. Русское слово и мировое зло, 880 с.
- Кикешев Н. И. Истоки славянской цивилизации: Мифы. Гипотезы. Открытия, 912 с.
- В. Аладьин, В. Ковалев, С. Малков, Г. Малинецкий. Помни войну. Аналитический доклад российскому интеллектуальному клубу, 480 с.

- Маюров А. Н. Борьба с пьянством в России с древних времен до наших дней, 880 с.
- Большаков В. В. Сионизм и коммунизм. Корни родства и причины вражды, 1248 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЕ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

- Юрген Граф. На пути к Апокалипсису. Что ждет коренные народы Европы? 624 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
- Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
- Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
- Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
- Платонов О. История царевубийства, 768 с.
- Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
- Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
- Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
- Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
- Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
- Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
- Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
- Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

- Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
- Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
- Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
- Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
- Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.
- Платонов О. А. История русского народа в XX веке, 1264 с.

Книги, подготовленные Русским исследовательским центром, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в издательстве «Родная страна» (тел. 8(495)-788-55-74, mofrs@yandex.ru, www.mofrs.ru) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)